

Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН
Северная секция Научного совета РАН
по исторической демографии и исторической географии

**И.Л. Жеребцов, Н.П. Безносова, Д.В. Вишнякова,
Н.М. Игнатова, Е.Н. Рожкин, В.В. Фаузер, Ю.П. Шабаяев**

**ОТ ПЕРВОБЫТНЫХ СТОЯНОК – К ГОРОДАМ.
ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ЗАСЕЛЕНИЯ
РЕСПУБЛИКИ КОМИ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН
ДО КОНЦА XX ВЕКА**

Сыктывкар 2014

УДК 94 : 325.11(470.13) ".../19"
ББК 63.3 (2 Рос. Ком) 4/6
Ж 59

Жеребцов И.Л., Безносова Н.П., Вишнякова Д.В., Игнатова Н.М., Рожкин Е.Н.,
Фаузер В.В., Шабаев Ю.П.

**ОТ ПЕРВОБЫТНЫХ СТОЯНОК – К ГОРОДАМ. ОЧЕРКИ ИСТОРИИ
ЗАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ КОМИ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН
ДО КОНЦА XX ВЕКА.** Сыктывкар, 2014. 296 с.

ISBN 978-5-906394-14-9

В книге в научно-популярной форме рассказывается об истории заселения территории современной Республики Коми со времени появления первых людей до рубежа XX и XXI вв. В издании приводятся сведения о том, сколько было жителей на территории современной Республики Коми в разное время, что заставляло их переселяться с места на место, где и когда возникали населенные пункты, каков был национальный состав населения, а также другие данные об этнодемографических процессах, происходивших в регионе на протяжении многих веков. Читатель узнает о том, насколько важны переписи населения, как они проводились в разные исторические эпохи.

УДК 94 : 325.11(470.13) ".../19"
ББК 63.3 (2 Рос. Ком) 4/6

Руководитель авторского коллектива, составитель
доктор исторических наук И.Л. Жеребцов

Научный редактор
доктор исторических наук В.А. Исупов

Рецензенты
доктор исторических наук А.Е. Загребин
доктор исторических наук В.А. Семенов
доктор географических наук В.И. Силин

Издание подготовлено при поддержке Программы фундаментальных исследований Уральского отделения РАН, проект №12-С-6-1001 «Население Крайнего Севера России: историческое развитие и современность. XX век»

ISBN 978-5-906394-14-9

© Авторский коллектив, 2014
© ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2014

О чем и почему написана эта книга

«Сколько нас? Откуда мы появились? Давно ли живем на этих землях?» – такие вопросы часто задают представители, наверное, каждого народа. В последние годы этот интерес заметно усилился, поскольку огромное внимание вызывают национальные и демографические процессы в различных российских регионах. А при возрастании роли и места какого-либо современного явления, как хорошо известно, возрастают роль и место истории этого явления.

Особенно интересно проследить заселение и освоение такого региона, как Коми край, где на протяжении длительного времени в ходе миграционных процессов происходили интенсивные контакты между различными народами, в результате которых осуществлялся взаимообмен достижениями в области хозяйства, культуры и быта, вырабатывался совместный опыт адаптации к сложным естественно-географическим условиям крайнего северо-востока Европы.

В последние годы в демографическом развитии Севера России и Республики Коми, в частности, наметились тревожные тенденции. Результаты исследований демографов указывают на необходимость разработки новых концептуальных подходов к демографическому развитию Севера, учитывавших бы, помимо всего прочего, и многовековой опыт проживания человека в этом регионе. Анализ динамики роста народонаселения на протяжении длительного времени, процесса формирования исторически сложившейся структуры поселений, связей историко-демографического развития Коми края с природно-климатическими и социально-экономическими факторами имеет сегодня важное значение не только для исторической науки, но и для поиска путей решения дальнейшей судьбы всего огромного Севера России.

Чрезвычайно важным событием в истории страны ставшая первая в новой России всеобщая перепись населения, которая прошла в октябре 2002 г. Немало людей помнит и предыдущую всеобщую перепись 1989 г. – последнюю в Советском Союзе, знает, что подобные переписи проходили в XX в. и раньше. А вот о том, что учет населения в разнообразной форме проводился даже несколько веков назад, многие даже не слышали.

Между тем такие переписи проводятся на нашей территории уже более полутысячелетия, со времени окончательного закрепления Коми края в сос-

таве Русского государства. И это не случайно – ведь описание численности и состава населения является важнейшей характеристикой любой державы, так как именно люди во все времена и эпохи составляли главное богатство общества. Они создают материальные блага, приводят в движение средства производства, являются творцами всех духовных и материальных ценностей.

Тысячелетие назад, когда сформировался коми народ, конечно же, не существовало никаких форм учета населения, да в то время это было и не нужно. Люди, жившие своими немногочисленными родовыми общинами, и так знали друг друга наперечет. Поэтому родовым старейшинам не было нужды фиксировать количество своих сородичей, хотя в принципе это можно было бы сделать даже при отсутствии письменности. Например, древнегреческий историк Геродот в V в. до н.э. рассказывал, что скифский царь Ариант, пожелав узнать количество подвластных ему людей, повелел, чтобы каждый скиф принес ему по наконечнику стрелы, а персидский царь Дарий перед вторжением в скифские степи приказал, чтоб каждый из его воинов положил в отведенном месте по камню.

Когда на землях коми появились первые новгородские сборщики дани, то им, видимо, уже нужны были какие-то сведения о местном населении. Но никаких сведений о том, пытались ли как-нибудь новгородцы пересчитать обитателей далекого Европейского Северо-Востока, в летописях не сохранилось, да это и понятно: средневековые летописцы уделяли свое внимание, в основном, княжеским усобицам да военным походам, а на долю сведений о народонаселении в самом лучшем случае могли прийти разве что мимоходом записанные несколько слов. И только когда Коми край окончательно вошел в состав Русского государства, тогда великий князь распорядился установить, сколько у него там подданных. И появились на берегах Вычегды, Сысолы, Выми и других рек первые великокняжеские писцы. Со временем, в XVII в., их сменили царские переписчики, потом, в XVIII столетии, императорские ревизоры... И только на исходе XIX в. в России состоялась первая Всеобщая перепись. В XX в. всеобщие переписи стали уже привычными, что, конечно же, отнюдь не умаляет их огромного значения для жизни страны, всех ее регионов, в том числе и Республики Коми.

Еще в конце XIX столетия Лев Толстой писал, что для общества интерес и значение переписи в том, что она дает ему зеркало, в которое, хочешь или не хочешь, посмотрится все наше общество и каждый из нас. Неудивительно, что изучение народонаселения вообще и Коми края в частности имеет давнюю историю. Первые научные работы, авторы которых (а среди них были и такие знаменитые столичные ученые Г.Ф. Миллер, И.И. Лепехин, и местные жители – торговец и промышленник В.Н. Латкин и др.) интересовались и некоторыми вопросами истории заселения Европейского Северо-Востока, появились еще в XVIII – первой половине XIX в. Разумеется, на страницах

тех трудов наряду с достоверной информацией можно порой встретить и некоторые ошибочные сообщения, основанные, например, на местных легендах и преданиях, далеко не все из которых основаны на реальных событиях (или же подлинные факты прошлого причудливо перемешаны в них с людской фантазией). Однако важно уже само обращение авторов к истории заселения Коми края.

В течение XIX в. в России сложилась демографическая наука. Историки П.Н. Милюков, Ю.В. Готье и другие разрабатывали методику анализа документальных источников. Ученые того времени не ставили перед собой задачи специального изучения демографического развития какого-либо народа (в том числе и коми), истории заселения занимаемой ими территории. Тем ценнее для нас, что в работах А.М. Шегрена, П.И. Кеппена, К.И. Арсеньева, А.Ф. Риттиха, М.М. Богословского содержались, в частности, некоторые сведения о численности, размещении и составе населения Европейского Северо-Востока.

В 1920-е гг. внимание к демографическим процессам на Европейском Северо-Востоке, к истории заселения региона, численности различных живших там народов значительно усилилось в связи с различными планами образования в регионе национальных административно-территориальных единиц. Некоторые из этих проектов вызвали большие споры, и сторонники различных точек зрения в поисках доказательств своей правоты обращались к прошлому. Созданию в 1921 г. Коми автономной области предшествовал сбор данных о численности и национальном составе населения. Проведение переписи 1926 г. еще более стимулировало интерес к исследованию истории развития народонаселения. Этим занимались главным образом местные краеведы (А.М. Мартюшев, А.С. Забоев и др.). Конечно, многие из них не слишком хорошо представляли себе научную методику такой работы, вследствие чего допускали немало ошибок, однако им удалось собрать немало интересных сведений об освоении разных районов края. Были, конечно, и исключения. Коми-пермяцкий публицист И.Н. Мошегов, уехавший в Финляндию, прислал в местный журнал серию статей и заметок, в которых, в частности, предполагал (без каких-либо на то оснований) Коми край до присоединения к Русскому государству был гораздо многолюднее, а в период «московского владычества» численность коми резко сократилась в результате войн и репрессий. Взгляды И.Н. Мошегова подверглись справедливой критике со стороны других краеведов.

К сожалению, развитию краеведческих исследований помешали политические причины. Общество краеведов вынуждено было прекратить свое существование в 1931 г., его деятели были репрессированы, а публикации объявлены «идеологически вредными». В первых обобщающих трудах по истории Коми (1932, 1933) достижения в области изучения истории заселе-

ния региона не были отражены. Разработка этих вопросов прекратилась на длительное время.

В послевоенный период видные отечественные историки А.Г. Рашин, А.А. Преображенский, Н.В. Устюгов, Ю.А. Поляков, Я.Е. Водарский, В.М. Кабузан, Н.А. Горская, В.Б. Жиромская и другие издали целую серию фундаментальных трудов, посвященных истории народонаселения нашей страны и ставших прочной базой для развертывания истории заселения и освоения регионов России.

В 1950–1960-х гг. к изучению истории, археологии и этнографии Европейского Северо-Востока приступили подготовленные специалисты-ученые Л.Н. Жеребцов, Л.П. Лашук, В.И. Канивец, Э.А. Савельева и др. В их публикациях приведены разнообразные сведения о начальных этапах заселения ряда районов, о численности населения дореволюционного Коми края, о переселениях местных жителей в другие регионы. Появились работы демографов В.П. Подоплелова, Г.В. Загайновой и других, в которых характеризовалось современное им народонаселение Коми АССР.

Особенно активно ученые стали изучать историю заселения Европейского Северо-Востока и отдельных его районов, направления переселений, изменения численности жителей в разные исторические эпохи начиная с 1980-х гг. Из-под пера Н.П. Воскобойниковой, Т.И. Беленкиной, И.Б. Иловайского, О.Е. Бондаренко, В.В. Фаузера, М.А. Мацука, И.Л. Жеребцова, К.С. Королева, П.Ю. Павлова, Н.П. Безносовой, Н.М. Игнатовой, Ю.П. Шабаева, А.М. Мурыгина, А.В. Волокитина, М.В. Кленова, Е.Н. Рожкина, Д.В. Вишняковой и других вышло множество работ, посвященных самым разным вопросам: начиная от появления в Северном Приуралье первых людей до демографических процессов в начале XXI в. Опираясь на эти издания, мы предпримем попытку в научно-популярной форме рассказать читателям о том, как происходило заселение территории современной Республики Коми, показать изменения, происходящие в численности, составе и размещении местного населения, поведать, как проводились переписи населения в разные исторические эпохи. Конечно, мы не сможем подробно описать все это на страницах одной книги. Но любознательный читатель сможет подробнее узнать об интересующих его сюжетах истории заселения нашего края из других работ, список которых приведен в конце книги.

Очерк 1. ЧЕЛОВЕК ЗАСЕЛЯЕТ СЕВЕР

Колумбы каменного века

Обширна территория Республики Коми – 416,8 тысяч квадратных километров, больше, чем площадь Великобритании, Португалии, Дании и Бельгии, вместе взятых. А когда-то давным-давно, на заре времени, земли, на которой раскинулась сейчас республика, не существовало. Здесь господствовал океан. Но минули миллионы лет, и на смену воде пришла суша с вздыбившимися на ней горами, большими и малыми реками, бескрайними лесами. В те времена, как ни странно представить себе это современному жителю нашей снежной республики, в этих местах обитали тогда слоны, бегемоты и другие столь же экзотичные животные. И вновь прошли тысячи тысячелетий, приходили и таяли ледники, сгинули одни виды животных и появились другие, неузнаваемо изменился растительный мир...

Долго жизнь текла в этих краях без влияния человеческого разума. Человек появился на Земле около двух с половиной миллионов лет назад и стал постепенно осваивать ее пространства. Долог и труден был его путь на Север. Что заставляло людей преодолевать немыслимые преграды – бескрайние степи, дремучие леса, бурные реки, высокие горы? Только ли поиски пропитания? А может быть, просто любопытство, жажда познания, тяга к открытию неведомого? Ведь то было детство человечества, делавшего свои первые шаги по планете – а кто на свете любопытнее детей?

Как бы то ни было, наконец, после того, как ледяной панцирь, многометровым слоем сковывавший землю, отступил, на Европейском Северо-Востоке появились первые люди. Если бы человек владел письменностью десятки и сотни тысяч лет назад, то, быть может, сегодня из какой-нибудь надписи на камне или на бивне мамонта мы смогли бы узнать, когда и откуда на берега Печоры и Вычегды пришли первые люди, сколько их было, где они жили и чем занимались. Но увы... Только раскопки археологов, в ходе которых под слоем земли удастся обнаружить следы древних стоянок и остатки орудий первобытного человека, позволяют делать предположения о том, что происходило на территории нынешней Республики Коми в древнекаменный век (палеолит), в эпоху, когда человек выделился из животного мира и одно за другим начал делать величайшие открытия – говорить, изготавливать орудия труда и оружие, добывать огонь, строить жилища...

Возможно, это произошло еще в эпоху нижнего (самого древнего) палеолита, примерно 120 тысяч лет назад. Такое предположение выдвинул археолог П.Ю. Павлов на основании находки, сделанной у поселка Харута в бассейне нижней Печоры, на правом берегу р. Адызвы – камня, на котором, возможно, сохранились следы обработки, произведенной рукой человека. (Первоначально выдвигалось даже предположение, что этой находке около 300 тысяч лет). Но, как полагает и сам ученый, эта гипотеза нуждается в бо-

лее тщательной проверке. Если этот предмет – действительно (хочется в это верить) «наследство» древних обитателей Харуты, то он может представлять собой не что иное, как каменные рубило (чоппер), изготовленное первобытным умельцем – довольно грубое орудие, один край которого оббивали, чтобы он стал заостренным, рубящим; за другой край чоппер держали рукой, никаких специальных рукояток к нему не приделывали.

В глубокой древности первые люди старались селиться в естественных укрытиях – пещерах, под каменными навесами («крышами» из скал). Когда животные, на которых они охотились, объедали всю растительность в округе и в поисках новых пастбищ уходили в другие места, племя вынуждено было сниматься с места и, собрав нехитрые пожитки, двигаться за ними, чтобы не остаться без пищи. А там, на новых землях надо было искать иные пещеры, поскольку строить дом или подобное ему жилище человек еще не научился. А где, как не в предгорьях, человеку было искать подходящие для обитания пещеры? Неудивительно, что и на север древние люди шли вдоль гор, которые много позже стали называться Каменным поясом, а затем – Уралом. Потому и на территории Коми края они появились в бассейне Печоры, несшей свои воды на север вдоль западных склонов Урала.

Если в те стародавние времена в бассейне Печоры действительно появились люди, то пока это были лишь одиночные группы, блуждавшие по бескрайним просторам в поисках пищи и укрытия от непогоды. К сожалению, мы не знаем, что представлял собой обитатель Северо-Востока Европы того безмерно далекого от нас периода. Кто он был – еще питекантроп, «человек выпрямленный», а, в сущности, обезьяночеловек, научившийся говорить, но по-прежнему покрытый шерстью, с низким лбом и сильно выдающимися вперед надбровными дугами, появившийся тут три сотни тысячелетий назад? Или уже неандерталец, забредший на берега Печоры 120 тысяч лет назад и, в общем, не столь уж сильно отличавшийся внешне от современного человека (правда, имевший довольно грубое телосложение, низкий лоб и скошенный подбородок) и, за неимением шерсти, вынужденный облачаться в одежду из шкур? Впрочем, вполне возможно, что ни питекантропы, ни неандертальцы столь далеко на север не забирались. Даже если они тут и жили, то природа решила изгнать отсюда человека, ввергнув Север в былое состояние. Относительно теплое время примерно 75 тысяч лет назад сменилось на планете новым ледниковым периодом. Льды постепенно надвигались, вновь покрывая уже отвыкшую от них землю. Гибли растения; спасаясь от холода и бескормицы, на юг улетали птицы, уходили звери. Не могли выдержать этого и люди. Им (если, повторим еще раз, они тут были) тоже пришлось оставить территорию нашей республики на много тысяч лет.

Но господство холода оказалось не вечным, и льду пришлось отступить. Пришло время человека – уже человека современного типа, с подбородочным выступом, более высоким лбом и менее грубыми руками, чем у неандертальца.

«Человек разумный» пришел в Северное Приуралье с юга – со стороны Поволжья и Прикамья; археолог В.И. Канивец выдвигал предположение, что это произошло в среднем палеолите. Более определенные выводы археологи смогли сделать относительно появления переселенцев в бассейне Печоры около 40 тысяч лет назад – тогда люди явились сюда из центра Русской равнины. 36 тысяч лет назад на реке Усе (приток Печоры, берущий свое начало в Уральских горах) существовала стоянка Мамонтова Курья – древнейшая стоянка человека на территории Коми республики, да и на всем Европейском Севере России. Второй по древности является стоянка Бызовая на реке Печоре; здесь люди жили 25–27 тысяч лет назад. 22 тысячи лет назад в верховьях реки Адзвы, о которой мы уже упоминали раньше (помните находку возле поселка Харута?), существовала стоянка Пымва-Шор I. Это самый северный палеолитический памятник в Европе. Ее обитателям не повезло: в ту эпоху климат вновь стал ухудшаться, началось новое оледенение, и обитавшие там люди, как и другие племена, жившие на Европейском Северо-Востоке, ушли на юг из-за ухудшения климата.

Царство льда продолжалось около четырех тысячелетий, но в конце концов ледник опять был побежден – и на сей раз окончательно. 17–18 тысяч лет назад на Европейский Северо-Восток с берегов Камы переселились племена так называемой среднеуральской культуры, имеющей североазиатское происхождение. Археолог П.Ю. Павлов считает, что племена этой культуры обитали на Урале (от Приполярного до Южного) до XI тысячелетия до н.э. и стали отдаленными предками современных финно-угорских народов. Археологам удалось найти на верхней Печоре стоянки Медвежья пещера и Уньинская пещера, существовавшие 12–18 тысяч лет назад.

Постепенно «человек разумный» окончательно освоился в предгорьях Урала и все чаще стал задумываться, как и, главное, где жить дальше. Пещера была, конечно, далеко не идеальным жильем. Вход в нее мог быть то слишком велик (и тогда сложнее было защититься от нападения хищников и от холода), то, наоборот, чересчур мал, и протиснуться в него можно было с большим трудом. Да и по своим размерам каменное жилье порой оказывалось весьма тесным. К тому же и свод, и стены могли обвалиться прямо на своих обитателей, на присутствие которых природа не рассчитывала. Конечно, люди по мере своих сил и возможностей обустроивали пещеры, используя ветки и шкуры. Археологи считают, например, что обитатели Медвежьей пещеры на р. Печоре спасались от стужи, построив какое-то примитивное жилище или, по крайней мере, навес.

С подобными жилищными условиями древний человек, вероятно, мог бы смириться, если бы не растущая потребность в пище для постепенно увеличивавшегося населения. Чтобы прокормить всех соплеменников, приходилось уходить все дальше от пещеры, в окрестностях которой зверя из-за

чересчур интенсивной охоты оставалось все меньше. А чтобы охотиться вдали от гор, нужно было изобретать новые укрытия от непогоды. И когда человек каменного века сначала придумал сооружать временный шалаш, а затем научился с помощью новых орудий труда (техника изготовления каменных орудий совершенствовалась, они стали более разнообразными: среди находок, сделанных учеными на территории республики, есть скребки, проколки, ножи и т.д.; вошли в обиход изделия из кости и рога) строить более основательное жилье в любом подходящем для этого месте, стало возможным сделать решительный шаг в освоении территории, лежавшей к западу от Урала, подобно Колумбу открывая для себя новые уголья, богатые зверем, птицей и рыбой, грибами, ягодами и прочими лесными дарами. Археолог П.Ю. Павлов предполагает, что в эпоху верхнего палеолита (т.е. на завершающем этапе древнекаменного века) человек постепенно освоил весь Европейский Северо-Восток, кроме, быть может, крайних северных районов побережья Ледовитого океана. Впрочем, пока стоянки этого периода в других (кроме бассейна Печоры) частях региона не обнаружены. Человек не только охотился и собирал съедобные растения, изготавливал орудия труда, одежду из волчьих, песцовых и других шкур. Он находил время и для занятий творчеством: на стоянке Мамонтова Курья найден бивень мамонта, украшенный сделанными на нем насечками. Есть даже предположение, что это не просто украшение, а древний календарь охотников на мамонта.

От предгорий Урала – на запад

В среднекаменном веке (мезолите), который на Европейском Северо-Востоке наступил примерно в VIII тысячелетии до н. э., климат стал заметно теплее по сравнению с прошедшими временами; средняя температура воздуха была даже немного выше, чем сегодня. Именно тогда и начал формироваться привычный нам сегодня растительный и животный мир Коми края. Нет сомнения, что тогда люди определенно (если этого не произошло раньше) освоили весь Европейский Северо-Восток, двигаясь вдоль берегов Вычегды, Сысолы, Выми, Ижмы и других рек. Человек в то время уже не был привязан к жизни в пещерах и, соответственно, к предгорьям, и заселение региона шло с разных сторон – из Волго-Окского междуречья, из Прикамья, а также из Прионежья и Карелии. Именно к эпохе мезолита относятся первые археологические памятники близ устья Сысолы, на той территории, которая относится сегодня к городскому округу Сыктывкар и Сыктывдинскому району – близ нынешнего села Озел и по соседству, у озера Энты. Первоначально люди не жили подолгу на одном месте, и население часто менялось. Какое-то время спустя часть обитателей решила оставить эти места и двинуться вниз по Вычегде, в сторону Часово и Палевиц, где археологам также удалось найти следы пребывания древнего человека. Оттуда люди затем ушли еще дальше – на территории современных Усть-Вымского и Княжпогостского районов. Вполне

возможно, что другая группа древних обитателей Озёла направилась на юг – вверх по Сыsole. К сожалению, берега Сыsole и ее притоков гораздо хуже изучены археологами, поэтому пока не известно, где именно побывал человек в ту эпоху, в каких местах находились его поселения. Всего на территории нашей республики обнаружено около 80 стоянок среднекаменного века (на берегах озера Синдор, Вычегды и Печоры, Выми и Ижмы, Пижмы и Усы).

По мере того, как развивался человек, изменялись его поселения, усложнялись жилища. Примерно в VII тыс. до н. э. на территории нынешней Республики Коми близ некоторых озер появилось постоянное население. Поселения и стоянки располагались близ рек и других водоемов, которые являлись не только источниками воды и пищи, но и практически единственными путями сообщения (в дремучих лесах никаких дорог, естественно, не имелось). Поначалу, конечно, реки были лишь помехой, препятствием, ибо пересечь их было крайне сложно. Однако люди научились строить лодки и управлять ими с помощью вёсел. Наверное, первый человек, рискнувший оторваться от привычной твердой земли и отправившийся в плавание на утлой, примитивной лодке, не будучи уверен в том, что сможет вернуться назад, был очень смелым человеком. Но благодаря ему был сделан первый шаг в овладении водными пространствами края. Если летом по рекам плыли на лодках, то зимой передвигались на лыжах и санях. Эти изобретенные человеком средства передвижения значительно упростили путешествия – а путешествовать приходилось по-прежнему много, привычки (да и возможности) постоянно жить на одном и том же месте еще не было.

Поселения были, в основном, сезонными (летними и зимними); жилища того времени были двух типов: наземные и полуземлянки. Зимой жили в землянках, уходивших в почву на глубину до полутора метров. Для обогрева (отступление ледника совсем не означало, что север стал таким же теплым, как юг) и приготовления пищи в землянке имелся очаг, как правило, располагавшийся в центре и углубленный в землю, чтобы предохранить внутреннее убранство постройки от случайного воспламенения. В некоторых землянках выкладывали каменный пол. Летом использовались наземные шалаши или чумы; вполне вероятно, что они были легкими, переносными. Остатки такого шалаша (он был четырехугольным, площадью около шести квадратных метров) археологи обнаружили на поселении Эньты. Надо думать, примерно такими же пользовались и обитатели Озельской, Палевицкой, Ярегской (близ современного села Часово) и других стоянок.

Если раньше, в пещерах все жили вместе, то теперь на стоянке могло быть несколько жилищ. Археолог А.В. Волокитин считает, что на одной стоянке могло проживать от двух-восьми человек (если имелось только одно жилище) до 12–24 человек. Все их обитатели принадлежали к одному роду, а из родов складывались племена. Кто кому приходился сородичем или род-

ственником, как мы сейчас говорим, люди определяли по материнской линии, что и понятно – детьми занимались именно матери, а мужчины проводили большую часть времени вне стоянок, охотясь или рыбача.

Днем, покидая жилища и уходя на поиски пищи, люди должны были оставлять кого-то беречь скудные запасы. Вооруженные копьями, дротиками, дубинами и каменными топорами, облаченные в одежду из шкур стражи бдительно озирали окрестности, опасаясь появления хищников или еще более страшного врага – человека чужого рода. Тем временем женщины и дети собирали грибы и ягоды, выкапывали съедобные коренья. Мужчины отправлялись добывать зверя. Первое время охотились они, как и многими столетиями раньше, сообща – кто же мог в одиночку выступить против мамонта, шерстистого носорога, стада диких лошадей? Помимо охоты, люди среднекаменного века добывали пропитание, лова сплетенными из растительных волокон сетями щук, окуней и другую рыбу. Удачная охота позволяла досыта накормить все племя. Но бывало и наоборот: из схватки со зверем возвращались далеко не все и с пустыми руками, рыбалка тоже не задалась, а растительная пища доступна лишь по определенным сезонам (грибам-ягодам надо вырасти, созреть...). Голод был частым гостем в жилище древнего человека.

Постепенно совершенствовалась техника изготовления каменных орудий. Скребки, ножи, резцы, проколки, наконечники копий или дротиков стали более удобными и разнообразными. В ходу были изделия из кости и рога. С тех далких времен сохранились найденные археологами изделия из дерева, коры, бересты и травы: орудия охоты и рыболовства (лук и стрелы, метательные дубинки, копья, остатки сети, поплавков и т.п.), средства передвижения (лыжи, полозья саней, весло), орудия труда, бытовая утварь и т.д.

Одним из главнейших достижений человека среднекаменного века стало изобретение лука и стрел. В ходу появились не только ручные луки, но и огромные луки-самострелы, которые устанавливались на земле. Именно благодаря луку и стрелам охота из группового занятия стала делом небольших групп и даже одиночек. Уже не надо было целым племенем загонять животных в подготовленную для них человеком или самой природой ловушку (болото, обрыв, яму с кольями), да к тому же и крупные животные (мамонт или шерстистый носорог) постепенно вымерли. Зато пущенная умелой рукой стрела могла настичь более подвижное животное или птицу (глухаря, утку, рябчика, оленя, лося), которых куда легче можно было дотащить до поселения, чем, например, мамонта (к слову сказать, для перевозки добычи могли использовать ручные сани). Но луки стали и орудием войны. В стычках между племенами они имели не менее сокрушительное воздействие на противника, чем огнестрельное оружие, использовавшееся европейскими колонизаторами против индейцев, африканских и других племен.

Забываясь о хлебе насущном, человек размышлял о том, как ему лучше организовать охоту и рыбалку. Наблюдая за окружающей природой, люди

подмечали привычки и особенности поведения зверей, птиц и рыб и использовали это в своих целях. Но причины тех или иных явлений они объяснить не могли. Человек не только охотился и собирал съедобные растения, изготавливал орудия труда, одежду из волчьих, песцовых и других шкур. Он находил время и для занятий творчеством, украшал свои орудия труда и оружия разнообразными узорами, надеясь, возможно, что те «оценят» проявленную о них хозяином заботу: копье или стрела точнее попадут в цель, лыжи или сани будут быстрее и легче двигаться... Древние обитатели окрестностей озера Синдор изготовили удивительные лыжи, передний конец которых украшали вырезанные из дерева головы лося. Эта находка дала основание предположить, что у людей среднекаменного века существовал культ животных (в частности, лося). Вероятно, люди среднекаменного века, жившие в нашем крае, поклонялись лосю и другим животным, дававшим им пищу ценой собственной жизни. Вырезая их изображения, человек отдавал дань уважения животным, благодарил их за то, что те позволили себя убить, и выражал надежду, что и в будущем лось или олень проявит к ним такую же милость.

В V тысячелетии до н.э. на крайнем Северо-Востоке Европы наступила эпоха неолита, т.е. новокаменного века, продолжавшаяся до второй четверти III тысячелетия до н.э. Более 40 стоянок неолитического человека было разбросано вдоль берегов Вычегды, Печоры и других рек и озер. Появились поселенцы и на верхней Мезени, куда раньше не заходили (во всяком случае, следов их пребывания в тех местах в среднекаменном веке до сих пор не обнаружено). На каком языке общались между собой местные жители? Никто не сможет точно ответить на этот вопрос. Неолитическое население региона сформировалось, вероятно, на основе живших здесь еще в предшествовавшую эпоху племен, но при участии переселенцев с верхней Волги и, возможно, из других регионов. Тогда в обширном регионе от Печоры до нижней Волги обитали родственные племена, именуемые археологами верхневолжской этнокультурной общностью. Их этническая принадлежность точно не установлена. Есть предположения, что племена раннего неолита принадлежали к уральской этнолингвистической общности. Предки коми, венгров, финнов, эстонцев и еще нескольких народов говорили тогда поначалу на одном, общем для всех языке – уральском. Уральская общность позднее разделилась на самодийскую (объединявшую далеких предков ненцев и некоторых других народов) и финно-угорскую, а последняя затем распалась на прафинно-пермскую (дальние предки финнов, эстонцев, коми, мордвы и др.) и праугорскую (предшественники венгров, хантов и манси). Вот так чуть-чуть по-иному, а со временем и совсем уж по-своему заговорили сначала ненцы и некоторые другие племена, затем – венгры, ханты и манси, а в течение следующих эпох – и остальные. Жаль, что сейчас понять друг друга мы уже не можем – а то, глядишь, жили бы куда дружнее... Некоторые ученые считают, что жившие на северо-востоке неолитические племена относились к уже

выделившимся из уральской этнолингвистической общности финно-уграм. В период позднего неолита на территории Европейского Северо-Востока появлялись переселенцы из Прикамья и других районов, но смены населения (полной или частичной), по мнению исследователей, не происходило; на территории региона тогда жили племена древних финно-угров.

В неолитическую эпоху на Европейском Северо-Востоке поселения круглогодичного обитания с прочными жилищами, расположенные на берегах рек и озер, стали вытеснять былые временные сезонные стоянки. Жилища стали удобней; в тех, что поменьше, жила одна семья, насчитывавшая от четырех до восьми человек, а в более крупных (их площадь могла составлять 300 квадратных метров) – целые родовые общины, состоявшие из двух-трех, а то и шести семей и насчитывавшие порой до 40–50 человек. Каждая из обитавших в таком большом доме семей имела свой собственный очаг. В поселениях тех времен могли быть и отдельные от жилья хозяйственные постройки, мастерские, где обрабатывали камень. Климат был тогда по-прежнему потеплее, чем сегодня, и современный человек, оказавшийся на Сысоле и Вычегде в начале неолитической эпохи, был бы крайне удивлен при виде росших повсеместно дубов, вязов и кленов. Правда, в конце новокаменного века несколько похолодало, и место широколиственных лесов заняла привычная нам тайга.

Разнообразней стали изделия из камня и кости. Например, обитатели Озельской стоянки могли пользоваться кремневыми и сланцевыми наконечниками стрел, скребками, ножами, топорами, теслами, проколками, скребками, резчиками, сверлами и многим другим.

Но главная отличительная черта этой эпохи – появление изделий из глины (керамики). Общаясь с представителями иных племен, время от времени забредавшими на Европейский Северо-Восток из более южных регионов, перенимая их опыт, обитатели берегов Печоры, Вычегды и других научились вручную лепить, украшать узорами и обжигать на огне глиняные сосуды, предназначенные для приготовления и хранения пищи, а также фигурки людей, животных и птиц. Делом этим (так же, как прядением и ткачеством) занимались женщины (удел мужчины – охота и рыболовство). Самые древние на Европейском Северо-Востоке изделия из керамики найдены близ озера Эньты под Сыктывкаром. Для прочности в глину добавляли разные примеси, посуду украшали стенки орнаментом, иногда красили охрой. Посуда имела довольно толстые стенки, дно сосудов делали вначале плоским или вогнутым, потом – округлым.

Изготовление статуэток, украшений (весьма скромных каменных подвесок с просверленными в них отверстиями), нанесение узоров на посуду говорит о развитии внутреннего мира человека, формировании его представлений о красоте. Фигурки, наверное, использовались и в каких-то магических обрядах, которые проводились людьми в надежде, что это поможет удачной

охоте. Для этого же люди сжигали часть своей добычи, как бы «делясь» ею с природой, «присылавшей» охотнику оленей, лосей, бобров, уток...

В более теплых регионах планеты в ту эпоху человек приручает животных, держит домашний скот, начинает возделывать землю и выращивать на ней зерно – словом, в хозяйстве происходит настоящий переворот, революция. А в наших краях люди новокаменного века по-прежнему вели охотничье-рыболовецкое хозяйство, занимались сбором грибов, ягод и других съедобных растений.

В III тысячелетии до н.э. пришло время металла: жившие на территории Республики Коми люди научились плавить медь. Хитрость эту местные жители вывели у пришельцев из дальних краев, где изделия из меди появились гораздо раньше, чем на севере. Медный самородок раскаляли в костре и придавали металлу желанную форму. Потом медь стали добывать из руды на открытых очагах, выплавляя ее в глиняных сосудах (тиглях) с помощью древесного угля. Впрочем, в нашем крае использовали, естественно, не руду (для этого нужно было бы найти ее месторождения), а пускали в дело готовые сплавы или сломанные вещи. Во II тысячелетии до н.э. человек научился изготавливать изделия из бронзы (сплава меди с оловом или мышьяком); меднокаменный век (энеолит, как его называют ученые) сменился бронзовым. Однако на всем протяжении меднокаменного и бронзового веков жившие на северо-востоке Европы люди продолжали пользоваться, в основном, каменными и костяными орудиями; металлических изделий было очень мало.

В начале меднобронзовой эпохи обитатели Европейского Северо-Востока строили слегка углубленные в землю прямоугольные жилища, сильно различавшиеся по размеру (у озера Энты, например, площадь домов была и 28, и 80 квадратных метров). Крыша держалась на столбах, в доме могли быть один или два входа, напомилавшие траншеи. В самом доме, если позволяло место, или рядом с ним обитатели устраивали хозяйственные ямы для хранения продуктов (погреб, как сказали бы мы сегодня).

В конце бронзового века люди окончательно перебрались из полуземлянок в наземные жилища, в которых жили вместе от двух до шести семей (до 30 человек в крупных жилищах) или же всего одна семья (около пяти человек). В некоторых больших домах имелось несколько очагов, а кое-где – лишь один на все семьи.

Стоит упомянуть о том, что в эпоху металла на территории нашей республики появились украшения из янтаря, попавшие сюда, переходя в результате обмена из рук в руки, от племени к племени, из далекой Прибалтики. Но местные умельцы использовали в качестве материала для украшений, естественно, более доступные камень и кость, вырезая из них восхитительные фигурки животных. У местного населения существовал культ животных: человек обожествлял лося (оленя), медведя, возможно, птиц, считая, что он находится в родстве с ними.

В эпоху энеолита и бронзы в бассейнах Печоры, Вычегды и Мезени появлялось множество переселенцев из разных краев, представлявшие разные народы, однако, как считает археолог В.С. Стоколос, несмотря на все это, главную роль здесь играли финно-угорские племена. В середине II тысячелетия до н.э. упоминавшаяся выше прафинно-пермская общность распалась на прафинно-волжскую (предки марийцев, мордвы, эстонцев, финнов и других народов) и прапермскую (предки коми, коми-пермяков и удмуртов).

Проходил век за веком, люди осваивали новые хозяйственные технологии, меняли типы своих жилищ. Перемен требовало не только потихоньку росшее население. Природа время от времени преподносила человеку сюрпризы в виде то наводнений, то пожаров, а то и в виде изменений климата. К счастью, до ледников дело уже не заходило, но похолодания, и довольно ощутимые, случались. Одно из них произошло в I тысячелетии до н. э. При мысли о холоде сразу приходит в голову, что человеку понадобилось больше дров для того, чтобы греть жилище, да и сами жилища следовало строить более основательными и теплыми. Стало быть, надо было рубить больше деревьев – а попробуйте сделать это каменным топором (медных и бронзовых было все-таки маловато). Нужен был более совершенный инструмент, причем такой, чтобы материал для его изготовления был бы не редкостью, как бронза, а буквально «валялся бы под ногами», как камень.

Спасительный переворот произошел в VIII в. до н. э. Наступил железный век – жители края впервые увидели железные изделия, привезенные из других мест, а затем сами научились выплавлять железо. Поскольку месторождений болотной железной руды в этих краях было немало, то местные мастера имели возможность добывать материал для работы и изготавливать невиданные ранее вещи – ножницы, щипцы, клещи и многое другое, без чего люди, особенно занимавшиеся каким-нибудь ремеслом, вскоре уже не могли обходиться. По мере развития металлургии человек стал меньше пользоваться каменными орудиями (хотя и далеко не сразу отказался от них полностью). Знакомые ему с глубокой древности кремневые скребки продолжали служить при выделке шкур даже во второй половине I тысячелетия нашей эры! Для изготовления оружия и орудий труда широко употреблялись кость и, конечно, дерево.

Развитие орудий труда позволило людям более активно осваивать пространство, основывать новые поселения. Например, археологи обнаружили местопребывания человека в VIII–III вв. до н. э. и на севере нынешнего Сыктывдинского района (на р. Пожег у Слудки), и на юге (Ыбское поселение на Сыsole; на Ыбском поселении, как выяснили ученые, люди жили и позднее, в III в. до н. э.– II в. н. э.). **Можно предположить, что была освоена и территория между ними.** Всего на территории Республики Коми известно более 100 археологических памятников, относящихся к VIII–III вв. до н. э., около 70 – к III в. до н. э.– II в. н. э.

Поселения, располагавшиеся вдоль берега реки, не имели никаких укреплений и могли состоять из нескольких наземных жилищ прямоугольной формы. Основанием жилища служил сруб, крыша делалась в форме шалаша и покрывалась звериными шкурами или берестой. Входы в дом делали в коротких стенах. Внутри жилища имелись два или три очага – в зависимости от того, сколько там обитало семей, две или три (в каждой насчитывалось пять-семь человек). Очаги, на которых готовили пищу и плавил металл, располагались по одной линии в центре дома, а вдоль длинных стен устраивались спальные места. Имелись в поселениях и хозяйственные постройки, предназначенные для хранения продуктов, орудий труда; могли быть и мастерские, в которых плавил металл, изготавливали глиняную посуду, орудия труда из кремня и кости.

Усложнялись религиозные представления и обряды местного населения. Чрезвычайно интересны бывшие тогда в обиходе предметы так называемого «пермского звериного стиля»: металлические (чаще всего бронзовые) фигурки, изображающие лося, медведя, утку и других животных и птиц, фантастического зверя, напоминающего ящера, а также человека. Эти изображения были связаны с мифологическими, религиозными представлениями человека той эпохи: образы на предметах звериного стиля отражали понимание людьми устройства их мира (как некоего «мирового древа», верхняя часть которого сопоставлялась с верхним – небесным, «добрым» – миром, а нижняя – с нижним, подземным, «злым» миром; каждому миру соответствовали свои образы), должны были выполнять некие магические функции, помогая их владельцу; возможно, что изображенные на предметах животные являлись символами (тотемами) родовых групп людей. Предметы «звериного стиля» обнаружены на Вычегде близ Зеленца, Жешарта и оз. Донты на р. Пожег у села Слудка, на р. Ухте, Печоре и в других местах. Очень интересна, например, найденная близ Слудки бронзовая секира, рукоятка которой оформлена в «зверином стиле».

В поселениях появились святилища, предназначенные для совершения жертвоприношений богам (Джудждыг на р. Вычегде, Канинская, Уньинская и Адакская пещеры на р. Печоре). В жертву приносили животных, но не исключено, что происходили и человеческие жертвоприношения. В могилы вместе с покойными клали украшения из стекла, кости, металла, оружие, орудия труда, посуду – словом, всё, что, как думали тогда люди, могло пригодиться умершему в ином, загробном мире. Увы, порой близкие покойного были в состоянии дать ему с собой «в последний путь» лишь один-два простеньких предмета, в то время как иная могила прямо-таки ломилась от завезенных из дальних стран зеркал, стеклянных и хрустальных бус, богато украшенного оружия... Былое равенство соплеменников осталось в прошлом.

В первой половине I тысячелетия до н.э. представители пермской языковой общности (предки современных коми, коми-пермяков и удмуртов) на-

селяли берега Камы, Вятки, Вычегды, Печоры, Мезени и некоторых других рек. В последние века до н.э. – первые века н.э. в Приуралье происходило сосредоточение населения на более компактных территориях. Предки удмуртов тогда отделились от предков коми и коми-пермяков.

В ту далекую эпоху наконец-то появились, возможно, и первые письменные известия о северных краях и народах, включая и обитателей нынешнего Сыктывдина: в V в. до н. э. древнегреческий ученый Геродот написал труд «История», в котором привел сведения об охотничьих племенах, живших на далеком Севере. Может быть, греческий историк имел в виду и те финно-угорские племена, что жили на Северо-Востоке Европы и, в частности, близ устья Сысолы. Во II в. до н. э. географ Эратосфен из города Александрии Египетской нарисовал карту, на которой изобразил и Север Европы с высокими Рипейскими и Гиперборейскими горами. Карта эта была, однако, весьма далека от истины, и лишь при помощи очень богатого воображения можно найти на ней территорию нынешнего Сыктывдинского района... А во II в. н.э. географ и астроном Клавдий Птолемей нарисовал географическую карту, на которой к северу от Волги и Камы обозначены Гиперборейские горы, перед ними Гиперборейская страна, а за горами – Неизвестная страна.

Гости званые и незваные

Главными занятиями местного населения по-прежнему были охота (добывали лося, оленя, бобра, бурого медведя, пушных зверей) и рыбная ловля. Но появились в хозяйстве и новые веяния. В середине I тысячелетия н. э. началась эпоха великого переселения народов. На Европейский Северо-Восток с юга в V в. вторглись кочевники-скотоводы гуннского племенного союза, добравшиеся сюда из степей Южного Зауралья. Закованные в кольчуги, потрясавшие мечами, боевыми топорами и кинжалами, они были весьма воинственны, но, к счастью для непривычных к военному делу обитателей северных лесов, не слишком многочисленны и постепенно перемешались с ними, хотя и не исчезли бесследно – о пребывании кочевников-южан на берегах Сысолы, Выми и Нившеры напоминают их захоронения в виде курганов. Один из них, Шойна-яг, расположен на правой стороне Сысолы у р. Лэпью. Эти же кочевники принесли с собой, вероятно, и навыки скотоводства, перенятые северянами, которые начали понемногу заниматься и животноводством: завели лошадей, овец или коз, коров, свиней. С вторжением кочевников археолог И.О. Васкул связывает прекращение существования общности, объединявшей предков коми и коми-пермяков. Примерно тогда же, в середине I тысячелетия н.э. на Печоре появились разноплеменные переселенцы из-за Урала и с верхней Камы.

Во II половине I тысячелетия в этом регионе взаимодействовали самые разные группы населения. Состав обитателей был чрезвычайно сложен. В Печорском Приуралье в результате воздействия разноплеменных пришель-

цев (относительно происхождения которых ученые высказали самые различные версии) на местное население сложилась так называемая бичевницкая археологическая культура (своим названием она обязана оставленной племенами этой культуры стоянке Бичевник на средней Печоре). В Вычегодском бассейне к местным жителям присоединились переселенцы из Верхокамья и племени бичевницкой культуры, происходило смешение населения. В Южном Припечорье и на верхней Вычегде, кроме того, появились выходцы из Западной Сибири. Одним словом, картина была чрезвычайно пестрой.

На рубеже VI–VII вв. бурные переселенческие процессы пошли на спад. В Припечорье жили, главным образом, угорские и самодийские племена. А в бассейне Вычегды и Мезени складывается так называемая ванвиздинская археологическая культура (получившая свое название по деревне Ванвиздин, возле которой был найден один из памятников этой культуры), чье происхождение – один из наиболее спорных и отчасти даже загадочных сюжетов, связанных с происхождением коми народа. Пожалуй, можно, как представляется, сказать о ванвиздинцах следующее. Во-первых, они появились на свет, бесспорно, сформировались в результате смешения нескольких разноплеменных групп (среди которых были и племена пермской языковой общности) с различной численностью и различными территориями расселения. Во-вторых, не представляется возможным назвать какие-либо племена, сыгравшие главную роль в формировании населения на всей без исключения территории, занятой ванвиздинской культурой; скорее всего, в различных районах расселения ванвиздинцев в формировании населения могли главенствовать разные племена – где-то те, которые принадлежали к предкам коми и коми-пермяков, а где-то – другие. Большинство исследователей сходятся во мнении, что ванвиздинцы говорили на одном из языков уральской языковой семьи и, скорее всего, на одном из финно-пермских языков.

Во второй половине I тысячелетия нашей эры население Европейского Северо-Востока обитало в наземных жилищах площадью около 50 кв. м, обогревавшихся очагами, часто переносившимися с места на место. Разнообразие орудий труда, утвари, оружия, украшений свидетельствует о значительном прогрессе в развитии хозяйства местного населения, а также о существовании товарообмена (торговли) с другими землями (славянами, волжскими булгарами). Благодаря торговле сюда в обмен на северные меха попали серебряные монеты из Персии, золотые и серебряные украшения, бусы из сердолика и др. Из других регионов (Прикамья, славянских земель) привозилась на Северо-Восток Европы и значительная часть железных изделий. Торговцы привозили не только товары, но и информацию. Именно благодаря им поступили в Волжскую Булгарию первые сведения о таинственных северных землях, ставшие затем известными в других странах. В 921–922 гг. Ахмед Ибн-Фадлан, секретарь Багдадского халифа, побывал в Волж-

ской Булгарии и привез оттуда на Ближний Восток рассказ о богатой соболями и черно-бурыми лисицами стране Вису. По мнению некоторых ученых, речь в этом рассказе идет о Северном Приуралье, и, в частности, возможно, о территории современной Республики Коми.

Появлялись на Севере нынешней России и путешественники из Западной Европы. В IX в. скандинав Отар рассказал королю Альфреду о своем морском путешествии в «Биармию» и о виденных там жителях-биармийцах, живших на берегах большой реки. В скандинавской поэзии X столетия тоже упоминается о Биармии, богатой пушным зверем. До сих пор ученые не пришли к единому мнению о том, где находилась Биармия; многие исследователи полагают, что Биармия располагалась на Северной Двине или еще дальше к западу, вплоть до Кольского полуострова или Карелии, хотя не исключено, что викинги имели в виду Европейский Северо-Восток.

Так население Европейского Северо-Востока прошло долгий путь от примитивных каменных орудий до металлических инструментов, переместилось из временных стоянок в пещерах в постоянные поселения с состоявшими из нескольких помещений жилищами, святилищами и производственными мастерскими...

Очерк 2. «ПОЛУНОЩНАЯ СТРАНА»

Рождение древних коми

Тысячу лет назад, в XI в., сформировался народ коми (пермь вычегодская). Вот уже десять веков коми живут на северо-востоке Европейской России, осваивая природные богатства этого сурового края. «Рождение» коми народа стало в известном смысле следствием климатических изменений. Ученые длительное время обсуждают вопрос о том, как происходило сложение вычегодских пермян. В общих чертах выдвинутые различными исследователями гипотезы можно свести к двум точкам зрения. Согласно одной из них (предложенной В.И. Канивцом и развитой Э.А. Савельевой), базой для формирования древних коми стали местные жители (принадлежавшие к ванвиздинской археологической культуре). По другой точке зрения (предложенной лингвистом В.И. Лыткиным и этнографом Л.П. Лашуком), древние коми переселились в Вычегодский край из Прикамья. Сторонники обеих теорий имеют в своем распоряжении определенный археологический, этнографический и лингвистический материал, подтверждающий их взгляды. Можно предположить, что в формировании древних коми участвовали две основные этнические группы, родственные между собой – местное «ванвиздинское» население и переселенцы из Прикамья, небольшие группы которых постепенно, в течение нескольких столетий продвигались в бассейн Вычегды, взаимодействуя с местными жителями и принося с собой навыки земледелия и скотоводства. Вероятно, эти переселения начались еще в VIII в., когда потеплевший климат (малый климатический оптимум) сделал природные условия Севера более пригодными для живших южнее земледельцев и животноводов.

Роль двух этих групп в сложении пермян в разных районах края была неодинакова. На нижней Вычегде и, вероятно, Выми главным элементом стали «ванвиздинцы» (правда, на Выми – центре культуры перми вычегодской, ванвиздинских памятников известно немного), а на Сыsole и, быть может, верхней Вычегде, наоборот, сильнее было влияние переселенцев из Прикамья (по крайней мере, последние исследования археологов позволяют говорить о весьма тесных связях сысольцев с Прикамьем). В сложении прилузских коми (в Прилузье, кстати, пока не найдено «ванвиздинских» археологических памятников) свою роль сыграли также группы прибалтийско-финского и волжско-финского населения. Значение вызванных изменениями климата переселений с юга в этом процессе очевидно.

По данным археологов, древние коми первоначально населяли Вычегду, Вымь, Вишеру, Сыsole, Лузу и Вашку (этнограф Л.Н. Жеребцов полагал, что на Вашке древние коми появились несколько позже, чем в остальных перечисленных районах). По предположению Л.Н. Жеребцова, коми первоначально жили также на верхней Вятке и ее притоках, Юге и Малой Северной Двине, а затем (вероятно, в конце XI – I половине XII в.) их поселения появились

на берегах нижней Сухоны, верхней Ваги, Устья и Северной Двины ниже устья Вычегды.

К Железным вратам

Меж тем на Руси складывались княжества и боярские республики, стремившиеся пошире раздвинуть свои границы. Впрочем, особенно расширяться было некуда – соседи на западе и востоке отнюдь не желали расставаться со своей землицей, на юге шалили степняки, донимавшие древних русичей набегами. Повезло лишь Новгородской земле и Ростово-Суздальскому княжеству, рядом с которыми лежали обширные и слабо заселенные просторы Севера – «полунощные страны», как писали русские летописцы («странами восхода» был восток – сторона, где, как видели люди, восходит солнце, «полуденными странами» – юг, куда солнце добиралось к полудню, середине дня, «странами заката» – запад, где солнце садилось; северной стороне в таком географическом раскладе доставалась темная ночь-полночь, отсюда и название «полуночные – или полунощные – страны»).

Первыми ступили в этот отделенный уголок Европы новгородцы. В XI – начале XII в. они появились в бассейне Северной Двины (в западной его части, не занятой пермянами – низовья Северной Двины, верхняя Сухона) первые русские переселенцы. На своих лодках-ушкуях предприимчивые новгородцы плавали по северным рекам, перебирались из одной водной системы в другую, перетаскивая свои суда по суше в разведанных ими местах, где расстояние, которое нужно было преодолеть, было покороче. Там, где ушкуи волочили по земле, устраивались волоки, которыми пользовались и в дальнейшем на протяжении многих веков. Группы вооруженных людей, плывшие на ушкуях (их так и называли – «ушкуйники»), высматривали разбросанные по северным рекам поселения разных племен и народов. Увидев какое-нибудь становище, ушкуйники либо совершали набег на него, либо (если опасались получить достойный отпор) устраивали обмен товарами (интересовались они, в первую очередь, пушниной). Как правило, местных жителей объявляли «подданными» Господина Великого Новгорода и приказывали платить дань мехами.

Добрались они и до далекой Вычегды, на берегах которой увидели разбросанные на большом расстоянии друг от друга маленькие поселения, чаще всего в один-два двора, с немногочисленными (пять-десять человек) обитателями; если где-нибудь проживало 30-40 человек, то по тем временам это был настоящий мегаполис. Хотя подавляющее большинство этих населенных пунктов не было обнесено стенами и другими укреплениями (исключения могли составлять только те, в которых жили вожди племен, старейшины родов и жрецы), подобраться к ним было не так просто: осторожные жители рубили свои избушки, состоявшие из одного-двух, иногда трех помещений (которые язык не поворачивается назвать не то что комнатой, а даже каморкой) на

высоких берегах реки, близ впадения в нее других речек или широких ручьев, то есть в тех местах, об укреплении которых позаботилась сама природа.

Первые попытки новгородцев поговорить с местными жителями большого успеха, надо полагать, не имели, поскольку те говорили на своем собственном языке, на русский совсем не похожем. Зато слова этого языка напомнили ушкуйникам говор живших западнее чудских племен, через земли которых они пробирались во время своего путешествия – и не случайно: чудь была родственна населению вычегодских мест, которое новгородцы называли «пермью», «пермянами».

Обнаружив, что пермяне – искусные охотники и что в сих краях в изобилии водятся пушные звери – соболи, белки, куницы, рыси, лисицы, горностаи и другие – которых местные жители добывали в количествах, достаточных не только для изготовления одежды для собственных нужд, но и для обмена, новгородцы решили установить свой контроль над этой территорией, чтобы взимать дань мехами и держать в руках выгоднейшую меновую торговлю с пермянами, приносившую баснословные барыши. Ведь стоимость соболиных шкурок, проданных в Новгороде заезжим европейским купцам, намного превышала цену украшений, оружия, инструментов, посуды и других предметов, отданных за этих соболей на Вычегде.

Провозгласить власть Новгорода на землях древних коми было не так сложно, как это может показаться. У пермян не было своего государства, своего князя, который объединил бы их под своей властью и мог бы собрать войско, чтобы дать отпор чужакам, требовавшим дани. Отдельные племена и роды древних коми, руководимые родоплеменной знатью, постепенно прибиравшей к рукам немалую часть племенного достояния, жили своей обособленной жизнью, мало интересуясь происходящим в других частях края, в отдаленных селениях. Естественно, жителям деревушки с населением в пятьдесят человек проще было откупиться от чужеземцев, сверкавших латами и оружием, несколькими звериными шкурками, чем вступать в схватку с неведомым исходом.

В «Повести временных лет», выдающемся памятнике русской письменности, составленном в XII в. и включившем в себя более ранние летописи XI столетия, древние коми, именовавшиеся тогда «пермью», «пермянами», упоминаются среди народов, «иже дань дают Руси». В той же летописи данником Руси назван и народ «печора» (или «печера»), обитавший, как легко догадаться, на берегах Печоры, куда тоже добрались новгородцы. Под этим названием имелись в виду, вероятно, племена древних ненцев либо хантов и манси.

Время от времени на Вычегду, Сысолу и Вымь (в Пермь Вычегодскую, как стали со временем именовать эту территорию в русских грамотах), а также на Печору и даже за Урал (в «Югру») из Новгорода являлись дружины, собиравшие дань. В 1096 г. был предпринят поход новгородцев, отправлен-

ных Гюрятой (Георгием) Роговичем, на Печору за данью и в Югру (Зауралье): «послах отрок свои в Печеру люди, иже суть дань дающе Новгороду». Еще один известный поход новгородцев на Северо-Восток состоялся в 1114 г. Иногда всё обходилось мирно, но время от времени происходили и кровопролитные столкновения. В 1032 г. новгородский воевода Улеб отправился с дружиной «на Железные врата», располагавшиеся, возможно, недалеко от устья реки Сысолы или где-то на Урале, но мало кто из участников похода вернулся домой: «...и вспять мало их возвратишася, но многи там погибоша», – такая грустная запись появилась в новгородской летописи. В 1187 г. очередной отряд новгородцев, отправившийся за данью на Печору, в Пермь и Югру, был уничтожен: «Пали головы у ста доброименитых», – сокрушался по этому поводу летописец. А еще через шесть лет почти полностью стинула за Уралом дружина воеводы Ядрея... О погибших при этом «пермянах», «чуди», «печоре» или «югре» летописцы умалчивали – не считали нужным писать, а быть может, просто не знали... Кровь лилась, возможно, из-за того, что сборщики дани порой жадничали и просили лишнего. А может статься, что иной раз коми охотники не могли добыть пушного зверя в нужном количестве: из-за того, что на соболей стали активнее охотиться, их в лесах стало меньше. Надо было бы потерпеть, пока поголовье восстановится – но сборщики дани ждать не желали. Конечно, о каком-либо реальном управлении Коми краем новгородцами говорить не приходится.

Новгородцы, видимо, обеспокоенные итогами нескольких походов на Европейский Северо-Восток, решили, что будет спокойнее, если в Коми крае постоянно будут находиться их представители, собиравшие бы дань и охранявшие путь на Печору и за Урал, который пролегал через земли пермян – по Вычегде и Выми на Ижму. Самыми удобными местами для размещения новгородских дружин в XII–XIII столетиях оказались укрепленные валами и рвами Карыбйивское (на Вычегде) и Пожегское (на Выми) городища, где, вероятно, жила родоплеменная знать вычегодских и вымских пермян, согласившаяся сотрудничать с иноземцами – то ли для того, чтобы сохранить мир на земле древних коми и предотвратить кровопролитие, то ли просто в каких-нибудь своих личных интересах. Через какое-то время к дружинникам и сборщикам дани присоединились торговцы и ремесленники, и число русских жителей городищ стало расти. Пришельцев даже стало больше, чем коми – что и неудивительно, если вспомнить, как малочисленны были обитатели пермянских поселений.

Ижемское городище располагалось на пути из Двинского бассейна в Печорский край, и можно соотнести его появление с каким-либо из походов новгородцев на Печору и в Югру (например, упоминавшиеся походы 1187 и 1193 гг.); в этих походах, как считал Л.Н. Жеребцов, вполне вероятно, принимать участие коми, которые и могли поселиться близ устья Ухты. Види-

мо, городище должно было служить опорным пунктом при продвижении на Печору; возможно также, что оно предназначалось для прикрытия северо-восточных подступов к Коми краю от вражеских – скорее всего, ненецких – набегов. По мнению археологов, городище существовало недолго и могло быть сожжено. Не исключено, что сожжение городища могло стать ответом самоеды на вторжение очередного новгородского отряда. Известно, например, что отряд новгородцев в 1187 г. понес значительные потери «в Печоре». Другие названные городища со временем тоже пришли в упадок, и русские покинули их.

Постепенному усилению притока русских переселенцев в бассейн Северной Двины способствовал относительно теплый климат, благоприятствовавший развитию на Севере земледелия. Э.А. Савельева считает XII столетие началом периода активной древнерусской колонизации Европейского Северо-Востока, с которой связано, в частности, появление упоминавшихся древнерусских городищ на нижней Вычегде и Выми. Но если в Вычегодско-Вымском крае возникновение городищ не сопровождалось массовыми крестьянскими переселениями, то в более западной части территории расселения пермян складывалась иная ситуация.

Новгородцы и суздальцы (ростово-суздальский князь тоже был не прочь поставить под свой контроль богатый пушниной северо-восток) Европы основали ряд населенных пунктов на Северной Двине, Ваге, Сухоне, Юге и других реках. Особенно большое значение имело основание в конце XII – начале XIII в. Гледеня и Устюга, сыгравших огромную роль в присоединении к Русскому государству земель по Малой Северной Двине, Югу, нижней Сухоне (где могли жить пермяне), Лузе и низовьям Вычегды, где, несомненно, имелось пермянское население. Гледень, а затем Устюг стали опорными пунктами Ростово-Суздальского княжества, вокруг которых началась русская земледельческая колонизация, со временем охватившая все вышеназванные районы. В XIII в. приток переселенцев в бассейн Северной Двины из русских княжеств возрос вследствие разорения последних из-за монголо-татарского нашествия (интересно, что скандинавские саги упоминают о том, что от татар пострадали даже «биармийцы», многие из которых бежали к викингам, прося у них помощи). Возможно, именно вследствие усиления притока русских переселенцев жившие на Малой Северной Двине и Северной Двине пермяне, за небольшими исключениями, смешались с русскими, обрусели (так считал, в частности, этнограф Л.Н. Жеребцов). Некоторая часть древних коми могла отойти в районы, расположенные севернее территории первоначального расселения – в частности, на Вашку и Пинегу.

Продолжались, пока позволял относительно теплый климат (так называемый малый климатический оптимум, продолжавшийся до XIII в.), и морские плавания скандинавов на Север. Скандинавские исторические хроники XII и XIII вв., саги, средневековые летописи повествуют о лесной, снежной и мо-

розной стране Биармии, куда викинги ездили за пушниной, то торгуя, то воюя с местными жителями. Биармийцы занимались охотой, рыбной ловлей, держали оленей, молились идолам в святилищах, платили дань Руси. Когда климат стал холоднее, плавать по морю стало труднее и опаснее, и путешествия скандинавов в Биармию прекратились. (Подробнее о походах викингов в Биармию можно прочитать в написанном археологом И.О. Васкулом специальном разделе учебника «История Республики Коми», изданного в 2000 г.).

Со временем, уже в XVIII–XIX столетиях, **вокруг упоминаний о Биармии** сложилась целая легенда о некогда существовавшей на Европейском Севере могущественной стране с высокоразвитой культурой и экономикой и исчезнувшей со временем. Коми-пермяцкий писатель И.Н. Мошегов в 1920-х гг. опубликовал целую серию очерков о том, какой была эта Биармия в его представлении; распад этого могущественного государства он связывал с завоеванием Европейского Северо-Востока русскими. Но исследования археологов и ученых других специальностей не подтвердили этой гипотезы.

Появлялись в Коми крае и переселенцы с востока – занимавшиеся охотой, рыболовством и животноводством кочевники-вогулы (так в старину называли народ манси). Вначале, перебравшись через Урал, они освоились на верхней Печоре, а затем, в XII столетии, **принялись обживать и верхнюю Вычегду**, постепенно тесня обитавших там (в районе современных Сторожевска и Пезмога) древних коми. В конце концов коми вынуждены были совсем уйти с верхней Вычегды, а вогулы в XIII в. продолжили свой путь вниз по реке и добрались до устья Сысолы. Настроены они были, вероятно, довольно воинственно, и, видимо, под их давлением древние коми ушли с «приустьесысольских» берегов Вычегды (из района Озела) на Сысолу. Если существовали древнекоми поселения между устьями Сысолы и Выми, то, надо полагать, они исчезли в тот же период. Вогулы добрались по Вычегде довольно далеко, до современной границы Республики Коми с Архангельской областью. Там, близ устья реки Яренги имеются географические названия, вероятно, данные вогулами – с окончанием на «-луг (-лук)» (Базлуг, Казлук, Матлуг и Морготлуг), связанные с речными старицами (курьями). По предположению лингвиста Б.А. Серебренникова, в тех местах в древности была какая-то колония обских угров, близких по языку к хантам.

И хотя в этих местах (между устьями Сысолы и Яренги) они особо не задержались, предпочтя кочевать на верхней Вычегде, однако коми, опасаясь (и, как показали дальнейшие события, не зря) подобного соседства, предпочли держаться от них подальше и до поры до времени близ устья Сысолы селиться не стали (вероятно, последние коми селения на нижней Сыsole располагались выше нынешней Шошки). Вогулы же настолько почувствовали себя хозяевами на реке, которую коми называли Эжвой, что дали ей свое название (слово Вычегда имеет мансийское, то есть вогульское происхождение). А по-

скольку именно название Вычегда (а не Эжва) вошло в ту эпоху в русские документы и в конечном итоге официально закрепилось за рекой, то похоже, что и другие народы не стали оспаривать вогульское влияние в этом районе. «Вогульский след» есть и в топонимии нижней Сысолы: как полагают лингвисты, название села Лэзым и старичного озера, возле которого оно расположено, происходит из мансийского языка, от слова, обозначающего «старица». А название села Шошка, возможно, связано с названием одного из вогульских родов, который предъявлял свои претензии на владение этими местами.

Впрочем, подчинять себе древних коми вогулы не собирались (да и вряд ли это у них получилось бы: одно дело занять слабозаселенную окраину с несколькими небольшим поселениями, и совсем другое – претендовать на территорию с куда более многочисленными жителями, которые, чего доброго, дали бы настырным чужакам суровый отпор).

«Пожелали веровать и креститься»

Богатый пушным зверем регион манил к себе взоры не только Новгорода и Ростово-Суздальского княжества. В XIV в. в их соперничество вмешалось быстро развивавшееся Московское княжество. В 1333 г. московский князь Иван Калита взял в свои руки сбор дани для Золотой Орды с населения Вычегодского бассейна. Московские князья стали постепенно вытеснять новгородцев с северо-востока. Но Новгород продолжал предъявлять свои права на населенные древними коми земли.

По мере усиления русского влияния на Севере здесь появились православные священники, которые занимались крещением местного населения. Одному из них, уроженцу Устюга Стефану, суждено было стать наиболее выдающимся в истории Коми края просветителем и политическим деятелем, первым епископом Пермским. Он сыграл выдающуюся роль в процессе присоединения Коми края к Русскому государству.

Создав в 1372 г. древнекоми азбуку, Стефан перевел на коми язык богослужебные книги и с благословения главы русской церкви и великого князя Дмитрия отправился в 1379 г. на Вычегду обращать коми в православную веру. В 1380 г. он обосновался близ устья Выми, построив там церковь по соседству с языческой кумирницей древних коми. Поселившись там, Стефан стал проповедовать православие среди пермян, часто приходивших в кумирницу из разных частей края и приносивших дары стоявшей там огромной березе. Церковь, которую он богато украсил, привлекала взоры странствующих и путешествующих. Язычники приходили сюда подивиться красоте церковного здания, вступали со Стефаном в беседы. Мало-помалу его терпение и красноречие стали давать свои плоды. Пермяне, среди которых были, надо думать, и обитатели нижней Сысолы, стали принимать православие, а вести о деятельности Стефана разнеслись по всему Коми краю.

Узнав о происходящем, один из пермянских старейшин «сотник» Пам (Пан) собрал отряд и явился с Вишеры к устью Выми, чтобы изгнать Стефана и сжечь церковь, дабы ничто не могло соперничать с древней кумирницей коми. Но поход Пама потерпел полную неудачу; нападавшие вынуждены были сложить оружие и даже по распоряжению Стефана выкопали вокруг возвышенности, на которой стояли строения, ров, насыпали вал и построили стены Усть-Вымского городка. Многие пермяне были тогда крещены.

Скорее всего, поражение вишерских язычников убедило остальных, что лучше со Стефаном не конфликтовать. Возможно, те, кто сохранял верность старым богам, надеялись на «мирное сосуществование» двух религий. Но вскоре, в 1384 г. Стефан, ставший епископом Пермским, предпринял ряд решительных мер по искоренению язычества. Древние пермские святилища и идолы, стоявшие в сысольских селениях, были разрушены и сожжены. «Зачем вы поклоняетесь идолам и считаете их богами? – говорил епископ тем пермянам, которые сохранили верность древним богам. – Ведь вы сами сделали их своими же руками. Их глаза не видят, уши не слышат, они ничего не говорят и помочь не могут не только вам, но и себе, послушно сгорая в огне и обращаясь в пепел...»

К принявшим православие коми Стефан обратился с требованием разыскивать и выведывать, в каких домах пермяне еще продолжали таить своих кумиров, отнимать их и прилюдно уничтожать. Призыв епископа был воспринят с энтузиазмом. Некоторые пермяне хотели сберечь своих древних кумиров, но не сумели, ибо их тайны выдали самые близкие друзья. Дома, где пытались спрятать идолов, были сожжены. Стефан не поленился самолично ходить со своими учениками и последователями по разным селениям, обыскивая дома в поисках кумиров, и по лесам, ища языческие святилища до тех пор, пока не уничтожил до основания все кумирницы.

Действия Стефана вызвали недовольство немалой части местного населения. Выразителем ее интересов стал все тот же Пам-сотник, в уста которого Епифаний вложил такие обращенные к Стефану слова: «Кто дал тебе власть сие творить? Кто послал тебя в землю нашу, чтоб надругался ты над нашими богами, и храмы их разрушил, ...и службу нашу и честь в грязь втоптал, и веру нашу искоренить хотел?». Жителям Коми края Пам говорил: «Не слушайте Стефана, пришельца... из Москвы! Что хорошего быть может нам от Москвы? Не оттуда ли к нам тяготы идут, дани тяжкие, и насилия, и судьи, и соглядатаи, и караульщики?». А московским властителям «поступают ныне меха от охоты нашей. И... князья, и бояре, и вельможи мехами обогащаются, в меха одеваются и ходят, красуясь... Не от нашей ли охоты меха в Орду посылаются?.. И в Царьград, и к немцам, и в Литву, и в прочие города и страны...».

Но попытки Пама организовать сопротивление Стефану Пермскому провалились: за спиной епископа были уже не только великокняжеские охран-

ники, но и построенные на Вычегде укрепленные городки Чернигов, Выбор, Яренск, Усть-Вымь, а главное – многочисленные приверженцы из новокрещенных пермян, не желавших признавать былое первенство местной родовой знати и жрецов языческих культов. Пам «посрамлен бысть и изгнан из Пермские земли из роду племени». Вынуждены были покинуть родные места и многие другие жители вычегодских селений, лишившиеся богов и даже крыши над головой: «А непохотел кто к святей вере быти, отиде теи на Удору и на Пенегу с жоны и детьми свои».

Новгородцы, узнав о создании Пермской епархии и укреплении влияния Московского княжества, решили силой изгнать Стефана из Коми края. В 1386 г. новгородцам удалось захватить вычегодские и сысольские земли, но ненадолго – дружина Дмитрия Донского разбила новгородское войско. В 1392 г. вогулы, которых сопровождал изгнанник Пам, осаждали Усть-Вымь, разорили окрестные селения. Возможно, именно в те времена и было построено укрепленное городище близ современного села Шошка, предназначенное для того, чтобы прикрывать нижнюю Сысолу от вогульских набегов.

В последние годы жизни Стефана положение в Коми крае стабилизировалось, прекратились набеги вогулов и других беспокойных соседей. Но забот и без того оставалось много. Главными занятиями древних коми были промыслы – охота и рыболовство. Животноводство (разводили лошадей, коров, овец, свиней) носило подсобный характер. С XI–XII столетий пермяне начали заниматься и земледелием, чему способствовал более теплый климат того времени. На Севере, с его малопродуктивными почвами и густыми лесами, первым помощником земледельца выступал огонь. Древние коми вырубали лес на определенном участке, сжигали его, а затем сеяли там хлеб. Зола от сгоревших деревьев служила хорошим удобрением. Возможно, в конце XII столетия вычегодские пермяне стали заниматься и пашенным земледелием. Открытия археологов говорят о том, что древние коми достигли больших успехов в кузнечном ремесле, в производстве различных изделий из бронзы. Именно в этот период, говорится в исследованиях археологов, каменные орудия труда были окончательно вытеснены металлическими. По данным археологов, древние коми вели товарообмен и торговлю с болгарскими и славянскими купцами, получая вместо пушнины ювелирные изделия и предметы быта, причем не только из Волжской Булгарии и Руси, но и из более далеких земель – Западной Европы и Центральной Азии.

Однако несмотря на постепенное развитие экономики, положение жителей Коми края, с его суровыми природными условиями, оставалось сложным. Стефан добивался от московского князя сокращения налогового обложения местных жителей, организовал снабжение населения края продовольствием в голодные годы: «Сколько раз привозил он людям хлебное зерно лодками из Вологды в землю Пермскую! И все употреблял его не для себя, а на нужды...

всем нуждающимся... Установил добрые отношения с людьми, безвозмездно их зерном наделяя», – говорится в «Житии».

В 1396 г. Стефан Пермский отбыл в Москву для участия в церковном совещании «ради... нужных вопросов, ко спасению людей относящихся». Вскорости по прибытии в столицу он заболел и 26 апреля скончался. Его похоронили на территории московского Кремля «в монастыре Святого Спаса, в церкви каменной, у входа в нее с левой стороны». Впоследствии Стефан был причислен к лику святых.

Вполне достоверных данных о численности коми в XI–XIV вв. не имеется. В письменных источниках упоминаются только 700–800 язычников-коми, крещенных Стефаном на нижней Вычегде и Выми. Можно предположить, что численность предков коми-зырян не превышала трех–четырёх тысяч человек. Надо учитывать и то, что в эпоху средневековья демографическая ситуация резко менялась в зависимости от экстремальных природных явлений (засухи, повышенная влажность, сильные морозы и т. д.). Но уже в XIV–XV вв. наметился переход от относительно теплого климата к так называемому малому ледниковому периоду, во время которого число экстремальных явлений природы возросло. В частности, в XIV в. летописи отметили более 100 таких явлений на Русском Севере, обусловивших около 30 голодных лет на Руси. Это не могло не сказываться и на положении населения Коми края, тесно связанного с Русью политически и экономически (известно, что Стефан Пермский завозил хлеб в Коми край).

В XIV в. на территории, заселенной древними коми, существовало восемь территориально-племенных объединений, каждое из которых обладало определенной спецификой материальной и духовной культуры. На Пинеге и Немюге жили пермяне пинежские, на Вашке – пермяне удорские, на Выми, Вишере и, возможно, верхней Вычегде близ устья Вишеры – пермяне вымские, на нижней Вычегде – пермяне нижневычегодские, на средней и нижней Сыsole – сысольские зыряне, на верхней Сыsole – сиряне ужговские. На Виледи располагалась Вилегодская Пермца, на Лузе – Лузская Пермца. В последующее время, в XV–XVI вв. на основе большинства этих территориально-племенных образований сложилась большая часть главных этнографических групп коми: нижневычегодская, вымская, прилузская, сысольская и удорская. Нижневычегодская (эжватас) и вымская (емватас) группы довольно близки между собой. Как отмечал Л.Н. Жеребцов, их этнографическая специфика складывалась в результате взаимодействия двух факторов: во-первых, наличия устойчивого постоянного ядра и, во-вторых, прилива смешанных (русско-пермские, вепско-пермские и другие сочетания) и однопациональных (русских) пришельцев. Результатом этого явились особые диалекты, большое количество различных заимствований в материальной и духовной культуре, значительная европейность этих коми.

У прилузцев (пермяки, затем лузсаяс) наряду с контактами с русскими переселенцами прослеживаются связи с удмуртами и марийцами. В лузско-летском диалекте обнаруживаются марийские заимствования. Определенная близость выявляется в отдельных элементах материальной культуры – в женских головных уборах, в особенностях украшения одежды. Сысольская этнографическая группа (сыктылса), сложившаяся на основе двух территориально-племенных объединений (сысольские зыряне и ужговские сиряне), обнаруживает устойчивые связи в языке и материальной культуре с коми-пермяками (живущими на р. Каме в ее верхнем течении) и пермяками-зюздинцами. По антропологическим признакам сысольцы и прилузцы относятся к вятско-камскому сублапаноидному типу, так же как коми-пермяки и зюздинцы.

Этнографическая группа удорских коми (удораса) сложилась в результате слияния нижневычегодских пермян (и, возможно, выходцев из более западных районов расселения древних коми) с представителями прибалтийско-финских народов, включения русского компонента, а позднее – незначительного числа ненцев. Поэтому удорцы отличаются рядом специфических черт. Например, только здесь распространен наиболее яркий европеоидный беломорский антропологический тип. В этот же период происходило формирование небольшой локальной группы вишерских коми (висерса).

Век невзгод и опасностей

Первая половина XV в. была трудным временем для Русского государства и Коми края. Нормальному развитию народонаселения региона мешали политические неурядицы. Продолжались конфликты между Новгородом и Москвой из-за обладания богатствами Севера. Лишь самое начало столетия, возможно, было для коми относительно спокойным – во всяком случае, источники умалчивают о каких-либо конфликтах, относящихся ко времени, когда епископом Пермским являлся Исаакий. Легенда гласит, что он пытался обратить в христианскую веру вогулов (манси), живших на р. Печоре, и даже основал там Троицкий монастырь. Документальных подтверждений этого не обнаружено. В любом случае, каких-либо успехов Исаакию достичь не удалось. Вогулы остались язычниками, а монастырь на Печоре если и существовал, то недолго.

В 1418 г. третьим епископом Пермским стал владыка Герасим, который в споре между Новгородом и Москвой решительно принял сторону Московского князя и активно содействовал различным великокняжеским мероприятиям. Жители Коми края участвовали в сражениях между московскими и новгородскими дружинами. В первый же год своего епископства Герасим распорядился, чтобы коми в составе устюжского войска «ходили... Двинскую землю за князя великого воевати». Устюжско-вычегодские ратники «пожгли у двинян Бороку, Емцу, Холмогорцы», но в конечном итоге двиняне и новгородцы разбили их и в свою очередь захватили и разграбили Устюг. В 1425 г. снова

«воевали устюжаны и вычегжаны (т.е. жители Вычегодского края, коми. – *Авт.*) Двинскую землю», но опять без успеха. Пришлось откупаться от новгородцев пушниной (собоями и белками).

В 1425 г. умер великий князь Василий. В Московском княжестве началась борьба за обладание великокняжеским престолом между Василием II Васильевичем и его дядей Юрием Дмитриевичем, князем Галицким, правившим и соседней с Коми краем Вятской землей. Их споры привели через несколько лет к междоусобной войне, продолжавшейся – то затихая, то вновь разгораясь – целых 20 лет и стоившей жизни множеству людей («много крови христианской пролилося безвинно, покуда распря была», – с грустью сообщает летописец). Василий II имел поддержку, в основном, у населения центральной части страны, а Юрий Галицкий и его сыновья опирались на помощь северян. Но епископы Пермские во время очередного обострения положения в государстве поддержали правившего в Москве князя Василия. Тогда соперники последнего – сыновья умершего к тому времени Юрия Дмитриевича – в 1438 г. послали в Коми край войско своих сторонников-вятчан. Вятчане разорили и пожгли селения по Лузе и нижней Вычегде, их обитателям пришлось скрываться в лесах, дожидаясь, пока враги уйдут.

Неспокойно было в Коми крае и в отсутствие вражеских нападений. В начале 1443 г. вспыхнул конфликт из-за строительства нового храма в Усть-Выми и связанных с ним работ, а также из-за недовольства части местных жителей распределением угодий. В результате столкновения, согласно Вычегодско-Вымской летописи, епископ Герасим был убит близ Усть-Выми. Легенда рассказывает о смерти епископа иначе: Герасим, подобно Исаакию, пытался крестить вогулов (документальных свидетельств этого нет) и даже взял одного из них на воспитание и определил к себе в слуги. Этот-то слуга-вогул будто бы и задушил епископа, мстя ему за миссионерскую деятельность. Похоронили Герасима в Усть-Выми.

Следующий епископ Питирим энергично взялся за продолжение христианизации коми и в 1444 г. обратил в православную веру обитателей селений на реке Вашке, построил там (в Важгорте и Вендинге) храмы. Вероятно, не обошлось тут без стычек и применения силы посланными епископом людьми; может быть, пролилась и кровь, но летописи об этом умалчивают.

Распря на Руси меж тем разгоралась. Борьбу против московского князя возглавил Дмитрий Юрьевич Шемяка. Епископ Питирим, подобно своим предшественникам, поддержал великого князя Василия и в 1447 г. вместе с другими видными церковнослужителями проклял Дмитрия Шемяку и объявил, что тот ведет безбожную войну против великого князя, потому отныне не может считать себя православным христианином. В 1450 г. Шемяка при поддержке новгородцев напал на Устюг. Устюжане позвали на помощь дружины из Коми края, с Вычегды и Выми, но сами в последний момент отказались от

сопротивления. Вычегодско-вымский отряд оказался один на один с численно превосходившим войском Дмитрия Шемяки и потерпел сокрушительное поражение. Его руководители Емельян Лузьков и Ефим Эжвин и их помощники попали в плен и были казнены.

Закрепившись в Устюге, Шемяка попытался завладеть и Коми краем. По его приказу в том же году отряды вятчан напали на Коми край, оставшийся после гибели своей дружины беззащитным. На Сысоле, Вычегде и Выми запылали подожженные врагами селения. Дома и храмы были разграблены, всё, что имело ценность, сделалось добычей нападавших. Епископ Питирим заперся в укрепленном Усть-Вымском городке, за стенами которого укрылись и окрестные крестьяне, с тоской глядевшие на разоренные земли. Укрепления городка оказались врагу не по зубам, и тот через некоторое время снял осаду и повернул вспять на Вятку. Место, где стояло неприятельское войско, получило название Вятский луг. Одним набегом дело не ограничилось. Епископ Питирим продолжал держать сторону московского князя, и Шемяка не раз еще присылал в Коми край свои войска, стремясь запугать местных жителей и заставить их признать свою власть. Воодушевляемые епископом и священниками коми оказывали врагу упорное сопротивление и отказывались считать Шемяку своим государем. Разгневанный этим враг пришел в ярость. Гибли не только те, кто сопротивлялись набегам с оружием в руках, но и мирные жители, даже старики, женщины и дети. Их топили, сжигали живьем в запертых снаружи домах, сажали на кол, ослепляли... Многих захватили в плен, угнали на чужбину и продали в рабство татарам. Коварный Шемяка обращался и к вогулам, призывая их напасть на коми, однако те, к счастью для коми, не откликнулись на его призыв.

Для организации борьбы с Шемякой князь Василий в 1451 г. отправил в Коми край своего наместника Ермолая и его сына Василия, которые стали именоваться князьями Вымскими. Они происходили из рода князей Верейских (Верея – небольшой город на территории нынешней Московской области на берегу притока Оки реки Протвы), которые поддерживали Василия и помогли ему вернуться к власти в 1447 г. За это Василий пожаловал верейских князей льготами и новыми владениями, отнятыми у Шемяки.

На Лузе и Сысоле, ближе всего находившихся к Вятской земле, откуда Шемяка послал в Коми край свои полчища, стали строить небольшие крепости – городки, обнесенные валами и стенами с башенками. В городках хранилось оружие, там же окрестные крестьяне прятались во время вражеских набегов. Контроль над землями коми прочно перешел в руки Москвы. Однако Новгород продолжал предъявлять права на Коми край, называя его в своих грамотах в числе новгородских владений.

Епископ Питирим с новыми силами взялся за распространение православия среди нерусских народов – коми-пермяков и вогулов. В 1455 г. он ез-

дил на берега Камы крестить местных коми-пермяков, а по возвращении погиб от рук вогулов. Легенда рассказывает, что вогульский князь Асыка, решив помешать Питириму искоренить древние языческие верования вогулов и заставить их принять христианство, летом 1455 г. посадил свое войско на плоты и направился вниз по реке Вычегде. Хотя в верховьях этой реки коми селений почти не было, хитрый Асыка все же замаскировал плоты еловыми ветвями, чтобы случайно встретившиеся коми охотники приняли их за упавшие в воду деревья. Хитрость удалась: вогулы сумели незамеченными доплыть до окрестностей Усть-Выми, захватили епископа врасплох и убили его.

Новый епископ Пермский Иона продолжил крещение коми-пермяков, но к вогулам он, видимо, уже не ездил, наученный горьким опытом своего предшественника. Вместо слова решено было использовать меч. Великий князь Московский, разбив вольнолюбивых новгородцев в 1456 г. и мятежных вятчан в 1457-м и 1459-м (великокняжеское войско, кстати, шло на Вятку через Коми край – по рекам Лузе и Летке), на время утихомирил их и обезопасил Коми край от набегов с юга и запада. Непокойными оставались восточные и северо-восточные рубежи, и московские князья решили распространить свое влияние и на земли, населенные вогулами и остяками (так в старину назывались ханты). В 1465 г. великий князь Иван III отправил на Печору и дальше, через Уральские горы, отряд устюжан под началом воеводы Василия Скрыбы. К нему присоединилась дружина из Коми края, которой командовал князь Василий Вымский, желавший отомстить вогулам за их набеги. Поход за Урал, где располагалась Югорская земля, оказался весьма успешным: вогульские отряды были разбиты, многие попали в плен. Среди плененных оказались даже два князя, которых увезли в Москву. Впрочем, великий князь проявил к ним милость и отпустил князей домой после того, как те пообещали платить московскому государю дань соболями и не тревожить набегами его подданных.

Казалось, жители Коми края отныне могли жить спокойно, но... Смирение вятчан оказалось временным. В 1466 г. они, оправившись от нанесенных им в конце пятидесятых годов поражений, отказались признавать власть великого князя Московского и совершили набег на великокняжеские волости на Европейском Севере; Коми край на этот раз избежал их нашествия, но в коми селениях было неспокойно: никто не знал, что случится через месяц-другой. Еще не забылись страшные события десяти-пятнадцатилетней давности, пролитые тогда моря крови и слез...

В довершение к старым врагам появились и новые – в 1468 г. на Устюжские земли напали казанские татары, по соседству с Коми краем запылали селения... Передовые татарские отряды могли добраться даже до берегов Лузы. Кто знает, может быть, среди несчастных пленников, которых тащили на аркане для продажи в рабство, оказались и коми. Но этот татарский набег оказался, к счастью, и последним. Иван III тут же отправил против Казан-

ского ханства свое войско, и татарам стало уже не до набегов – пришлось сражаться за собственные земли.

Год за годом отправлялись сражаться русские дружины, упорно бились с ними татарские отряды. В 1470 г. в походе участвовали и воины из Коми края. Этот поход завершился победой: татары были разбиты у стен Казани и заключили мир. Сколько вычегжан, вымичей, сысоличей, лужян сложили головы под Казанью, чтобы ценой своей жизни уберечь южные рубежи Коми края от врага, мы, увы, не знаем... Мир, однако, оказался некрепок, и на следующий год коми дружина опять отправилась под стены Казани в составе московского войска. Ратники стояли под Казанью пять дней, но на штурм воеводы так и не решились. Правитель Перми Великой Михаил Ермолаевич стал склоняться к поддержке казанцев. Осенью 1471 г. Иван III послал устюжского воеводу Федора Давыдовича Пестрого из рода князей Стародубских-Палецких с войском (в состав которого входили и воины из Коми края) на Каму, чтобы наказать самовольца-наместника. Отряд захватил города Искор, Урос, Чердынь, Покчу. Михаил и его воеводы Кача, Бурмот, Мичкин и Зынарь были арестованы. Войско зазимовало в срубленном в устье Покчи городке и ушла из Перми Великой в 1472 г.

Новгородцы тоже не давали жителям Коми края вздохнуть спокойно: в начале 1471 г. на Вашке и Мезени (Удоре, как называли эту землю коми) появились новгородские ратники. «Нечего подчиняться Москве, – должно быть, заявили они. – Платите дань Господину Великому Новгороду, как встарь. А кто не пожелает подчиниться, заставим силой». Удорцы оказались между двух огней: новгородцам, конечно, дань платилась издавна, но в последние годы властвовали в крае чиновники Московского князя. И те, и другие требовали послушания и грозили страшными карами за неисполнение своих указаний. Впрочем, в том же году великокняжеское войско под руководством князя Холмского разгромило новгородскую рать и не только вновь заняло северные волости, но даже захватило и сам Новгород. В октябре 1477 г. московское войско еще раз двинулось на Новгород, который не в силах был оказать сопротивление. После длительных переговоров 10 января 1478 г. Новгород окончательно признал утрату всякой самостоятельности и со всеми своими владениями был безоговорочно включен в состав Московского государства. У Москвы больше не было соперников в борьбе за обладание богатствами Коми края.

Существовала, правда, опасность нападения на этот регион воинственных вогулов и самоеди (ненцев), поэтому князь Василий Вымский продолжал строительство укрепленных городков. Один из них был заложен на Выми близ Турьи в 1480 г. – в тот самый год, когда Русь избавилась, наконец, от монголо-татарского ига – и должен был прикрывать путь, ведущий с Печоры и Ижмы на Вымь и Вычегду, в центр Коми края. Однако жители Выми без вос-

торга отнесли к этому начинанию, опасаясь, что появление городка и расположенной в нем княжеской дружины ограничит их свободы в пользовании угодьями. «Не по нраву нам это строительство. Не нужен нам этот городок. Еще неизвестно, против кого обратит свое оружие его охрана», – возмущались вымичи. Князь гнул свою линию – строить, и всё тут. Что называется, нашла коса на камень. Вспыхнул конфликт, люди схватились за оружие, и князь Василий был зарублен. После гибели Василия наместниками стали его сыновья Петр и Федор, вероятно, завершившие постройку Турьинского городка.

Первая перепись

Великому князю оставалось сделать последний шаг: провести описание земель и населения, вошедших в складывавшееся единое Московское государство. Для того, чтобы составить о своей державе точное представление, великий князь Иван III приказал переписать все города и села, разбросанные по обширнейшей территории – от Беломорья до степей, от Чудского озера до Вычегодского края. На большей части Коми края такое описание было проведено в 1481 г. дьяком Иваном Гавриловым. В Вычегодско-Вымской летописи говорится: «Лета 6989 (от сотворения мира; по современному летоисчислению – 1481 год) ...прислал князь великий Ивашку Гаврилова Вычегодские знамени и луки писать. Писал тое писец луки вычегоцкие, и вымские, и сысоленьские, и удоренские, и владыки Филофея вотчину (Усть-Вымь. – *Авт.*)...». Описание Ивана Гаврилова стало законодательным актом, окончательно закрепившим вхождение Коми края в Русское государство. Это была первая перепись, проведенная на территории Коми края. (Впрочем, само слово «перепись» тогда еще не употреблялось, в ходу был термин «описание»; к тому же материалы учета населения XV – середины XIX столетий далеко не соответствуют тому содержанию, которое сегодня мы вкладываем в понятие «перепись»; но мы для удобства изложения будем использовать термин «перепись» не только для «настоящих» переписей населения конца XIX–XX столетий, но и для материалов учета населения более раннего времени).

В то время коми (пермяне) жили на Вычегде (их селения начинались чуть выше устья Виляди и тянулись почти до устья Сысолы; самые низовья Вычегды к этому времени были уже обжиты русскими, русские жили и в Усть-Выми), Сыsole, Выми, Вишере, Вашке, Лузе, Виляди, Пинеге и верхней Каме. Верхняя Мезень, Летка и Вычегда (начиная с района, прилегавшего к устью Сысолы, и вверх по течению) не были заселены, но, вероятно, частично использовались в качестве промысловых угодий. Описание 1481 г. охватило не все эти районы, но основную их часть – Вычегду, Вымь, Вишеру, Удору, Сысолу и верхнюю Каму. Этот регион представлял определенную территориальную и административную общность, в отличие от юго-западной (Луза, Виледь) и северо-западной (Пинега, Немьюга) частей края, принадлежавших к иным территориальным объединениям и не попавшим в указанное описание.

В источниках того времени данная административно-территориальная общность именовалась Пермью Вычегодской. Начало формирования этой земли следует отнести к 1451 г., т.е. ко времени назначения сюда наместников великого князя. Именно тогда начинает оформляться административное единство этой территории; завершился этот процесс с проведением описания 1481 г., которое дало возможность центральным властям составить более точное представление о данной территории, расселении жителей и возможностях образования административно-территориальных округов. Пермь Вычегодскую можно рассматривать не только как административно-территориальное (подобно соседним Двинской и Устюжской землям), но в определенной степени и этническое образование, поскольку она представляла основную часть этнической территории коми. В Пермь Вычегодскую не вошли ближайšie к районам наиболее активной славяно-русской колонизации западные территории, населенные коми (Прилузье и другие, упомянутые выше), раньше других попавшие в сферу влияния складывавшихся Двинской и Устюжской земель.

Конечно, эта первая в Коми крае перепись 1481 г. очень сильно отличалась от современных. Во-первых, переписывались далеко не все жители, а только владельцы дворов, хозяйств. Во-вторых, кроме сведений о числе дворов, в переписях указывались также реки, озера, курьи, находившиеся на территории земли или волости, промысловые угодья («бобровые гоны» – места, где водились бобры, «рыбные и звериные ловли», «кречатьи садбища» – клетки для поимки кречетов), пашни и сенокосы. Все собранные сведения оформлялись писцами в виде рукописных писцовых (а позднее – также дозорных и переписных) книг. Как справедливо пишет ученый М.А. Клупт, «писцовые книги занимают почетное место в ряду предшественников современной статистики», несмотря на то, что содержащиеся в них данные порой плохо систематизированы, а абзацы в книгах «распространяются на несколько страниц, вызывая желание остановиться и передохнуть».

К сожалению, материалы писцового описания 1481 г. почти не сохранились. До наших дней дошли лишь три грамоты великого князя Ивана III (1483, 1485 и 1490 гг.), в которых содержатся сведения из описания 1481 г. В грамоте 1485 г., адресованной жителями Перми Вычегодской, в частности, прямо указано, что для ее составления сначала нашли перепись 1481 г.: «...обыскав наперед сего Гаврилово письмо, что Ивашка Гаврилов писал Пермские земли...».

Эти документы позволяют составить некоторое представление о населении Коми края, его занятиях и размещении. В грамоте 1490 г. упоминаются «дворы владычны (то есть принадлежащие епископу. – *Авт.*) с пашнями и с пожнями» возле Усть-Вымского городка. Но земледелие в XV в. в Коми крае было развито еще довольно слабо. Животноводство, видимо, играло несколько большую роль в хозяйстве, чем земледелие; во всяком случае, пожни, т.е. сенокосные

угодья, на которых заготавливался корм для скота, упоминаются в великокняжеских грамотах конца XV в. гораздо чаще, чем пашни. Некоторые двory в Усть-Выми были «без пашни, а пожни к ним есть». Жители края занимались и ремеслом, но, вероятно, в основном, для удовлетворения собственных нужд в одежде, обуви, орудиях труда и утвари. В грамоте 1490 г. среди епископских крестьян назван один человек, возможно, занимавшийся ремеслом более основательно – «Игнат сапожник». Ведущее значение в хозяйстве местного населения имели охота и рыболовство. Поэтому «государевы дани» брались с охотничьих и рыболовных угодий («за соболи, и за белку, и за бобровые гоны, и за кречаты садыбища, и за рыбные и звериные ловли»), и единицей обложения был не участок пашенной земли («соха»), как на Руси, а «лук».

Размер дани с каждой земли (в зависимости от количества «луков», т.е. взрослых мужчин-охотников, владельцев хозяйств, дворов) был определен Иваном Гавриловым в 1481 г. – «с лука по соболу. А не буде соболю, ино за соболю осударю четыре гривна (40 копеек. – *Авт.*)». Помимо выплаты «государевых даней», население Перми Вычегодской должно было содержать за свой счет и великокняжеских наместников, а также их администрацию (эта система называлась «кормлением»). Кроме того, великий князь пожаловал князьям Вымским во владение некоторые рыболовные угодья: «...против повоста Шеномскова (Шеном на нижней Вычегде. – *Авт.*) по Вычегде два озера, да под Еренским городком озеро да курейка, да по Вычегде-ж повыше владычново городка в Юруме четыре курьи, да по Сыsole реке в повосте Пылде (Пыелдино. – *Авт.*) два озера», строго оговорив при этом: «А в иных реках и озерах и угодьях волостных княщинам не быти и княжих ловцов и делавцов не засылати в никоторые».

Определить численность населения Коми края в XV в. можно лишь предположительно. В жалованной грамоте Ивана III 1485 г. отмечено, что в земле Пермь Вычегодская насчитывалось 1716 «луков», т.е. взрослых мужчин. Существует научная методика, согласно которой для вычисления общего количества жителей число взрослых мужчин умножается на 4. Если воспользоваться ею, то численность населения составит около 6,9 тыс. чел. В это число входит и население верхнекамских и нижневашских погостов, относившихся в тот период к Перми Вычегодской. Если исключить верхнекамские селения и добавить Прилузье, не входившее в Пермь Вычегодскую, то можно заключить, что всего в Коми крае в 80-х гг. XV столетия предположительно проживало (по данной методике) около семи тысяч человек – коми и русских.

Можно попытаться оценить численность населения Коми края другим путем. Если учесть, что в 1490–1586 гг., по имеющимся данным, население Усть-Вымской вотчины возросло на 65%, и предположить, что население края в целом увеличивалось сходным образом, то, исходя из того, что в конце XVI в. в Коми крае проживало 19–21 тыс. чел., можно оценить численность населения края в конце XV столетия в 12–14 тыс. жителей. Однако надо принять во внимание, что рост населения в XV–XVI вв. происходил не только

путем естественного прироста, но и за счет массового притока в западную часть края русских переселенцев. Поэтому примерную численность населения в конце XV в. следует уменьшить до 10 тыс. чел. Таким образом, в конце XV в., во время проведения первой переписи, в Коми крае проживало, по приблизительным оценкам, от восьми до десяти тысяч человек.

О существовавших тогда населенных пунктах известно очень мало: уже были, кроме упоминавшихся ранее Усть-Выми и Вотчи, Турья (о ней впервые упомянуто в летописи накануне проведения переписи, в 1480 г.), деревни Ыб на Выми, Оквад, Коквицы (упомянуты в грамоте 1483 г.), Ужга, Вендинга, Пыелдино (в грамоте 1485 г.), Тыдор, Вездино, Важгорт, Княжпогост (в грамоте 1490 г.). На демографическое развитие отрицательное влияние оказывали эпидемии различных болезней, возможности борьбы с которыми в условиях неразвитости медицины были крайне ограничены. Так, в 1494 г. жителям Пермской земли «было добре тяжко вельми от болезни, от трясавицы и от огненные многие люди изомроша». Данных о миграционных процессах в Коми крае в XV в. практически нет. С достаточной долей уверенности можно предполагать только наличие значительного притока русских переселенцев в западные районы края – на нижнюю Вычегду, нижнюю Лузу, Пинегу.

Каждый из районов проживания территориально-племенных групп коми – пермян удорских, вымских, нижевычегодских, сысольских зырян (сырьян) и ужгинских сирян составил отдельный административно-территориальный округ: Удорскую, Вымскую (включавшую и Вишеру), Вычегодскую, Сысольскую земли и Ужгинскую волость (в нее входили верхняя Сысола и верхняя Кама; позднее, в конце XVI в., территория по верхней Каме обособилась от Сысолы, и там сложилась своеобразная группа зюздинских коми-пермяков, очень близкая по языку и культуре современному коми населению верхней Сысолы). То же самое следует сказать и относительно территорий расселения пермян вилегодских, лузских, пинежских, оказавшихся вне административных границ Перми Вычегодской. Лишь один округ был образован не на территориально-племенной основе – Усть-Вымская вотчина епископов Пермских, или Владычная волость.

К Вычегодской земле относилась территория по р. Вычегде от устья р. Нижней Лупы (несколько выше устья Виледи, значительно западнее нынешних рубежей Республики Коми) примерно до устья р. Пожег в среднем течении Вычегды. Чресполосно с ней располагалась Владычная волость, включавшая в себя Усть-Вымское городище и погост Оквад на средней Вычегде, д. Ыб в низовье Выми, погост Вожем и несколько деревень близ Яренска на нижней Вычегде (к западу от современной границы Республики Коми). В составе Вымской земли находилась территория по р. Вымь (с верховьев до д. Ыб), р. Ухта и р. Вишера, в составе Сысольской земли – территория по средней и нижней Сыsole и по Вычегде от рубежа Вычегодской земли до устья Локчима и по Локчиму. Верховья Сысолы и Камы составляли Ужгин-

скую волость. Границами между Ужгинской волостью и Сысольской землей служили притоки Сысолы Тыбью и Лопью, а между Ужгой и Чердынью – приток Камы Порыш. Удорская земля включала в себя всю Вашку, верхнюю и среднюю Мезень (до устья Вашки). О внутреннем делении земель во II половине XV в. сведений почти нет. Известно лишь, что Усть-Вымская вотчина состояла из трех округов: Усть-Вымского городища с соседними деревнями, в том числе с д. Ыб; погоста Аквада (Оквад) с деревнями и погоста Вожема с деревнями. Учитывая, что во Владычной волости то же внутреннее деление сохранялось и в XVII в., можно предположить, что и в остальных землях-волостях Перми Вычегодской во II половине XV в. внутреннее деление было сходным с существовавшим в конце XVI – начале XVII столетий.

Лузская Пермца и Вилегодская Пермца относились к Устюжской земле. Территории большинства новых административно-территориальных образований конца XV – XVI в. на севере Руси складывались из прежних феодальных владений, а юго-запад Коми края раньше других его частей попал под контроль русских (ростово-суздальских, затем московских) князей, что произошло, вероятно, еще в XIII–XIV столетиях, вслед за основанием Устюга. Верхняя Луза входила в состав административно-территориального округа Лузская Пермца – об этом информирует жалованная грамота 1485 г. Границы Лузской Пермцы в грамоте не указаны, и какая точно часть р. Лузы входила в нее, не известно; отмечено лишь, что уголья лузских пермян располагались также на реках Вятского бассейна Летке, Кобре и Моломе, следовательно, Лузская Пермца была обширнее современного Прилузского района Республики Коми.

Крайняя северо-западная часть Коми края – по Пинеге и Немьюге – относилась к Двинской земле. На Пинеге коми (пермяне) жили в волости Пермские (или стан Перемский) и, возможно, в стане Сура Поганая – жалованная грамота 1485 г. сообщает: «А что пермски (пермяки. – *Авт.*) на Пенеге в станах Перемские и Сура Поганая, ...они присуду Двинские земли, Кегрольские». На р. Немьюге располагалась волость Немьюга, где также, возможно, жили коми. Это были самые первые административно-территориальные образования, сложившиеся в населенном коми народом регионе.

Отдельными частями Перми Вычегодской (землями и волостями) руководили «сотники волостные», избиравшиеся местным населением. Князья Вымские не могли заменять сотников по своей воле. В грамоте 1485 г. и в Вычегодско-Вымской летописи (под тем же годом) упомянуты четыре сотника: Алексей Козак, Кирос Устинов, Сидор Онкудинов и Сенька (Семен) Микитин; кто из них какую именно землю представлял, не известно.

В Вычегодской земле насчитывалось 437 «луков» (хозяйств, дворовладельцев), в Вымской земле – 367 «луков», на Вишере (подчиненной Вымской земле) – 46 «луков», в Удорской земле – 228 «луков», в Сысольской земле – 536 «луков», в Ужгинской волости – 92 «лука».

Епископ Пермский являлся единственным в Коми крае относительно крупным феодалом. В его вотчину входили владения епископов близ устья Выми («владычен городок» Усть-Вымь, погост Оквад, д. Коквицы на Вычегде, д. Ыб на Выми) и Яренска (погост Вожем, Вожемский укрепленный городок, деревни Базлуг и Яма). В 1490 году в Усть-Вымской вотчине насчитывалось 49 крестьянских дворов. В укрепленной части Усть-Выми располагались дворы епископа Филофея и его брата и осадные дворы на случай вражеского нападения, в которых укрывались от опасности окрестные крестьяне. Возле укреплений находилось 18 дворов, где жили крестьяне и церковнослужители. В деревне Ыб насчитывалось восемь дворов, в Окваде – 17.

Увеличить свои владения епископы не могли: великий князь в грамоте 1485 г. запретил наместникам и «волостным людям большим» передавать (продавать, завещать, дарить) «волостных деревен, и рек, и озер, и иных угодий никоторых владыке и владычны слуге, и десятильником, и игумном, и попом... ни в закуп, ни по душе». В тех случаях, когда в руки епископов все же попадали волостные угодья, их возвращали назад в чернососшные владения. Так, в 1490 г. Иван III «придал... земли, воды и угодия в тягло Вычегодской земле тем людям, у ково владыки те земли, и воды, и угодья поимали (отняли после переписи 1481 г. – *Авт.*). А будет тех людей те земли и воды и угодья волости, а владыкам в те земли и воды и в угодья не вступатися». «Волостным людям» велено было вернуть епископу или епископским крестьянам полученную у них под залог угодий пушнину.

Сохранившиеся материалы первой переписи содержат некоторую информацию и о старинных именах и фамилиях местного населения. Надо сказать, что в то время фамилии жителей Коми края еще только начали формироваться. Основой для их возникновения послужили личные имена, отчества и прозвища. Первоначально возникли личные имена, т.е. имена, которые присваивались людям при их рождении и под которыми они были известны в обществе. Документы, к сожалению, практически не сохранили национальных коми личных имен, которые, вероятно, «повторяли» нарицательные слова – названия животных, растений и т.д. В грамоте 1490 г. названы следующие имена жителей Оквада, которые, возможно, являются древними: Чирак (чирак – один из видов уток), Помас, Турка.

С начавшейся в конце XIV в. христианизацией края исконные коми личные имена стали вытесняться личными именами, заимствованными у русских, причем как церковными именами (Иван, Дмитрий и т.п.), так и мирскими (Некрас, Ждан и др.). Последние получили среди коми меньшее распространение, чем христианские, поскольку примерно тогда же (XIV в.) началось расширение удельного веса церковных личных имен и постепенное вытеснение неканонических имен у русских, от которых и шло заимствование. Например, в Окваде в 1490 г. 26 из 29 имен принадлежали к церковным: Петруша (Петр), Якуш (Яков), Сенка (Семен), Ивашка, Гаврилко, Ондрейко, Васка, Захарка и др.

На ранней ступени развития общества для того, чтобы различить людей между собой в относительно немногочисленном коллективе, каждому человеку достаточно было иметь одно имя. Но с расширением контактов между людьми, возникновением частной собственности, имущественного неравенства, появлением права наследования для различия одноименных личностей потребовалось сначала второе слово-уточнитель (прозвище или отчество), а затем и третье – фамилия. Наиболее древние известные прозвища (т.е. именованья, даваемые человеку по тому или иному его свойству, причем не при рождении, а позднее) известны по материалам переписи 1481 г. В грамоте 1490 г. упомянуты Игнатка Задняя нога в Усть-Выми, Помас Старый и Петруш Сухой в Ыбу (на Выми), Помас Толмач, Агафонка Тороп и другие в Окваде.

Отчества (прозвания, обозначающие отца носителя того или иного имени; очень редко аналогичное прозвание указывало на мать, например, Василисин) жителей Коми края зафиксированы также первой переписью: Кироска Устинов, Сидорка Онкудинов и Сенька Микитин названы в грамоте 1483 г., «Федька да Сенька Григорьевы дети», Демидка Максимов и другие – в грамоте 1490 г. (у «простолюдинов» отчества писались без суффикса «-вич»). Фамилия – это наследственное именование, которое стало обозначать всех членов семьи и переходить из поколения в поколение (от отца или матери к сыну и дочери), а также от мужа к жене или наоборот. В материалах переписи 1481 г. в Усть-Выми упомянуты Щербинин, Ляпунов, Конев, Горошкин, но это были еще, скорее, прозвища, которые носил только один человек, а к следующему поколению они еще не передавались, т.е. еще не стали «полноценной» фамилией.

Вот такую разнообразную информацию можно извлечь из сохранившихся материалов первой в Коми крае переписи 1481 г. Еще раз подчеркнем, что это описание имело чрезвычайно важное значение, так как оно служило цели официально закрепить земли и население за Русским государством. Проведением переписи 1481 г. завершился длительный процесс вхождения Коми края в состав Русского государства, начавшийся еще в XI–XII вв. с первых попыток новгородцев и ростовских князе обложить данью коми народ и борьбы между ними и московскими князьями за «печорские дани» в XIII–XIV столетиях.

На Печору и в Югору

Закрепившись в землях коми, московские государи использовали Вычегодский край как базу для распространения своей власти на Печору. В низовьях реки, где кочевала самоедь (ненцы), издревле бывали новгородские, а затем московские данщики, но переход этого удаленного края под непосредственное управление великих князей стал возможным лишь в конце XV в. по окончании феодальных междуусобиц и укрепления центральной власти на Севере.

Вспомнив об успешном походе в Югру 1465 г., великий князь Иван III в 1483 г. послал на Печору и далее за Урал «на Югру на Обь Великую» рать во главе с князем Федором Курбским Черным и сыном боярским Иваном Салтык Травиным. В состав рати входили и жители Коми края – «вычегжаны, вымичи, сысолечи». Войско могло пройти через Пермь Вычегодскую и по Печоре либо через Пермь Великую (второй вариант, по мнению исследователей, более вероятен). Перевалив через горы, воеводы разгромили вогулов на р. Пелым: «На том бою убили устюжан 7 человек, а вогуличь паде много», «князь вогульский Юмшан утекл со своим со всем». Затем рать двинулась «вниз по Тавде реке в Сибирскую землю», прошла до Иртыша и Оби, где воеводы «Великую землю Югорску воевали, князя их Молдана большово в полон вели, добра и полону взяли многие». В плен попали и два сына князя Емчихея. Московская рать понесла большой урон: «...померло вологжан много, а устюжане все вышли». О потерях среди ратников из Коми края в летописи ничего не говорится. 1 октября 1483 г. войско вернулось в Устюг.

В 1484 г. в Москве велись переговоры между великим князем Московским и вогулами относительно дальнейших взаимоотношений между Югрой и Русью. В переговорах в качестве посредника участвовал епископ Пермский Филофей. Одну из делегаций вогулов, получившую «опас» (охранную грамоту) для князя Юмшана, сопровождал из Москвы «владычный слуга» Леваш. В 1485 г. вогульские князья Юмшан, Калба и Ломотко прибыли к Филофею в Усть-Вымь для продолжения переговоров. Филофей сопровождал их в Москву. Переговоры оказались успешными, и в том же году вогульские князья подписали близ Усть-Выми мир с князьями Вымскими Петром и Федором, представителем епископа Пермского Левашом и сотниками «Вычегодские земли пермский» Сидором Онкудиновым, Алексеем Козаком, Кирсом Устиновым и Семеном Микитиным. Вогулы «со злота воду пили» и обещали «лиха не мыслити, ни силы не чинити над пермские людие» и подчиняться великому князю.

Договор, однако, оказался не крепок. Вогульские князья не очень-то стремились признавать верховную власть далекого московского князя, у которого к тому же опять возникли проблемы с мятежными вятчанами. Последние в 1486 г. дважды нападали на Устюг. Опасались их набега и жители Коми края: «Пермские люди в то лето сидели великим страхованием от вятчан», – рассказывает летопись. Иван III вынужден был прислать сюда войско и держать его здесь до осени, чтобы «от вятчан устюжские и вычегодские места беречи». Только в 1489 г. Иван III смог привести к покорности Вятскую землю, послав туда большие военные силы под началом Даниила Васильевича Щени и Григория Поплевы Морозова. В этом походе участвовал и отряд из Коми края («вычегжаны, вымичи, сысолечи»). В конце июня рать подступила к городку Котельнич; туда же подошел союзный отряд казанских татар. Были заняты

все вятские городки, осажден Хлынов – центр Вятской земли. Вятчане сдались и присягнули на верность великому князю. Набеги на южные границы Коми края окончательно ушли в прошлое. Вероятно, в эти годы к Пермской епархии отошли вятские церкви (а в 1492 г. к ним добавились «церкви на Вологде да в Двинской волости», и епископ Филофей больше стал бывать в Вологде, чем в Усть-Выми). Покончив с Вяткой, Иван III вновь повернул свой взор к Печоре.

Этот регион привлекал внимание Москвы не только пушшиной. Для чеканки монеты на Московском монетном дворе требовалось много серебра. На Руси месторождений последнего не имелось, так что приходилось использовать в качестве «лома» западноевропейские монеты. Между тем по крайней мере с 1213 г. имелись сведения о том, что серебро и медь есть на далекой северной речке Цильме.

В 1490 г. Иван III обратился к императору Священной Римской империи Максимилиану с просьбой прислать ему горных мастеров, умеющих добывать золотую и серебряную руду и выплавлять из нее металл и после прибытия двух «немцев» (вероятно, итальянцев) «Ивана» и «Виктора» 26 марта 1491 г. отправил из Москвы на Цильму первую в истории российскую правительственную геологоразведочную экспедицию для поисков и разработки серебряной и медной руды. Руководили экспедицией «дети боярские» Андрей Петров и Василий Иванов Болтин. Рудоискатели добрались до Северной Двины, затем направились по Вычегде, Выми и ее притоку Тетере до Ухтинского волока, а далее по Ухте, Ижме и Печоре до Цильмы, прибыв туда к лету. Поиски на отрогах Тиманского кряжа увенчались успехом – 8 августа 1491 г. была найдена серебряная и медная руда на Цильме («не доходя Космы реки за полдница, а от Печеры реки за семь днищ»). Особенно значительным было месторождение меди: «...а места того, где нашли, на десяти верстах». Успех экспедиции был связан с тем, что в распоряжении ее участников, видимо, имелись какие-то сведения о рудных залежах; не исключено, что горные мастера ориентировались и на следы каких-либо старых выработок. В конце лета рудоискатели двинулись в обратный путь и 20 октября, преодолев путь в «полчетверты (три с половиной. – *Авт.*) тысячи верст», вернулись в Москву. 1491 год принято считать началом горнометаллургического промысла в Московском государстве.

В 1492 г. Иван III послал на Цильму вторую экспедицию – грека Иммануила Иллария (Мануила Иларьева или Ралева), Ивана Брюхо Кузьмина Коробьина и уже знакомых с местностью А. Петрова и В.И. Болтина. В состав экспедиции входили «мастеры из Италии» (они должны были «серебра делать и меди») и 240 русских рабочих с Северной Двины, Пинеги и Устюга («делавцы, кому руда копати»). А чтобы снабжать их продовольствием, определили еще «пермич, и вымич, и вычегжан, и усолич сто человек». На Цильме в 7 км выше впадения в нее р. Рудянки были заложены рудники, построены плавильные печи. Выплавленный металл по рекам и волокам отправляли в Вологду,

а оттуда в Москву. Серебряные руды оказались, однако, слишком бедными для их разработки. О золотых месторождениях никаких достоверных данных не сохранилось, хотя, по некоторым данным, на Цильме добыли и какое-то количество золота, из которого, возможно, в 1497 г. была отчеканена монета с изображением Святого Николая, подаренная Иваном III **своей дочери Феодосии**. Если это сообщение соответствует действительности, тогда это была первая в истории России золотая монета, изготовленная из отечественного золота. Медные руды содержали до 50% металла, но и добыча меди вскоре прекратилась – горно-геологические условия были сложными, очень трудно оказалось снабжать рудокопов и вывозить добытую руду (единственными путями сообщения были реки, населенных пунктов поблизости не было), да и сезон добычи был весьма короток. К тому же мешали налаживанию дела враждебные отношения печорской самояди и вогулов.

Знавали на Руси не только про цилемский металл. Кроме того, с XV в. было известно о наличии нефти на р. Ухте. Двинская летопись сообщает, что жители региона используют добытую там нефть для лечения некоторых болезней и смазки осей телег.

В середине 90-х гг. Ивану III пришлось на время отвлечься от северо-восточных границ Московского государства и обратиться к северо-западным рубежам, которым угрожали скандинавы, стремившиеся укрепить свое влияние в Финляндии и Карелии. В июне 1496 г. войско под началом Ивана и Петра Ушатых было направлено в Каянскую землю и привело под власть великого князя обитателей селений, расположенных на берегах р. Лименги. В этом походе участвовали устюжане, важане, двиняне и пермяне, земли которых также, возможно, подвергались набегам скандинавов. Летопись сообщает, что «устюжане», «пермичи» и другие совершили удачный поход на шведские земли: «взяша три бусы (корабля) со всем на море, и полону приведоша», причем вернулись они в октябре «по здорову со всеми силами».

Решающий шаг в присоединении Печоры к Русскому государству был сделан в 1499 г. Тогда «повелев князь великий Иван воеводам своим князю Петру Ушатому да князю Семену Курбскому да Василью Бражнику» с большим войском идти покорять Печору и усмирять отказывавшихся признавать великокняжескую власть вогулов. П. Ушатай «с вологжаны, двиняны, важаны» по Пинеге, Коле, Мезени и Пезе добрался до Цильмы и Печоры. Воины П. Ушатого, как сообщает летопись, «идучи самоядцов за великого князя привели». Затем в низовья Печоры прибыли другие русские дружины и отряд Петра и Федора Вымских («вычегжаны, вымичи, сысоличи 700 человек»). Здесь, близ современного г. Нарьян-Мара, «на Пусту» был построен укрепленный городок Пустозерск – первый город за Полярным кругом, ставший опорным пунктом Русского государства на крайнем Северо-Востоке Европы. Среди его строителей и первых обитателей были русские и коми.

Проведя в Пустозерске осень, воеводы выступили за Урал против вогулов и «шедшу пеши зиму всю, ...земли их воеваша». Во время зимнего похода 1499–1500 гг. погиб князь Петр Вымский, но в целом экспедиция оказалась успешной: «князей ослушников» взяли в плен и отвезли в Москву, а прочих вогулов заставили поклясться в верности великому князю и дать обещание не нападать на его подданных в Коми крае. С этого времени Печорский край вошел в состав Русского государства.

Пустозерский городок стал постепенно расти. В 1502 г. великий князь направил туда князя Федора Вымского – «правити на Пусте-озере волостью Печорою». В Вычегодском крае князья-наместники были ему уже не нужны, поскольку земли коми перестали быть «порубежными». Теперь нужно было укреплять новые северо-восточные рубежи.

Очерк 3. ЭПОХА ВЕЛИКИХ ПЕРЕСЕЛЕНИЙ

«Копить слободку»

Шли десятилетия, и людей на Европейском Северо-Востоке становилось все больше и больше. В этот отдаленный уголок, ставший неотъемлемой частью Русского государства, тянулись переселенцы из других мест, преодолевая в пути неимоверные тяготы. Их вынуждали уходить на Северо-Восток разные причины. В центральных районах Московии государь жаловал князьям и боярам все новые и новые земли. А те, расширив свои владения, желали прибрать к рукам и крестьян, которые обрабатывали бы для них эти земли. Чтобы земледельцы не разбежались, им запретили покидать отведенные земельные наделы – «прикрепили» к земле; складывалось крепостное право. Лишь на исходе осени, когда годовой цикл сельскохозяйственных работ завершался, крестьяне могли уйти от владельца в другие места. На это отводилось им две недели: неделя до и неделя после Юрьева дня – праздника в честь святого Георгия (Юрия), отмечавшегося 26 ноября. Но предварительно нужно было выплатить владельцу плату за проживание на земле – «пожилое». В начале XVI в. эта плата составляла один рубль. Сегодня иной человек поленился рубль с земли подобрать, а тогда этих денег хватило бы на 7 пудов меда (пуд, если кто не помнит, чуть больше 16 килограммов), аж 100 пудов ржи либо лошадь, причем не какую-нибудь клячу, а вполне приличного коня. На пять рублей – стоимость нынешней поездки в автобусе – можно было спокойно купить лихую тройку лошадей, вволю овса для них, сани – и кататься сколько душа попросит, по любому маршруту.

Нежелавшие попадать в крепостную зависимость люди, страдавшие к тому же от набегов крымских татар (умудрившихся во время одного из набегов в 1571 г. даже захватить Москву), разорительного воздействия долгой Ливонской войны, которую с 1558 по 1582 г. вел с Ливонским орденом рыцарей, польско-литовскими и шведскими войсками Иван Грозный, стремившийся захватить часть нынешних Эстонии и Латвии с морскими портами, бежали на Север, свободный от бояр и помещиков. К тому же хотелось держаться подальше от опричнины – той части государства, где царь в 1565–1572 гг. завел особый порядок управления и самым жестоким образом уничтожал своих настоящих и мнимых врагов, их «пособников» и «прислужников». Особые воины-опричники с прикрепленными к седлам собачьими головами метлами (в знак того, что они загрызут врагов и выметут из страны измену) носились по дорогам Новгородской и других земель, сжигая усадьбы «изменников» и устраивая массовые казни, убивая правых и виноватых.

За счастье почиталось обустроиться на берегах Северной Двины, где не свирепствовали опричники, не грозили нападения иноземных войск, не доминировали феодалы. Однако там со временем начала ощущаться нехватка пахотных земель, и крестьяне шли дальше на восток – на Вычегду, Лузу, в бассейн

Мезени, на Печору... Да и на Двине далеко не всем жилось сладко. В XVI столетии среди крестьян стали выделяться разные слои населения: зажиточные (или «лучшие»), средние и бедные («молодшие», «младшие»). Часть жителей нищала, лишалась земли и угодий, переходивших к более зажиточным односельчанам, и вынуждена была покидать родные места, чтобы искать счастья в других районах, и, в частности, в соседнем Коми крае. Постепенно в XVI в. большинство жителей в низовьях рек Вычегды, Лузы и Вашки было русского происхождения, хотя там, конечно, продолжали жить и ранее обжившие эти берега коми.

В поисках земли под пашню, лугов, охотничьих и рыболовных угодий наиболее отчаянные и предприимчивые добирались до самых северных районов. В 1542 г. на нижней Печоре появился новгородец Иван Дмитриевич Ластка. Он происходил из старинного рода князей Ростовских, который до опричнины играл видную роль на Руси. Свое родовое имя ветвь Ластки приобрела во второй половине XV столетия, а ее первый представитель князь Ластка являлся праправнуком Ивана Калиты и пятиуродным братом государя всея Руси Ивана III, **о борьбе которого с Дмитрием Шемякой мы уже рассказывали**. В тридцатых годах XVI в. Ластки утратили княжеский титул. Основатель Усть-Цильмы И.Д. Ластка был, вероятно, внуком первого Ластки и семиуродным братом Ивана Грозного, который и позволил ему поселиться в устье Цильмы.

Поначалу И.Д. Ластка и его товарищ Влас поселились в местечке Старые Дворища, но затем выбрали для жительства противоположный берег Печоры. На месте сгоревшего леса они устроили пашню. В 1544 г. Иван Грозный пожаловал своему родичу и его компаньону право пользоваться рыболовными угодьями на Печоре и ее притоках, принимать в основанном ими поселении новых жителей («копить слободку») и на первое время освободил поселенцев от выплаты различных пошлин. Поэтому селение в устье Цильмы получило название «Усть-Цилемская слободка» – от слова «свобода» или, как говорили тогда, «слобода». Льготы привлекали на окраину государства переселенцев, и к основателям слободки быстро присоединились выходцы с Мезени, Пинеги, Северной Двины и даже из Карелии. В 1564 г. Усть-Цильме в то время имелось 14 крестьянских и несколько церковных дворов.

В 1575 г. здесь насчитывалось 20 дворов (16 крестьянских и четыре церковных двора и кельи), в одном из которых жил основатель слободки с сыном, которого тоже нарекли Иваном. На свои деньги И.Д. Ластка построил первую в Усть-Цильме деревянную церковь Николая Чудотворца. Жители носили фамилии Дуркин, Калинин, Онищев, Толстой, Корела (переселенец из Карелии) и Чупра (родоначальник Чупровых). Они занимались, в основном, рыболовством («ловят красную рыбу семгу и белую рыбу», рассказывает об этом документ той поры), охотой, животноводством на обширных угодьях по Печоре

до устья Усы, по Ижме до устья Ухты, по Пижме и Цильме, а также, несмотря на суровые природно-климатические условия, даже земледелием, хотя, правда, без особого успеха. В одном из старинных документов того времени говорится, что в слободке позади дворов находятся «капустные огородишки» и «хлебные пашенки», но жители Усть-Цильмы иногда собирают с них урожай, а в иной год и нет, потому что посевы «морозом убивает». Держали они и скот. Со временем в Усть-Цильме сложилась своеобразнейшая группа севернорусского населения («усть-цилёмь»), имеющая весьма примечательные особенности культуры и быта. Подчеркивали свою самобытность и сами местные жители; известен характерный случай, как одна из женщин в беседе с ученым заявила, что она не коми и не русская, а усть-цилёмка.

Быстро росло население Пустозерского городка. В 1575 г. там насчитывалось 144 двора, где жили «русаки» и «пермяки» (русские и коми). Поселившиеся буквально на краю света выходцы из Пскова, Вологды и других мест обживали местность, заводили хозяйство, ловили в реках и озерах «красную рыбу семгу» и «белую рыбу», охотились на морского зверя на побережье Ледовитого океана... Селились русские и в других районах – чаще всего ставя свои избы бок о бок с коми керками (керка – по-коми дом).

Во второй половине XVI столетия крестьяне получили возможность обживать куда более удобные и богатые, чем Коми край земли. После вхождения в состав Русского государства Казанского (в 1552 г.) и Астраханского (в 1556-м) ханств, укрепления там власти московских государей появилась возможность для освоения русскими Поволжья, нижней Камы и нижней Вятки. А после того, как в конце XVI в. **рухнуло под ударами «государевых ратей»** Сибирское ханство, перед крестьянством открылись необозримые просторы Сибири и Приуралья (свою роль в этом сыграли и жители Коми края, о чем мы еще поведаем вам в другом рассказе). Они привлекли внимание множества людей. Сотни и тысячи переселенцев с Русского Севера, минуя Коми край, устремились за Урал, в Вятско-Камский регион и Поволжье. На территорию Коми края стало приходиться все меньше переселенцев из русских регионов. Постепенно сложились устойчивые границы между территориями расселения коми и русских на западе и северо-западе – там, где они пролегают и поныне: по селу Спаспоруб на Лузе, у с. Межег на нижней Вычегде, близ деревень Коптюги на Вашке и Латьюги на Мезени. Коми, жившие западнее, со временем смешались с русскими, переняли их язык и обычаи.

Примечательно, что история не сохранила нам ни одного упоминания о сколь-либо серьезном конфликте между коми и русскими – крестьянам нечего было делить между собой, покуда земли и леса хватало на всех. Наоборот, новоселы и старожилы обменивались опытом ведения хозяйства, перенимали друг у друга удобные орудия труда, приемы работы... Русские учились у опытных коми охотников и рыболовов тому, как лучше добывать в местных

условиях зверя, птицу и рыбу. Для коми особенно важным стало знакомство с тем, как русские крестьяне обрабатывают землю. Принятая «на вооружение» русская соха улучшила качество пашни, усовершенствовалась обработка зерна, коми стали выращивать капусту, свеклу, чеснок, лук... Несложно найти русские заимствования в животноводстве, ремесле, жилище и хозяйственных постройках, одежде, утвари и посуде, пище.

Почин новым селениям

Внимательно поглядывая на русских соседей, коми в XVI в. все больше внимания стали уделять земледелию. Удивляться этому не приходится. И дело не только в том, что на примере русских крестьян коми охотники убедились в том, что земледельческий труд вполне может стать главным кормильцем человека. К занятиям землепашеством подталкивали и условия жизни. По мере увеличения численности населения (в середине XVI столетия на Европейском Северо-Востоке насчитывалось 10–12 тысяч коми – смешное с позиций нынешних число, но ведь по сравнению с XV в. численность коми возросла в полтора-два раза!) возникли проблемы: требовалось добывать все больше зверя, птицы, рыбы. Нужны были новые охотничьи и рыболовные угодья, вблизи селений найти их было уже очень мало и в конце концов совсем не осталось. В Коми крае начался перепромысел зверей: их убивали скорей, чем успевала восстанавливаться численность животных, и тех становилось все меньше. К концу XVI столетия в Коми крае из пушных зверей в изобилии водилась, вероятно, лишь белка, а соболей и других ценных пород, видимо, стало существенно меньше. Сократилось и количество оленей, кабанов, лосей и других животных.

Охотники в поисках добычи вынуждены были уходить все дальше и дальше от дома, в Припечорье, тундру и даже за «Каменный пояс» (Уральские горы), на длительный срок. Уже в середине XVI в. коми, а также севернорусские промышленники («промышлявшие», то есть ловившие зверей и дичь) с Пинеги и Ваги стали забираться в «звериные угодья» и «рыбные ловли» самоедов (так тогда называли ненцев). Иван Грозный в 1545 г. даже направил в Коми край грамоту с гневными словами, сурово потребовав вернуть самоедам их родовые угодья. А в конце XVI в. уже жившие на реке Обь остяки (ханты) жаловались, что коми «зверуют» в их угодьях, истребляя соболей, бобров и лисиц.

Рыбная ловля у коми всегда играла менее значимую роль, чем охота. В конце XVI в. для абсолютного большинства обитателей южных районов края она имела подсобное значение и, за редчайшим исключением, никак не могла быть основным источником средств существования. На Печоре рыболовство, конечно, имело гораздо большее значение.

Поскольку стало ясно, что охота и рыбалка семью не прокормят, волей-неволей пришлось переквалифицироваться в животноводы и земледельцы.

Все больше появлялось в хлевах разной живности: лошадей, коров, овец, коз. На Лузе крестьяне держали еще и свиней, а в других частях края этих зверюшек почему-то не жаловали. В заполярном Пустозерске русские и коми с конца XVI в. стали понемногу заниматься оленеводством, причем первое время коми нанимали пасти оленей опытных в этом деле ненцев. Росли посевы ячменя и ржи, на юге некоторые земледельцы сеяли также пшеницу и овес – правда, в небольшом количестве, поскольку теплолюбивые растения в Коми крае приживались плохо, и упорный труд крестьянина не слишком теплым летом мог пропасть напрасно. Во второй половине XVI столетия земледелие заняло важное место в хозяйстве жителей Коми края. Не случайно при проведении описания 1564 г. государевы писцы провели налогообложение населения уже не по «лукам», как раньше, а по «сохам» – так, как в земледельческих регионах государства.

Но со временем удобные для земледелия площади по берегам рек в заселенных районах были заняты. Можно было бы расчищать пашню в лесах, однако несовершенство существовавших орудий труда делало такие расчистки слишком трудоемкими. Земли стало не хватать. Маловато становилось сенокосных угодий, необходимых для содержания скота.

Делать было нечего – сыновья, испросив разрешения родителей, покидали отчий дом и направлялись в необжитые еще уголки Коми края, дабы там поставить свои дворы и завести хозяйство. Дома, конечно, строились возле рек – но не слишком близко, иначе зальет в половодье. Поэтому, кстати, для жилья всегда выбирали высокий берег. Передняя часть домов обычно была обращена к реке, и из окон открывался прекрасный вид.

На том же берегу возле селения распахивали землю под пашню – тоже поближе к реке, где лес не такой густой, и легче было отвоевать у него место для поля. Хорошо, когда удавалось устроить пашню на обращенных к югу склонах, которые лучше прогревались не больно-то щедрым на тепло северным солнцем. Старались, чтобы возле домов и пашен не оставалось деревьев, не только занимавших нужную для посадок землю, но и загораживавших солнце.

На противоположных низких берегах, заливавшихся водой, располагались луга, где заготавливали сено для скота. Не случайно в названиях многих населенных пунктов присутствуют слова, обозначающие возвышенность, поле на возвышенности, луг...

Особого порядка в расположении домов не было. Новоселы, присоединявшиеся к основателю селения, тоже ставили избы у реки, в некотором отдалении от уже существовавших. Порой, если позволяли условия, дома оказались разбросанными на довольно большом расстоянии друг от друга, поближе к своим полям. Напротив дома в ряд плотно друг к другу (место надо было экономить) возводились хозяйственные постройки – погреб (заменявший людям холодильник), амбар для хранения зерна, муки и некоторых

других продуктов, дровяник, хлев для скота. От двух углов дома к этим постройкам тянулись две изгороди, одна из них – с воротами и калиткой.

Когда крестьянин облюбовывал себе место, он начинал очищать его от леса, готовя место для дома и пашни, «занимал» его. Появлялось «займище». Небольшие новые населенные пункты, обычно состоявшие всего из одного двора, назывались починками – от слова «почин», то есть начало. Если его основатели по каким-то причинам уходили в другие места, бросив пустой двор (или, не дай бог, умирали от голода и болезней), то на месте починка оставалась «пустошь» (т. е. пустое, безлюдное место). А в том случае, ежели жизнь развивалась нормально, починок рос и со временем становился деревней.

В середине XVI в. на берегах безлюдной ранее верхней Мезени появились починки вымичей. Поселились на Мезени и русские крестьяне. Один из них, Глотов, сумел добиться налоговых послаблений для себя и своих соседей, и населенный пункт, в котором он жил, стал по его фамилии называться Глотовой слободкой (современное село Глотова). Легенда, впрочем, совсем по-другому рассказывает о происхождении названия этого населенного пункта. Будто бы напротив слободки в глубоком омуте жило чудовище Глот, то и дело глотавшее, причем целиком, животных, которых крестьяне приводили на водопой. Ничего с этим чудищем поделаться не могли, пока, наконец, за дело не взялся колдун. Он дал своему сыну нож, зашил его в коровью шкуру и бросил в воду. Глот решил полакомиться коровой и проглотил добычу. А сын колдуна разрезал ножом шкуру и брюхо чудовища и выбрался на берег. Из ребер сдохшего Глота жители сделали столбы для ворот, а слободка с той поры стала называться Глотовой. Какому объяснению происхождения названия верить – выбирайте сами...

В слободке стали охотно селиться привлеченные льготами коми-вымичи. Численность ее жителей быстро выросла, и слободка стала самым главным среди мезенских селений; не только сам населенный пункт, но и вся заселенная переселенцами с Выми территория верхней Мезени (с селениями Кослан, Буткан, Разгорт, Верхний Выльыб и другими) стала именоваться «Глотовой слободкой». Чуть позже выходцев с Выми на Мезени появились несколько семей с Вашки, которые основали деревню Чернутьево и починок Пысса (нынешнее село Большая Пысса).

В 1567–1576 гг. вымичи шагнули и на берега Ижмы. И здесь судьба благоволила к ним: их первое и на полтора столетия единственное в тех местах селение тоже получило статус слободки. Неудивительно, что Ижемская слободка (нынешнее село Ижма) стала быстро расти: к коми-вымичам добавились их родичи с верхней Мезени (видать, там стало так много народа, что кое-кто оказался уже лишним), русские из Усть-Цильмы и ненцы, постепенно слившиеся с коми, перенявшие их язык, но внесшие свою лепту в сложение культуры и быта наиболее своеобразной из групп коми – ижемской (изъяв-

тас). Обитатели берегов Лузы стали постепенно заселять верхнее течение реки и все внимательнее поглядывать на самый юг Коми края – в сторону соседней реки Летки.

«Вычегоцкие луки писати...»

Следующая перепись состоялась в Коми крае почти через полвека после первой – в 1530 г. Второе описание земель и населения Перми Вычегодской провел дьяк Иван Бобров. Вычегодско-Вымская летопись сообщает: «Лета 7038 (1530. – *Авт.*) присла князь великий Василей Ивашку Боброва с товарищи вычегоцкие луки писати, и писали те писцы луки вычегоцкие, и вымские, и удорские, и сысольские, и владычни вотчины». Единицей налогообложения по-прежнему служил «лук», что свидетельствовало о сохранявшейся ведущей роли промыслов в хозяйстве местного населения. К сожалению, материалы описания 1530 г. не сохранились.

Пятидесятые годы XVI столетия ознаменовались первой в истории Коми края реформой переписей. Русское правительство составило официальное руководство для писцов: «книгу сошного письма», в строгом соответствии с которой отныне надлежало проводить описание земель и населения, измерение площади пашен и т.д.

В 1564 г. писцы Яким Романов и Никита Пятунин провели новое описание земель и населения Коми края – уже в соответствии с «книгой сошного письма». Возможно, что это описание было связано с подготовкой опричнины. Во время описания произошло упорядочение порядка сбора общегосударственных налогов; старинная окладная единица («лук») была заменена общерусской («соха»). Летопись рассказывает: «Лета 7072 (1564 год. – *Авт.*) присла князь великий Иван писцов Якимку Романова да Микитку Пятунина с товарищи земли вычегоцкие писати, и тое писцы луки и знамени не писали, а пашни и перелог мерели да пашни и людии в сошки развели, государевы дани в сошки-ж положили». Видимо, ко времени проведения этого (третьего в Коми крае) писцового описания земледелие стало играть более важную роль в хозяйстве жителей коми края, чем раньше. Материалы переписи не сохранились. Известно лишь, что ко времени проведения третьей переписи появились населенные пункты на ранее безлюдной верхней Мезени: Глотова слободка (Глотов) и Кослан.

В том же году Яким Романов и Никита Пятунин провели также и первое описание селений в низовьях Печоры: Пустозерского городка и Цилемской слободки (Усть-Цильмы): «Они же писцы волостку Пусто-озеро в оброки верстали и самаядские луки писали», – сообщает Вычегодско-Вымская летопись. В середине XVI в., по примерным расчетам, в Коми крае проживало от 10 до 12 тыс. коми (большинство из них обитало в пределах современной Республики Коми, а небольшая часть – в соседних районах со смешанным русско-коми населением).

В 1575 г. писцы вновь переписывали печорские селения: «Лета 7083 писцы князя великого Василий Агалин, Степан Федоров писали Пустозерскую волостку», – информируют летописцы. В результате переписи была составлена «Книга платежница Пустозерской волости». В других частях Коми края перепись в тот год не проводилась.

В конце XVI столетия переписи были проведены почти на всей территории Русского государства. Вероятно, описан был и весь Коми край, но достоверно известно только об описании Вымского уезда (бывшей Перми Вычегодской) в 1585–1586 гг.: «Лета 7093 (1585. – *Авт.*) повелел князь великий Федор Иванович Ивашке Огареву да Филке Юрьеву с товарищи вымские и вычегодские пашни и перелогы писати и допытати, где какие реки текут, колико протоку в них, где какие повосты (погосты, т. е. селения. – *Авт.*) и колико верст меж ними и чертежи о том делати. Лета 7094 (1586. – *Авт.*) повеле князь великий повосты вымские Кайгород и Зюзено отписати к Перми Великие, а сысоленом и ужговцом в те повосты не входить, не ведати ничем», – говорится в Вычегодско-Вымской летописи. Таким образом, в ходе этой переписи часть территории Вымского уезда, расположенная на верхней Каме, была отделена от него и включена в состав другой административно-территориальной единицы. Новым при проведении данной переписи стало указание не просто сделать описание земель, но и подготовить их «чертежи» (карты).

Историк Н.П. Воскобойникова, глубоко изучившая материалы многих переписей населения Коми края XVI–XVII вв., пишет, что в XVI столетии на Руси формируются опытные кадры писцов, занимавшихся описанием земель и населения различных районов страны. Иван Григорьевич Огарев принадлежал к их числу. По данным Н.П. Воскобойниковой, он участвовал в описании Владимира и Суздаля в 1569 г. и Заволжскую часть Ярославля в 1577–1578 гг., причем тогда И.Г. Огарев был помощником более опытных писцов Г.В. Звенигородского и С. Плещеева. Набравшись опыта, И.Г. Огарев сам возглавил описание Коми края, получив в помощники подьячего Филиппа Юрьева.

В результате проведенной И.Г. Огаревым и Ф. Юрьевым работы была составлена так называемая писцовая книга («книга письма и меры»), которая, к сожалению, не сохранилась. Нет никаких сведений и о том, был ли составлен писцами какой-либо «чертеж» (карта) Коми края. Однако до наших дней дошли так называемые «сотные» – выписи из писцовой книги И.Г. Огарева и Ф. Юрьева, выдававшиеся либо самими писцами, либо тем учреждением в Москве, которое организовывало перепись. Каждая из сотных содержит сведения по одной из частей Вымского уезда. Ученым удалось найти сотные на Вычегодскую землю, Сысольскую землю, Ужгинскую волость, волость Глотову Слободку (на верхней Мезени) и вотчину Спасского Сойгинского монастыря.

Эти материалы позволяют дать характеристику работы писцов. Очевидно, они начинали составлять описание весной, после того как вскрыются реки – глав-

ные пути сообщения в крае (дорог было мало, а проехать по ним – непросто). Писцы объезжали все земли и волости одну за другой, приезжали первоначально в административный центр земли (обычно им являлся какой-нибудь погост – «предшественник» появившегося много позднее села), описывали его, причем начинали с имевшихся военных сооружений (укрепленного городка, в котором в мирное время обычно никто не жил, и хранившегося в нем оружия): «Городок в волости в Ужге по реке по Сыsole, а в городе 25 городен, перила и кровля обвалялися. Да в городе ж церковь Афонасей велики без пенья, ...ветх. А образы из нее вынесены на погост в новую церковь... Того ж города наряд: 2 пищали затинные да 5 ручниц малых, ...да четверть пуда свинцу, да пол-третья пуда зелья (пороха. – *Авт.*)».

Затем следовало описание центрального населенного пункта (имевшихся в нем храмов, дворов церковнослужителей и крестьян, их имен, состоятельности крестьян, их ремесленных занятий, келий нищих, количества и качества церковных и крестьянских пахотных земель, сенокосных угодий, орудий для ловли зверей и птиц): «Погост Ужга на реке на Сыsole, а на погосте церковь Николы чудотворца... Да на погосте: во дворе никольской поп Фефилай Федоров... Того ж погоста двory крестьянские: ...во дворе Тимошка Терентьев, двор пуст Иванка Костянтинова, Ивашко сшел безвестно... Пашни паханые 18 четверти в поле, а в дву по тому ж; сена 120 копен». После этого следовало аналогичное описание расположенных поблизости деревень и починков с указанием имен дворовладельцев: «Деревня на ручью Клементьевская: во дворе Ортемко да Сенька...», «Починок Ивашка Игумнова: во дворе Ивашко Дмитриев кузнец. Пашни паханые...» и т.д. Писцы фиксировали не только жилые, но и пустые двory, выясняя, что случилось с каждым хозяином (умер, разорился и скитается по другим двoryм, переселился в другой населенный пункт, иной регион или ушел «безвестно»).

Из центрального селения писцы направлялись в соседний погост, описывали его и близлежащие деревни и починки по тому же принципу, потом переезжали в следующий погост и т.д. Описав полностью землю, писцы подводили общий итог: «И всего в Ужге городок да погост, да погостец, да живущих (обитаемых. – *Авт.*) 4 деревни да 2 починка. А на погостех 2 церкви, двор попов, двор дьячка церковного, двор пономарев, да крестьянских молотчих («младших», бедных. – *Авт.*) живущих 37 двoryв, а людей в них 44 человека...». Указывалось общее количество пашни и ее качество («худые земли», «средние земли»), сена, сумма налогов, которую следовало вносить в казну. Иногда приводились также сравнительные данные по количеству пашни и «государевых доходов» по данным этой и предыдущей переписи. Не исключено, что в самой писцовой книге имелись и еще какие-нибудь сведения, которые не были включены в сотные.

Для изучения демографических процессов, конечно, самым важным является то, что в писцовой книге И.Г. Огарева и Ф. Юрьева и других со-

ставлявшихся позднее писцовых книгах содержатся богатые сведения о населении, а именно о населенных пунктах, их местоположении, количестве дворов в них, числе жителей, экономическом и социальном положении последних, миграциях. Вместе с тем писцовые книги имеют ряд существенных недостатков, которые нельзя не учитывать. Во-первых, в книгах фиксировалось не все население. Практически не учитывались женщины (кроме редких исключений, касающихся вдов-дворовладелиц, церковных просвирниц и проживающих в монастырях «стариц»). Мужчины также фиксировались не полностью: только владелец двора (как правило, один человек, глава семейства, реже двое – братья или отец и старший сын). Часть жителей утаивалась самим населением, стремившимся таким путем ослабить налоговое бремя. В писцовых книгах возможны пропуски или повторные записи некоторых населенных пунктов, неверные подсчеты количества селений, дворов и жителей.

Во-вторых, в писцовых книгах фактически отсутствуют сведения о национальном составе населения. Встречаются лишь отдельные указания на этническую принадлежность. В определенной мере этот пробел восполняется при помощи анализа зафиксированных в книгах фамилий и прозвищ жителей, но полной картины эти материалы, конечно, дать не могут. В-третьих, в писцовых книгах в большинстве случаев не указаны причины переселений, не всегда называются конкретные направления ухода, крайне редки сведения о приходе переселенцев в Коми край и о месте их прежнего жительства (правда, существенную помощь в этом вопросе оказывают топонимические фамилии, т.е. фамилии, образованные на основе географических названий тех мест, где раньше жили переселенцы).

Но несмотря на то, что эти документы не дают полной картины изучаемого явления, они являются важнейшим источником при изучении историко-демографического развития Коми края. Писцовая книга И.Г. Огарева и Ф. Юрьева впервые называет нам многие населенные пункты Коми края, существующие и сегодня. Среди них погост Усть-Сысола (будущий город Усть-Сысольск, нынешний Сыктывкар, о котором мы расскажем подробнее чуть ниже), Зеленец, Выльгорт, Шошка (сысольская), Визинга, Кибра (Кура-тово), Межадор, Ыб (сысольский), Пажга, Гарья, Куниб, Заозерье, Пыелдино, Лозым, Пезмог, Маджа, Парчег, Часово, Палевицы, Буткан, Выльыб, Шежам (часть Айкино), Гам (вычегодский), Межег, Жешарт, Вездино, Арабач, Римья, Камсамас и др.

Об увеличении населения в Сысольской земле (нижняя и средняя Сысола) в 1564–1586 гг. говорится в писцовой книге 1586 г.: «По новому письму прибыла соха в живущее». Наличие в Сысольской земле в 1586 г. большого количества новых поселений – починков, займищ и выставков – свидетельствует о бурных темпах освоения этого района. Возможно, в колонизации неосвоенных земель принимали участие переселенцы из других районов Коми края и даже из-за его пределов, что способствовало приросту населения.

Поскольку писцовые, а также появившиеся позднее дозорные и переписные книги не содержат сведений о всем населении Коми края, перед учеными неизбежно встает вопрос о методике исчисления количества жителей. Интересную методику предложила историк Н.П. Воскобойникова. Суть этой методики заключается в следующем: выбирается наиболее полная в отношении зафиксированного в ней мужского населения переписная книга для каждого из уездов, в состав которых входила территория Коми края (для Яренского уезда – переписная книга 1678 г., для Пустозерского уезда, по нашему предположению, – 1679 г., для Сольвычегодского уезда – 1682 г.), по ней определяется среднее число мужчин на один двор. Используя данные о количестве дворов, сообщаемые остальными писцовыми и переписными книгами, можно установить численность мужчин в год составления книг. Затем это число удваивается, так как количество женщин должно быть примерно равно количеству мужчин; например, в Яренском уезде в 1710 г., по нашим подсчетам, женщины составляли 51, мужчины – 49%. Поскольку в научной исторической литературе выдвигались предположения, что около четверти населения могло уклоняться от переписей, то для определения максимальной численности населения полученные выше данные можно увеличить на 25%. В результате получится искомая (безусловно, примерная) численность населения на год рассматриваемой переписи.

Используя эту методику, можно установить, что в 1586 г. в Сысольской земле обитало примерно 3,6 тыс. чел. В Вымской земле с входившей в нее Вишерой проживало около 1,9 тыс. чел., на Удоре насчитывалось примерно 1210 жителей, в Глотовой Слободке – 430, в Ужге – 300. В некоторых районах края в этот же период численность населения уменьшилась.

Конечно, среди писцов и подьячих были не только специалисты своего дела – по мере разрастания бюрократического аппарата Московского царства там оказывалось немало и таких, кто был озабочен не столько государевым делом, сколько собственным благополучием – вымогательством взяток и т. п., за что их, как писал видный российский историк М.Н. Тихомиров, «жгуче ненавидело население. От них шла возможность изменения в... документах, они производили различного рода волокиту, которая в XVII в. даже в царских документах носила название “московская волокита”... Подьячих часто разоряли во время восстаний, иногда они и гибли. С XVII в. они носили очень поэтическое название – “крапивное семя”».

Например, сольвычегодцы в 1582 г. предприняли попытку добиться включения территории бывшей Перми Вычегодской в Сольвычегодский уезд, дабы подчинить коми земли городу Сольвычегодску и взять в свои руки сбор податей с коми населения. Сольвычегодцы послали в Москву «своего посацкого человека Петра Осеева бити челом. А сказал де тот их челобитчик Петр Осеев, что де будто Еренской городок и Вымь, и Сысола, и Удора с усольцы один уезд». Челобитчику удалось либо подкупить, либо ввести в заблужде-

ние государевых дьяков, и те выдали ему грамоту о сборе денег совместно с уольцев и вычегжан. Вычегжанам с трудом удалось доказать, что к Сольвычегодскому уезду они отношения не имеют.

Позднее, в начале XVII в., в Москву посыпались жалобы с душераздирающими подробностями воеводского лиходейства: воеводы и их чиновники «бьют их и мучат и в тюрьму сажают и в железа куют и за приставы дают и заграживают (угрожают) для своей бездельной корысти», и местным жителям «чинятся великие убытки». То ли дело, подчеркивали жалобщики, было в прежние времена, когда батюшка-государь разрешал им вести сбор налогов и судопроизводство по своему разумению – не было никаких злоупотреблений. Прилузские коми особо подчеркивали свое особое положение в Сольвычегодском уезде: «...живем мы от городов в дальнем расстоянии и язык у нас свой».

Основания для жалоб у местных жителей были, и немалые. Одним из наиболее ярких примеров является случай с введением нового налога («стрелецких денег») в 1614 г. Конечно, радости от этого населению не было никакой, но что делать – платить приходилось всем. Казалось бы, какие могут быть сложности при распределении («разверстке») налога, для которого существовала окладная единица – «сошка» (определенное количество пахотной земли). Ан нет – сошки-то существовали разные. В соседних с Коми краем уезда «разверстку» провели по «большой московской сошке», а в Яренском уезде – по местной «сошке», которая была в восемь раз меньше (должно быть, воевода решил «перевыполнить план» по сбору налогов и выслужиться перед столичным начальством). В результате удорцы, вымичи, вычегжане и сысолцы неожиданно для себя оказались обладателями куда большего количества «сошек» пахотной земли, чем их соседи – а налог-то взымался именно с «сошки» (независимо от того, большая она или маленькая)! Естественно, что и платить им пришлось бы гораздо больше.

К счастью, местные выборные лица быстро разобрались в воеводских хитростях и растолковали суть дела населению. Возмущение было велико. Как повествует документ, волостные люди «тот оклад не взяли, задались сильны и воеводе Сивергу не послушались, рвали приказным бороду, приставов и сборщиков побили, облаяли». Налог в тот год не был выплачен вообще, а на следующий год налогообложение провели уже справедливое – по «большой сошке». Крестьянам, впрочем, пришлось уплатить воеводе и подьячему штраф за непослушание и буйство («за бороду»).

Рождение Сыктывкара

Но не только на севере и самом юге Коми края имелись незаселенные территории. Именно в XVI столетии появились поселения в устье реки Сысолы, положившие «почин» нынешнему Сыктывкару и окрестным селам. Сюда было, можно сказать, рукой подать из старожильческих селений, располагавшихся выше по Сыsole и на нижней Вычегде. Манящие охотника и паха-

ря, рыболова и животновода привольные уголья, удобно расположенные на перекрестке водных путей (единственных путей сообщения в Коми крае) и, в конце концов, просто красивые, радующие глаз места не могли не привлечь внимания переселенцев. И вот один за другим в XVI в. (скорее всего, в середине и второй половине столетия) возникали на берегах Сысолы и Вычегды починки и деревни, где селились сначала выходцы из сысольских (Шошки и других), а затем, вероятно, и нижневычегодских поселений.

Мы не знаем, в каком именно году появилось селение, положившее начало нынешнему Сыктывкару. Можно лишь мечтать о том, сколько тайн мог бы открыть нам какой-нибудь клочок бумаги, исписанный понятной ныне лишь специалистам-историкам скорописью пятивековой давности – но, увы, вряд ли доведется узнать имена тех, кто первыми поставили свои керки у впадения Сысолы в Эжву (Вычегду).

Первое упоминание о Сыктывкаре относится к концу XVI в. В 1586 г. дяк Иван Огарев и подьячий Филипп Юрьев провели описание земель и населения Коми края. Побывали они и в устье Сысолы, где переписали все имевшиеся там населенные пункты, количество дворов в них и имена дворовладельцев. Все эти данные вошли в фолиант, именуемый писцовой книгой. Книга эта хранилась в Москве и со временем, как и многие другие ценнейшие документы, была утрачена. Но жители каждой из составных частей Вычегодского уезда получили выписки из нее – так называемые «сотные». Досталась такая сотная и Сысольской земле, куда входили усть-сысольские селения. Несмотря на это, данные писцовой книги 1586 г. могли бы все равно остаться тайной, поскольку в 1599 г. сотная... сгорела при пожаре, вызванном ударом молнии. Сысольцы в 1600 г. били челом государю, царю и великому князю всея Руси Борису Годунову, дабы тот дал им новую грамоту. Государь, царь и великий князь снизошел к просьбе и в том же году велел сысольцам новую грамоту с данными из писцовой книги 1586 г.

Она, к счастью, сохранилась, и, заглянув в сотную, мы можем прочесть, что в 1586 г. у впадения Сысолы в Вычегду, на окраине заселенной коми народом земли, существовал небольшой населенный пункт с деревянной церковью – погост, не имевший, в сущности, даже собственного имени (писцы записали его просто как погост в устье реки Сысолы). Было тогда в будущей столице республики три двора церковнослужителей (подле церкви) да располагавшихся в некотором отдалении шесть крестьянских дворов.

Погост не стоял одиночкой. Вокруг него – рядом и поодаль – располагались починки Каменный, Емовский, Ереминский, Ивановский, Федоровский, Каменистый, Ивана Вежова, вдовы Ориницы, Боровинка, Ильинский, Гудниково, деревня Петровская с починком Фроловским. Все они находились на территории современного Сыктывкара. Чуть поодаль от них некто Шульгин (или Шуигин) основал небольшую слободку, названную в его честь и

положившую начало селу Слободе, располагавшемуся на территории современного Эжвинского района. Всего в них насчитывалось 25 жилых и шесть пустых дворов. Обитатели всех этих селений занимались земледелием, животноводством, охотой и рыболовством.

По соседству с устьем Сысолы располагались появившиеся в XVI же столетии починки и деревни Зеленец, Маджа, Пезмог, Парчег, Часово, Вильгорт и Титовская (будущий Чит).

Дальнейшим переселениям коми на восток и северо-восток (вверх по Вычегде и на Печору) мешали враждебные отношения с вогулами и самоедью, а переселениям на юг (в частности, на Летку) – с вятичами. Поэтому, например, Ижма и Усть-Цильма длительное время оставались единственными населенными пунктами в Ижмо-Печорском крае в пределах современной Республики Коми.

«Зело великий мороз»

Только успели коми войти во вкус выращивания зерновых растений и выпекания хлеба, как природа преподнесла им прескверный сюрприз. Уже с XIV–XV вв. год от года, десятилетие за десятилетием климат постепенно изменялся – и, увы, не в лучшую сторону. Поначалу перемены не были особо заметны, но во второй половине XVI столетия погода явственно стала холоднее, переменчивее, то и дело случались природные бедствия – то засухи, то, наоборот, слишком сильные дожди, вызывавшие настоящие наводнения, суровейшие зимы и летние заморозки в придачу. Выпадавший летом град, от которого страдали посевы, перестал быть чем-то из ряда вон выходящим. Привычным стали и сильные ветры, порой переходившие в настоящие бури. Наступил так называемый малый ледниковый период.

К счастью, до оледенения, как в глубочайшей древности, все же не дошло (потому это ледниковый период и называют малым – в отличие от больших древних ледников, о которых мы уже рассказывали). Однако обрушившихся на голову коми крестьянина стихийных бедствий с лихвой хватило для того, чтобы год за годом вызывать неурожаи и приводить и без того не слишком крепкое земледельческое хозяйство в состояние полной разрухи. Только-только приноровившиеся как следует к сельскому хозяйству жители оказались у разбитого корыта. Одной охотой и рыбной ловлей всем людям было уже не прокормиться, а тут еще и хлеб печь оказалось не из чего. Начинался голод. Ладно бы один неурожайный год, и ладно бы – только в Коми крае. Можно было бы попытаться купить или выменять зерно в соседних землях, как-нибудь перебиться до следующего, урожайного года. Но когда неурожаи повторялись по два, а то и три года подряд, да еще и в других краях творилось то же самое, тогда положение складывалось поистине страшное – хоть ложись да помирай. Так, впрочем, и случилось.

Если перелистать старинные летописи, прочитать, что видели летописцы, например, в Двинской, Устюжской, Вологодской, Вятской землях, то картина вырисовывается жуткая. В 1549 г., нетвердой рукой выводил летописец, хлеб был дорог на Двине, людей мерло много с голоду, клали в одну могилу мертвых по 200 и по 300 человек. В 1556 г. не вызрел на берегах Северной Двины хлеб, в 1567-м и 1568-м был голод в Устюжском крае, ели пихту, траву и падаль, и многие люди умирали... К голоду добавлялись эпидемии, подкашивавшие ослабевших жителей. В 1571 г. в Устюге и окрестных люди умирали от болезней (был «мор», – записал летописец). Эти бедствия охватывали и земли, на которых жили коми. Например, в Вычегодской земле между 1564 и 1586 гг. существенно сократилось население. Да и обитателям иных стран приходилось не лучше. В Швейцарии, например, в последней трети XVI столетия зимы и весны были весьма холодными, да и летом особого тепла дожидаться удавалось редко – постоянные холодные дожди мешали зреть зерну и винограду. На нашем Севере, впрочем, о винограде и не слыхивали. Как говорится, нам бы их проблемы... Впрочем, иной раз скверный климат с буйством стихий оказывался спасительным: один из сильнейших штормов, разразившийся 13–21 августа 1588 г. (как раз в неурожайный для швейцарского винограда год), разметал знаменитую «Непобедимую армаду» – огромный испанский флот, направлявшийся к берегам Англии. Надо думать, многие англичане возблагодарили бы небо за так своевременно наступивший малый ледниковый период, спасший их от испанского нашествия – если бы, конечно, подозревали об этом.

В самом начале XVII в. голодало едва ли не все Русское государство – от севера до юга. В разных частях страны летописи полнились записями о том, что в 1601 г. в июле ударивший внезапно мороз погубил все посевы, и на следующий год летом тоже случилось «зело (очень) великий» мороз, оставивший жителей без хлеба, и был голод великий по всей земле три года подряд, и от того голода умерло множество людей, а иные, пытаясь спастись от неминуемой гибели, ели собачатину и даже трупы умерших... Цена хлеба, несмотря на царский запрет, возросла в сто раз! Только в Москве, куда потянулись в тщетной надежде найти пропитание голодающие со всей страны, похоронили около 127 тыс. умерших. Жившие в Усть-Выми монахи тоже записали в Вычегодско-Вымской летописи о «великом голоде» и многих людях, умерших в те годы в Коми крае.

Период с конца XVI до начала XVIII столетия был особенно трудным для населения Коми края. Природно-климатические условия Севера сильно затрудняли ведение сельского хозяйства, особенно земледелия. Жизнь коми крестьянина во многом зависела от погоды, а она в то время редко бывала благоприятной. На конец XVI – первую половину XVII в. пришелся пик малого ледникового периода. Температура понизилась, частыми явлениями стали различные стихийные бедствия (ранние заморозки, засухи или чрезмерно

обильные дожди, град и т.п.). Это приводило к неурожаем, подрывавшим крестьянское хозяйство, вызывавшим голод и высокую смертность населения. На рубеже XVI–XVII вв. Коми край пострадал от ряда таких неурожаев. В результате в ряде волостей края в 1586–1608 гг. население сократилось, или же его прирост замедлился. В 1602 г. «много людей государевых померло, потому в Руси голод великий был два лета. Пермьяки многие в голод тот разбрелись вятским и сибирским городам, а инии померли с неядения», – рассказывает об этих трагических событиях Вычегодско-Вымская летопись. Вологодская летопись сообщает: в 1601 г. «в ьюле месяце погибло мразом всякий хлеб, и бысть глад велик... по три лета вряд»; в 1602 г. «тоже мраз был зело велик и хлеб тоже побило; и от глада же того изомроша много множество людей, инии же тогда ядуше псину и мертвечину и ино скаредне скверное». Сходные сообщения имеются в вятском Временнике («В лето 7109 поразил морозом... всякой хлеб, и был глад 3 годы, ели скверные мяса и человечину») и вятском «Летописце старых лет».

Спасаясь от голодной смерти, жители Коми края бежали куда глаза глядят – на Вятку, на Каму, в Сибирь... Желания махнуть на все рукой и податься в иные земли добавляла коми крестьянину еще и тяжесть налогов и повинностей, возросшая в связи с начавшимся освоением Сибири. С 1588 г. жители Коми края должны были снабжать мукой и крупой (а ведь своего зерна им и самим-то не хватало!) сибирских «служилых людей» – стрельцов и казаков, с 1590-го – выполнять обременительную ямскую повинность на путях, ведущих в Сибирь, снаряжая за свой счет нескольких крестьян с лошадьми и санями для перевозки «государевой казны» (грузов), служилых людей и чиновников. С конца XVI в. требовалось также отпускать плотников для постройки судов на сибирских реках, давать денежные пособия тем, кого по государеву указу отправляли в Сибирь на заселение новых городов.

Не удивительно, что коми крестьяне жаловались в 1595 г. царю Федору Ивановичу, что «обнищали и обдолжали великими долгами», и из-за нищеты и долгов многие «разбежались безвестно», и немало крестьянских дворов запустело. Свою лепту вносили и нечистые на руку чиновники, которые в удаленном от Москвы крае чувствовали себя «царями и богами» и без стеснения злоупотребляли своим положением, вымогая взятки, устраивая всяческие поборы в свою пользу. Устьцилемцы в начале XVII столетия жаловались на приезжавших к ним чиновников из Пустозерска, от лиходейства которых из Усть-Цильмы «многие люди разбрелись» куда глаза глядят.

«По государеву цареву указу...»

Несмотря на это, в конце XVI – начале XVII в. население Коми края в целом возросло. Это засвидетельствовала очередная перепись, проведенная в 1608 г.: «Того же лета дозорили уезду Еренскова (Яренского – так стал называться Вымский уезд. – *Авт.*) сошки Василей Ларионов да подьячей Ондрей

Горохов». Результатом переписи стала так называемая дозорная книга Яренского уезда. Дозорная книга отличалась от писцовой книги тем, что имела более узкую задачу: сравнить состояние земель и населения по сравнению с предшествовавшей переписью (составители же писцовых книг должны были заниматься также межеванием земель, проверкой прав на владение угодьями и проч.); поэтому, как отмечает Н.П. Воскобойникова, проведение «дозора» было существенно проще, чем описания, и занимало меньше времени. Сама перепись 1608 г. проводилась по тем же принципам, что и перепись 1586 г., и в ней приведены для сравнения итоговые данные переписи И.Г. Огарева.

Дозорная книга Яренского уезда 1608 г. – первая полностью сохранившаяся перепись по большей части Коми края: вычегодским, сысольским, удорским и вымским селениям. На Сыsole (включая Ужгу) в этом году насчитывалось примерно 4,5 тыс. жителей, на Удоре (Вашке и Мезени) – около 1,8 тыс. жителей, на Выми – примерно 2,1 тыс. чел. Любопытно, что на Выми, в Княжпогостской и Ляльской волостях в 1608 г. жили Левка Латыш и Петрушка Латыш. Известный российский историк А.А. Зимин предположил, что последние могли быть военнопленными, вывезенными сюда во время Ливонской войны. Более вероятным представляется, однако, что эти «латыши» являлись выходцами из Карелии. Во-первых, «латышами» в русских источниках того времени именовались карелы и финны, принявшие «латинскую веру» (лютеранство). Во-вторых, с 1580-х гг. переселение карел в глубь русских земель приняло значительные размеры, и **некоторые из мигрантов вполне могли** дойти до Коми края. **Дозорная книга 1608 г. содержит первые подробные сведения о населенных пунктах, располагавшихся на Вашке и Выми:** в ней, в частности, впервые упомянуты Онежье, Кошки, Шошка (вымская), Весляна, Коптюга, Кривой Наволок (Кривое), Елькожа (Чупрово), Острово, Пучкома и др. На верхней Мезени между переписями 1586 и 1608 гг. появился починок Пысса – будущее село Большая Пысса. К сожалению, в Прилузье, на Ижме и Печоре «дозор» в 1608 г., видимо, не проводился, или же дозорные книги Пустозерского уезда, куда входили Ижемская (возникшая в 1576–1586 гг. – современное с. Ижма) и Усть-Цилемская слободки, и Сольвычегодского уезда, к которому относилось Прилузье, не сохранились.

После окончания «Смутного времени» правительство России решило провести переписи, дабы выяснить, как повлияли восстания, мятежи и польская интервенция на хозяйство и население страны. В 1620 г. была проведена перепись в Прилузье. Составленная в тот год дозорная книга – первая полностью сохранившаяся перепись по Прилузью. В ней имеются сведения о Спаспорубе, Лойме, Объячево, Ношуле, Ивановской (Черныш), Спириной (Занулье) и ряде других селениях. Пять лет спустя в прилузских погостах и деревнях вновь провели перепись; писцовая книга 1625 года тоже сохранилась. В 1620 г. в Прилузье насчитывалось 455 дворов (около 3,2 тыс. жителей), в 1625 г. – на пять дворов больше.

Дозорная книга 1620 и писцовая книга 1625 гг. позволяют выяснить, как начиналось освоение верхней Летки. В 1620 г. на верхней Летке еще не было постоянного населения. «В Лутцкой ж Пермце на речке на Летке на Вятцком волоку на черном лесу после прежних писцов (т.е. после предшествовавшей переписи. – *Авт.*) поселились внове пашут из оброку тое ж волости крестьяне. Починок Даниловский, пашут... Данилко Кондратьев да Оникейко Тимофеев да Маковейко Захаров... Починок Кочергинский, пашут... Остафейко Овдокимов сын Кочергин да брат его Федько да Матвейко Григорьев... Деревня Летка..., пашут... Ивашко Пантелеев с сыном с Федькой да Савка Офонасьев, да Федоско Иванов, да Першица Максимов...». В перечисленных дозорной книгой селениях не было даже крестьянских дворов. Здесь располагались лишь пахотные угодья крестьян соседних волостей.

Но уже следующая писцовая книга 1625 г. информирует о появлении на Летке постоянного населения. «В Лутцкой ж Пермце на речке на Летке на Вятцком волоку на черном лесу поселились крестьяня после прежних писцов вново. А по дозору 128-го году (1620 г. – *Авт.*) те крестьяня пашню пахали наездом... А по новому письму... те крестьяня на Вятцком волоку по речке по Летке живут...». В 1625 г. на верхней Летке существовало уже восемь поселений: «Деревня, что был починок Даниловский», получившая название по имени основателя Данилы Кондратьева Кошенина (последний и жил в единственном дворе деревни); выставок из этой деревни, в двух дворах которого поселились Вавил Яковлев Шулепов и Селиван Иванов (фамилия не указана), «деревня, что был починок Кочергинский» с пятью дворами (фамилии жителей не указаны; из тех, кто, по данным книги 1620 г., ранее пахал здесь землю наездом, в деревне поселился лишь Матвей Григорьев да еще Перфирий Максимов, который предпочел д. Кочергинскую д. Летке, где он владел пашней в 1620 г.); выставок из д. Кочергинской с двумя дворами, где поселились братья Маковейко и Гришко Захарьины (первый в 1620 г. пахал землю в починке Даниловском). В д. Летке в 1625 г. **имелось четыре двора, где жили уже упомянутые в книге 1620 г. люди или их родственники.**

В 1621 г. И. Ларионов основал получивший его имя «починок Ивашка Ларионова на Слуде на речке на Летке»; в 1625 г. здесь имелся один двор, где жил основатель селения. В 1620 г. на этом месте не было даже пахотных участков, поскольку починок находился существенно ниже по течению Летки и отстоял от Ношульской волости на более значительное расстояние, чем другие летские селения. В период между двумя переписями (1620–1625 гг.) **возник** погост Летский, где в 1625 г. имелось шесть дворов (фамилии жителей не названы). Еще одно селение, появившееся в 1620–1625 гг. и не упомянутое в книге 1620 г., – д. Тороповская, которая к 1625 г. запустела. Обитатели ее дворов (фамилии не указаны) «сошли безвесно».

В Яренском уезде очередная перепись прошла в 1628–1629 гг., причем на сей раз по просьбе местного населения. Дело в том, что со времени состав-

ления дозорной книги 1608 г. прошло уже немало лет, в населении произошли существенные перемены, а платить налоги приходилось в соответствии с установленным еще двумя десятилетиями ранее порядком, который уже не отвечал новым условиям. Царь внял просьбе и послал в Вычегодский край своих писцов Осипа Хлопова и подьячего Михаила Максимова, получивших в мае 1628 г. специальный наказ, расписывавший их обязанности и порядок работы. Яренскому воеводе следовало оказать государевым писцам всемерную помощь, снабдить продовольствием. Вообще в тот период переписчикам надлежало получать от местных властей «по туше бараньей, по куренку, да луку, чесноку, яиц и масла в скоромный день, а в постный... где какая рыба лучится».

Материалы писцовой книги 1628–1629 гг. по своему характеру, видимо, не отличались от предыдущих писцовых книг; сохранились они лишь частично. На Сысоле (с Ужгой) тогда насчитывалось примерно 6,7 тыс. жителей, на Выми – около 2,4 тыс., на Вашке и Мезени – 2,8 тыс., в верхневыхегодских селениях – около 300 чел. При проведении переписи 1608 г. обширный верхневыхегодский район был фактически безлюдным, хотя вогулы, кочевавшие на верхней Печоре и в верховьях Вычегды, к этому времени ушли за Урал, подальше от тяжелой руки царских воевод и жадных сборщиков податей и не препятствовали более переселениям коми в эти места. Тем не менее в 1608 г. последними селениями на Вычегде были относившиеся к Сысольской земле деревни Пезмог и Маджа, да на притоке Вычегды – р. Вишере – располагались два населенных пункта, входившие в состав Вымской земли – погост Вишера и д. Большой Луг. А ко времени проведения переписи 1628–1629 гг. коми, ранее опасавшиеся воинственных соседей, решили, что пришло время двинуться на восток и устроить пашни и сенокосы на верхневыхегодском приволье, и на р. Вишере и на Вычегде ниже устья Вишеры возникли три-четыре новых поселения: Нобдин (Нёбдино) и Сторожево (Сторожевск), Сужайб и, возможно, Другая Сужайб (ныне – Сюзайб). Это было лишь начало – в последующие годы на верхней Вычегде возникло много населенных пунктов. В целом ко второй половине 1620-х гг. численность жителей Коми края (в границах современной Республики Коми) увеличилась примерно до 17,1 – 17,4 тыс. коми и 1,6 – 1,9 тыс. русских, живших в Усть-Цильме, Усть-Выми, Лойме и Спаспорубе.

«Хлебная скудость»

Но длинная череда тяжелейших неурожаев 30–40-х гг. XVII в. вызвала страшный голод. Неурожайными были, в частности, 1632, 1636–1638, 1640–1642, 1644 гг. В Пустозерском уезде в 1638 г. «крестьянишка помирают голодной смертью, а питаются рябиновым листом и ... травой». В 1644 г. «канун Ильина дня во всем Пермском уезде снега выпали великие, и хлеб позяб без остатку и от того хлебного непомерного голоду во 153-м году многие посад-

цкие люди и уездные крестьяне разбежались в иные города в хлебородные места, и многие погосты и деревни запустели». Сходная ситуация была в Коми крае.

Сходная ситуация была и в других районах Коми края. Трудное положение голодавшего крестьянства усугублялось тяжестью феодальных повинностей. Российское государство, не вполне оправившееся после Смутного времени, было разорено новой войной с Польшей и борьбой против набегов крымских татар. Нуждавшееся в деньгах правительство усилило фискальный гнет, стремясь любыми способами добиться от крестьянства – основного податного сословия – выплаты податей. Это привело к ухудшению и без того нелегкого положения крестьян. «В твоих государевых доходах стоим... насмертном правеже и помираем голодной смертью и в конец погibli, а... откупиться... нам бедным нечем», – жаловались крестьяне Лузской Пермцы (самого земледельческого района Коми края) в Москву. Жестокие формы взимания платежей (причем у крестьян забирали буквально последнее) приводили к тому, что люди теряли заинтересованность в своем труде. Чиновники доносили из Лузской Пермцы, что «многие крестьяне ржи не сеют, а дожидаются зимнего пути и хотят бежать».

В 1645 г. в Прилузье прошла перепись, была составлена очередная писцовая книга. Но писцовые книги, как и дозорные, уже устарели по своей форме и не устраивали российские власти, поскольку при «сошном письме» не все группы населения облагались налогами, не указывалось количество работников в каждом дворе. Денег правительству требовалось все больше, следовательно, нужно было и большее количество налогоплательщиков. Назрела необходимость нового реформирования системы проведения переписей. И в 1646 г. на смену писцовым описаниям пришли подворные переписи. На всей территории страны в тот год были проведены переписи населения, составлены переписные книги. Так в официальный лексикон вошло слово «перепись», сменившее прежнее «описание».

Проводили перепись писцы и подьячие из Москвы. В Яренском уезде переписью занимались писец Петр Александрович Граевский и подьячий Феофан Протопопов, начавшие работу летом 1646 г. Завершили подготовку переписной книги Гаврила Петрович Островский и подьячий Иван Волков. Окончательный (беловой) вариант переписной книги, по мнению историка Н.П. Воскобойниковой, был написан «четким почерком Г. Островского». 14 февраля 1647 г. П.А. Граевский представил завершенную переписную книгу в так называемый приказ Новгородской четверти, ведавший Яренским уездом.

Деятельность П.А. Граевского и Ф. Протопопова строилась в соответствии с полученным ими наказом. Писцам надлежало записать, «что на посаде дворов, а в них людей по имянном с отцы и с прозвищи, и на церковных землях церковных причетников, и бобыльских дворов, и на дворах дворников, и сосед, и подсоседников бобылей и бобылок и в уезде в селех, и в по-

гостах, и в волостях, и в погосцах, и в деревнях, и в починках, что дворов крестьянских, и на церковных землях церковных причетников и бобыльских дворов, и во дворах людей по именам, с отцы и с прозвищи, и их детей, и племянников и внучат, которые в сверстные лета в пятнадцать лет и больше, и те люди с отцы их, и с дядями написаны в ряд, а которые меньше пятнадцати лет, и тем людям лета описаны имянно. Да в городе ж на посаде и в уезде в селех, и в погостах, и в волостях, и в погосцах, и в деревнях, и в починках и пустые деревни и починки и пустые дворы, и селища, и дворища, и займища, и пустоши, и хто сошел в государевы розные города, и в котором году кто сошел, или хто умер, и жены у них, и дети, и племянники, и внучата после их остались ли или нет».

Из этого текста видно, что переписная книга отличалась от писцовой тем, что в ней не было сведений о пашнях и сенокосах, но материалы о жителях края были в ней гораздо более полны: перечислены жившие в каждом дворе обитатели мужского пола старше трех лет с указанием имен, отчеств и фамилий (если таковые имелись), возраста и степени родства с владельцем двора, причем фиксировались и те категории населения, которые в писцовых книгах не значились («дворники», «соседи», «подсоседники» и др.). Женщины в переписной книге по-прежнему не указывались, за исключением вдов-дворовладелиц, церковных просвирниц и монахинь. Писцы отмечали не только жилые, но и пустые дворы, указывали причины и время их запустения, направления ухода их обитателей. Вместе с переписчиками в каждую волость ездили помощники – «выборные люди» – из числа местных жителей соседней волости. Так, погост Усть-Сысолу и прилежавшие к нему селения помогали переписывать шошкинцы: «А выборные люди, которые ездили с писцами с петром Александровичем Граевским да с подьячим с Ъваном Волковым и у переписки были погосту Шошек крестьяне Семейко Костентинов сын да Петрушка Елизарьев сын, да Сидорко Олексеев сын, да Васька Ондреев сын». В свою очередь, «погосту Усть Сысоли крестьяне Якунька Иванов сын Кузнец, Насонко Никитин сын Мизов, Агапитко Филиппов сын, прозвище Шумилко, Марко Ильин сын» ездили с писцами в погост Зеленец, а Шошку помогали переписывать «погосту Пажги крестьяне Ивашко Аверин сын да Стенька Григорьев сын, да Федька Викулов сын, да Ортемко Семенов сын».

Аналогичные переписные книги были составлены в 1646 г. по прилузским и нижнепечорским селениям. В Прилузье в 1647 г. была составлена еще одна переписная книга. Таким образом, в этом районе переписи проводились три года подряд: в 1645, 1646 и 1647 гг.! Книги по Яренскому уезду и Прилузью сохранились, переписная книга по печорским селениям утрачена, но ее итоговые данные упомянуты в материалах следующей переписи.

Подворная перепись 1646 г. нарисовала удручающую картину. К середине 1640-х гг. в Коми крае осталось около 15,7 тыс. жителей (14,1 – 14,3 тыс. коми, 1,4–1,6 тыс. русских). Переписные книги пестрят сообщениями о «хлебной

скудости» и «хлебном недороде». Эти явления имели место, в частности, в конце 1630-х, 1640–1642 и 1644 гг. **Сочетание неурожаев с тяжестью феодальных повинностей** оказалось поистине катастрофическим. Единственное спасение от голодной смерти жители Коми края видели в бегстве в более «хлебородные» районы страны, находившиеся к тому же на большом отдалении от центра, от чиновников. Наибольшее запустение испытали прилузские и вымские селения. На 47% уменьшилось в 1625–1645 гг. население Лузской Пермцы (примерно 1700 чел. в 1645 г.), причем число жителей в Объячевском, Ношульском и Летском приходах сократилось более чем на половину (соответственно на 58, 56 и 52%). В Вымской земле численность жителей в это время уменьшилась на 42%. Сократилось население также в Сясьской земле (на 22%), на Удоре (на 11%), в Усть-Вымской вотчине (на 7%), в Вычегодской земле (на 4%). Среди волостей Сясьской земли наибольшее запустение испытали нижнесясьские волости.

Конечно, не все прежние обитатели края умерли. Многие «жилицкие люди в разных годах от хлебные скудости, и от казачьих грабежов, и от всяких проезжих служилых людей от обид и от всякого насильства разбрелись кормитца в русские и в Сибирские города». Многие предпочли покинуть родные места и уйти в более «хлебородные» регионы – в Прикамье и Сибирь (фраза «двор пуст, хозяин шел в Сибирь» довольно часто повторяется в переписных книгах). Относительно немногочисленный народ коми сыграл чрезвычайно важную роль в присоединении зауральских просторов к Российскому государству. Коми охотники и торговцы издавна знали ведущие за «Каменный пояс» дороги. Они являлись проводниками в отряде Ермака, с похода которого началось присоединение Сибири, и в ряде других отрядов русских служилых людей, направлявшихся в конце XVI – начале XVII в. на Обь и Иртыш, вдоль побережья Северного Ледовитого океана (к Мангазее), были в числе первых жителей многих сибирских городов, возникших в конце XVI–XVII вв. (Тюмени, Тобольска, Пельма, Сургут, Березова, Верхотурья и др.), участвовали в освоении бассейна Лены, Амура, Камчатки, Новосибирских и Алеутских островов, в знаменитом походе С.И. Дежнева и Ф.А. Попова вокруг Чукотки. Выходцы из Коми края Ф.А. Чукичев и Д.М. Зырян руководили освоением Индигирки, Колымы и Пенжины. Между переписями 1620-х и 1640-х гг. из Коми края ушли 961 мужчина и 91 женщина (по женщинам данные очень неполные, поскольку они практически не учитывались при составлении писцовых и переписных книг), т.е. всего 1052 чел., и еще 407 чел. переселились «безвестно».

Говоря о переселениях, нельзя оставить без внимания субъективную сторону. Можно предположить, что сам менталитет местного населения в известной мере способствовал развитию миграционных процессов в регионе. В несколько гиперболизированном виде эта идея высказывалась рядом ис-

следователей второй половины XIX – первой четверти XX в. П.П. Чубинский утверждал: «Пермяки охотно сменяют места поселений. Некоторые пермяки сменяют места поселения по два и по три раза в продолжение жизни, другие же из-за страсти к переходам сменяют их до 8 и 10». О «расходчивости, расплывчатости, привычке уходить при первом неудобстве», от которой «происходили полуоседлость, отсутствие привязанности к одному месту», писал в «Истории России» С.М. Соловьев. Сходным образом высказывался о жителях Русского Севера С.Ф. Платонов. Разумеется, объяснять передвижения населения только склонностью последнего к «полуоседлой жизни» и другими субъективными факторами было бы ошибочно.

Однако нельзя не учитывать, что население Европейского Северо-Востока было тесно связано с промысловым хозяйством, и особенно с охотой, которая требовала длительного пребывания охотников вне родного дома, в пути, периодических временных переселений в отдаленные места охоты. В этих условиях постепенно вырабатывалось понимание необходимости миграций, своего рода привычка к переселениям (сначала временным, а затем – если возможности временных миграций себя исчерпывали – то и к постоянным). Таким образом, само отношение местного населения к переселениям, причем достаточно далеким (за Урал) как к чему-то обыденному, само собой разумеющемуся, оказывало определенное влияние на развитие миграционных процессов. Кроме того, менталитет коми крестьянина (как и севернорусского) был менталитетом лично свободного человека, не прикрепленного к земле крепостным правом. Историк Л.В. Милов указывает на своеобразие менталитета российского крестьянства (связывая его формирование, в частности, с воздействием природно-климатических факторов) и на то, что этот менталитет способствовал максимальной контактности с представителями иных конфессий, а это имело громадное значение в практике миграций и мирного проникновения русского населения на новые территории. Как представляется, что уместно, во-первых, говорить о контактности не только с представителями иных конфессий, но и иных этносов, а во-вторых, понимать под российским крестьянством с его менталитетом не исключительно русское, но и крестьянство иных православных народов, формировавшихся в сходных природно-климатических условиях, и в частности, коми.

Неурожаи, кризис крестьянского хозяйства и отток населения за пределы Коми края привели к тому, что в большинстве районов давнего заселения (в Вычегодской, Плесовской, Сысольской землях и Лузской Пермце, а также на Удоре) в период между переписями заметно уменьшилось количество новых поселений. Жители верхнемезенских селений основали два новых поселения в верховьях реки: «Да к Глотове ж к слободе после писцов поселялись вновь: Деревня Макариб на реке на Мезене...», «деревня Зорчаиб (современный Зерзяиб. – *Авт.*) на реке на Мезене...». Первая из них возникла

не позднее 1639 г., вторая – не позднее 1645 г. В каждой из них в 1646 г. насчитывалось по одному жилому и одному пустому двору. Ниже прежних селений по течению Мезени появился «починок на усть Лопьи реки» (Латьюга).

Довольно активно продолжалось относительно недавно начавшееся освоение верхней Вычегды. Близ устья р. Локчим были основаны три селения: «Да вновь после писцов: Деревня Кия на реке на Кие...», «да вновь же: Деревня Кортговская на усть курьи», «да вновь же: Деревня Наволок на старой реке на Вычегде» (эти поселения позднее слились в одно – **Корткерос**). Вблизи д. Сторожево возникли впоследствии слившаяся с ней «деревня Шунатуй над озером над Шунатуем» (жители современного Сторожевска нередко называют свое село «Шойнаты») «вновь стали после писцов», «да вновь же починок, что было чюдцкое городище на реке на Вычегде».

Главным районом заселения на верхней Вычегде в 1629–1649 гг. стала территория значительно выше устья Вишеры по течению – при впадении в Вычегду рек Кулом и Нем, где ранее населенных пунктов не существовало. Туда переселялась и часть жителей из селений, возникших в районе Вишеры в первой четверти XVII в. В переписной книге 1646 г. сказано: «Да к Вишере ж вновь поселились после писцов: погостец Усть Кулом на реке на Вычегде и на усть речки Куломки», «Да вновь же к погосту после писцов стали деревни: Деревня Керчема на реке на Вычегде», «деревня Кулом на речке на Куломке», «деревня Устьнеми на реке на Вычегде и на усть речки Неми», «деревня Кужба на реке на Вычегде усть Кужбы реки», «деревня Носим на реке на Вычегде усть речки Носимки». Наиболее крупными поселениями были Усть-Кулом и Усть-Нем. Большая часть населения пришла в этот район, очевидно, из Вишерской волости и, возможно, с Выми. При переписи дворов Вишерского погоста писцы отметили восемь пустых дворов и дворовых мест: «двор пуст Петруньки Трефилова», «место дворовое Марка Игнатъева сына с сыном с Трошкой» и т. д., «а оне сошли того ж Еренсково уезду Вишерские ж волости на новую усаду на Усть Нем во 145 (1637) году». **Василий Федоров Мишарин** с двумя сыновьями «сшел того ж погосту на новую усаду в деревню на Кулом во 151 (1643) году» из деревни Большой Луг. Житель той же деревни Корнил Петров «сшел на новую усаду того ж погосту в деревню на Усть Нем во 153 (1645) году». Григорий Антонов из д. Сужаиб «сшел... на новую усаду в деревню на Усть-Неми во 149 (1641) году». «На новую усаду в деревню на Усть-Кулом» переселились Левка и Зиновейко Елисеевы из д. Нобдин (в 1641 году) и Василий Петров из д. Сторожево (в 1646 году). В результате освоения верхневычегодских земель население этого района в 1608–1646 гг. возросло в шесть раз.

Очерк 4. ОСВАИВАЯ НОВЫЕ ЗЕМЛИ

«...народ, называемый зыряне»

Период тяжелейших испытаний, выпавших на долю обитателей Коми края, оказался не слишком продолжительным. Во второй половине XVII в., после того как прошел пик малого ледникового периода, климат начал по-прежнему меняться в лучшую сторону, стал более устойчивым, мягким, удобным для ведения сельского хозяйства. Сильные неурожаи еще случались: в 1663 г. «на Двине и в Поморьях хлеб позяб», в 1664 г. «хлеб почал быть дорог». Г.И. Терентьев, земский целовальник Усть-Цильмы и Ижмы, писал в 1661 г. в челобитной: «у нас... хлеб не родитцы, и погибает хлебною нужею, питаемся борщем (травой. – *Авт.*) и рыбою». О голоде в Печорском крае и на Выми писал боярин А.С. Матвеев, находившийся в 1676–1682 гг. в ссылке в Пустозерске. В одном из его писем говорится, что «жители в Пустозерске голодом тают и умирают... и такая нужда в сей стране повсюду на Турье, Ижме, Усть-Цильме и на Пустозерском остроге... Прежде, сказывают, рыбы здесь был достаток, и на продажу было, а ныне не токмо на продажу, но с самой весны... до сытости сами никто не ел, таем голодом; а хлеб привезли, мука что отруби, и той не продают, оставляют в зиму, в самый глад продать, хотя взять дороже». Но в целом смертность уменьшилась, сократился отток населения из края. Местное население в изменившихся условиях стало активнее осваивать близлежащие слабозаселенные районы (верхнюю Вычегду, Летку), началось заселение верхней Печоры. Численность жителей стала постепенно увеличиваться.

6 августа 1678 г. Иван Васильевич Елчанинов и подьячий Семен Безсонов получил наказ провести вторую подворную перепись в Яренском уезде. Задачи перед переписчиками стояли практически те же самые, что и перед их предшественниками в 1646 г.: «На Выми в Еренском городке на посаде посацких людей и в уезде в Сысольских, и во всех отхожих волостях, и в слоботках, и в деревнях, у старост и у целовальников, ...и у монастырских служек, и на церковных землях у попов и у дьяконов, и у церковных причетников взять скаски за их и отцов их духовных за руками, что в Еренску на посаде посацких людей и в уезде в Сысольских, и во всех отхожих волостях, и в слоботках, и в деревнях, и в починках крестьянских и бобыльских дворов, и в них людей по имянном. И у тех крестьян и у бобылей сколько у кого детей и братья, и племянников, и сосед, и подсоседников, и захребетников, и недорослей, и многих ли те недоросли лет. И по тем скаскам людей досмотрить самим и переписать с отцы (отчествами. – *Авт.*) и с прозвищи. А недорослей скольких хто лет и что где перед переписною книгою дворов и людей прибыло или убыло и о том в переписных книгах описывать имянно». Переписная книга 1678 г. полнее фиксировала население, чем книга 1646 г.: в нее записывались и отсутствовавшие в предыдущей переписи дети младше четырех лет.

Убедившись, что население имеет свойство утаивать часть обитателей от переписчиков, дабы платить меньше налогов, правительственные чиновники особого оговорили в наказе необходимость бдительно следить за недопущением подобных действий: «А буде по досмотру и по переписке сверх чьих сказок где объявятца лишние дворы и люди, или в одном дворе из дву или ис трех дворов сводные люди, и то в книгах описывать имянно, а у переписки того беречь накрепко чтоб никто за собою крестьян и бобылей не таили, и из дву или ис трех дворов в один двор людей не переводили, и чюжих крестьян, и бобылей за собою заочно не писали и монастырских и вотчинниковых крестьян слушками и детеныщами не называли, а кто та учнет чинить и про утаенных людей спрашивать откуда у них те люди пришли и сколь давно за ними живут, а про пустые крестьянские и бобыльские дворы допрашивать и ис тех дворов люди переведены на иные земли, или померли, или розбежались и сколь давно, и хто теми дворами и землями владеет. И то все велено писать в книги имянно, а которые люди после писцовых книг поселились на пустых землях и тех людей писать жилыми дворами, и у них детей, и братью, и племянников, и сосед, и подсоседейников, и захребетников по имяны с отцы и с прозвищи, и сколько кому лет, и сколь давно, и в коих годех они поселились». В том же 1678 г. была проведена подворная перепись в Прилузье, в следующем 1679 г. – в Ижме и Усть-Цильме. Все переписные книги сохранились до наших дней.

Государевы наказы, надо сказать, далеко не всеми переписчиками соблюдались в должной мере. Например, жители Пошехонского уезда жаловались на переписывавшего их подьячего Агафона Мешкова: «...он, Агафон, забыв страх Божий, где дворы пусты, пишет все жилыми, а жилые – пустыми, берет денежные и железные взятки и полотна и медь». Следствие показало, что жалобщики правы: кроме денег, вина, разнообразных яств, подьячий в качестве взяток заполучил ружье, несколько сковородок, верблюжий кушак и даже живого медведя. Проворовавшегося переписчика отправили в ссылку. К счастью, столь вопиющие случаи были все же нечасты...

На основе подворных переписей можно вычислить примерное количество жителей региона. В 1678–1679 гг. в Коми крае насчитывалась 17,3–17,6 тыс. коми и 1,7–2 тыс. русских. Разумеется, определить численность коми и русского населения можно лишь приблизительно, предполагая (опираясь на данные более позднего времени), в каких волостях проживали коми, в каких – русские. Сами источники XVII в. содержат весьма скудную информацию на этот счет. В 1666 г. через Коми край в Сибирь проехал немецкий офицер (фамилия неизвестна), отметивший в своем дневнике: «Что касается провинции и края, расположенных между... городом Соль-Вычегодском и могучей рекой Камой, то жители их называются пермяки... Эти люди имеют свой особенный язык, отличающийся от русского и от татарского. Это достаточно большая провинция, но главным образом, лес и пустыня; жители высокие и крепкие люди;

наряду со своим родным языком употребляют они также русский; на своем же говорят обыкновенно, он очень непохож на другие».

Швед Э. Пальмквист, побывавший в Москве в 1673 г., различал зырян и пермяков и сообщал, что «от Сольвычегодска начинается народ, называемый зыряне»; пермяки же жили ближе к Соликамску. Однако сам он на Вычегде не бывал и использовал полученные от кого-то сведения. Но о том, что где-то за Сольвычегодском начинаются земли, населенные зырянами, сообщают в своих записках также Избрант Идес и Адам Бранд, участники русского посольства в Пекин 1692 г. По словам И. Идеса, он выехал из Сольвычегодска на санях «и в тот же день прибыл в страну зырян, или Волость-Ужгу. Народ здесь говорит на языке, который не имеет ничего общего с московским, а скорее близок к... языку населения Лифляндии». А. Бранд сообщил, что, покинув Сольвычегодск, они «в тот же день проехали еще 50 верст, или 10 немецких миль, и достигли страшно густого, большого и темного леса, раскинувшегося на 800 верст (или 160 немецких миль) и заселенного на довольно большом пространстве. В нем по деревням и местечкам живет народ по имени зыряне...». Таким образом, уже в 50 верстах за Сольвычегодском на смену русским селениям приходили зырянские. Правда, неизвестно, каким образом путешествовали послы от Сольвычегодска – по Вычегде до устья Сысолы или только до устья Виледи и через Виледь на среднюю Сысолу, поэтому мы не знаем, какие зыряне имелись в виду – нижневыхегодские или вилегодские.

Архиепископ Вологодский и Великопермский Маркел в челобитной 1653 г. писал, что крестьяне Усть-Вымской вотчины говорят «по-зырянски, по-пермячки и многие русским языком говорить не могут». Сысольские крестьяне в конце XVII в. подчеркивали, что они «русского языку не разумеют, что у них язык пермский». Выборные должностные лица Лузской Пермцы именовались «пермскими целовальниками», «зырянскими челобитчиками».

Переписные книги конца 70-х гг. XVII в. содержат интересные сведения о новых поселениях, возникших в период между двумя подворными переписями, и о переселенцах, приходивших в Коми край из других мест. Например, в Киберской волости на Сыsole переписной книгой 1678 г. отмечены несколько мигрантов из-за пределов края. Среди них было 15 переселенцев с р. Юг (Фока Кононов Югов, Лева Денисов Югов и др.) и четыре переселенца из Костромы (Гурей Алферьев Костромин и др.). Надо полагать, в Киберскую волость переселенцы пришли из соседнего Прилузья, где мигрантов было в этот период довольно много. Дорога из Лузской Пермцы на Сысолу проходила как раз через Кибру. На Лузе, в Лоемском приходе поселился Григорий Прокопьев Шехонин (судя по фамилии – переселенец с р. Шехонь). Матвей Тырышкин (Лоемский приход) и Афанасий Тыришкин (Спасский приход), возможно, пришли с Вятки. Михаил Пермяков, поселившийся на Летке, был, надо полагать, родом из Прикамья (коми-пермяк). Оттуда же вышли, очевидно, и ношульские Мошеговы. Некоторых переселенцев власти отправляли на

прежнее место жительства, что также фиксировалось в переписных книгах. Например, крестьянину Андреевского стана Сольвычегодского уезда Федору Кузьмину было запрещено селиться и владеть пашнями в Лоемском приходе Лузской Пермцы, «а велено ему ... жить по-прежнему в Андреевском стане».

Немало переселенцев из различных районов Коми края и из-за его пределов появилось к 1678 г. на Выми. Это было связано в первую очередь с возникновением и развитием солеваренного промысла в Серегово, владельцы которого нуждались в рабочей силе. Сереговский промысел возник еще в XVI в., но до середины XVII столетия разработки соли велись там небольшим количеством людей. Только во второй половине XVII в. его новые владельцы Панкратьевы решили увеличить соледобычу. Для этого требовались рабочие руки, и хозяева промысла привезли сюда своих крепостных – **русских, поляков и карел**. В самом Сереговском усолье жили Михаил Федоров Корелятин, Мартын Микулаев поляк и др. «Да выше Усолья на скотском дворе в наволоке за речкой Елью... живут крепостные ж люди корелетина Мишка Матвеев» и другие, «да поляки Давыдко Исаков» и другие. В деревне «на Кочииле Мироновской» жили «поляк Ивашко Анофриев сын Бутко» с детьми; в деревне Бадрас – «поляк Пронька Иванов» с детьми, в деревне Удор – «поляк Алешка Матфеев». Всего у Панкратьевых было 15 русских крепостных, 10 карелов и 19 поляков.

Кроме крепостных, в Усолье пришли работные люди из разных городов Поморья: Сольвычегодска, Солигалича, Холмогор, Устюга, из Важского, Тотемского и Мезенского уездов. В переписной книге говорится: «Да у соляных же варниц 27 изб работных людей: в избе трубник Власко Артемьев сын Чюмаков..., а приходец он из Тотемского уезду: в избе кузнец Ивашко Михайлов сын Руссыкаев, ... а приходец он от Соли Вычегодской с посаду; ... в избе соловар Ивашко Иванов, ... у него брат Афонька, ... а прихотцы они от Соли Галецкой с посаду» и т.д. Всего на промысле Панкратьевых и на расположенном по соседству небольшом промысле О.Филатьева работало 44 человека, пришедших сюда из-за пределов Коми края. Пришлые люди жили и в других селениях Вымской земли (правда, в меньшем количестве, чем в Сереговском Усолье). В погосте Ляли в 1674 г. поселился Иван Герасимов Евтиных с сыном: «...пришел он Ивашко ис Тотемского уезду от хлебной скудости тому 4 год». В д. Жеребовской (Веслянская волость) жил приказчик Ивана Панкратьева «Гриша Михайлов, сын Кондырев, у него сын..., а породы он Гришка польские земли, а крепок ему Ивану по купчим». Среди жителей д. Ермолинской (Княжеская волость) переписной книгой 1678 г. назван «гостя Ивана Панкратьева купленной немецкие породы Петрушка Матвеев, у него дети Якушка да Онашко» (вероятно из пленных). Возможно, пришлыми были и крестьяне, носившие фамилию «Немчинов» (Лазарь Лазорев Немчинов с сыном, жившие в погосте Онежье. Двором в деревне Кыроч (Княжеская

волость) владел «Максимко Савин татарин», переселившийся сюда из Казани (о его сыне, Степане Максимове, и внуке Лаврентии в следующих переписях сказано, что они «родом Казанских татар»).

В 1646–1678 гг. в Удорской земле появилось девять селений. Семь из них основаны в Важгортской волости. В д. Меньшая Мантюга первопоселенцы пришли в 1658 г. «из тое ж Удорские волости». В 1678 г. в ней насчитывалось два жилых и три запустевших двора, семь жителей мужского пола. Деревня Мантюга (Верхозерье) появилась в 1663 г., ее основатели пришли «ис тое ж волости от семей». В 1678 г. в деревне имелось три жилых двора и один опустевший, 16 мужчин. Основатели д. Усткава также поселились в ней «ис тое ж волости от семей» в 1663 г. В 1678 г. здесь было шесть дворов, 36 жителей мужского пола. Даты возникновения других селений неизвестны. В д. Тоин, «что был починок Тойна ж» в 1678 г. имелось два жилых и один пустой двор, восемь мужчин, в д. Патрекеевской, «а Гнилое озеро тож» – два жилых и три пустых двора, четыре жителя мужского пола. На территории Вендингской волости во второй половине XVII в. появились две деревни. В д. Единской, основанной в 1658 г., в 1678 г. имелось шесть жилых и четыре пустых двора, 11 мужчин, в д. Вачерта – **шесть жилых и один опустевший двор, десять жителей мужского пола**. В соседней земле Глотова слободка были основаны два населенных пункта на притоке Мезени – р. Ирве; починки Боровой (в 1666 г.) и Кучмосер (в 1668 г.), «а поселились те починки из тое ж Глотовой слободки с погосту семей». В 1678 г. в Боровом имелся один двор, четверо мужчин, в Кучмосере – два двора, семь мужчин.

В Зеленецкой волости в 1658 г. выходцы из д. Парчег основали деревню «Над озером Белым», где в 1678 г. насчитывалось четыре двора, 12 мужчин. На верхней Вычегде в 1646–1678 гг. переселенцами из различных районов Коми края было основано **17 населенных пунктов (еще одно поселение основали выходцы из-за пределов края)**. В Вишерской волости появилось восемь селений. Переселенцы из Вишерского погоста поселились в починках Ивановском на р. Вишере (Иван Савельев Попов с двумя сыновьями) и Парфеновском «за рекой Нобдинкой» (Парфенка Иванов с сыном) соответственно в 1675 и 1673 гг. Небдинцы основали на берегах Вычегды починки Евсеевский (Евсейка Савин Тимошев с пятью сыновьями) и Михеевской (Михей и Макар Анисимовы) соответственно в 1672 и 1669 гг. Братья Архип, Григорий и Тарас Федосиевы Панюковы из д. Большой луг в 1675 г. **поселились в починке Архиповском на р. Вишере**.

Несколько починков возникли в результате прихода мигрантов из более удаленных мест. Григорий Макарьев с сыном и его двоюродный брат Сенька Юрьев, тоже с сыном, выходцы «с реки Выми с погосту Ляль», в 1676 г. **основали починок Гришинской на р. Вычегде «на усть ручья Ягшора»**. В починке Першинском (ныне д. Першинск) в том же 1676 г. поселились выходцы «из

Жешартского погосту деревни Гаму» Перша Аммосов с сыном и Осташко Стефанов. Основатели починка Селиверстовского на озере («Подбельской, Ивановской тож» – ныне с. Подбельск) пришли туда в 1676 г.: Селиверстко Лаврентиев с двумя сыновьями и Савинко Савельев – из Лузской Пермцы, а Ивашко Григорьев с сыном – из Глотовой слободки. **Переселенец из Мезенского уезда Яков Евдокимов с тремя сыновьями основал в 1674 г. на верхней Вычегде, в Вишерской волости, починок Якуневской:** «...поселился... пришел из Мезенского уезду Юромские волости деревни Засчерья».

Увеличение числа селений и жителей на верхней Вычегде привело к разделу Вишерской волости на три части – **в самостоятельные единицы выделены погосты Усть-Кулом и Усть-Нем.** В Усть-Куломской волости в 1646–1678 гг. появились четыре населенных пункта: деревни Деревянный кряж и Руч, починок Аныб и Спасский (Ульяновский) монастырь. Большинство переселенцев пришло сюда из Сысольской земли. Так, починок Аныб в 1663 г. основали выходцы «из Сысольские волости с погоста Зеленца» Якушко Ефремов Казаринов и еще трое крестьян, д. Руч в 1670 г. – **братья Савка и Лазарко Никитины Минины** «с погосту Шешок с Сысолы», братья Петр и Тихон Стефановы Ульныровы и Илья Иванов «с Сысольские волости с погосту Большаго Ибу». В пустыни «что был Спасский монастырь» в переписной книге отмечена «келья черного попа пуста, а пришел поселился с погосту Усть-Сысолы».

В д. Деревянный кряж (ныне с. Деревянск) в переписной книге 1678 г. названы девять жителей мужского пола родом «с погосту Усть-Сысолы», четверо – «из Сысольские волости з деревни Парчога», пятеро – «из Сысольские волости из Шешек» (фамилии не указаны). Кроме жителей Сысольской земли, в этой деревне поселились пять братьев Поповых «с погосту Вишеры», два человека (их фамилии не указаны) пришли из Глотовой слободки, трое (также без фамилий) – с Удоры «из деревни Кривого Наволока» и семь человек – из Лузской Пермцы. Еще у двоих место выхода не названо.

В состав Усть-Немской волости вошла обширная территория, включавшая самые верховья Вычегды и Печоры. Ранее выше устья р. Нем селений не было. Во второй половине XVII столетия там возникло четыре населенных пункта: починки Усть-Пожег, Усть-Курья и Лебяжий кряж и д.Агафоновская. На Печоре появился починок Кузьминский. Они-то, вместе с Усть-Немом, ставшим погостом, и составили Усть-Немскую волость.

Починок Лебяжий кряж основан в 1670 г. переселенцем «с погосту Вишеры». В 1678 г. **в нем имелся один двор, в котором насчитывалось восемь жителей мужского пола.** Основателями д. Агафоновской «на усть реки Мылвы» (ныне с. Мылдино) и починка Усть-Курья были жители Усть-Нема. Деревня Агафоновская (названная так по имени своего основателя Агафона Фарафонтова) возникла в 1668 г., **Усть-Курья – в 1671 г. В первой в 1678 г. насчитывалось пять дворов, 32 человека мужского пола, во втором – два двора,**

десять мужчин. Выше других по Вычегде располагался починок Усть-Пожег (ныне с. Пожег), основанный в 1676 г. Большинство его первых обитателей переселилось сюда со Средней Сысолы: «...крестьянин Афонька Васильев, ...у него сосед Якушко Осипов..., а поселились они из Сысольские волости с погосту Кибры», «Ганка Тимофеев сын Лежанев, ...у Ганки ж сосед Кирилка Стахеев, поселились они с Сысольские волости с погосту с Визенги», «бобыль Марчка Иванов..., а поселился он на том починке с Сысольские волости с Межадора с погосту». Кроме сысольцев, здесь поселились Анкудин Петров с сыном, «а приходец он с Ваги», Лука Иванов, «а пришед поселился из Каргополя», и Архип, «а приходец он из Тотемского уезду».

При переписи жителей других районов Коми края писцы фиксировали немало фактов ухода населения «на Вычегду». Так, из Вымской земли «кормитца христовым именем на Вычегду» переселились жители Княжпогостской волости Павел и Родион Алексеевы Опарины и обитатели Ляльской трети Семен Юрьев Каракчиев («поселился на починке», – сказано о нем в документе) и еще двое крестьян. «Кормитца верх Вычегды» в 1676 г. ушел житель деревни Коквицы (Оквядская волость Усть-Вымской вотчины) Дмитрий Назаров Ганов. Из погоста Койгорт (Ужговская волость) «кормитца на Вычегду» в 1678 г. **переселился Петр Титов. Из Вотчи «в Вишерские волости»** ушел Демка Ерофеев, из Визинги «в верх Вычегды» – Степан Павлов Канов с семьей. Возможно, что на Верхнюю Вычегду переселился житель Спасского прихода Лузской Пермцы Константин Агеев, о котором в переписной книге сказано: «...сшел в Еренский уезд».

Немало сообщений о переселениях местных жителей «на Вычегду» приходится на северо-западную часть Коми края, в особенности на Удору. Причиной этих переселений были, вероятно, неурожай. Из Венденгской волости на Вычегду «от хлебного недороду кормитца» ушли три человека (их фамилии не названы), из Важгортской волости – **11 человек, из Коптюгской волости – четыре** человека. Бобыль Кирил Аристов из д. Верхняя Вылиба Готовской волости «перешел жить в Еренский же уезд в Вишерские волости в Деревянную деревню» (имелась в виду д. Деревянный кряж Усть-Куломской волости). Афанасий Мамонтов из Кослана «сшел кормитца на Вычегду христовым именем».

В 1674 г. появилось первое коми селение на верхней Печоре – отмеченный переписью 1678 г. починок Кузьминский (ныне Троицко-Печорск). Основатели его пришли на Печору из самых разных районов Коми края. Фамилии их неизвестны, в документе указаны только имена и отчества. Данила Самойлов «пришед поселился уезду Соли Вычегоцкой из Луские Пермцы», Денис Вахромеев «пришед поселился Сысольские волости с погосту Вотчи», бездворный бобыль Тимофей Савельев был «приходец Сысольские волости с погосту Визенги», а бобыль Дмитрий Карпов «пришед поселился из Удорские волости». У одного из обитателей починка место прежнего жительства

не названо. Хотя в переписной книге 1678 г. Кузьминский перечислен среди поселений Усть-Немской волости, в том же документе сказано, что жители починка «оброку и дани с погостом с Устьнемским не платят» – сказывалось, вероятно, отдаленность от Усть-Нема и то, что среди первопоселенцев Кузьминского не было выходцев из погоста Усть-Нем.

В 1682 г. в Прилузье по какой-то причине было проведено писцовое описание земель и населения. В составленной писцовой книге были зафиксированы не только дворы и их обитатели, но и границы земельных владений по каждому селению. Изучение материалов этой переписи показывает, что неурожай 1680 г. («хлебный недород», говорится в писцовой книге) вызвал голод, бегство и высокую смертность населения в Лузской Пермце и, вероятно, не только в ней, но и в соседних районах. Например, Вологодская летопись сообщает, что в 1680 г. «зима была, снега великие болшие шли по вся дни, а вешняя вода зело велика была и долго стояла, и хлебы озимовые в полях от того снегу выпрели и изгибли». В результате в Лузской Пермце за прошедшие между переписями четыре года (1678–1682) количество жителей, уменьшилось на 6% (в 1682 г. здесь проживало 2,2–2,3 тыс. чел.).

Последние переписные книги в Коми крае были составлены в начале XVIII в. В Яренском уезде подворные переписи прошли в 1707 и 1710 гг., в Прилузье и на верхней Летке – в 1710 г., в Ижме и Усть-Цильме – в 1711 г. В книге 1707 г. переписаны все жилые и пустые дворы с перечислением их обитателей или причин запустения, отмечены вновь появившиеся дворы и населенные пункты, указаны даты строительства церквей, зафиксированы налоги, которые надлежало выплачивать с каждого двора, причем владелец каждого двора расписывался в подтверждение достоверности сообщаемых сведений (подпись, впрочем, как читатель узнает ниже, мало помогала). Книга 1710 г. – единственная, где переписаны не только мужчины, но и женщины с указанием возраста и родственных отношений. Переписные книги 1707 и 1711 гг. и 1710 г. (по Прилузью) сохранились почти полностью (в книге 1707 г. нет данных по трем вымским селениям), книга 1710 г. по Яренскому уезду сохранилась только наполовину – по Удоре, Выми, нижней Вычегде сведения есть, а по Сыsole, верхней Вычегде и верхней Печоре – нет.

В 1678–1707 гг. в Усть-Сысольской волости были основаны десять селений, в большинстве своем восточнее устья Сысолы (среди них Озел и Важкурья на Вычегде). Возникновение починков Мордино, Позтыкерос и Бояркерос ознаменовало собой начало процесса заселения бассейна р. Локчим, где позднее образовалась локальная группа локчимских коми. Основатели селений являлись, как правило, выходцами из населенных пунктов Сысольской земли. На Летке появились деревни Березовка, Корелевская, Талицкая, Прокопьевка, Черемуховка, впервые упомянутые в переписной книге 1710 г.

На верхней Вычегде в 1678–1707 гг. возникло пять населенных пунктов. В Вишерской волости появились деревни Макаровская и починок Новик. В

Усть-Немской волости, в самых верховьях Вычегды, были «вновь построены» три селения. Первыми жителями починка Кырныша были Ф.Д. Попов из Сысольского погоста Кибра, К.К. Куричкин из соседнего Пожега и З. Паршукова (судя по фамилии – из Усть-Нема). Починок Вольдин основали выходцы из Глотовой слободки братья Слобожанины. Основателями Помоздина были переселенцы из Усть-Нема Кармановы и Игнатовы и В.Д. Журавлев из Корткероса.

Приходили в верхневыхгодские волости в этот период и переселенцы из-за пределов Коми края. В Вишерской волости поселились четыре выходца из Сольвычегодского уезда: Яков Павлов Качаев с сыном в Подъельске, Марфа Ветошихина и Антип Ярафиев Ветошихин – в д. Макаровской. В Усть-Куломскую волость пришли девять переселенцев: Петр Севастьянов Вагин с сыном «родом Важеского уезда», Федор Марков Седрочев с двумя сыновьями из Кеврольского уезда (все поселились в погосте Усть-Кулом), братья Аксен и Семен Елизаторы Кузнецовы из Сольвычегодского уезда и Василий Аксенов Жикин с сыном «родом Соли Камской». Перепись сообщает о пришлом населении, имевшемся и в других частях Коми края: например, в Киберской волости на Сыsole в 1707 г. жили братья Яков и Федор Гурьевы Костромины «родом Костромского уезду».

Результаты переписей относительно количества жителей оказались весьма неутешительными. В целом по России подворная перепись выявила уменьшение числа жилых дворов в стране на 19,5%, в то время как правительство рассчитывало на их рост и, соответственно, на увеличение собираемых налогов. В Коми крае наблюдалась та же картина. Судя по данным переписной книги 1710 г., в 1682–1710 гг. численность населения Лузской Пермцы продолжала уменьшаться и в 1710 г. едва превышала одну тысячу человек – меньше, чем в 1620 г. Сократилось население, судя по переписной книге 1711 г., в Ижме и Усть-Цильме, входивших в Пустозерский уезд. Если верить подворной переписи, то численность жителей Пустозерского уезда в 1711 г. была меньше, чем даже в 1575 г. Сократилось число обитателей в вымских селениях.

Определенное воздействие на уменьшение количества жителей в этих районах, оказали голод (например, в 1686 г., рассказывает Вологодская летопись, «зима стояла... и весна с лютыми мразы до Петрова поста. И того лета месяца июня во дни были три инии великие с лютыми мразы, а в Поморской стране и в Каргополе... и в Устюжском, и в Вычегодском, и в Пинежском, и в Мезенском – во всех мразы позябли; а скот, лошади и коровы, с великого гладу помирали много множество в тех уездах и по волостям, потому что гнилые сена и соломы все поедено без остатка»). В 1695 г. «Поморские страны... во всех уездах... хлебы не сыспели и великими мразы побило. И жители тех стран, людие мужеска полу и женьска и с малыми детьми, пошли все на росходы в поволские грады и в уезды, где бы кому препитатися, доколе бог изволит». В 1700 г. «в домовый вотчине архиепископа Вологодского и Бело-

зерского от мороза хлеб вызеб и Сереговский соляной промысел гостя Ивана Панкратьева без денег остановился... От великого глада и от великой денежной скудости многое число... бедных крестьян и вдов и сирот бродят меж дворов и кормятся христовым именем». Опальный фаворит правительницы Софьи В.В. Голицын, отправленный в 1691 г. в ссылку в Пустозёрск, в дороге написал царям Ивану и Петру письмо: «Ныне в пути мучим живот свой и скитаемся Христовым именем, всякою потребою обнищали и последние рубашки с себя проели. А в Пустозерске хлеб зело дорог и всякая живность, и помереть будет нам томною и голодною смертию. Милосердные великие государи! Велите нас, бедных и невинных, возратить из такого злого тартара». Случались эпидемии и эпизоотии (массовые болезни животных): в 1692 г. много детей умерло от оспы, бороться с которой тогда еще не могли («бысть... в мире скорбь сыпучая, сиречь воспица, и тою болезнею младенцы помирали зело много и премного такожде и скоцкой лошадиной падеж зело велик был. А ражной хлеб противо прежних лет не дородился», – повествует Вологодская летопись). Свою лепту вносили также правительственные мобилизации на строительство Санкт-Петербурга, Таганрога, порта в Архангельске и др., на военную службу. В частности, в 1708 г. было приказано послать из ряда Поморских уездов, в том числе из Сольвычегодского, по одному человеку с каждых 15 дворов на работу в Санкт-Петербург.

Всего, судя по материалам переписных книг 1710–1711 гг., в Коми крае насчитывалось несколько меньше жителей, чем по подворным переписям 1678–1679 гг. Однако реальная численность населения была, вероятно, существенно больше, чем это показывают переписные книги начала XVIII в. В действительности дело было не в сокращении количества обитателей. Жители Коми края, как и других регионов России, стремясь уклониться от учета и тем самым избежать налогообложения (размер налогов зависел, естественно, от числа жилых дворов в селении), узнав о начале переписи, временно подсеялись из одних дворов в другие, а свои выдавали за опустевшие, не подлежащие налогообложению. В начале XVIII столетия это уклонение достигло наибольших размеров. Видный российский историк Я.Е. Водарский в монографии «Население России в конце XVII – начале XVIII века» писал, что «утайка» дворов от переписчиков в конце XVII – начале XVIII в. **увеличивалась**, в результате чего перепись 1710 г. потерпела неудачу. Стало ясно, что подворные переписи, как и писцовые описания, отжили свой век...

Правдивы ли сказки?

Бурные события царствования Петра I – Северная война со Швецией, заселение новых земель в Прибалтике и Приазовье, крестьянское восстание под руководством К.Булавина на Дону, бунты в городах – потребовали новых, более полных сведений о населении страны. В 1715–1717 гг. в России была проведена последняя подворная перепись. Проводили ее новые чиновники –

ландраты, поэтому составленные в ходе переписи переписные книги называют также ландратскими. Увы, итоги ландратской переписи оказались еще более плачевными, чем переписей 1707–1711 гг.

Неудача последних подворных переписей показала, что необходим новый принцип учета населения. О необходимости такого реформирования говорили уже в XVII в., а в начале нового столетия было составлено несколько проектов, предусматривавших отказ от подворного учета населения и налогообложения. Наконец 26 ноября 1718 г. последовал указ Петра I «О введении ревизии и о распределении содержания войск по числу ревизских душ», по которому в России вместо подворного налогообложения вводилось «подушное»; теперь переписывались не дворы, а «души мужского пола», о которых в течение года следовало собрать сведения («сказки»): «Взять сказки у всех (дать на год сроку), чтобы правдивые принесли, сколько у кого в деревне душ мужеска полу, объявля им то, что кто утаит, то отдано будет тому, кто объявит о том... Расписчикам... смотреть, ...правдою ли те росписи поданы, ...то же смотреть и офицерам, а ежели переписчик поманит и не напишет, то о том им доносить в военную и ревизион-коллегии... А буде кто как переписчик, так и офицер сей должности и указу пренебрегут, казнены будут смертию...». Этот учет получил название «ревизия» (от латинского слова, означавшего «пересмотр»). Необходимо иметь в виду, что введение ревизского учета преследовало отнюдь не демографические задачи. Правительство интересовало не точные данные о численности населения, его составе, переселенческих процессах, а увеличение размеров взимаемых налогов.

22 января 1719 г. Сенат издал указ «Об учинении общей переписи людей податного состояния, о подаче ревизских сказок и о взыскании за утайку душ», в котором уточнялся порядок проведения ревизии населения: «Брать во всех губерниях сказки... сколько где в какой волости, селе или деревне крестьян, бобылей, задворных и деловых людей по имени есть мужеска полу, всех не обходя от самого старого до самого последнего младенца». Поначалу намеревались «ревизовать» только крестьян. В течение 1719 г. проводилась ревизия и в Коми крае. Шла она весьма медленно: местные власти еще не освоились с новой формой учета, а население и прежде не горело желанием подавать о себе сведения, тем более чреватые усилением налогового гнета. Представленные в конце концов (в конце 1719 – начале 1720 г.) волостями «сказки» о крестьянах, «которые свою пашню имеют», оказались весьма неполными.

То же происходило и по всей стране. Сенату пришлось 4 декабря 1719 г. издать специальный указ, в котором говорилось, что «ни откуда присылки нет и по сие время, кроме что от немногих мест присланы, и то явились больше неисправные». В 1720–1721 гг. было велено собирать сказки также о церковнослужителях, «посадских и разночинцев, живущих на посадах и в слободах».

Проведение первой в России ревизии завершилось только к началу 1722 г., однако сразу же началась проверка правильности поданных «сказок», выявившая значительные упущения. Велено было тщательно переписать всех, включая «слепых и вестма увеченных и дряхлых и дураков, которые... и пропитания о себе не имеют». Проверка затянулась до 1727 г., но основные сведения удалось собрать к 1724 г. В 1724–1725 гг. сказки крестьян различных волостей Коми края были переплетены в книги (по каждому уезду в отдельности). В архивах сохранились и первоначальные ревизские сказки 1719–1720 гг., и уточненные сведения 1722 и 1724–1725 гг.

В дальнейшем было проведено еще девять ревизий: в 1744–1747, 1762–1764, 1782, 1794–1795, 1811, 1815–1817, 1833–1835, 1850–1851 и 1857–1862 (на основной территории страны – 1857–1858) гг. Уже при второй ревизии порядок сбора сведений изменился: теперь жители не отправляли самостоятельно ревизские сказки в уездные органы, а, составив их, ожидали приезда ревизоров, котрым и представляли материалы. А ревизоры сразу же начинали проверку представленных сведений. Это повышало степень достоверности данных. Хотя недостатки все равно имели место. Не случайно ревизорам за нерадивость грозили «жестоким наказанием плетьюми или батоги, смотря по важности вины их без упущения», а «старщинам и старостам, кои в ревизии сказки подавали и к утайке душ причиной... учинить наказание кнутом, и взять штрафа с каждого по 10 рублей, а крестьян, кои о той утайке подлинно в согласии были, с жеребья десятого бить плетьюми нещадно, дабы на то смотря, другим такой утайки чинить было неповадно».

При третьей ревизии на всех территориях страны учет населения стал проводиться по единым печатным формам сказак и сводных и перечневых ведомостей. С этой же ревизии стали в сказках стали фиксироваться и женщины, однако (в отличие от мужского населения) поданные о них сведения не подлежали проверке. Дворянство, духовенство, чиновники и другие сословия, не облагавшиеся податями, при третьей ревизии не переписывались, хотя спустя несколько лет после нее были собраны сведения и об этих категориях населения.

Четвертая ревизия была более полна в плане учета неподатных сословий, чем третья, и проведена она была гораздо быстрее, чем предыдущие ревизии. Интересно, что при этой ревизии решено было применять только одно наказание за утайку душ мужского пола – штраф по пять копеек за каждую. Телесные наказания остались в прошлом. Организация и проведение пятой ревизии в общем почти не отличались от предыдущей. Шестая ревизия учла только мужское население, причем многие неподатные сословия в ней не фиксировались; наказания за утайку населения ужесточились (увеличилась сумма штрафа, а выборные должностные лица, виновные в утайке, подвергались заключению в «работном доме» сроком на год). Эта ревизия, как

отмечает историк В.М. Кабузан, проводилась наспех (приближалась «гроза Двенадцатого года»), так что вскоре пришлось объявлять новую, седьмую ревизию, при которой вновь были учтены и женщины. По мнению специалистов, три последние ревизии содержат более точные данные, чем остальные.

Материалам ревизского учета присуща часть тех же недостатков, которые мы отмечали у писцовых и переписных книг. К недостаткам ревизского учета следует отнести, во-первых, отсутствие сведений о женщинах в сказках I, II, III, VII ревизий; во-вторых, отдельную фиксацию (с отдельной подачей сказок) крестьянского населения и духовенства, в результате чего в сохранившихся сказках Яренского и других уездов, в состав которых входила территория Коми края, нет сведений о церковнослужителях. В-третьих, в ревизских сказках нет сведений о национальном составе населения, о причинах переселений и смерти. В-четвертых, само население стремилось по возможности уклониться от переписи, чтобы избежать налогообложения (проверки ревизий показывали значительное количество «утаенных душ»; в Коми крае особенно велика была утайка в Прилузье во время первой ревизии). VIII–X ревизии, по предположению ведущего российского исследователя этой проблемы В.М. Кабузана, несколько точнее, чем предшествовавшие. Но даже они весьма неполны в плане фиксации населенных пунктов Коми края, что наиболее наглядно видно при сопоставлении данных X ревизии 1858 г. и списка населенных мест 1859 г. (в последнем отмечено гораздо больше поселений, чем в ревизских сказках, в том числе и довольно крупных, которые никак не могли появиться уже после проведения ревизии). Сроки проведения ревизий были не одинаковы и слишком растянуты во времени.

Но несмотря на то, что эти документы не дают полной картины изучаемого явления, они являются важнейшим источником при изучении историко-демографического развития Коми края. Важно, что в ревизских сказках содержатся богатые сведения о населении. В них фиксировалось большинство населенных пунктов и их жителей мужского (а в сказках III–X ревизий – также женского) пола с указанием на прибывших и выбывших после ревизии, с датами смерти и датами и направлениями ухода людей. Материалы ревизского учета охватывали практически территорию Коми края, составлялись на протяжении полутора веков каждые 20–30 лет (а иногда и чаще), в целом сопоставимы между собой и позволяют проследить динамику демографического развития региона.

Ревизии были основным, но не единственным способом учета населения в России в XVIII – середине XIX в. Свой учет вела церковь. Метрические книги содержат сведения о естественном движении православного населения (в них записывались даты рождений, смертей и бракосочетаний); в XIX столетии появились и метрические книги для представителей других религий. «Клировые ведомости о числе исповадавшихся и причащавшихся и неис-

поведовавшихся и непричащавшихся и о числе раскольников» информируют о численности православного мужского и женского населения. Конечно, эти материалы менее полны, чем ревизские сказки. Наконец, третьим видом фиксации населения был административно-полицейский учет: местные власти в своих отчетах в вышестоящие органы сообщали о происходивших изменениях в численности и размещении населения. Поначалу эти отчеты лишь немного дополняли ревизские сказки, но с 1830-х гг. стали существенно более подробны, чем ревизии, особенно в тех губерниях, где появились специальные статистические комитеты. Однако и тогда административно-полицейскому учету оставались присущи свои недостатки. Если ревизии фиксировали население неполно, то данные административно-полицейского учета, наоборот, часто оказывались завышенными, поскольку, например, люди, переселившиеся в другой регион, фиксировались дважды: на прежнем и на новом месте жительства.

Используя все названные выше источники о населении, можно определить динамику развития населения Коми края в XVIII – середине XIX столетия. XVIII век принес дальнейшее улучшение климата и относительную стабильность демографическому развитию региона, но это произошло не сразу. В 1725 г. в Коми крае проживало примерно 40,5–41,5 тыс. чел. (38–39 тыс. коми и 2,5 тыс. русских). В 1725–1745 гг. численность населения Коми края возросла ненамного (с 39,5–40,5 до 42–42,5 тыс. чел.), а в Пустозерском уезде население даже сократилось на 10,9%. На 3% уменьшилось число жителей на Удоре. Резко упал по сравнению с предшествовавшим периодом прирост населения на верхней Вычегде. В этот период, пишут ученые Е.П. Борисенков и В.М. Пасецкий, «климатические условия на европейской части России в XVIII в. отличались значительными колебаниями... Наблюдалось значительное число продолжительных дождливых периодов, много наводнений», очень морозных зим, летних заморозков и т.п., приводивших к неурожаям и голоду.

Если проанализировать данные ревизских сказок о смертности населения Прилузья в 1721–1745 гг., то окажется, что более половины (55,5%) смертей приходится на семь из этих 25 лет, а именно 1723–1729 гг., когда смертность местного населения существенно превосходила среднюю величину за все 25 лет. А на 1723–1732 гг., т.е. на 10 лет, приходится почти 70% всех смертей. Затем отмечается значительное снижение смертности, а на рубеже 30–40-х гг. XVIII в. – смертность вновь возрастает, хотя и не достигает уровня II половины 1720-х гг.. К середине 1740-х гг. смертность опять снижается. Данные о бегстве и уходе жителей из Прилузья в 1721–1745 гг. свидетельствуют, что 60,3% переселений приходится на шесть лет – с 1724 по 1729 г. Большая смертность и бегство жителей в 1720-х гг. были, вероятно, связаны с вызванными неурожаями голодом. Исследователи отмечают, что в этот период Россия пережила несколько тяжелых голодных лет (1723–1727, 1729 гг.), недороды следовали один за другим, повысились цены на хлеб.

В последующие десятилетия хозяйственное положение в Коми крае в целом стабилизировалось благодаря, в первую очередь, относительно благоприятным климатическим условиям. Во второй половине XVIII в. в России не отмечалось столь губительных экстремальных природных явлений, как, например, в 1720-х гг. Неурожаи носили локальный характер и негативно влияли лишь на демографическое развитие отдельных районов, а в основном погодные условия способствовали приросту населения. К 1763 г. общая численность населения Коми края достигла примерно 48,5–49 тыс. чел. В 1782 г. в пределах современной Республики Коми проживало 55 тыс. чел. (51,5–52 тыс. коми и 3,5–4 тыс. русских). Русские жили в Усть-Цильме и возникших по соседству с ней в XVIII в. деревнях, в Усть-Выми, Лойме, частично в Спаспорубе, поселке при Сереговском заводе. С преобразованием погоста Усть-Сысолы в уездный город Усть-Сысольск в 1780 г. там также поселилось некоторое количество русских – немалое по сравнению с другими коми селениями, однако все же составлявшее небольшой процент от общего числа горожан. К русским принадлежало большинство дворян, появившихся здесь в связи с образованием уездных органов власти, а также часть купцов (напр., Торокановские), духовенства, разночинцев и несколько представителей мещанства и др. сословий. В 1859 г. среди горожан было 109 потомственных и личных дворян, 36 представителей духовенства, 155 купцов, 2547 мещан, 42 государственных и помещичьих крестьян, 137 военнослужащих и 166 чел., принадлежавших к другим сословиям. Как пишет историк М.Б. Рогачев, Усть-Сысольск наряду с заводскими поселками и районами межэтнических границ (Спаспуруб, Мамыль) «относился к зонам относительно интенсивных межэтнических контактов. Одним из следствий этих контактов было лучшее, по сравнению с селом, знание коми горожанами русского языка». В свою очередь, и большая часть приезжих, долгое время проживших в Усть-Сысолске, освоила коми язык.

«Чикаго» на Сыsole и нефтяные ключи на Ухте

Три поселка с русским населением появились во второй половине XVIII в. на Сыsole. В середине столетия устюжские купцы заинтересовались месторождениями болотной руды на Сыsole, разведали сырьевую базу и обратились в Берг-коллегию за разрешениями на постройку заводов. 18 апреля 1755 г. И. Курочкин получил «добро» на строительство молотового завода в Койгородской волости на р. Кажим. 9 октября 1757 г. он и А. Юрьинский получили разрешение в 35 верстах от Кажимского завода на речке Нючпас «построить домну и именовать оной завод Нючпасским». В 1759 г. заводы начали работать. Одновременно на нижней Сыsole при слиянии речек Нювчима и Денделя строился еще один завод. Разрешение на его постройку было дано 15 марта 1756 г. А.А. Плотникову и А.В. Панову. Сооружение предприятия началось в 1757 г. и завершилось в 1761 г.

Все заводские работы надлежало осуществлять «вольнонаемными людьми за добровольную плату»; владельцам Нювчимского завода, правда, было дано разрешение «на первый случай для обучения и мастерства купить... мужеска полу 40 душ», но этим дозволением не воспользовались. Как сообщали сами заводовладельцы, «все заводские внутренние и куренные работы и добыча руд производится вольнонаемными государственными... крестьянами, которые получаемами от нас за работы деньгами оплачивают государственные подати и направляют свое домоводство». Это были государственные крестьяне Слободского и Вятского уездов, обученные заводскому мастерству. Они жили при заводах, но официально числились по ревизии на прежнем месте жительства, где и обязаны были платить подушный оклад. Так на Сысолье стали складываться группы русского населения. К концу XVIII в., в 1799 г. на Нювчимском заводе в низовьях Сысолы имелось 126 работных и мастеровых людей, а на расположенных в верховьях реки Кажимском заводе – 35 мастеровых и 115 работных людей, Нючпасском заводе – трое мастеровых.

Со временем потребности в рабочей силе увеличивались. После того, как в 1797 г. император Павел I **дозволил покупку крестьян для работы на заводах**, владельцы Нювчимского завода высказали намерение приобрести 236 крестьян (121 мужчина, 115 женщин) в Ветлужском уезде Костромской губернии и Кадниковском уезде Вологодской губернии у обер-провиантмейстера Н.М. Походяшина и надворного советника Г.М. Походяшина. Историк В.В. Политов пишет, что владелец Нювчимского завода Грибанов информировал Берг-коллегию в апреле 1801 г. о покупке у Г.М. Походяшина только 118 человек, «вероятно, уже живших при заводе как ранее «арендованные» Грибановым у владельца крестьян». Кроме того, в 1801 г. для Нювчимского завода были куплены в Петербурге три крепостных и получено разрешение на приобретение еще 63 чел.

Таким образом, реально численность жителей поселка при Нювчимском заводе почти не изменилась – поменялась лишь официальная «прописка» части из них. Если раньше заводские рабочие Нювчима, принадлежавшие Г.М. Походяшину, числились, видимо, по прежнему месту жительства (в других уездах), то после осуществления сделки их «прописали» в Нювчине. Оставшиеся крестьяне (более сотни), вероятно, были приобретены не в начале XIX в., а позднее, поскольку по ревизии 1816 г. в Нювчине числилось всего 111 крепостных (51 мужчина, 60 женщин), а к ревизии 1834 г. их число увеличилось уже до 184 чел., к 1850 г. – до 233 чел. На Кажимском заводе (не говоря уже про Нючпасский) крепостных числилось и того меньше – 58 чел. по ревизии 1816 г., 77 чел. по ревизии 1834 г. В 1911 г. на Нювчимском заводе насчитывалось 106 рабочих, на Кажимском – 190, на Нючпасском – 50.

Спрос на рабочие руки содействовал некоторому уменьшению оттока незанятого трудоспособного населения за пределы края. Уже в первые годы

существования сысолевских заводов среди обитателей заводских поселков появились и немногочисленные коми. По данным В.В. Политова, к 1773 г. на Ньючмском заводе работали молотовый подмастерье Н. Мальцев из Вьльгортской волости, мастер кричной тяги Т. Макаров из Небдинской волости, молотовый мастер Е. Шахов, подмастерья кричной тяги М. Попов и Г. Кузнецов, жившие вместе с семьями в поселке при заводе. Позднее, к середине XIX в. там появились Белоголовы, Сурнины, Шараповы, Напалковы из сысолевских и вычегодских волостей, а затем Надуткины, Оверины, Князевы и др. В поселках при Кажимском и Нючпасском заводах коми было меньше (Тебеньковы, Панюковы и др.).

Работные люди сысолевских заводов жили в поселках при заводах. Основной продукцией заводов были чугуны и железо. После 1776 г. здесь стали изготавливать орудийные снаряды, якоря, чугуны для кораблей, листовое и «штыковое» железо. Выполнялись и специальные задания – например, изготовление железа для крыш Зимнего дворца в Петербурге, для водоносных фляг и др. Забегая вперед, скажем, что в 1896 г. сысолевское литье было удостоено большой серебряной медали на Всероссийской выставке в Нижнем Новгороде. Русский писатель П.В. Засодимский в изданной в 1878 г. после поездки по Коми краю книге скептически отозвался о состоянии сысолевских заводов, однако заметил, что «если принять во внимание богатство здешних руд и качество железа», то «тут можно бы ворочать миллионными предприятиями; здешние заводы в несколько лет могли бы обратиться в города, наподобие североамериканских Чикаго, растущих сказочно быстро; заводы могли бы завести свои собственные пароходы для сношений с Архангельском и с европейскими рынками... Мало ли что здесь могло бы быть!» Чикаго из Ньючима и других заводских поселков, однако, не получился...

Еще один заводской поселок мог бы в том же XVIII в. появиться на р. Ухте, где по инициативе русских промышленников была предпринята попытка начать разработку нефтяных месторождений в Коми крае. Еще в 1721 г. русский «рудознатец» Григорий Черепанов сообщил в Берг-коллегию, ведавшую развитием российской промышленности, что он нашел на р. Ухте нефтяные ключи. В 1724 г. образцы найденной им нефти были доставлены в Санкт-Петербург. В 1745 г. на Ухте появился первый небольшой нефтяной промысел. Его организовал Федор Савельевич Прядунов, рудоискатель, родившийся в 1698 г. в г. Каргополе. Он с 1725 г. занимался поисками месторождений полезных ископаемых на Севере. Прослышав про ухтинскую нефть, Ф.С. Прядунов добрался до этого отдаленного безлюдного района, «сыскал» нефтяной ключ недалеко от современного города Ухты и наладил добычу нефти. Дело это было для России новое, и для него потребовались незаурядная сметка и предприимчивость. В первый же год Ф.С. Прядунов на своем «заводе», где работали три-четыре человека, собрал с поверхности реки 40 пудов «горного

масла» (нефти). Вместе с сыном Степаном он отвез нефть в Москву, в Берг-коллегию. Берг-коллегия одобрила начинания Ф.С. Прядунова и повелела ему поставлять «двоеную» и обычную нефть в главную московскую аптеку.

Однако попытка Ф.С. Прядунова применять нефть и нефтепродукты для лечебных целей оказалась неудачной. Продукция промысла не давала прибыли. Ф.С. Прядунов разорился и умер в 1753 г. Его завод переходил из рук в руки. Так как спрос на нефть был невелик (она использовалась главным образом для освещения и иллюминации в Москве и Санкт-Петербурге), а перевозка его с Ухты в центр России – дорогостояща, то промысел в конце 1760-х гг. прекратил работу. Позднее, в 1801 г. президент Берг-коллегии А.В. Алябьев заявил, что разрабатывать ухтинское месторождение нецелесообразно, так как потребности в нефти очень малы. Найденные ключи оказались до поры до времени ненужными – нефтяные кладовые Ухты по-прежнему оставались за семью замками. Позднее сибирский промышленник М.К. Сидоров, много труда вложивший в промышленное развитие Коми края, в 1860-х гг. решил продолжить попытки Ф.С. Прядунова и его последователей по налаживанию нефтедобычи на Ухте. Образцы нефти он послал для исследований ученому Д.И. Менделееву. Побывавшие на сидоровских нефтепромыслах участники австро-венгерской полярной научной экспедиции объявили, что «их ждет блестящее будущее». Не тут-то было... Власти отказали в финансовой поддержке развития нефтегазразработки на Ухте, и М.К. Сидоров вынужден был закрыть промысел, твердо сказав напоследок: «Я уверен, что нефтяные месторождения на Севере будут иметь в будущем обширное значение по своему географическому положению». Слова его сбылись – но лишь через многие десятилетия. Впрочем, мы опять забежали немного вперед...

Жить стало легче

В 1795 г. в Коми крае проживало 58–59 тыс. чел. (54–54,5 тыс. коми и 4–4,5 тыс. русских). В первой половине XIX в. климат стал ощутимо теплее, малый ледниковый период окончательно остался позади. В этот период, по мнению В.М. Кабузана, условия для развития народонаселения Севера Европейской России (и Коми края, в частности) были довольно благоприятными: в это время «Северный район почти не подвергался... губительному влиянию неурожаев и эпидемий», что способствовало увеличению темпов роста народонаселения. К тому же по мере социально-экономического развития региона уменьшалась зависимость местных жителей от естественных условий. Разумеется, климат, почвы, наличие удобных земельных угодий и т.п. продолжали играть огромную и даже решающую роль в хозяйстве и тем самым – в демографических процессах. Однако развитие сельского хозяйства, улучшение агротехники, появление более совершенных орудий труда и т.п., дававшие возможность получения большего количества продуктов питания в тех же природно-климатических условиях, постоянно уменьшало влияние последних на демографическое развитие Коми края.

Необходимо отметить, что власти со временем стали предпринимать определенные меры для смягчения воздействия неурожаев на население; в частности, в первой половине XIX в. во всех волостях Коми края были организованы запасные хлебные магазины, в которых крестьяне могли получить ссуду семенами и хлебом. Стоит упомянуть и о мероприятиях правительства по распространению посадок картофеля в Коми крае в XVIII–XIX в., которые, однако, не дали особенно существенных результатов до начала XX в.

В 1811 г. в Коми крае насчитывалось 59,3–60,5 тыс. жителей, в 1835 г. – 83–84 тыс. В 1826 г. в Усть-Сысольском и Яренском уездах жило более 52 тыс. коми. В 1844 г. в Вологодской губернии по сведениям Министерства внутренних дел насчитывалось около 64 тыс. коми. Абсолютное большинство из них проживало на территории Коми края, хотя П. Селищев отмечал в 1865 г., что коми разбросаны между сельским населением Сольвычегодского уезда, где они сильно обрусели и смешались с русскими; немало коми-зырян, по его словам, было также в Устюге, Лальске, Никольске и Вельске. Несмотря на прирост населения, его плотность оставалась низкой. В 1846 г. Усть-Сысольский, Яренский, а также соседний с ними Сольвычегодский уезды были населены в Вологодской губернии слабее всех. В 1848 г. плотность населения в Усть-Сысольском уезде составляла 0,3 души на 1 кв. версту, в Яренском – 0,5 души, а в целом по Вологодской губернии – 2,3 души на одну версту. В Ижмо-Печорских волостях плотность населения была еще ниже, чем в Усть-Сысольском уезде. В 1850 г. в Коми крае насчитывалось 89–90,5 тыс. жителей, в 1858–1860 гг. – около 110 тыс. жителей, в том числе примерно 97–100 тыс. коми и 10–13 тыс. русских.

Благодаря постепенному потеплению климата стала быстро обживаться северная часть края – берега нижней и средней Печоры и Ижмы. Еще в 1729 г. группа ижемцев поселилась на р. Печоре между устьями Ижмы и Цильмы в д. Гарево. В 1731 г. на р. Нерице возникла д. Нерица, также основанная ижемскими коми. Но в последующее время этот район перестал привлекать ижемцев, зато там появилось много русских переселенцев из Усть-Цильмы. В середине – второй половине XVIII в. миграционные процессы заметно активизировались. В 1747–1763 гг. были основаны шесть селений на нижней Ижме и первое ижемское поселение на средней Печоре – Усть-Уса. В 1763–1782 гг. коми заселили самые низовья Ижмы, где возникли пять деревень, и стали осваивать берега Печоры вверх от устья Ижмы, основав Щельяюр и Брыкаланск. Тогда же появилась д. Усть-Кожва, ставшая одним из «пограничных пунктов» ижемских коми на Печоре; выше нее находились поселения, где жили верхнепечорские коми. Вверх по Ижме коми стали переселяться в 1763–1782 гг., когда возникли Картаель, Поромес и Кедвавом. В первой половине XIX в. ижемцы основали на Ижме и Печоре около 20 деревень и выселков. Самые верховья Ижмы стали заселяться в первой половине XIX в. выходцами с верховьев Вычегды и Вишеры.

В 1707–1719 гг. на верхней Печоре ниже Троицко-Печорска были основаны деревни Петрушино, Покча, Савинобор, Скаляп, в 1719–1747 гг. ниже по Печоре появилась д. Возино, в 1747–1785 гг. – еще пять деревень. В низовьях Печоры, на Цильме и Пижме в XVIII в. появилось немало селений, основанных жителями Усть-Цильмы. В верховьях Печоры в XIX в. стали селиться русские крестьяне, приходившие в этот район из Чердынского уезда. С давних времен был известен торговый путь, который вел с Камы и ее притоков на Печору. В верховьях Печоры устраивались перевалочные базы, во II половине XVIII в. там появились пристани, а затем и небольшие постоянные поселения. В 1809 г. в этом районе имелся починок Усть-Волосница с тремя дворами, затем появились Мамыль (к 1840 г.), Пачгино (к 1843 г.), Усть-Унья (к 1847 г.), Усть-Бердыш, Собинская, Шайтановка, Светлый родник (к 1872 г.), Гаревка (к 1880-м гг.), Якша (к 1909 г.) и др. На Илыче к 1843 г. возникли выселки Когель (Когиль-усти, Антон), Мортьюдин (Морт-Гордим, Габо) и Сарьюдин, к 1859 г. – выселки Максимова (Максим) и Горт-му (Еремеево), основанные выходцами из верхнепечорских коми селений. Граница между территориями расселения коми и русских на верхней Печоре пролегла у д. Мамыль.

В низовьях Печоры, на Цильме и Пижме появилось в XVIII в. немало селений, основанных жителями Усть-Цильмы: Хабариха, Гарь, Бык, Загривочная. На рубеже XVIII–XIX вв. возникли деревни Кривомежная и Сергеево-Щелья, Трусово и Рочево, Мыла, Филиппово и др. Селились в этих местах и выходцы из более отдаленных районов. На Печору в поисках спасения от преследований бежали русские раскольники (старообрядцы) с Пинег и Мезени. В начале XVIII в. в глухих местах на р.Пижме они основали Великопоженский скит. О существовании скита стало известно властям. В 1743 г. на Пижму был направлен военный отряд для обращения раскольников в «истинное православие». Более 70 обитателей скита, предупрежденных о приближении солдат, в знак протеста против преследований сожгли себя в часовне. После ухода карательного отряда уцелевшие старообрядцы восстановили скит, куда потянулись новые беглецы. Только в 1854 г. скит был закрыт (на его месте существует деревня Скитская).

«Неженатый мужчина – что щепка на реке»

У коми крестьян, как и у русских, общепринятыми были представления об обязательности вступления в брак. Нежелание вступать в брак и создавать семью не находило понимания в крестьянской среде и всячески осуждалось. Во многих коми народных пословицах была выражена мысль о необходимости супружества: «без гнезда, одинокой, живет только кукушка», «каждая птица ищет себе пару», «у каждой птицы и каждого зверя есть пара», «без хозяйки и дом не дом», «без жены ни поест, ни попить», «неженатый мужчина – что щепка на реке». Никогда не женились или не выходили замуж лишь немногие. Овдовевшие супруги, особенно мужчины, часто вступали в

повторный брак (из-за довольно высокой смертности населения многие оставались вдовцом или вдовой задолго до наступления старости). Разводы в крае были очень редкими.

В начале XIX в. в Коми крае, как и во всей России, многие девушки выходили замуж совсем юными. В метрической книге 1810 г. записано немало браков, когда невестам было по 15-16 лет, а одна невеста вступила в брак в 12-летнем возрасте. В 1830 г. российский закон запретил выдавать замуж девушек моложе 16 лет. Во второй половине XIX в. жители Европейского Северо-Востока, как правило, вступали в брак чуть позже, чем в целом в Европейской России. Например, в Европейской России большинству (55-60%) невест, которых вели к алтарю, еще не исполнилось 20 лет, а в Усть-Сысольском и Яренском уездах выходившие замуж девушки были, как правило, 20 лет и старше (60–70%). Юноши вступали в брак еще позже, чем девушки, поэтому в большинстве семей мужа по возрасту были старше жен.

Народные представления о лучшем возрасте для женитьбы были весьма противоречивы. С одной стороны, поддерживалось раннее вступление в брак, у коми по этому поводу бытовали такие пословицы: «кто долго выбирает, тот в дураках остается», «перемужалого парня следует остерегаться». Выгодность ранней женитьбы в народном мнении определялась соображениями практического характера: получить новую работницу в семью до ухода сына на военную службу, избежать неугодного брака, внебрачных детей и др. С другой стороны, существовало и такое мнение: «рано женишься – покаешься, со злой женой намаешься».

Брак мог быть заключен практически в любое время года, кроме церковных постов. Церковь воспрещала венчания на протяжении четырех постов: Великого (48 дней), Рождественского (40 дней), Петрова (20 дней) и Успенского (15 дней). Отсюда отсутствие браков в марте, декабре, небольшое количество браков в апреле, июне, августе. Наибольшая часть браков приходилась на январь и февраль. К концу года крестьянский бюджет располагал дополнительными денежными средствами, что было связано не только с уплатой налогов, но и с необходимостью решения бытовых проблем. В зимний период функционировало несколько ярмарок, и продажа продукции крестьянского хозяйства давала к этому времени деньги и на свадьбу. Кроме того, с наступлением зимы население не было так сильно обременено хозяйственными заботами, как в другое время года. Довольно значительной по всему Коми краю была доля браков, заключаемых в июле, хотя народная традиция не одобряла заключение браков в этот период из-за активных сельскохозяйственных работ. У коми даже бытовала пословица, свидетельствующая об отношении к бракам, совершаемым в данное время: «Порядочные люди в середине лета свадьбу не празднуют».

Родители жениха, как правило, стремились получить в лице невестки новую рабочую силу к «весенне-летнему» сезону и к периоду страды, поэтому

они старались провести свадьбу весной. В этом контексте понятна фольклорная укоризна сыну, решившему сыграть свадьбу зимой: «Всю зиму придется лишнего едока кормить». Родителям же невесты это было не совсем выгодно, поэтому наиболее подходящим временем для свадьбы им представлялась зима, когда основные виды работ были завершены.

Традиция заключать браки зимой была глубоко оправданной: по наблюдениям врачей и священников, зимние свадьбы (и соответственно зачатия) в январе-феврале давали самых здоровых детей осеннего рождения. Осенние свадьбы и зачатия были менее благоприятны, поскольку рождения приходились на лето – страдное время и обилие инфекций способствовали большей смертности у рожениц и их детей. Дети, зачатые весной и рожденные зимой, в физическом отношении оказывались наиболее слабыми. Летние зачатия и весенние роды – также были мало благоприятны для детей.

В абсолютном большинстве семей существовала традиция иметь много детей. В среднем на одну женщину по Коми краю приходилось три-пять детей. Однако в некоторых семьях число детей достигало семи-девяти человек. Так, в исповедных ведомостях 1792 г. было зарегистрировано семь родных братьев Жаковых, младшему из которых было 40, а старшему – 59 лет. В соответствии с традиционными представлениями народов Европейского Севера о мире, новорожденные выступали представителями мира предков, расположением которого стремились заручиться. Считалось, что рождение детей являлось своеобразным проявлением благосклонности к людям сверхъестественных сил. Народные представления, обычаи и обряды подчеркивали желанность рождения детей, бездетность считалась большим горем и, возможно, неким наказанием. «Будь они в силах, они бы из дерева человека сделали», гласит одна из коми поговорок. У народов Севера традиции половозрастного разделения труда делали семью экономически заинтересованной в большом числе детей. Дети рано начинали помогать взрослым, а с подросткового возраста знали и умели все, что необходимо охотнику, оленеводу, рыбаку. Традицию многодетности поддерживала и православная церковь, которая считала единственной целью половых отношений в браке деторождение.

Кроме того, значительной была смертность в раннем возрасте (во второй половине XIX в. **дети в возрасте до одного года составляли от трети до половины всех умерших**), поэтому при небольшом количестве детей в семье была велика вероятность, что ни один из них не доживет до зрелого возраста. На крестьянок приходилась громадная физиологическая и физическая нагрузка по рождению и кормлению детей. Как правило, беременной женщине приходилось выполнять всю свою каждодневную работу по дому и хозяйству вплоть до родов. При родах женщина не могла рассчитывать на серьезную медицинскую помощь, а после появления новорожденного ей приходилось совмещать кормление ребенка и ведение необходимых хозяйственных работ. Частые деторож-

дения и уход за детьми, не подкрепленные соответствующими социальными институтами, в свою очередь, влияли на высокую детскую смертность.

Крестьяне практически не знали сознательного ограничения рождаемости. Прерывание беременности и вообще уклонение от рождения детей считалось православной церковью и самими крестьянами тягчайшим грехом и в силу этого внутрисемейное регулирование рождаемости имело весьма ограниченное распространение даже в конце XIX в. **Все же некоторые методы**, позволявшие избежать зачатия или рождения, были известны. Например, этнограф И.В. Ильина пишет, что коми женщины, не желавшие иметь детей, собирали в лесу траву, обладающую противозачаточными свойствами и известную под названием «кага вайтѳм турун» – «травка, не дающая ребенка». Однако не только употребление, но и сбор этой, по народным представлениям «убивающей ребенка» травы, осуждался и считался греховным. Вероятнее всего, отсутствие контроля над рождаемостью было не столько результатом «невежества», сколько результатом укоренившихся общепринятых представлений о запретности подобного рода вмешательства, а также достаточно осознанного стремления к многодетности.

Конечно, свое влияние на супружескую жизнь в какой-то мере оказывали церковные посты, а также условия крестьянского быта; при изнурительном тяжелом труде интенсивность отношений между супругами ослабевала. Существовали и другие факторы. Возросшая подвижность населения неизбежно вела к частым и порой продолжительным разлукам супругов. Ученые отмечают, что отхожие промыслы были типичным явлением для пореформенной России, которое вносило изменения в традиционное половое поведение супругов, имело достаточно большие масштабы и потому могло оказать влияние на общий уровень рождаемости. У коми на половое поведение супругов оказывали влияние половые табу в период менструаций, некоторое время после родов, когда женщина считалась «нечистой», и в течение сезонов охоты. Так, по данным этнографов, охотники для успешной реализации своей деятельности должны были искусственно дистанцироваться от мира женщин, запрещалось употреблять даже само слово «женщина», а отступление от этих правил грозило негативными последствиями: потерей охотничьих навыков и т. п. Если же в первых двух случаях регламентация супружеских отношений не влияла на рождаемость, то регулярные длительные разлуки на время охоты, на которой коми могли проводить от трех до шести месяцев, могли оказывать некоторое воздействие и на рождаемость.

У коми особое значение придавалось рождению сына – продолжателю рода, фамилии, поэтому в семьях радовались больше рождению мальчиков. Косвенно об этом свидетельствуют некоторые вопросы и суждения, которые обычно высказывали родителям новорожденного ребенка: «Приносящий приданое или уносящая приданое – кто родился?», «Считай, что со двора

пропала корова или овца» (о рождении девочки), «Сын – тысяча, дочь – копейка». Тем не менее, несмотря на то, что мальчики и девочки представляли для родителей различную ценность мы не находим никаких свидетельств тому, что девочек берегли меньше и уход за ними был хуже, чем за мальчиками. Более того, смертность мальчиков на начальном этапе жизни была выше смертности девочек. Большинство детей (свыше 90 %) рождалось в законном браке. Однако в условиях отхода крестьян в поисках работы в города, их длительного отсутствия традиционная система семейных ценностей постепенно менялась и приводила к еще большему распространению внебрачных связей. Вообще, у коми добрачные отношения и наличие детей, рожденных до брака, как правило, не препятствовали в дальнейшем вступлению женщины в брак. По наблюдениям выдающегося ученого, уроженца Коми края П.А. Сорокина, зыряне считали, что «коли у девушки есть незаконнорожденные дети, значит девка ядреная, дородная, работников для семьи может дать, и тем скорее возьмет ее за себя любой парень».

По данным исследователей старообрядчества, в среде староверов имело распространение некоторое санкционирование добрачных половых отношений. Этнограф Т.И. Дронова приводит наблюдения дореволюционных исследователей по вопросу отношений между полами в старообрядческой среде: «... Нарушение целомудрия до брака вообще считается не только дозволенным, но вошло, кажется, в обычай. На вопрос: «Сколько у тебя детей?» – вы всегда можете получить ответ: «До свадьбы было трое, да с Иваном прижила пятерых».

Православная церковь в свою очередь стремилась повлиять на эти процессы. Так, например, священники в качестве особой формы нравственного воздействия на девиц, родивших внебрачных детей, давали при крещении таким младенцам необычные экзотические имена. По имеющимся материалам нами были выявлены следующие имена: Аверх, Аврам, Аммос, Архелим, Асигкрит, Вонифатий, Дарий, Дионисий, Евтропий, Зинов, Зотик, Кириак, Малк, Мемнон, Меркурий, Урпассиан, Фавст, Фалалей, Феоктист; Вивея, Галиндуха, Гликерья, Кикилия, Клеопатра, Мавра, Матрида, Неонила, Фанна, Филициата, Хиония и др. Фамилия им давалась материнская, а отчества не было. Записывали их в дальнейшем так: «крестьянин Аммос незаконнорожденный Жаков; Андрей Григорьевич Жаков и законная жена его Акилина незаконнорожденная». На средней Печоре родившимся вне брака давали отчество по имени матери: «Марья Иван» (Иван Марьич), «Вера Петыр» (Петр Верьевич) и т. д. Внебрачным детям не оказывалось никакой материальной помощи со стороны государства, однако при достижении совершеннолетия мужчины получали надел.

«...улучшать здоровье и уменьшать смертность»

Мы уже упоминали о высокой смертности населения. Расскажем об этом подробнее, ведь именно смертность, в сущности, длительное время опреде-

ляла характер движения населения, динамику его численности, оказывала влияние на рождаемость, происхождение традиций многодетности, изменения в половозрастной структуре, на заселенность территории.

Прежде всего, скажем о том, что природные условия непосредственно или косвенно оказывают влияние на различные стороны жизни человека, в том числе на заболеваемость и смертность. Прямое влияние природной среды проявляется, прежде всего, в том, что она создает благоприятные или неблагоприятные условия для жизнедеятельности человека: косвенное – в обеспечении условий для развития поддерживающих существование человека, видов хозяйственной деятельности (охоты, рыболовства, скотоводства, земледелия и др.).

Территорию Коми края XIX в. общественное мнение той поры считало малопривлекательной для жизни в силу суровых климатических условий. В книге «Живописная Россия» говорится: «Климатические условия данной области представляются для жизни и экономической деятельности человека самыми неблагоприятными во всей Европейской части Света... Устроится после тяжелой борьбы с природою небольшая крестьянская община на одном из полого-возвышенных, сравнительно сухих островов влажного лесного океана и расчистит удобное, но ограниченное тесными пределами пространство, неминуемо размножится на своем небольшом оазисе, но оазис этот делается мало-по-малому на столько тесным, что уже не может прокормить, своего не в меру сгустившегося, хотя слабого численностью населения... Если же население не захочет покинуть своего оазиса, то оно должно обречь себя на те страшные дефициты, которые вследствие убытков смертей перед рожденьями в неблагоприятные для существования годы не позволяют ему перейти численную границу емкости или вместимости для данной местности подобно тому, как несколько далее к северу той же области холода и полярные ветры не позволяют дереву подняться выше определенной и весьма незначительной высоты. Население Усть-Сысольского и Яренского уездов имеет во владении не многим более 1/40 части всей поверхности. Все остальное пространство – влажная стихия дремучих непроглядных лесов». Если в условиях господства промыслового охотничьего хозяйства обилие лесов и, соответственно, дичи в них имело положительное значение для развития населения, то с падением значения охоты и ростом роли земледелия в хозяйстве коми проявилось отрицательное воздействие «лесного засилья»: удобных для земледелия площадей, не занятых лесом, имелось немного, земли не хватало, ощущался и недостаток сенокосных угодий, необходимых для содержания скота.

Резкие колебания температур, продолжительные дождливые периоды приводили к неурожаю и голоду. Как отмечают исследователи, в первой половине XIX в. **неурожай были довольно частым явлением. Вологодские губернаторы признавали, что в Яренском и Усть-Сысольском уездах урожайные**

годы редки, а один неурожайный год причиняет расстройство хозяйству на несколько лет. Неизбежным следствием периодических неурожаев были голодовки крестьян. Длительные, морозные зимы влияли также на рост количества простудных заболеваний, в том числе и тяжелых, имевших летальный исход. Тем не менее по мере социально-экономического развития региона уменьшалась зависимость местных жителей от естественных условий. Улучшение агротехники, появление более совершенных орудий труда постепенно уменьшали влияние природно-климатических условий на демографическое развитие Коми края.

Другим важным фактором заболеваемости и смертности являлось питание. Особенности традиционной пищи во многом были связаны с агроклиматическими условиями среды, видами хозяйственной деятельности. Система питания жителей Коми края была довольно однообразна и основывалась на тех продуктах, которыми крестьянское хозяйство могло себя обеспечить. Различия, наблюдаемые в разных районах проживания коми (зырян), были связаны с преобладанием одной какой-либо хозяйственной деятельности. Так, этнограф В.А. Семенов пишет, что занятие оленеводством внесло свои коррективы в сложившуюся систему питания коми-ижемцев; в рационе питания сысольских и прилузских коми в меньшей степени присутствовала дичь, зато он отличался разнообразием блюд из зерновых культур.

Вот как описывалась современниками еда коми крестьян, живших в Мезенском и Печорском уездах: «Повседневная скромная пища состоит из щей, сваренных на сыворотке, молока и ячневых пирогов, облитых маслом. К праздникам прибавляются рыбный пирог, студень, щи со свиной, а где нет свинины – уха. Щи с говядиной варят редко, а больше с дичью. Всегдашний напиток – квас», «Огородничеством занимаются мало, сажают только, и то в малом количестве, картофель, редьку и лук», «...что касается растительной пищи, за исключением хлеба, можно сказать, что ее не существует совсем, впрочем, в малых количествах разводятся репа и картофель». Исследователь М.Б. Рогачев отмечает, что по сравнению с сельскими жителями горожане употребляли больше овощей. Приблизительно с 40-х гг. XIX в. в питании горожан прочное место стал занимать картофель. В семьях чиновников, интеллигенции, духовенства использовали еще и чеснок, укроп, свеклу, в небольших количествах огурцы и тыкву. В целом же каждодневный рацион большинства жителей Коми края был плохо сбалансирован. Те или иные продукты употреблялись в большей или меньшей степени в зависимости от времени года, постов, сезона охоты, рыбной ловли. Таким образом, даже в относительно благоприятные периоды и урожайные годы питание было неполноценным. Несбалансированность пищевого рациона приводила к различным видам белкового, минерального и витаминного голодания, что в свою очередь вело к ослаблению организма и потере иммунитета к опасным заболеваниям.

Помимо малого разнообразия пищи существовала и проблема неудовлетворительного качества продуктов, употребление, например, испорченного мяса и кислого молока. В результате неправильного питания развивались болезни пищеварительных органов. В отчете о санитарном состоянии Вологодской губернии в 1879 г. отмечалось, что «болезни желудочно-кишечного тракта часто встречаются у взрослых летом, вследствие усиленного употребления в пищу сырых овощей при изнурительной работе, сверх того в течение постов, у детей также постоянны эти болезни, что объясняется неправильным кормлением их кислым коровьим молоком и употреблением незрелых плодов более взрослыми детьми».

Безусловно, на урожайность и соответственно питание влияли и суровые климатические условия, и низкий уровень развития сельского хозяйства. Историки отмечают, что для смягчения воздействия неурожая на население властями предпринимались определенные меры: организовывались запасные хлебные магазины, в которых крестьяне могли получать семена и хлеб, пропагандировались прогрессивные методы ведения земледелия и животноводства, с конца XIX в. завозились сельскохозяйственные машины. Тем не менее неудовлетворительное питание и недоедание в неблагоприятные для населения годы оставались серьезными препятствиями повышения контроля над смертностью.

Распространение большинства болезней было связано с бытовыми условиями жизни населения. Обсуждение крестьянской жизни Коми края XIX в. с санитарной точки зрения не раз выносилось на страницы губернской печати. Можно привести некоторые выдержки из описаний быта крестьян: «Большой чистоты в жилищах не соблюдается. Полы, а иногда и стены, моются в некоторых домах только однажды в год, перед Пасхой. Грязь, накопляющаяся в течение года, скоблится железными заступами и тем ограничивается весь обиход». «Жилища крестьян грязны, сыры, полны копоти и дымны, худо проветриваются, тесны и лишены в достаточном количестве света. Воздух в них портится, кроме того, и помещением домашних животных в нижней части здания, под пологом жилых комнат, и накоплением навоза». «Полы загрязненные, покрываются соломой, которая от давнего лежания и сырости принимает гнилостный запах, стены и потолки покрыты целыми потоками влаги. Куда ни войдешь, везде неопрятность, душливость». «Повсеместный обычай зырян строить под избами или в ближайшем соседстве помещения для скота не остается, конечно, без вреда на здоровье обитателей, в особенности во время эпидемий».

Дома горожан мало чем отличались от домов сельских жителей. Однако к концу XIX в. уже почти не осталось курных изб, соответственно, и дома стали чище. Исчезли бычьи пузыри и куски холста как заменители стекол в окнах. Домовладельцами или нанятыми ими людьми вывозились за город

нечистоты. По данным историка М.Б. Рогачева, в санитарном отношении г. Усть-Сысольск считался одним из лучших городов в губернии. Несмотря на критические замечания в отношении чистоты состояния коми крестьянских изб, они также считались лучшими в Вологодской губернии: «Впрочем, сравнивая домашний быт тамошнего крестьянина с бытом крестьян, ближайших к Вологде, нельзя не заметить, что зыряне, сравнительно с последними, гораздо чистоплотнее, да и в самих жилищах соблюдается у них больше чистоты и опрятности». То же самое отмечалось и в Печорском уезде: «По сравнению с условиями жилищ крестьян центральных губерний, жилища печорского населения состоят в лучших условиях».

В целом же уровень правильных санитарно-гигиенических представлений среди населения был невысок. Но даже те минимальные санитарно-гигиенические нормы, которые хорошо осознавались населением, не всегда могли быть претворены в жизнь. Так, по данным этнографа И.В. Ильиной, при инфекционных заболеваниях старались избегать контакта с заболевшим, которого кормили из отдельной посуды, часто не за общим столом. Для больного освобождалась лежанка на печи или другое наиболее удобное место в хорошо отапливаемом помещении. Однако бытовые условия крестьян не позволяли должным образом изолировать больного члена семьи, что во время эпидемий неизбежно приводило к дальнейшему распространению болезни.

На детскую смертность большое влияние оказывал плохой уход за детьми. В силу условий быта и труда уход был минимальным, во время хозяйственных работ женщинам было крайне затруднительно обеспечить регулярное кормление грудью, и ребенка с первых дней начинали прикармливать коровьим молоком, позже жеваным хлебом, кашей, супом. В летние месяцы детей оставляли под присмотром либо стариков, либо детей более старшего возраста. Вот как описываются условия содержания новорожденных у коми в «Материалах для географии и статистики России» за 1865 г: «За маленькими детьми присмотр считается как будто излишним, отчего они подвергаются различным болезням. Грудные младенцы, особенно во время полевых работ, часто с утра до вечера лежат в берестяных люльках и питаются одной соской-тряпкой, в которую положено немного нажеванного хлеба». Подобное положение сохранялось и в последующие полвека. Так, например, во время исследовательских экспедиций в Печорский край отмечалось: «Женщина чрезвычайно обременена и домашним хозяйством, и полевыми работами, так как все мужское население покидает хозяйства и уходит далеко на рыбные, морские или звериные промыслы. В связи с этим значительный процент детей остается без надлежащего ухода и кормления и умирает в самом раннем возрасте». Высокая детская смертность была характерна для многих народов Российской империи и была обусловлена бытовыми и социально-экономическими факторами.

Существенную роль среди факторов, влияющих на показатели смертности, играло развитие медицины и здравоохранения. В первую очередь, следует отметить традиционную культуру, с которой связаны медицинские знания народа, обычаи и обряды, направленные на противодействие заболеваемости и смертности. Не останавливаясь на анализе средств и приемов народной медицины, отметим лишь некоторые ее аспекты, связанные с развитием народной медицины коми.

В процессе многовековых наблюдений над природой коми выделили из растительного и животного мира ряд продуктов, обладающих целебными свойствами, и использовали их для лечения и предотвращения различных заболеваний. Применялись в народной медицине также разнообразные продукты минерального происхождения, различные формы бытовой физиотерапии (об этом подробно рассказано в книге И.В. Ильиной «Народная медицина коми»). У коми, в силу их традиционных хозяйственных занятий, имелись благоприятные условия для развития медицинских знаний, что отмечалось еще в 1853 г. в «Вологодских губернских ведомостях»: «Зыряне прибегают к наиболее употребительным в крестьянском быту лекарствам, которые у каждого под рукой: к бане и к целительным травам, свойство и употребление которых знают почти все зыряне». Однако существовало множество как рациональных, так и иррациональных способов лечения. Некоторые народные средства могли не только не вылечить, но и привести к еще большим осложнениям и болезням. Как правило, иррациональная точка зрения преобладала в отношении внутренних болезней, происхождение которых связывалось с действием сверхъестественных сил. Соответственно и лечение этих болезней осуществлялось при помощи заклинаний и обрядов. Так, по данным И.В. Ильиной, и у русских, и у коми при лечении некоторых психических, хронических и детских заболеваний существовали такие обряды, восходящие к древним представлениям о возможности перерождения человека, как протягивание больного сквозь калач из сырого теста, пропускание сквозь вырытую в земле сквозную нору, «запекание» ребенка в печи и др.

Обычаи, связанные с беременностью и родами, также переплетали в себе как элементы рациональной медицины, так и вредные для здоровья действия. И.В. Ильина пишет, что для благополучного течения беременности женщинам рекомендовалось соблюдать ряд предосторожностей: беречься от простуды, не поднимать тяжести, не работать, не стоять долго у печи. Однако в крестьянском быту эти рекомендации были практически не осуществимы, и обычно беременная женщина вплоть до родов выполняла всю привычную для нее работу по дому и хозяйству. При родах женщины предпочитали обращаться к деревенским повитухам, нежели к акушеркам. Часто возникали различные осложнения в связи с неправильным протеканием беременности и занесением инфекции роженицам и младенцам. Так, например, новорож-

денным присыпали пупок золой, обрабатывали слюной, а иногда смазывали мышьиной кровью. Все это обуславливало высокую детскую и женскую смертность.

Естественно, что население в борьбе с тяжелыми заболеваниями, в особенности с частыми эпидемиями оспы («Вологодские губернские ведомости» сообщали, например: «В Сизябском селении весной 1875 г. появилась натуральная оспа, занесенная из Вологодской губернии крестьянином того селения Василием Чупровым»), тифа, дизентерии нуждалось в квалифицированной профессиональной медицинской помощи. Система необходимых лечебных учреждений в Коми крае была развита крайне слабо. Первое специализированное медицинское учреждение – больница – появилась в г. Усть-Сысольске в 1815 г., однако она не располагала должным оснащением и медикаментами. В 1854 г. в больнице имелось 10 кроватей, штат состоял из одного врача и двух фельдшеров. В 1870 г. медицинскую помощь населению оказывали один врач, четыре фельдшера, одна акушерка и десять оспопрививателей. Большое влияние на улучшение здравоохранения оказало развитие земской медицины: продвинулось больничное дело, увеличился медицинский персонал.

Тем не менее, несмотря на происходившие подвижки, усовершенствование медицины и здравоохранения ставилось под сомнение не только населением в целом, но и, к примеру, некоторыми представителями чиновничества. Так, член-секретарь Вологодского губернского статистического комитета Ф.А. Арсеньев в 1880 г. писал: «Несмотря на различные врачебные средства, смертность остается та же, между тем как надлежащими гигиеническими мерами следует улучшать здоровье и уменьшать смертность, однако, замечено, что врачи, в особенности земские, лечат такие болезни, которые проходят сами собой». К тому же мешало и подозрительное отношение населения к некоторым медицинским мероприятиям. Например, «Вологодские губернские ведомости» в 1880 г. сообщали: «Благодеятельность оспопрививания по сие время не понята народом. Почти в каждой деревне крестьянские дети ежегодно мрут от натуральной оспы, и не только в деревнях и не единично, а повально. Родители же этих маленьких страдальцев сторонятся от оспопрививания, как от какого-то несчастья или бедствия». По данным одного из исследователей старообрядчества Ю.В. Гагарина, староверы из религиозных побуждений отказывались от медицинской помощи, лечение у врача и прививки считались страшным грехом. Когда впервые в 1845 г. в Печорский округ были направлены оспопрививатели, жители деревень Покча, Скаляп, Кодач, Митрофан бросили свои дома и вместе с детьми укрылись в лесах. В результате с помощью местных властей удалось привить только 13 детей в селе Троицко-Печорск.

В целом непосредственными причинами смерти являлись болезни, насильственные умерщвления, несчастные случаи и самоубийства. Смертность

мужчин в результате несчастных случаев была примерно в два раза больше, чем у женщин. В несколько раз больше, чем у женщин, была смертность в результате пьянства, хотя в целом пьянство среди других причин смертности населения Коми края составляло незначительный процент. У коми отсутствовали развитые традиции потребления алкоголя. Единственный, традиционный напиток – сур (пиво), приготавливаемый из ржаного или ячменного солода, не отличался крепостью и употреблялся в обрядовых случаях. Участвовавшие с конца XIX в. факты злоупотребления спиртным осуждались и рассматривались нередко как болезнь.

Среди причин смертности первое место занимали болезни. В метрических книгах перечислялись такие причины смерти, как «колики, колотье, горячка, удушье, опуха» и др. Проявлениями каких тяжелых заболеваний они являлись, определить достоверно, к сожалению, невозможно. Под «горячкой», скорее всего, подразумевались простудные заболевания, так как основной причиной ее, как пишет историк М.Б. Рогачев, назывались «холодные и сырые ветры». Довольно часто встречалась такая формулировка, как «смерть от родимца», в основном в связи с младенческой смертью. Возможно, что так в XIX в. называлась болезнь, вызванная дефицитом кальция в организме, в результате чего происходили судороги, во время которых младенец испытывал недостаток воздуха. Исследователь К.Г. Васильев полагает, что под такими названиями, как лихорадка, пятнистая болезнь, нервная повальная горячка и т. п., подразумевался тиф, под «горловой жабой» – дифтерит. Также не всегда верно диагностировались заболевания, упоминаемые в официальных отчетах. Так, например, представления о гриппе, как самостоятельной болезни, в начале XIX в. еще только устанавливались. Под рубрику «дизентерия» попадали случаи гастроэнтерита, катаров толстых кишок и др.

В Усть-Сысольском уезде в 1853–1869 гг., по официальным данным, было зарегистрировано 330 заболеваний. В 1871 г. эпидемия оспы приобрела повальный характер в Усть-Сысольском уезде, в результате заболевания оспой умерло 57 чел. С 1874 г. в течение нескольких лет в Вологодской губернии не прекращалась эпидемия оспы. В 1878 г., по официальным данным, в Усть-Сысольском уезде всех заболевших было 84 чел., из них выздоровело 65, умерло 19. Всего же за 1876–1878 гг. оспой болели в Усть-Сысольском уезде 314 чел., умерли 70 чел. В 1890 г. в Яренском уезде заболевших оспой было 923 чел., выздоровело 644, умерло 85, больными оставалось 194 чел. В Запечорском крае в 1866 г. умерло от оспы 24 чел. В Мохченской волости в 1875 г. за период с 13 июля по 13 июля умерло от оспы 13 чел. В 1900 г. по Печорскому уезду оспой болело 300 чел.

В Коми крае были распространены также брюшной и сыпной тифы. Значительная заболеваемость тифами наблюдалась в действующей армии во время русско-турецкой войны 1877–1879 гг. В Вологодской губернии

эпидемия тифа распространилась в 1878 г. с прибытием пленных турок. В Усть-Сысольском уезде эпидемия сыпного тифа началась в мае 1878 г. «Вологодские губернские ведомости» информировали, что «в мае 1878 г. распространился сыпной тиф в Усть-Сысольском уезде, куда был занесен крестьянином, возвращавшимся из средних губерний». Было зарегистрировано 86 заболеваний. Эпидемии тифов наблюдались в Усть-Сысольском и Яренском уездах также в 80–90-х гг. XIX в. В Мезенском уезде тифозная горячка была отмечена в 1866, 1869 и 1875 гг. Меры по борьбе с этими эпидемиями были явно неудовлетворительными, о чем свидетельствуют отчеты приставов Мезенского уезда. Пристав второго стана Мезенского уезда в своем раппорте за 1866 г. уведомлял: «Заболевших горячкой было 98 человек, эпидемия прекратилась уже без медицинского пособия в конце марта месяца. Временно же командированный в уезд для прекращения эпидемической горячки архангельский врач Павлов от той же болезни в марте умер».

Другой регулярно вспыхивающей болезнью была дизентерия. Максимальное количество случаев заболеваемости приходилось на летние месяцы. Основным фактором заболеваемости, как уже отмечалось ранее, служило неудовлетворительное качество питания. Главными причинами высокой детской смертности были корь, скарлатина и дифтерия. В 1893 г. по Вологодской губернии скарлатиной болело 663 чел., умер 121 чел. Большой процент смертей происходил в результате легочных заболеваний, в частности, по сведениям источников, чахотки (туберкулеза легких).

Социально-экономические и санитарно-гигиенические условия жизни людей позволяли лишь немногим из них доживать до того возраста, когда исчерпывалась естественная жизнеспособность человеческого организма. Все это в конечном итоге предопределяло высокий уровень смертности и соответственно низкую среднюю продолжительность жизни. В конце XIX в. наметились некоторые изменения: сократилась доля смертей во взрослых возрастных группах, несколько увеличилась продолжительность жизни.

«Быть по сему»

Несмотря на постепенный прогресс ревизского учета, он все же оставался далеко не столь точным и полным, как это требовалось стране, вступавшей в период модернизации, необходимость которой была особо ошутима после Крымской войны. Правительство России видело эти недостатки. От ревизий решено было отказаться. Учет движения населения был возложен на Центральный статистический комитет, организованный при Министерстве внутренних дел в декабре 1858 г. Сбором статматериалов стала заниматься местная полиция. В отличие от ревизий, статистические материалы содержали сведения обо всем наличном населении по административным единицам на начало или конец каждого года. Проводились и общероссийские исчисления. Как пишут исследователи С.И. Брук и В.М. Кабузан, всего в Российской

империи состоялось шесть таких крупных административно-полицейских исчислений: в 1859, 1863, 1867, 1870, 1885 и 1896 гг. под контролем полиции «по кварталам и станам» происходила регистрация всех жителей государства. Кроме того, примерная численность жителей государства определялась ежегодно на основе погубернских данных о естественном движении и переселениях, которые сопоставлялись с материалами общероссийских исчислений предшествовавших лет. Как уже говорилось, существенным недостатком этого вида учета было то, что он давал завышенные данные о численности жителей. Одним словом, административно-полицейский учет, бесспорно, представлял собой шаг вперед в развитии системы сбора данных о народонаселении, но этого было недостаточно.

Еще в 1857 г. Императорское Русское географическое общество выдвинуло идею о проведении Всеобщей переписи населения. В 1864 и 1869 гг. были успешно проведены городские переписи в Санкт-Петербурге, а затем в Москве, Твери, Одессе и многих других городах. В 1873 г. комиссия, созданная для рассмотрения вопроса о целесообразности проведения Всероссийской переписи населения, высказалась за ее скорейшее проведение. Для всесторонней разработки проекта такой переписи была образована новая комиссия, которая завершила работу в 1877 г. Однако назревала русско-турецкая война, и Государственный Совет империи отложил решение в связи с осложнившейся международной обстановкой. Только четыре года спустя Министерству финансов России было предложено изучить проект организации Всероссийской переписи. В министерстве проект находился с 1883 по 1889 г. и был подвергнут критике. Лишь в 1895 г., через 35 лет после десятой ревизии, российское правительство утвердило положение о проведении первой Всеобщей переписи населения Российской империи. Император начертал высочайшую резолюцию: «Быть по сему». Начался отсчет подготовки к переписи. Огромную роль в этом сыграл известный русский ученый, один из активнейших членов Императорского Русского географического общества П.П. Семенов-Тянь-Шаньский, который в 1864–1875 гг. возглавлял Центральный статистический комитет, а в 1875–1897 гг. – Статистический совет Министерства внутренних дел, в ведении которого находилась статистика Российской империи.

Первая Всеобщая перепись населения Российской империи основывалась на тех же принципах, что и современные переписи, прежде всего на принципе одновременности. Проводилась перепись по состоянию на 9 февраля (28 января) 1897 г. (так называемая «критическая дата»).

Переписи предшествовала большая организационная работа. В основу переписи были положены научные принципы: она проводилась по единой программе и единой инструкции, охватывала всю территорию России. Осуществлялась перепись как полицейско-административное мероприятие. Руководство ее проведением было поручено чиновникам Министерства внутренних дел и губернским канцеляриям. О важности намеченного мероприя-

тия говорил и тот факт, что проведением переписи руководил лично министр внутренних дел, который был председателем главной переписной комиссии. В губерниях переписью формально руководили губернаторы, а непосредственно – переписные комиссии, в уездах – предводители дворянства и уездные переписные комиссии.

Счетчики формировались из грамотных запасных солдат, «благонадежных» учителей и попов. В усадьбах и городских домовладениях счетчик лишь приносил, забирал и проверял переписные листы, а их заполнение проводили соответственно владельцы, арендаторы, хозяева. Заполнение переписных листов начиналось в селах за 20–30, а в городах за 5–10 дней до «критической даты». Проверка данных на критическую дату проводилась в городах два дня, в селах – три дня, счетный участок в селе охватывал 2000 жителей, в городе – 750.

Перепись ставила своей целью учесть три категории населения: наличное (находящееся налицо в день переписи); постоянное (числящееся в данном хозяйстве или находящееся во временной отлучке); приписное (приписанное к данному месту). Технически перепись строилась не по системе личных листков, а по списочной форме. Всего было три формы переписных листов: форма А – для крестьянских хозяйств сельских общин, форма Б – для владельческих хозяйств и частных домов внутри селений, форма В – для городского населения. В сельской местности переписные листы составлялись на каждое отдельное хозяйство, в состав которого входили члены семьи, родственники, и другие проживающие с ними лица. В городах хозяйством считалась отдельная квартира. Если одинокий человек имел отдельное хозяйство или проживал в отдельной квартире, то на него заполнялся отдельный переписной лист.

О каждом опрашиваемом собирались сведения по 14 вопросам, включая данные о фамилии (прозвище) и отметки о физических недостатках: 1) имя и фамилия; 2) пол; 3) возраст; 4) отношение к главе семьи и главе хозяйства; 5) семейное положение; 6) сословие, состояние или звание; 7) место рождения; 8) место приписки; 9) обыкновенное место жительства; 10) отметка об отсутствии, отлучке или временном пребывании; 11) вероисповедание; 12) родной язык; 13) грамотность и окончание образования; 14) занятие – ремесло, должность или служба, отдельно: а) главное и б) побочное или вспомогательное.

В переписи 1897 г. было организовано предварительное заполнение переписных листов до критической даты, а в день 9 февраля они должны быть вновь проверены, при необходимости исправлены, т. е. приведены в соответствие по состоянию на эту дату.

Лицевая сторона каждого переписного листа предназначалась для подсчета населения по категориям. Надо было записать численность наличного, постоянного и приписного населения. Кроме того, в селах необходимо было

зафиксировать число лиц некрестьянских сословий, а в городах, наоборот, – крестьянского. Помимо переписных листов заполнялись сводные документы по населенным пунктам и счетным участкам.

Программа переписи имела существенные недостатки, поэтому ряд признаков неточно отражал состав населения. Отсутствие вопроса о национальности не позволило определить точную численность отдельных национальностей. Замена вопроса о национальной (этнической) принадлежности вопросом о языке привело к увеличению численности основных народов страны. Такая постановка вопроса была обусловлена недостаточной этнографической и лингвистической изученностью населения, особенно в крайних областях России, незавершенностью процессов этнической консолидации, неустойчивостью этнонимов и др. Всего при окончательной разработке переписи было выделено 146 языков и наречий и в соответствии с этим 146 самостоятельных народностей. В действительности этнических общностей, также как языков и наречий, в России того времени было значительно больше.

Нечеткая формулировка вопроса об образовании (умеет ли читать; где обучался, обучался ли, кончил ли курс образования) привела к тому, что были получены данные только о грамотности населения, и не удалось выявить структуру населения по образованию. В переписном листе мало места было отведено для записи на вопрос о занятиях, в результате чего ответы были неполными, и в итоговых материалах эти данные не разрабатывались. Но, несмотря на недостатки, перепись 1897 г. имела огромное значение. Впервые были получены такие данные о населении России как численность, состав по полу, возрасту, брачному состоянию, грамотности, родному языку. По ряду признаков итоговые данные переписи 1897 г. служат материалом для сравнительных исследований, поэтому к ним продолжают обращаться многие ученые.

Итоговые данные переписи 1897 г. были опубликованы со значительным опозданием из-за длительной обработки материалов переписи. Обобщающие тома с итогами по Российской империи были изданы только в 1905 г. Погубернские итоги публиковались в более ранние сроки. Они издавались отдельными томами (тетрадами). Разработка материалов переписи велась в основном по наличному населению. Сведения о численности и составе населения Коми края содержатся в тетрадях по Вологодской и Архангельской губерниям.

Согласно переписи 1897 г., население Коми края (в современных границах Республики Коми) составляло примерно 156–158 тыс. чел. (около 142 тыс. коми и 14–16 тыс. русских). В относившихся к Орловскому уезду коми селениях на р. Летке проживало примерно 4,5 тыс. коми, в группе деревень вокруг с. Пысса на Мезени (Мезенский уезд) – около тысячи человек. Основная часть коми по-прежнему проживала в пределах Усть-Сысольского, Яренского и Печорского (выделившегося из состава Мезенского в 1891 г.) уездов.

Согласно данным переписи 1897 г., зырянский (коми) язык признавали родным 82 936 жителей Усть-Сысольского уезда, 31 592 жителя Яренского уезда и 21 971 житель Печорского уезда, всего 136 499 чел.

В структуре населения края по полу можно отметить две характерные особенности. В постоянном населении доминируют женщины. Превышение женщин над мужчинами составляло примерно 114,8%. В основе более высокой диспропорции полов в молодых возрастах лежит миграционный отток населения, в структуре которого преобладали мужчины. В поддержку такого вывода говорит и то, что в структуре по полу временного населения, наоборот, доминируют мужчины. Говоря о возрастной структуре населения 1897 г., необходимо отметить, что оно переживало свою демографическую молодость – лица старше 60 лет составляли всего 7%.

92,32% сельского населения Усть-Сысольского уезда считали родным языком коми, 7,62% – русский, а польский, еврейский и некоторые другие языки были родными лишь для 0,06 % жителей уезда. Среди горожан удельный вес коми был ниже, чем в целом по уезду, но и в г. Усть-Сысольске зыряноязычное население составляло подавляющее большинство (82,86%). Русские составляли 16,49% усть-сысольцев, поляки (ссылные) – 0,45, евреи – 0,05 и все остальные – 0,15%. В Яренском уезде сельское комиязычное население составляло 68,9%, русскоязычное – 30,9%. Среди жителей уездного центра, располагавшегося вне пределов этнической территории коми, преобладали русские (почти 93%); удельный вес коми в населении Яренска был невелик – 6,45%. Еще 0,4% яренчан составляли поляки, 0,1% – евреи, и 0,1% – прочие. Всего в обоих уездах коми составляли 84,42%, русские – 15,48%. В Печорском уезде коми язык был родным для 62,79% населения, русский – для 29,25, ненецкий – для 7,9, польский – для 0,03, другие языки – для 0,03% населения. Среди женщин Печорского уезда удельный вес считавших родным языком зырянский был несколько выше, чем среди мужчин (соответственно 63,38% и 62,15%). Менее выражено это различие было в случае с русским языком, являвшимся родным для 29,41% женщин и 29,06% мужчин. А среди ненцев, наоборот, доля мужчин, считавших родным языком ненецкий, в населении уезда была больше, чем доля женщин (соответственно 8,71% и 7,17%). Подобное соотношение сохранилось и в начале XX в.

Исследователи обычно ставят знак равенства между родным языком и национальностью, что в большинстве случаев вполне оправдано. Однако необходимо обратить внимание на такой факт: в Печорском уезде 1918 чел. (935 мужчин, 983 женщины) из числа считавших родным языком зырянский в социальном отношении причислены к «инородцам» (в данном случае имелось в виду население, занимавшееся кочевым оленеводством, в отличие от оседлого крестьянства). Именно к социальной группе «инородцев» относились практически все ненцы (точнее, те, кто указал в качестве родного языка

«самоедский», т.е. ненецкий). Можно предположить, что в число зырянских «инородцев» попали не только те коми, которые занимались исключительно оленеводством, но и часть ненцев, воспринявших под влиянием коми зырянский язык.

Уместно отметить, что в конце XIX в., по данным видного коми этнографа Л.Н. Жеребцова, получили распространение смешанные браки между коми-ижемцами и ненцами, причем с появлением в ненецкой семье жены-ижемки разговорным языком в семье становился именно зырянский; ненцы усваивали и различные культурно-бытовые традиции и навыки коми. Особо следует указать на сформировавшуюся в конце XIX – начале XX в. своеобразную этническую группу колвинских ненцев, родным языком которой является коми; как пишет Л.Н. Жеребцов, колвинские ненцы отделяют себя и от коми, и от остальных «тундровых» ненцев. Но коми языком пользовались не только колвинские ненцы. «Постоянные контакты в хозяйственной области и широкие брачные связи коми и ненцев, а также многочисленные заимствования в быту привели к весьма широкому распространению коми языка» среди большинства ненецкого населения в Малоземельской, Большеземельской и Канинской тундрах.

«Столица Зырянского края» Усть-Сысольск в 1897 г. занимал четвертое место по численности постоянного населения среди 12 городов Вологодской губернии. Здесь с пригородами Слободка, у Пахомовского ручья, у Забоевчей, Подгорье, Чугун-грезд, Кируль, Пыч-Кас-ты (Озерки), Сед-шор, Слободка Кодзвыв, Изкар, Котюнев, Кыков-грезд, слободка Северо-Загородная, Париж, Прохор-шор, слободка Тентюково, слободка Титов-грезд, слободка Ганя, слободка Одок-грезд, слободка Нижний конец, дача Дырнос, слободка Чев было 924 дворохозяйства, 4 464 жителя. В Котюневе, в частности, жили 123 чел., в пригород Париж – 15, в слободке Тентюково – 311, в слободке Титов-грезд – 267, в слободке Ганя – 63, в слободке Одок-грезд – 89, в слободке Нижний конец – 216, в пригороде Котюнев – 123, пригороде Кыков-грезд – 38. В слободке Чев жили 42 чел., даче Дырнос – 5 жителей. Из 4464 устьсысольцев 3 699 чел. считали родным языком коми («зырянский»), 736 – русский, 20 – польский, 2 – еврейский и 7 – другие языки. 4025 чел. были местными уроженцами, 299 чел. переселились сюда из других селений Вологодской губернии, 140 чел. из Москвы, Санкт-Петербурга, Одессы, Варшавы, из Сибири, Прибалтики, Казахстана, Белоруссии, Украины, с Кавказа, из Архангельской, Вятской, Пермской, Казанской, Уфимской, Воронежской, Новгородской и других губерний. В селе Слободском (Слобода) в 1897 г. жили 523 чел. В 1901 г. стали обживать окрестности озера Выль-ты, где был построен дом инвалидов.

Всего по переписи 1897 г. в Российской империи насчитывалось 153 618 чел., считавших коми-зырянский родным языком. Примерно 12 тыс. из них

проживали за пределами Коми края (в том числе 126 чел. в Средней Азии, два человека – на Кавказе, остальные – в Сибири и европейской части страны). Этнографы Н.Д. Конаков и О.В. Котов пишут, что за пределами Коми края проживало 17 143 коми, но это не совсем верно. Дело в том, что в число этих более чем 17 тыс. они включили всех коми, которые жили за административными границами Усть-Сысольского, Яренского и Печорского уездов, в том числе и тех, кто обитал в Пысской волости Мезенского уезда и Слудской волости Орловского уезда, являвшихся, вне всякого сомнения, составными частями Коми края.

Отметим, что сделанный в переписи общий подсчет владеющих коми-зырянским языком как родным вызывает вполне определенные сомнения и представляется автору заниженным. Дело в том, что, как справедливо отмечают ученые С.И. Брук и В.М. Кабузан, этнолингвистика в период проведения переписи была недостаточно разработана, имела место путаница в выделении языков и наречий. Именно это произошло, на наш взгляд, с «зырянским» и «пермяцким» «наречиями». Если зырянским языком владело, согласно переписи, 153,6 тыс. чел., то пермяцким – 104,7 тыс. Полагаем, что в число говорящих на пермяцком языке вошло немалое число коми-зырян, отдельные группы которых в тот период (да и в начале XX в.) именовались «пермяками». В частности, именно так называли зырян, живших в Слудской (Прокопьевской) волости Орловского уезда Вятской губернии. Согласно переписи 1897 г., в Вятской губернии всего 334 чел. считали коми-зырянский родным языком, в то время как коми население Слудской (Прокопьевской) волости насчитывало, как уже отмечалось, около 4,5 тыс. чел.

Всего в Усть-Сысольском уезде в 1897 г. насчитывалось 89 840 жителей, в том числе постоянное население – 86 294 чел. (96,1%), временное – 3 546 чел. (3,9%). Большая часть временного населения (95,6%) проживала в сельской местности, и доля временных жителей среди селян была в Усть-Сысольском уезде немного выше, чем их доля среди горожан (соответственно 4% и 3,5%). В Яренском уезде постоянное население насчитывало 45048 чел. (98,3%), временное – 784 чел. (1,7%), всего 45832 чел. Основная масса (95,6%) временных жителей также находилась в сельской местности, но доля временных обитателей среди горожан Яренского уезда была вдвое выше, чем их удельный вес в числе селян (соответственно 3,4% и 1,7%). В Печорском уезде имелось 34 992 жителя, из них 33893 – постоянных (96,9%) и 1099 – временных (3,1%).

96,8% населения Усть-Сысольского, Яренского и Печорского уездов проживало в сельской местности и только 3,2% – в городах. Наиболее высокой была доля городского населения в Усть-Сысольском уезде (5%), в Яренском – всего 2,2%, а в Печорском уезде горожан не было вообще. Среди временно проживавшего населения процент горожан был в целом немного выше,

чем среди постоянных обитателей названных уездов. Согласно материалам переписи, в Усть-Сысольском уезде насчитывалось 16 884 хозяйства (15 960 – в сельской местности и 924 – в городе), в Яренском уезде – 8 624 (8 385 в сельской местности и 239 в городе), в Печорском уезде – 6073 хозяйства.

По данным переписи 1897 г., в пределах европейской части страны (вне границ Коми края) жили 7869 коми-зырян (в том числе 290 – в польских привислинских губерниях). В Пермской губернии насчитывалось 4474 коми (в том числе в городах – 741), Олонецкой – 284, Варшавской – 273 (108 – в Варшаве), Санкт-Петербургской – 167 (50 – в Санкт-Петербурге), Могилевской – 148, Московской – 130, и т.д. В Вологодской губернии в общей сложности насчитывалось 114966 коми-зырян (главным образом, в пределах Коми края), в том числе в Вологодском уезде – 262 (из них в самой Вологде – 255), Велико-Устюжском – 62 (в Устюге – 25), Никольском – 49 (в г. Никольске – девять), Сольвычегодском – 42 (в Сольвычегодске – девять), Тотемском – 14 (все – в Тотьме), Вельском уезде – девять (все – в г. Вельске). В Архангельской губернии в 1897 г. имелось 23 259 чел. (11058 мужчин, 12201 женщина), считавших родным языком зырянский (также главным образом, в пределах Коми края); из них в различных городах губернии проживало 55 (42 мужчин, 13 женщин), в сельской местности – 23 204 (11 016 мужчин, 12 188 женщин). В Архангельском уезде жили 45 коми (29 из них – в Архангельске), Мезенском – 1001 (529 мужчин, 572 женщины, причем абсолютное большинство – в Пыссе и окрестных деревнях), в Кольском – 117 (66 муж., 51 жен.), Пинежском – 14, Холмогорском – семь, Кемском – три и Онежском уезде – один человек. В Сибири, согласно переписи 1897 г., насчитывалось 9 122 коми (из них в городах – 448) – большинство из живших за пределами Коми края коми-зырян. В частности, в Тобольской губернии находилось 7 083 коми, Тюменской – 1 860 коми, Енисейской – 128 коми.

Очерк 5. ОТ БАЛТИКИ ДО ПРОСТОРОВ «СИБИРСКОЙ УКРАИНЫ»

«Встречь солнцу»

Присоединение Сибири к Российскому государству явилось событием огромного исторического значения. Великий русский ученый М.В. Ломоносов писал: «Российское могущество прирастать будет Сибирью и Северным океаном...». А его современник, историк Г.Ф. Миллер, изучая освоение Сибири, заметил, что в этом «особенно отличились зыряне, жившие по берегам Вычегды и Выми». Справедливости ради скажем, что не только вычегжане и вымичи, но и жители всех остальных районов Коми края отличились в этом деле.

Таежные просторы, лежавшие за Каменным поясом (Уральскими горами), издавна были ведомы коми. В поисках пушнины коми охотники и торговцы надолго покидали родные места и уходили в Западную Сибирь, живя там в поставленных среди тайги временных поселениях-зимовьях (несколько таких зимовий обнаружили в начале XVII столетия служилые люди, назвавшие их «зырянскими городками»). В Нижнем Приобье были известны Уркар (беличий город) и Войкар (северный город) – центры торговли с зауральскими ненцами, ханты и манси. Не удивительно, что коми приняли самое непосредственное участие в великом процессе освоения бескрайних Сибирских просторов.

Начавшийся во второй половине XV в. процесс присоединения Зауралья к Русскому государству (о походах того времени в Югорскую землю вы уже знаете) был прерван в первой половине XVI столетия, поскольку на повестку дня встали более важные задачи – борьба с набегами казанских и крымских татар, а затем, во второй половине XVI в., – Ливонская война. У государства не было сил для организации освоения Сибири, и с такой инициативой выступили частные лица – промышленники Строгановы, которых дожимали набеги обосновавшихся за Уралом татар.

Откуда же взялись в Сибири татары? Еще в начале XIII в. юг Сибири вошел в состав Монгольского государства Чингисхана. В XIV столетии образовалось татарское Тюменское ханство, а в XV в. от него отделилось самостоятельное Сибирское ханство. Было оно поначалу небольшим, но затем его владыки стали мало-помалу прибирать под свою руку и окрестные земли хантов и манси, соперничая с Московским государством. В начале XVI столетия Сибирское ханство включило в себя всю территорию Тюменского ханства. В 1555 г. сибирский хан Едигер, напуганный успехами в борьбе Ивана Грозного с Казанью, признал зависимость от Московского государства; Иван Грозный объявил себя повелителем всей Сибирской земли. Но в 1570-х гг. сибирский хан Кучум не отказался признавать власть московского царя, но и предпринял несколько нападений на русские земли. Тут-то за дело взялись Строгановы. В 1574 г. они получили разрешение строить городки в Сибири и стали нанимать казачьи отряды для обороны своих владений от набегов татар и вогулов и для подготовки экспедиции за Уральский хребет: на Тобол, Иртыш и Обь.

В конце концов выяснилось, что лучшая защита – нападение. Решено было организовать военную экспедицию в Сибирское ханство, дабы хоть на время отбить у Кучума охоту посылать своих воинов в Прикамье, где и располагались обширные владения Строгановых. Руководство походом в Сибирское ханство было возложено на казацкого атамана Ермака Тимофеевича. Первым делом надо было выведать дороги, которые вели с берегов Камы и ее притоков в Сибирь. Тут на выручку пришли коми. Их считали лучшими знатоками путей «за Камень». Именно от коми, ходивших на звериный промысел по всем окрестным землям, Ермак, покуда жил у Строгановых, получил сведения о Зауралье и об удобном пути туда.

В 1581 г. начался знаменитый поход отряда Ермака в Сибирское ханство. Вели его через Урал сорок проводников-коми. С него началось присоединение Сибири. Вслед за Ермаком в Сибирь были посланы другие казаки и служилые люди, а за ними устремился торговый и промышленный люд, беглые крестьяне...

Документы XVII столетия пестрят сообщениями о том, что тот или иной житель Прилузья, Сысольских, Мезенских и других волостей Коми края, «сбежал в Сибирь», «сшел в Сибирские города с женою и с детьми».

Часть переселенцев занималась в Сибири земледелием, другие становились «промышленными людьми» – охотились на пушного зверя, третьи поступали на военную службу в казаки или «служилые люди», становились ямщиками или ремесленниками. Имена и судьбы большинства переселенцев скрыты от нас завесой прошедших веков, но все же кое-что удалось выяснить.

Далек был путь переселенцев. Продвижение по огромным просторам Сибири с ее непролазными лесами и необозримой тундрой было многотрудным делом. Небольшие отряды шли «встреч солнцу», увязая в топких болотах, переваливая через заснеженные горы, плывя по полярным морям и неведомым рекам, то торгуя, то сражаясь с редким, но воинственным населением. Отважные землепроходцы, ориентируясь не по картам (их, неточных, нарисованных на глазок почти не было), а по с трудом понятым, сбивчивым и путаным пояснениям случайно встреченных местных жителей, шаг за шагом продвигались в «дальние, от века неслыханные земли», действуя на свой страх и риск, но от имени «государя». Далек не всем удавалось благополучно достичь «непроведанных землиц» с «соболиными местами». Безымянные могилы первопроходцев можно было увидеть вдоль всего пути от Каменного пояса до тихоокеанского побережья.

Несмотря на все тяготы сибирской жизни, выходцы из Европейской России обживали неведомые земли по Оби, Иртышу и другим рекам. В конце XVI – начале XVII столетия здесь поднялось множество новых городов, и среди основателей каждого из них были коми (зыряне). Раньше других в 1586 г. на месте древней столицы Тюменского ханства Чинга-Туры возникла Тюмень,

со строительством которой и началось прочное освоение Сибири. В числе обитателей города в первой четверти XVII в. были стрелец Семен Зырян, посадские люди Федоей Вычегжанин и Яков Сысолич, крестьяне Василий Зырянин, Прохор Вымич и другие выходцы из Коми края.

В 1587 г. невдалеке от столицы Сибирского ханства Кашлыка (Сибири, Искера) был основан Тобольск, ставший на долгое время столицей Сибирского края. Царь Федор повелел взять в новый город на службу в казаки 50 вычегжан и вымичей с женами и детьми. Коми было в городе так много, что в начале XVII в. одна из улиц Тобольска даже носила название «Зырянская». На ней располагались дворы казаков Ивашки Вычегжанина, Томилки Вычегжанина и других. Во второй половине XVII в. в Тобольске находились десятки служилых и посадских людей из Коми края: Яков Вычегжанин, Марк Зырян, Савелий Зырян, Василий Пуртов, Тимофей Лузенин, Федор Сысолетин, Василий Выметин, Федор Чупров и другие. Василий Зырян дослужился до чина пятидесятника (он командовал полусотней стрельцов).

Вслед за постройкой Тюмени и Тобольска появились города на путях, связывавших Сибирь с европейской частью страны. В 1590 г. был построен Лозьвинский городок, куда по царскому указу из Коми края отправили шесть человек строить суда для плаваний по сибирским рекам. В 1593 г. были вновь покорены вогульские Пелымское и Кондинское княжества в северном Зауралье, возникли Пелым и Березов, в строительстве которых по указу царя Федора участвовали вычегжане и вымичи. Некоторые из них остались служить в тамошних гарнизонах. В числе березовских казаков был, например, Андрей Енгрирев из вымского погоста Шошки. Народу, однако, в городах было поначалу маловато, и через год царь приказал пополнить число горожан, поэтому в числе сибиряков-березовцев оказались еще 10 семей из Коми края. Царь при этом специально распорядился, чтобы в Березов отправили состоятельных вымичей и вычегжан, а не какую-нибудь голь перекатную. И в последующие годы в Березов брали на военную службу жителей из коми селений. Некоторые, впрочем, и сами были рады переселиться за Урал.

В самом конце XVI в., в 1597 г., была открыта новая, более удобная дорога в Сибирь. Она вела с Камы на верховья реки Туры. На том месте, где эта дорога выходила к Туре, в 1598 г. построили город Верхотурье. Расположенный на бойком месте Верхотурский край заселялся очень быстро. Среди переселенцев имелось немало выходцев из разных районов Коми края – с Вычегды, Выми, Лузы, Сысолы. В 1672–1675 гг. здесь жили 36 семей, пришедших из Жешарта, Усть-Выми, Турьи, Шошки...

Продвижение вверх по Оби от устья Иртыша началось со строительства в 1594 г. города Сургута. В числе его первых жителей был Нефед Савельев из погоста Вездынь (современная деревня Вездино). Через два года был основан Нарымский острог (там в 1620-х гг. жили два вымича и один сысолец), после чего удалось подчинить Пегую орду селькупов на средней Оби (её князь был

в союзе с сибирским ханом Кучумом и упорно сопротивлялся русским). Два года спустя хан Кучум был окончательно разбит и бежал в Ногайскую орду, где погиб. Сибирское ханство распалось; основная его часть вошла в состав России, и лишь на небольшую территорию в верховьях Ишима, Иртыша и Тобола распространялась власть последнего сибирского хана Али – сына Кучума.

Но и после этого жизнь основателей сибирских городов и уездов была очень беспокойной. Местные владыки, властвовавшие над коренным населением и недовольные ослаблением своей власти, организовали соплеменников совершать вооруженные нападения на переселенцев. Многие люди гибли... Так, выходец из Лялей Семен Федоров погиб в Березове в 1597 г., Сеньку Яковлева из деревни Карса убили в Тобольске в 1598 г. В Сургуте был убит Нефедко Савельев из Вездино. Этот перечень можно продолжить. В конце XVI – начале XVII в. в Сибири из отправленных туда 48 жителей Вымской и Яренской волостей 37 погибли во время походов в Мангазею, Тобольск и Березов. В 1612 г., когда жившие близ Пелыма вогулы собирались устроить набег на российские селения, против них было послано войско, в составе которого были и ратники из Коми края.

Около 1602 г. на карте Сибири появился Кетский острог. Когда в 1612 г. воеводе г. Кетска вздумалось по какой-то причине перенести на новое место свои «хоромы» (может, они стояли слишком близко к воде, и их заливало в половодье), то помогали ему в этом деле, по его собственным словам, служилые люди и зыряне.

И в числе обитателей населенных пунктов, возникших в это время на южной окраине российских владений, тоже были коми. Для защиты южных границ на Иртыше в 1594 г. построили город Тару. Среди тех, кто оборонял его от набегов татар, были пеший казак Петр Зырян и конный казак Спиридон Зырян. В 1604 г. Борис Годунов отправил воевод строить город Томск и дал им наказ устроить близ города пашню, а крестьян набрать в Коми крае. В 1680 г. в Томске находились 83 служилых человека, которые (или родители которых) пришли в Томск из Коми края.

В 1619 г. был основан Енисейский острог, ставший базой освоения Восточной Сибири. Спустя 10 лет среди 300 промышленных людей Енисейского уезда было 249 чел. (более двух третей!), пришедших сюда с Сысолы и Вычегды, Вашки и Мезени, Выми и Лузы. В 1630 г., например, в Енисейском уезде охотились на пушного зверя сысольцы Семен и Иван Колеговы, а в 1647 г. – Иван, Андрей, Родион и Михаил Колеговы. Коми были не только среди промышленных людей Енисейского уезда. Они имелись и в числе посадских жителей (например, в 1644 г. в г. Енисейске жил посадский человек Савва Зырянин), и в числе торговцев (в 1645–1646 гг. среди них было восемь вычегжан, пять сысоличей и четыре вымича). В 1667–1673 гг. в Енисейске поселились братья Анцифор и Родион Кондратьевы Устьцелемцевы (из Усть-Цильмы).

В Иркутске (основан в 1651 г.) во второй половине XVII – начале XVIII в. жили С. Кириллов из Усть-Выми, А. Чупров из Усть-Цильмы, И. Кушманов, Е. Зырян, А.П. Лузин, вычегжане А. Зотов, И.В. Кочюров, М. Лукьянов. В Нерчинском остроге (основан в 1653 г.) в конце XVII в. находились С. Чукмасов, В.И. Чупров, Н. Чупров, И.Г. Пермяк, в Селенгинске (основан в 1665 г.) – С. Сысолетин и П. Зырян.

Среди служилых людей и крестьян г. Красноярска (возникшего в 1628 г.) часто повторялись прозвища «Зырян», «Зырянов». В 1671 г. из 150 конных казаков 14 носили фамилии, характерные для коми. В составе 200 пеших военнослужащих таких было 27 человек. Были они и среди посадского, и крестьянского населения. В переписи только Зыряновых перечислено 15 чел.; возможно, коми были также Кочергин, Шарыгин, Старцев, Логинов, Калинин, Шахов, Юшков, Коновалов, Мартюшев, Завьялов, Юдин, коми-пермяками – Боталов, Пермяков, Песегов.

Многие коми переселенцы занимались крестьянским хозяйством в новых деревнях возле городов. Так, в 1639–1640 гг. вдоль берегов р. Туры возле города Верхотурье появились деревни Зырянская, Семейки Ошкокова, Митьки Зырянова, братьев Шешуковых, Семейки Зырянова, Семейки Гилева, Костьки Шешукова, основателями которых, по всей вероятности, были коми. Некоторые коми переселенцы поселялись вдоль государственной дороги в качестве ямщиков.

В конце XVI – начале XVIII в. в Сибирь из Коми края, по далеко не полным данным, ушло 1800 чел. Еще почти тысяча людей ушла «безвестно» (неизвестно куда) – большинство из них, несомненно, тоже переселилось за Урал. К концу XVII – началу XVIII в. в 69 из 120 деревень, находившихся на юге Западной Сибири, встречены коми фамилии, такие, как Бутов, Айкин, Гуляев, Паршуков, Момотов, Кынев, Гилев, Бараксанов, Сысолетин, Сысоленин, Выметников и другие, и кроме них около 120 распространенных как у коми, так и у русских: Нехорошев, Сажин, Протопопов, Суров, Коновалов, Туголуков, Приезжев. Сами деревни нередко носили также коми названия: Зырянка, Зырянская, Пермитина, Гутова, Гилева...

Выходцы из Коми края занимались и торговлей, причем достаточно активно. Крупные торговцы из Коми края ездили с товарами не только в Сибирь, но даже в Китай. Много раз отправляли обозы с товарами в Сибирь усть-сысольские Сухановы. Усть-немский крестьянин М.М. Габов скупал меха у крестьян для торговли с Китаем.

Один из коми переселенцев стал родоначальником династии, к которой принадлежал знаменитый Григорий Ефимович Распутин, «святой старец», оказывавший огромное влияние на императора Николая II. В 1640 г. в Сибирь из д. Палевицы Яренского уезда переселился вместе с женой крестьянин Изосим Федоров сын. В 1653-м он жил за Уралом в Покровской слободе (позднее – село

Покровское Тобольской губернии) с сыновьями Семеном, Насоном и Евсеем; в документе отмечено, что этот крестьянин ранее жил в Палевицкой волости Яренского уезда. Два сына Насона Филипп и Яков (внуки Изосима), получили в начале XVIII в. фамилию Распутины. Во второй половине XVIII столетия фамилию Распутин носили сын Якова Егор и сыновья Филиппа Митрофан и Федосей, также передавшие ее по наследству своим потомкам. К одной из ветвей этой семьи принадлежал Яков Васильевич Распутин – дед Г.Е. Распутина, родившегося 10 января 1869 г. в с. Покровском.

«Государева златокипящая вотчина»

Немало имен выходцев из Коми края вписано в недолгую, но яркую историю самого замечательного из старинных сибирских городов – поистине легендарной Мангазеи. Сейчас этого города не найти на карте, даже самой подробной, а в период своего расцвета находившаяся на побережье Северного Ледовитого океана Мангазея не уступала по числу жителей главным сибирским городам, по своему значению как торговый центр даже превосходила их.

Впервые об удивительной земле Мангазее упомянул автор «Сказания о человецех незнаемых в Восточной стране», написанного в XV в. либо в Новгороде, либо в Усть-Выми; возможно, что автор сказания – Леваш, помощник епископа Пермского Филофея. В этом «Сказании» немало всякого рода фантастических рассказов о живущих за Уральскими горами людях, у которых будто бы рот на темени, так что они, когда едят, мясо и рыбу кладут под шапку. Но говорится там и о народе малгонзеи, или мангазеи – самоедских племенах, обитающих близ моря.

Даже если «Сказание» появилось и не в Коми крае, то в Новгород оно все равно попало, вероятно, от коми. Именно коми первыми проложили пути в далекий Мангазейский край, богатый соболями, мех которых так высоко ценился русскими и иноземными купцами. В одной пинежской летописи утверждается, что первыми узнали путь в Мангазею устьцилемец Юрий Долгушин, пинежанин Смирной и выходец из Литвы Лавелец, отправившиеся в 1597 г. с Печоры через Урал на Обь. Перезимовав там, путники сделали кочи (суда, предназначенные для плавания в полярных водах) и морем добрались до устья реки Таз, на которой позднее и возник город Мангазея. Вполне вероятно, что такое путешествие имело место. Но дороги в Мангазею были известны и до этого. Одна из них вела с Печоры по ее притокам через Урал («Каменный пояс») на притоки Оби – так называемый «Чрезкаменный путь», являвшийся до конца XVI в. основной дорогой за Урал на суше. Морем от устья Печоры через волоки полуострова Ямал к Обской губе и устьям Оби и Таза вел легендарный «Мангазейский морской ход», которым также издавна пользовались поморы. Исследователи подчеркивают огромное историческое и историко-культурное значение морского пути в Мангазею как замечатель-

ного примера ненасильственного освоения новых пространств, установления взаимовыгодных и во многом паритетных связей между пришлым и туземным населением.

Во второй половине XVI в. **добраться до Мангазеи пытались и иностранцы**. Например, в 1556 г. англичанин С. Бэрроу в проливе Карские Ворота встречал русских поморов, собиравшихся плыть в Обскую губу и вызвавших проводить туда иноземный корабль. Но шторм разлучил англичан и русских. Оставшись без проводников, Бэрроу попал во льды и вынужден был вернуться восвояси.

В 1580 г. Иван Грозный пожаловал «промышленных и торговых людей» Вычегодского уезда правом в течение 10 лет беспошлинно торговать в Югре, Мангазее и «сибирских городах». После этого начались регулярные поездки коми торговцев и промышленников («промышлявших» пушного зверя) в Мангазейский край. С 80-х гг. в Мангазее ездило и немало русских купцов, проводниками которых были, как правило, жители Коми края, лучше всех знавшие тамошние земли и язык «мангазейской самоеды». Приезжавшие в «Мангазейскую крайну» коми строили там среди тайги свои торговые пункты-зимовья (остроги, «зырянские городки»), в которых подолгу жили. На месте города Мангазеи находился один из «зырянских городков». В Нижнем Приобье были известны Уркар («беличий город») и Войкар («северный город») – центры торговли с зауральскими ненцами, ханты и манси.

«Мангазейский торг» получал все большую известность, сюда съезжались торговцы из разных мест. Современники сообщали: «Приходили в Мангазее... с Руси многие торговые люди, пермичи, и вятчаня, и вымичи, и пустозерцы... и торговали по всей Мангазее...». В 1584 г. торговый агент «Московской компании» Антоний Марш, узнав от пустозерских мореходов о путях в Сибирь морем и через Печору и Усу по суше, побывал на Оби, где приобрел меха, конфискованные у него на обратном пути как приобретенные незаконно. Сотрудник той же компании Френсис Черри побывал в Пермском крае и, возможно, также на Оби. Власти Московского государства решили поставить Мангазейский край под свой контроль. В 1597 г. царь Федор Иванович распорядился поставить «заставы крепкие» на основных торговых путях в Сибирь – в Турье, Пустозерске, Чердыни, Обдорске и Киртасе, дабы «брать на государя от всякой мяхкой рухледи таможенных (пошлин) от девятидесятого лутчее. А штоб не было государевой казне порухи, поставить на заставах верных голов, и торговли людем те заставы не объезжати ни почем».

Царь распорядился расспросить жителей Коми края о том, как добраться до Мангазеи морем. Самым знающим оказался вымич Василий Тарабукин, которому и доверили показывать путь на р. Таз отряду стрельцов во главе с Ф. Дьяковым. В 1598 г. **караван из четырех кочей отправился в плавание и благодаря искусству В.Тарабукина благополучно добрался до Мангазейского края.**

Там люди Дьякова расспросили местных жителей о торгах, что вели здесь приезжие торговые и промышленные люди из Коми края и с Русского Севера, и весной 1600 г. вернулись в Москву с вестями обо всем увиденном и услышанном.

В том же году Борис Годунов, сменивший Федора на престоле, пожаловал поморским крестьянам (Поморьем называлась тогда обширная территория российского севера от Карелии до Урала) грамоту с официальным разрешением на морские и сухопутные поездки в Мангазейский край и на Енисей, дабы торговать с самоедами. При этом десятую часть прибыли следовало отдавать в качестве пошлины государству, т. е., например, одного из каждых десяти приобретенных соболей, причем лучшего, а не какого-нибудь завалящего. Царь запретил возить в Мангазею оружие, ножи, топоры. Разрешалось лишь брать их в ограниченном количестве для собственных нужд торговцев и промышленников, живших вдали от родных мест по два-три года. Продажа оружия, ножей и топоров «самояди» запрещалась.

Стремясь закрепить царскую власть в отдаленном Мангазейском крае, Б. Годунов отправил туда в 1600 г. новый отряд под руководством воевод М. Шаховского и Д. Хрипунова, повелев им построить там крепость. В составе отряда были и коми, и жители Пустозерска. По дороге служилые люди подверглись нападению ненцев, многие пали в бою. Тем не менее уцелевшие ратники дошли до Мангазеи, где, несмотря на голод и нехватку самого необходимого, построили небольшой городок, укрепления которого состояли из стены и одной-единственной башни.

Через год, в 1601 г., на смену Шаховскому в Мангазею отправились В. Мосальский и С. Пушкин. Проводниками на их судах были коми, не только знавшие как плавать по полярным водам, но и умевшие переводить с русского на ненецкий язык. При этих воеводах, в 1607 г., в Мангазее были срублены новые укрепления – уже с пятью башнями. Город стоял на высоком месте над рекой Тазом, стены в высоту достигали **6–7 метров, захватить его приступом было очень трудно**. Под защитой стен находился воеводский дворец, «съезжая изба» (канцелярия) и еще ряд служебных построек. Полторы сотни домов посадских жителей (кузнецов, сапожников, корабельщиков и т. д.) располагались за крепостной стеной. Среди обитателей Мангазеи документами названы и коми – посадский человек Никита Ануфриевич Зырян, портной Ганька (Игнат) Зырян и другие. Немало выходцев из нашего края было и в числе жителей зимовий, поставленных в Мангазейском крае для сбора ясака (податей). Так, в Туруханском зимовье жили Петр Петров Вычугжанин (с Вычегды) и Михаил Исаков Устьцылимец (из Усть-Цильмы). К этому времени воеводы подчинили своей власти огромные пространства по рекам Таз, Обь, Енисей. Не обходилось без жертв. В 1601 г. в Мангазейском крае погибли Андрей и Некраско Петровы дети из вымского селения Кони, в 1602 г. там же сложил голову житель этого населенного пункта Иван Васильев сын.

Город-крепость Мангазея стал оплотом царской власти на обширнейшей территории Крайнего Севера от Оби до Енисея. Отсюда отряды казаков продвигались дальше на восток, за Енисей. Мангазея стала крупнейшим торговым центром. Каждый год здесь устраивались ярмарки. Через таможеню ежегодно проходило до ста тысяч соболей. Из-за огромных пушных богатств Мангазею называли «государевой златокипящей вотчиной». В город приезжали по 600–700, а бывало, и по 2–3 тыс. торговых людей из Коми края, с Мезени, Двины, Пинеги, Ваги, Сибирских городов.

Сведения о «златокипящей Мангазее» проникли и за рубеж. Пронырливые западноевропейские купцы предприняли несколько попыток добраться до сказочно богатых мест. Узнав об этом, царь Михаил Федорович решил в 1619 г. запретить «Мангазейский морской ход», чтобы иноземцы не узнали дороги в Мангазею и туда не ездили, а вся прибыльная торговля пушшиной осталась бы в руках россиян. Приказано было добираться до Мангазеи сухопутным путем через Урал и далее Обью до Мангазейского моря. После этого число приезжавших в Мангазею торговых и промышленных людей заметно уменьшилось. Тем не менее жители Коми края продолжали навещать туда. Например, в 1631 г. в Мангазейском уезде находились 59 вымичей, вычегжан, сысольцев, усть-цилемцев, прилузцев, удорян, в 1642 г. – 68, а в 1648-м – 99 человек (почти пятая часть всех промышленных людей, находившихся тогда в Мангазейском крае).

В 1630–1640-х гг. на город обрушились невзгоды. Мангазейские власти всячески притесняли посадских жителей, вымогали у них «подарки», присваивали добытую для «государева ясака» пушнину. Зимой 1630–1631 гг. воеводы Палицын и Кокарев перессорились между собой, не поделив прибыли. Один из них заперся с небольшим гарнизоном в крепости, осажденной взбунтовавшимися горожанами, поддержавшими второго воеводу. Дело дошло до военных действий. В конце концов у осаждающих кончились пули и порох, и они отступили в зимовья на Енисей. Городу был причинен значительный урон. Пушечной стрельбой разрушили половину посадских домов. Царю сообщали, что в результате боя между воеводами в городе из всех торговых мест уцелели четыре небольшие лавки, да и те в весьма неприглядном виде и к тому же пусты, а торговые и промышленные люди нашли приют в избах у мангазейских стрельцов.

Воевод заменили, но повадки у властей остались прежние. Живший в Мангазее уже упоминавшийся портной Игнат Зырян и его товарищи, замученные поборами, написали жалобу на вымогателей, поведав, что сшили они около двадцати шуб (на каждую пошло по 400 соболей), одна из них ценою около полутора тысяч рублей (огромнейшие по тем временам деньги, на которые безбедно долго могла жить целая семья) была «подарена» князю Петру Ухтомскому. Этот же князь, отправляя людей по зимовьям за соболями,

волновался лишь о том, чтобы оттуда доставляли соболей лично для него, а о сборе пошлины для государственной казны не заботился.

Жизнь мангазейцев во многом зависела от подвоза продовольствия, в первую очередь хлеба. Поэтому поистине катастрофичными для мангазейцев стали 1642–1644 гг. В течение трех этих лет из-за свирепых бурь и усилившейся ледовитости Мангазейского моря (наступил так называемый малый ледниковый период) возившие хлеб кочи ни разу не смогли достичь города. Так, в 1643 г. караван потерпел крушение. Мореходы, собрав уцелевший груз, на нартах отправились в сторону Мангазеи. Но путь был чересчур дальним. Кончилось продовольствие, люди, как вспоминал один из немногих уцелевших, стали с голоду умирать и вынуждены были даже есть мертвых товарищей... В Мангазее тем временем питались звериными шкурами, корой, ремнями...

В довершение ко всему голодавшим людям приходилось еще и заново отстраивать город: знойным летом 1642 г. в Мангазее вспыхнул страшный пожар. Очевидцы рассказывали, что за 10 верст было видно, как горел город. Воевода сообщал царю, что половина города выгорела дотла, и возможно, что та же судьба ждет и оставшуюся часть Мангазеи. Сил для того, чтобы отстроить город заново, у жителей уже не было – они голодали, оказались в долгах, как в шелках...

Сложившейся ситуацией решили воспользоваться окрестные самоеды (ненцы), в конце замученные местными властями, которые отбирали в счет ясака не только соболей – а их становилось все меньше, – но и оленей. Как и мангазейцы, оленеводы обнищали, оказались опутаны долгами, с которыми невозможно было расплатиться. В 1643 г. ненцы попытались захватить город. Его обитатели просидели в осаде за остатками укреплений всю весну. Через два года нападение повторилось, но взять город ненецкие племена не смогли.

После этих бедствий Мангазея уже не смогла возродить свой былой облик, свое прежнее административное и торговое значение. Соболя исчезали, промышленные и торговые люди предпочитали идти в новоосваивавшиеся земли – на Лену, Индигирку, Колыму... На смену северной дороге в Енисейский край, шедшей через Мангазею, пришли более удобные южные пути. Все это – вместе с трудностями доставки хлеба в Мангазею, запрещением Мангазейского морского хода, сохранявшимися натянутыми отношениями между воеводами и горожанами, продолжавшимися нападениями ненцев, да еще и похолоданием, наступившим в Арктике во второй половине XVII в., – привело к тому, что город решено было оставить.

Часть служилых людей перевели в Туруханское зимовье в 1668 г., а через четыре года велено было построить на реке Турухане новый город и перевести туда еще оставшихся в старой Мангазее, и город остался пуст. Правда, позднее предпринимались попытки возродить древнюю Мангазею – туда посылали небольшие отряды стрельцов для сбора ясака с «мангазейской

самояди». Но после того, как в 1688 г. ненцы разбили и заставили бесславно бежать на Турухан отправленный в Мангазею отряд служилых людей, а их жены и дети, попавшие в руки «самояди», все поголовно были утоплены в прорубях, у властей пропало всякое желание вновь заселить старый город. На смену ему пришла Новая Мангазея – так стало называться Туруханское зимовье (позднее город назвали Туруханском). На древней Мангазее поставили крест, и она постепенно разрушалась и в конце концов исчезла с лица земли на долгие три столетия – до 1976 г., когда город раскопали археологи...

«Под высокую государеву руку»

Мало-помалу переселенцы освоили низовья Иртыша, Обь, Енисей с их протоками и лежавшие между ними территории и вышли к реке Лене. В 1632 г. был основан Ленский острог (Якутск), ставший опорным пунктом дальнейшего продвижения на Северо-Восток. Возможно, в числе его основателей был коми. (Во всяком случае, известно, что в середине и второй половине XVII столетия среди служилых людей Якутска были Е.С. Вычегжанин, М.С. Сысолятин, Н.Л. Колегов, Н. Габышев, И. Тарабукин; несколько казаков носили фамилии Зырянов и Пермьяков). Впереди было самое трудное – изучение и включение в состав Российского государства наиболее отдаленных районов Сибири и Дальнего Востока. Среди многих сотен участников этого великого дела документы сохранили и имена выходцев из Коми края. Правда, о большинстве из них известно очень мало – лишь имя да один-два факта из жизни. Вот некоторые из скудных, отрывочных сообщений, дошедших до нас через три века.

Казак Федор Емельянов Лузенин (из Прилузья) побывал на Лене, Индигирке, Колыме. В 1658 г. при возвращении в Якутск во время шторма его коч разбило. Казаки построили зимовье и «у моря зимовали». Весной им удалось дойти до Якутска.

С трудом избежали крушения промышленный человек Терентий Нестеров Вымитянин (родом с Выми) и его спутники, посланные в 1660 г. с Колымы в Якутск с «государевой соболиной казной». Их коч был уже изрядно потрепан бурями («наш кочишко худо и гнило», – писали они сами), и промышленники рискнули отправиться на нем в плавание лишь потому, что не могли купить другого судна, более прочного. К тому же коч оказался сильно перегружен. С большим трудом Вымитянину удалось доставить «казну» в Якутск.

В походах Ерофея Хабарова на Амур 1649–1653 гг., в результате которых за Россией было закреплено Приамурье, участвовали Тренька Зырянин и Калинка Зырянин. На реке Яне побывал выходец с Сысолы Кирилл Никитин Сысолетин, на Индигирке – Федор Аникиев Устьцелемец (из Усть-Цильмы), на реке Чендон, впадающей в Охотское море, – Евдоким Григорьев Курсов Вычегжанин. На Камчатке погиб казак Г. Куимов.

Перечень имен наших земляков, осваивавших сибирские «дебри непроходимые», можно продолжить, но особо следует рассказать о двух выходцах из Коми края, ставших известными землепроходцами, первоисследователями северо-востока Азии – Дмитриии Михайловиче Зыряне и Федоре Алексеевиче Чукичеве (последний был родом из Шежама), с именами которых непосредственно связано включение в состав России бассейнов рек Яны, Индигирки, Алазеи, Колымы и Пенжины. Оба они начинали службу на Енисее рядовыми казаками. Потом, когда на очередь дня стало освоение Лены и других северо-восточных рек, их в числе других енисейских казаков перевели в Якутск.

В 1638 г. **Ф.А. Чукичев и трое его товарищей, которым приелась однообразная гарнизонная служба**, обратились с челобитной к казачьему атаману Ивану Галкину. Они просили отпустить их на «государеву службу» на реку Яну, чтобы «привести под государеву руку» (то есть в российское подданство) живших там якутских и тунгусских князей. Согласие было получено, и Федор Чукичев присоединился к отряду Посника Иванова. В отряде насчитывалось 30 человек. Перейдя через Верхоянский хребет, казаки вышли к Яне. Остановившись в выстроенном в ее среднем течении зимовье, они совершили походы вниз и вверх по реке. Местные якутские князья обязались «государю служить» и платить ясак.

В начале 1639 г. **якуты, жившие в верховьях Яны, обратились к Ф.А. Чукичеву и его товарищам за помощью**: юкагиры заняли их охотничьи угодья. Казаки откликнулись на призыв и, подойдя к кочевьям юкагиров, потребовали возратить якутам отнятые у них земли. Юкагиры отказались удовлетворить это требование, не стали они платить и ясак. Произошло сражение, окончившееся победой казаков; многие юкагирские воины погибли, а среди отступивших насчитывалось немало раненных. Среди пленных, захваченных казаками, оказался один, говоривший по-якутски. Знали этот язык и казаки. Пленник сообщил, что знает дорогу на р. Индигирку, где, по его словам, было много соболей. Предприняв еще одну экспедицию против юкагирского князя Ендирки, притеснявшего якутов, в том же 1639 г. П. Иванов, взяв с собой 27 человек и среди них Чукичева, отправился на конях с Яны на Индигирку через горный хребет.

Первая схватка с многочисленными индигирскими юкагирами закончилась не слишком удачно для казаков. Но, построив укрепленное зимовье с острогом, они перезимовали там. На следующий год (1640), построив струги, казаки поднялись на них по реке к стойбищу юкагиров, разгромили их и заставили принять российское подданство. После этого, как сообщали участники похода в Якутск, «то место стало прочно и стоятельно» в составе Русского государства. П. Иванов с «государевой казной» (соболями) отправился в Якутск, а Федор Чукичев и еще 15 казаков остались зимовать на Индигирке. На Яну на смену им, во главе небольшого отряда служилых людей и казаков

был послан по зимнему пути через горы Д.М. Зырян (в его отряде находился С.И. Дежнев, впоследствии – один из руководителей знаменитого похода вокруг Чукотки). Добрался Зырян до Яны благополучно, но оставался там недолго. Он собрал ясак, оставил его в Янском зимовье под охраной немногих людей и ...исчез.

Только через два года стало известно якутскому воеводе о судьбе землепроходца. Воевода сурово выговаривал Д.М. Зыряну в своем послании: Ты, мол, податей не выслав, пошел на другую реку по глупости своей или по наущению изменников... Но дело, конечно, было не в этом. Зыряну не хотелось сидеть на более или менее освоенной Яне, его, как и других казаков, привлекали более отдаленные от Якутска, еще неизведанные места, где можно было добыть больше пушнины, соболей. А от этого непосредственно зависело само существование сибирского казачества, ибо жалования, которое получали казаки, на жизнь не хватало. За свой нелегкий труд казаку причиталось лишь пять рублей в год, да сверх того небольшое хлебное и соляное довольствие. А простая рубаха стоила в Сибири один рубль, лыжи – два рубля, шуба – четыре рубля, рыболовная сеть – 15 рублей, лошадь – 20–30 рублей. Все это казаки покупали на свои собственные деньги... Деньги же можно было получить только охотой на пушного зверя да добычей «рыбьей кости».

Выступив – на свой страх и риск – в поход с Яны, Дмитрий Зырян вначале отправился на соседнюю реку Индигирку на конях. С ним было 11 человек. Малочисленность казаков может вызвать удивление, но в те годы это было обычным явлением. В отряде Петра Бекетова, основателя Якутска, насчитывалось 20 человек. Семен Дежнев, зимовавший на Анадыре, собирал ясак с двенадцатью казаками. В 1639–1640 гг. был осуществлён поход казаков под руководством И. Москвитина, в ходе которого российские землепроходцы впервые вышли к Тихому океану; первый острог на побережье Охотского моря поставили 20 казаков. В только что присоединенном к Российскому государству районе на реке Киренге были поставлены для сбора ясака с местного населения четыре казака, а на реке Кути – всего двое ... Весь огромный бассейн Лены предполагалось освоить отрядом в 200 казаков.

Придя на Индигирку, Дмитрий Зырян отпустил служивших там казаков с собранной ими пушниной в Якутск, оставив на Индигирке лишь Ф.А. Чукичева и еще двоих – ему нужны были знающие тот район люди. Расспросив аманатов (заложников из числа местных жителей, которых содержали в остроге, чтобы их сородичи платили ясак), где есть «немирные», то есть не включенные в состав Российского государства земли, жители которых не платят еще ясак российскому государю, Зырян, Чукичев и еще 13 казаков отправились вниз по Индигирке. В низовьях реки жили юкагиры. Их князья пообещали Дмитрию Зыряну признать власть русского царя и платить ясак. Казаки поставили там Олюбенское зимовье с острогом, оставили в нем несколько человек и вернулись в верховья Индигирки зимовать.

На следующий год (1642) Дмитрий Зырян приказал казаку Лаврушке Григорьеву Кайгородцу, родом из Кай-городка на Каме, оставаться в остроге, стеречь собранный на Индигирке ясак («9 сороков соболей» – 360 соболиных шурупов) и ждать прибытия смены из Якутска. Сам он с остальными людьми решил отправиться в еще неизведанные земли на востоке, на поиски реки Алазеи, о которой Зыряну рассказали юкагиры. Для путешествия казаки сделали два коча и отправились на них вниз по Индигирке до моря. Путь с верховьев до устья оказался долгим – две недели. Когда суда вышли в Северный Ледовитый океан, Зырян приказал повернуть на восток. Вскоре, через два с половиной дня морского плавания кочи вошли в устье Алазеи. Жившие в низовьях реки юкагиры встретили путешественников враждебно: в ясаке отказали и, собравшись на обоих берегах Аразеи, начали обстреливать казаков из луков. Несколько казаков было ранено. Из-за малочисленности своего отряда (15 человек) Дмитрий Зырян решил направиться в более спокойные места, и казаки поплыли вверх по реке. Добравшись до леса, они построили острог и зимовали в нем. Это было первое поселение на Алазее.

Собрав с алазейских юкагиров ясак, Зырян отправил его в Якутск с тремя казаками. Не забывал он и об Индигирском зимовье. Еще двое казаков были посланы через горы зимнею порою на оленях назад на реку Индигирку, чтобы выяснить, пришли ли на смену оставленному там Кайгородцу служилые люди из Якутского острога, цела ли «соболиная казна». Во время зимовки казаков на Алазее к ним приезжали на оленях чукчи, кочевавшие между Алазеей и неведомой дотоле Колымой. Тогда-то землепроходцы впервые услышали о ее существовании. С чукчами казаки тоже столкнулись впервые – те заявили, что до того никто из россиян у них не бывал.

Кто знает, может быть, и название «чукчи» дал встречным «иноземцам» Дмитрий Зырян от коми слова «чукчи», означавшего «глухарь» – после долгих и поначалу, естественно, безуспешных попыток объясниться с неведомым народом (сходным образом русские называли жителей Западной Европы, не понимавших их язык, «немцами», «немцами»). Впрочем, это, конечно, не более чем предположение. Однако заметим, что первое известие о встреченном землепроходцами новом народе (чукчах) доставил в Якутск тоже коми – Федор Чукичев. В 1643 г., **собрыв с окрестных юкагиров ясак, землепроходцы разделились**. Весной, когда вскрылся лед, Чукичев с тремя казаками повез морем добытую пушнину в Якутск. Дорога была долгой, тем более что пришлось посетить и зимовья на Индигирке. Пока Чукичев и его спутники добрались до реки Лены, наступила зима, водный путь оказался закрытым. Перезимовав в Жиганске – небольшом остроге в низовьях Лены, – в 1644 г. Федор Чукичев прибыл в Якутск, привезя «семь сороков соболей» (280 штук), **так ценившихся за границей**, и сообщил важные сведения о северо-восточных реках – Яне, Индигирке, Колыме и Алазее и о народах, живущих там.

Дмитрий Зырян, раззадоренный рассказами чукчей о богатствах Колымского края (мол, соболей там и всякого зверья иного, и рыбы много, как волос на голове), взяв с собой 11 человек, выступил в поход на Колыму. С ним были Семен Дежнев и другой известный первопроходец Михаил Стадухин. Сделав коч, они поплыли вниз по Алазее и вышли на море. Через две недели морского плавания путешественники достигли устья реки Колымы. Вверх по реке казаки плыли еще 12 дней, наконец высадились на берег и срубили там острог и зимовье. Местные жители (чукчи и юкагиры), естественно, не горели желанием платить неведомо откуда взявшимся пришельцам ясак, но казакам, несмотря на свою малочисленность, удалось одолеть их сопротивление, взять аманатов и добиться выплаты податей. Так далеко на восток российские землепроходцы еще не заходили... Успех казаков объяснялся просто: местное население страдало от беспрестанных военных стычек между соперничавшими друг с другом князьями, а Дмитрий Зырян и его спутники обещали всем жителям защиту московского государя, мир и спокойствие. Неведомое населению Колымы огнестрельное оружие, силу которого не преминули продемонстрировать казаки в одной из стычек, вызвало к пришельцам немалое уважение...

Воевода, наконец-то получивший сведения о походе Д.М. Зыряна, сменил гнев на милость и, назначив Зыряна главой колымских казаков, приказал ему тотчас отпустить в Якутский острог двух человек, а с ними доподлинно описать все свое путешествие: про само плавание и проводников, что за люди живут на Колыме, много ли их, есть ли соболя. **Всякая информация о новых, неведомых землях** ценилась тогда поистине дороже золота... Кроме того, воевода официально назначил Зыряна главой колымской администрации – приказчиком и поручил ему искать и осваивать новые реки. Но Д.М. Зырян недолго пробыл на посту, на который был назначен, и «новые реки приискивать» не успел. В начале 1646 г. он скончался от ран, полученных в бою с юкагирами.

В дальнейшем освоение бассейна Колымы и соседних районов было продолжено под руководством Ф.А. Чукичева. После возвращения с Алазеи в Якутск он наравне с другими казаками стоял в караулах, исполнял другие воинские обязанности. Жили казаки скудно. Ко всем тяготам службы добавлялось еще жестокое обращение начальства, особенно воеводы П.П. Головина. Служилые люди, недовольные условиями жизни, с прохладцей относились к караульной службе. **3 июля 1645 г. Федор Чукичев и еще два служилых человека** самовольно ушли с караула. На следующий день воевода, узнав об этом, вызвал их к себе и приказал тех караульщиков бить батогами. Однако никто из казаков не стал исполнять его указание – все они сочувствовали Чукичеву и остальным «провинившимся». Когда же воевода принялся ругать собравшихся служилых людей за их потакательство караульным и набросился на

них с кулаками, вспыхнул бунт. Воеводу выволокли из дома. Казаки «кричали великим шумом», предлагая убить воеводу и его людей или хотя бы поломать им руки-ноги... Однако призывы наиболее отчаянной части собравшихся не были поддержаны большинством. В конце концов, добившись от воеводы обещания не наказывать Чукичева и его товарищей за уход с поста и впредь не применять к служилым людям физических наказаний, казаки отпустили сравнительно легко отделавшегося Головина и, пошумев еще, разошлись по домам.

Напуганный выступлением служилых людей, воевода постарался удалить из Якутска наиболее беспокойных казаков. Так Федор Чукичев вновь оказался на Индигирке, где находился до лета 1647 г. В конце концов бассейн Индигирки, уже достаточно изученный к тому времени, прискучил землепроходцу. 20 июня 1647 г. он на свои деньги приобрел карбас (небольшое судно) и отправился на Алазею, в открытии которой участвовал пять лет назад. Его опыт и знание этого района высоко ценились, и Чукичева назначили приказчиком – главой местной администрации. При нем было выстроено новое Алазейское зимовье.

В 1650 г. Чукичев вернулся в Якутск, но в июне 1652-го, по его просьбе, вновь был отпущен с отрядом на Алазею. В общей сложности Чукичев плывал между Леной, Алазеей, а позднее и Колымой не менее шести раз. Это были длительные плаванья в суровых полярных водах. Немало мореходов погибало, но Федор Чукичев с честью вышел из всех испытаний. На Алазее он служил до середины 1650-х гг., затем отправился морем дальше на восток. Дойдя до устья Колымы, открытой Д.М. Зыряном, Чукичев со своими казаками поднялся вверх по реке до ее притока – реки Омолон. Обследуя верхнее течение Омолона, Федор Чукичев узнал о близости реки Чендон (Пенжина), впадающей в Охотское море. Зимой 1657 г. он выступил в поход и через горы вышел к Чендону. Кочевавшие там коряки встретили его враждебно, но казаки Чукичева захватили два острожка и заставили местных князьков прекратить сопротивление и выплатить ясак. На Пенжине Чукичева ждала редкая удача: он обнаружил здесь жемчуг. Сообщение об этом он тут же отправил в Якутск. Казаки выстроили здесь острог, где содержали взятых «аманатов» из числа корякской родовой знати. Земли по Пенжине вошли в состав России. В последующие несколько лет, вплоть до своей гибели в одном из сражений с нападшими на казаков омолодцами (это произошло в 1661 г.), Чукичев руководил служилыми людьми Омолона и Пенжины.

Потомки коми землепроходцев стали истинными сибиряками, в большинстве своем приняли русский язык и русскую культуру и влились в состав русской нации. Но на Колыме, например, память о переселенцах из далекого коми-зырянского края, вместе с русскими осваивавших обширные пространства Сибири и Дальнего Востока несколько столетий назад, жива до

сих пор. Так, колымские старожилы Чикачевы утверждают, что ведут свой род «из зырян», от Ф.А. Чукичева. Имя Д. М. Зыряна тоже не забылось – его носят река Зырянка – приток Колымы, и расположенный возле нее поселок Зырянка. Посвященные Дмитрию Зыряну материалы есть в музее этого поселка, а также в музее другого населенного пункта – Черского. Кроме того, имя Д.М. Зыряна увековечено на мемориальной доске близ старинного городка Русское Устье, а также на памятнике, посвященном первопроходцам. Надпись, сделанная на нем, гласит: «Отважным землепроходцам – первооткрывателям Колымы: Дмитрию Зыряну, Михаилу Стадухину, Семену Дежневу, Ивану Ерастову, Исаю Игнатьеву, Семену Моторе и другим...». В числе этих других – много выходцев из Коми края. Д.М. Зырян, Ф.А. Чукичев и их сподвижники вписали славную страницу в историю не только нашего края, но и всей страны.

В кочах вокруг Чукотки

Одним из самых выдающихся достижений землепроходцев стало путешествие из Северного Ледовитого океана в Тихий вокруг Чукотки, предпринятое в 1648 г. группой казаков и промышленных людей под руководством Ф.А. Попова и С.И. Дежнева, в результате которого был открыт пролив между Азией и Америкой. В этом походе принимали участие и выходцы из Коми края. Сколько всего их было, не выяснено. Известны только два имени: Фома Семенов Пермь и Иван Зырянин. Пермь пришел в Сибирь с Мезени. Из какого района был родом И. Зырянин, неизвестно.

Летом 1646 г. **Ф.С. Пермь, Алексей Маслов Вычегжанин и еще несколько** промышленных людей, выходцев из Устюга, Сольвычегодска и других северных городов отправились из Якутска вниз по реке Лене и морем на Яну, Индигирку, Колыму и в иные реки на соболиный промысел и «для торгу». В течение 1646–1647 гг. они **промышляли соболей, выменивали у местных жителей «рыбий зуб»** (моржовые клыки, изделия из которых высоко ценились в Европе). Лето 1648 г. застало их на Колыме – крайнем восточном рубеже, который к тому времени был достигнут землепроходцами. Узнав о том, что Федот Попов и Семен Дежнев готовят экспедицию на реку Анадырь, где ранее не бывал никто из промышленных людей или казаков, Пермь и, вероятно, его спутники решили принять в ней участие.

20 июня 1648 г. отряд, в котором на считывалось 90 человек, выступил из Нижнеколымского острога. Среди участников экспедиции были казаки, промышленные и торговые люди. В обязанности руководителя экспедиции входил сбор пошлин на землях, которые должны были войти в состав Российского государства. Люди размещались на семи кочах. Ф.С. Пермь и И. Зырянин плыли на том же коче, что и Семен Дежнев.

Путь был опасным и долгим, по неизведанным местам. Ранее, в 1646 и 1647 гг., уже предпринимались попытки совершить подобный поход, но

обе они закончились неудачей. Караван двинулся вниз по Колыме до океана, а затем повернул на восток вдоль побережья. Во время плавания у берегов Чукотского полуострова кочи попали в бурю. Два судна разбило, остальные продолжили свой путь. **1 сентября 1648 г. экспедиция подошла к самой восточной оконечности Азиатского материка – мысу, который Семен Дежнев в своем донесении воеводе в Якутск называл «Большим каменным носом».** Теперь этот мыс носит имя Дежнева. В 80 километрах восточнее, за проливом, находился другой материк – Америка.

Знай об этом путешественники, они могли бы первыми из российских мореходов ступить на землю Аляски. Но Дежнев и не подозревал о сделанном им открытии (в истории это бывает не так уж редко – вспомните Колумба, умершего в неведении о том, что он открыл новый Американский материк). Выполняя поставленные перед экспедицией задачи – дойти до реки Анадырь и привести тамошних жителей в подданство России, – кочи обогнули мыс, далеко вытянувшийся в море (на нем, как заметили путешественники, «живут люди чукчи много»), и поплыли на юг. В Чукотском море экспедиция попала в шторм и потеряла еще один коч. Когда четыре оставшихся судна уже дошли до Анадырского залива, на них обрушилась новая жестокая буря, разметавшая кочи в разные стороны.

Федот Алексеев Попов и его спутники оказались у берегов Камчатки, где в конце концов все они погибли. Через столетие исследователь Степан Крашенинников, побывав на Камчатке, записал там легенду, рассказывающую о Ф.А. Попове; в ней упомянут друг Попова Фома Промышленный. Возможно, этот легендарный Фома Промышленный – не кто иной как промышленный человек Фома Пермьяк, плывший на коче Дежнева.

Коч Семена Дежнева тоже был отнесен на юг (правда, не так далеко) и потерпел крушение. Людям (на коче их было 25 человек) удалось спастись, но они оказались в совершенно незнакомой местности. Приближалась зима. Решено было идти на север, на поиски реки Анадырь. Путешественники голодали, страдали от холода. Силы были на исходе. Настал день, когда отряд разделился. Как позднее писал сам Дежнев, «з голоду мы, бедные, взрость разбрелись». **12 человек, в том числе Фома Пермьяк и Иван Зырянин, отправились** дальше на поиски местного населения, а Дежнев с остальными людьми остался ожидать их возвращения.

Посланцы ходили 20 дней, но так никого и не встретили. Пришлось повернуть назад. За время поисков люди порвали одежду и мерзли. Кончилось продовольствие. Когда до стана, где их ждал Дежнев, оставалось три дня пути, силы большинства путников иссякли. Идти дальше они не могли и начали копать в снегу ямы, чтобы укрыться в них от холода. Крепче других оказался наш земляк Фома Пермьяк. Он стал уговаривать спутников не ночевать тут, а продолжить путь к стану, где остались товарищи. Немногие

оказались способными поддержать его: с ним пошли только промышленный человек Сидор Емельянов и Иван Зырянин, а остальные так ослабли от голода, что двинуться с места уже не могли. Оставшиеся попросили Ф. Пермяка и ушедших с ним товарищей, чтобы те, если смогут добраться до стана, принесли им оттуда какой-нибудь теплой одежды и еды.

Пермяку и его мужественным спутникам удалось вернуться к Дежневу и передать просьбу остальных участников похода. С. Дежнев собрал все, что можно, отправил казаков на выручку товарищам. Повел их, несмотря на усталость после тяжелого перехода, Ф. Пермяк. Но когда казаки прибыли на место, где их должны были ждать оставшиеся люди, то никого в живых уже не застали...

Семен Дежнев и остатки его отряда продолжили путь. Они нашли реку Анадырь, поднялись вверх по течению и в 1649 г. построили на небольшом островке в верховьях укрепленное зимовье. Возле зимовья рос лес, редкий, но все же достаточный для того, чтобы путешественники смогли построить два коча, так необходимые им.

Переход Семена Дежнева с Колымы на Анадырь вписал славную страницу в историю географических открытий, и мы вправе гордиться тем, что среди его участников были и наши предки. Сами землепроходцы, однако, даже не подозревали, что своим путешествием опровергли существовавшие тогда взгляды о том, что Америка и Азия на севере соединены сушей. Сведения о проливе между материками достигли Европы лишь в XVIII в., после плавания Беринга и Чирикова. А подлинное значение похода Семена Дежнева и его товарищей, задолго до Беринга открывших Берингов пролив, долгое время оставалось неизвестным.

«Костяная казна»

В 1650 г. на Анадырь к Дежневу по суше, через горы, пришел с отрядом Михаил Стадухин. Вероятно, с ним на Чукотку пришли промышленные люди Томил Елфимов Сысолетин, Кузьма Иванов Вычегжанин и Тит Семенов Вычегжанин. В 1650-х гг. все они жили в Анадырском остроге.

Условия жизни были трудными, анадырцы бедствовали, кормились рыбой, которую ловили сетями, сплетенными из крапивы. Обувь изготавливали из кожи моржей, одежду из оленьих шкур выменивали у чукчей на железо, ценившееся весьма высоко. Для того, чтобы охотиться, приходилось брать в долг у редких торговцев или у более зажиточных соседей порох, свинец для пуль. Возвращать долги следовало соболями. За Кузьмой Вычегжанином значилось долгу 58 соболей, за Титом Вычегжанином – 31 соболю.

Промышленные люди жаловались в Якутск, что из-за малочисленности анадырского гарнизона им приходится нести военную службу наравне со служилыми людьми, но, в отличие от последних, промышленным людям приходилось выплачивать налоги. «Оттого мы, – писал Фома Пермяк и другие

анадырцы, – обнищали и погибли до конца». Анадырские власти не разрешали им уехать из острога, потому что тогда он совсем обезлюдел бы, и некому было бы собирать с окрестных жителей ясак.

Наконец, в 1659 г. пришла смена из Якутска. Семен Дежнев с небольшим отрядом, передав власть новому начальнику, отправился в Якутск. С ним ушли Томил Сысолетин, Тит Вычегжанин и Иван Зырянин. Фома Пермяк и Кузьма Вычегжанин остались в Анадыре. Ф. Пермяк обзавелся семьей, женившись на чукчанке, добывал «рыбью кость», охотился. Здесь, на Анадыре, он и умер. Сходной была, вероятно, и судьба Кузьмы Вычегжанина.

Дорога в Якутск лежала через Колыму. Здесь путники надолго задержались. Лишь в 1661 г. отряд продолжил путь и с соболями и моржовыми клыками направился с Колымы морем на коче в Якутский острог – но уже без Т.С. Вычегжанина (он погиб на Колыме). Только в 1662 г. путешественники добрались до цели.

Из Якутска весь собранный ясак (пушнину и моржовую кость) отправили дальше, в Москву, в сопровождении служилых людей и казаков. «Костяную казну» перед отправкой тщательно взвешивали, а безмен, с помощью которого производилось взвешивание, запечатав, посылали вместе с «казной», поручив его доверенным людям – **целовальникам**. Одним из таких целовальников в отряд, руководимый Семеном Дежневым и Иваном Ерастовым, в 1662 г. был назначен Томил Сысолетин.

«Казну» предстояло везти по рекам: вначале по Лене и ее притокам, затем через волок на подводах до Енисея, с Енисея на Обь, далее на Иртыш, Тобол и Туру, а потом через Урал и «русскими городами» до Москвы. Путь по Сибири был опасен, так как вооруженные стычки с «немирными иноземцами» были достаточно частым явлением. Отряд шел днем и ночью быстро, не приставая к берегу ни на один час. Заряженное оружие держали наготове и с шайками «воровских людей» бились, не щадя головы. Кроме того, следовало заботиться о сохранности пушнины. Ее часто проверяли, чтобы соболя не испортились от грязи или дождя. Т. Сысолетин и другие сопровождавшие ценный груз люди справились с порученным им заданием. Несмотря на все опасности, отряд успешно преодолел долгий путь. «Казна» была в целости доставлена в Москву.

Первопроходцы Русской Америки

И в XVIII столетии лежавшие за Уралом просторы продолжали манить жителей Коми края, страдавших от недостатка пригодной для пашни земли, «испромышления» зверя и рыбы, невозможности найти дополнительных заработков в крае с неразвитыми промышленностью и сферой услуг. Во второй половине XVIII – XIX в. жители Коми края работали на Николаево-Павдинском и Петропавловском вагранском заводах в Верхотурском уезде, на Нерчинских рудниках, уходили в Енисейский, Иркутский, Кяхтинский,

Охотский, Селенгинский, Томский, Туруханский, Тюменский, Удинский уезды, на Камчатку и др.

Эпоха великих сибирских и дальневосточных открытий и переселений осталась в прошлом. Неизведанные земли оставались лишь в океанских просторах – на Севере и Востоке. В начале XVIII в. российские мореходы открыли архипелаг Новосибирские острова: первые сведения о них сообщил казак Яков Пермяков, вероятно, являвшийся выходцем из коми-зырян или коми-пермяков. В 1710 г. во время плавания от устья р. Лены к устью Колымы, Я.Пермяков заметил в море два острова: Большой Ляховский и один из Медвежьих островов. В 1712-м он повел к этим островам отряд казаков во главе с М.Вагиным. Казаки на собачьих упряжках преодолели путь по льду от устья р. Яны до острова Б. Ляховский. Я. Пермяков обследовал его, но убедить казаков пойти дальше не смог. Трудности полярного похода вызвали бунт, во время которого Я.Пермяков был убит.

Затем настала очередь «Русской Америки», путь к которой проложили В.И. Беринг и А.И. Чириков в 1741 г. В 1745-м устюжанин М.Н. Неводчиков, выйдя на судне «Евдокия» из устья р. Камчатки, двинулся на восток и открыл крайнюю западную группу Алеутских островов, получившую название «Ближние острова». Вместе с ним на этих необитаемых гористых островах в 1745–1746 гг. зимовал Я. Чупров, фамилия которого указывает на возможное происхождение этого морехода из Усть-Цильмы. Первооткрыватели составили карту Ближних островов. Возможно, Я. Чупров позднее участвовал и в открытии соседних Крысьих островов Алеутского архипелага, получивших свое название из-за обилия там этих малопривычных грызунов.

Но самый крупный вклад в географические открытия внес Степан Гаврилович Глотов, родившийся в 1720 г. в д. Яренга Подгородной волости Яренского уезда (теперь это Ленский район Архангельской области, совсем рядом с Республикой Коми). Он был вторым сыном крестьянина Гаврилы Никифорова Глотова. В 1747 г. С.Г. Глотов еще жил на родине. Когда именно крестьянин покинул Яренский уезд, долго ли добирался до Камчатки, чем занимался до конца 50-х гг., неизвестно. Но в 1758 г. С.Г. Глотов находился на о. Медный (одном из Командорских островов в Беринговом море). Отсюда он отправился в далекое, полное невзгод и опасностей путешествие к берегам Америки. В 1759 г. С.Г. Глотов ступил на берег открытого им острова Умнак – первого из самой восточной группы Алеутских островов, расположенной ближе всего к Аляске. Глотов провел в этих местах более двух лет, открыв в 1759–1762 гг. соседний с Умнаком о. Уналашка, расположенный у самой Аляски о. Унимак (где расположен самый крупный на Алеутских островах вулкан) и ряд более мелких островов. На этих островах в изобилии водились лисицы, поэтому за всей этой группой закрепилось название «Лисьи острова». В 1762 г. С.Г. Глотов совершил плавание на Камчатку, но в том же году вновь вернулся на Алеутские острова. В 1763 г. он двинулся дальше на восток, подошел к берегам

Аляски, открыл крупный остров Кадьяк у южных берегов этого полуострова, отделенный от Аляски проливом, собрал сведения о его жителях. До 1766 г. С.Г. Готов изучал Лисьи острова (он первым нанес их на карту), Кадьяк и, вероятно, южное побережье Аляски.

Тем временем доставленные им на Камчатку материалы пересекли чуть ли не весь материк и попали на побережье Балтийского моря, в Петербург. Там ими заинтересовался М.В. Ломоносов, составлявший инструкцию для адмирала В.Я. Чичагова, которому надлежало отыскать морской путь из Архангельска через Северный Ледовитый океан к берегам Северной Америки, а затем через Берингов пролив добраться до Камчатки. Во время плавания к Камчатке В.Я. Чичагов должен был встретиться с экспедицией П.К. Креницына и М.Д. Левашова, первой крупной специальной экспедицией, которой надлежало изучать Алеутские острова. В «Прибавлении втором» к инструкции В.Я. Чичагову М.В. Ломоносов специально рассмотрел путешествие С.Г. Глотова 1758–1762 гг. В.Я. Чичагов и П.К. Креницын были назначены начальниками экспедиций еще в 1764 г. Предпринятые Чичаговым попытки пройти по Северному морскому пути в 1765 и 1766 гг. окончились неудачей. Возможно, это и задержало отправку экспедиции П.К. Креницына и М.Д. Левашова (поскольку первоначальным планом предусматривалась их встреча с В.Я. Чичаговым в Беринговом проливе; позднее ввиду явной неудачи с плаванием по Северному Ледовитому океану эту часть плана исключили).

Надо полагать, вернувшийся на Камчатку в 1766 г. С.Г. Готов как главный знаток восточной части Алеутского архипелага принял активнейшее участие в заключительном этапе подготовки. Наконец в 1768 г. экспедиция вышла из устья р. Камчатки и направилась к Алеутским островам. Повел П.К. Креницына и М.Д. Левашова к Лисьим островам С.Г. Готов. В 1768–1769 гг. мореходы обследовали Умнак, Уналашку, Унимак, небольшие острова (названные именем Креницына) и западную часть побережья полуострова Аляска. Экспедиция сыграла большую роль в изучении этого района, но судьба ее участников оказалась трагичной. Во время зимовки на островах среди путешественников начались цинга и холера; С.Г. Готов, как и многие другие, не пережил зимы 1768–1769 года и был похоронен на о. Умнак. П.К. Креницын с оставшимися в живых участниками похода добрался до Камчатки, но 4 (15) июля 1770 г. утонул в р. Камчатке. Работа над материалами экспедиции была продолжена под руководством М.Д. Левашова, успевшего до своей смерти (около 1775 г.) составить географо-этнографическое описание Алеутских островов. Материалы экспедиции (в том числе, очевидно, и подготовленные в свое время С.Г. Готовым) были доставлены в Петербург. В 1777 г. на их основе была составлена первая карта Алеутских островов. К этому времени все три первоисследователя Лисьих островов (Готов, Креницын и Левашов) были уже мертвы... До 1867 г. острова принадлежали России, а затем были проданы США.

На открытом С.Г. Глотовым о. Уналашка сейчас находится главный населенный пункт Алеутского архипелага и крупная военно-морская база Датч-Харбор.

Плавали по Охотскому морю и Тихому океану и другие выходцы из Коми края. Судьба некоторых из них тоже оказалась печальной. Так, в 1768 г. в Яренск пришло известие, что 13 выходцев из Яренского уезда (Седунов, Епов, Тучнолобов и др.), отправившиеся в морское плавание к берегам Камчатки, погибли: «... умре, убиты, потонули» – сказано в документе. В 1770 г. из Охотского порту в морское путешествие на промысел «разного рода зверей» вышло судно «Святой Павел», на котором было и несколько крестьян из Яренского уезда. Судно возвратилось в порт только в 1775 г., 23 человека во время путешествия погибли, в их числе яренские крестьяне Дмитрий Патраков и Федор Жданов. Выходцы из Яренского уезда Давыд Козьмин Задорин и Петр Антонов Яранский, а возможно, и другие участвовали в «морских вояжах» купца Г.И. Шелихова (П.А. Яранский погиб в плавании). А именно во время экспедиции Г.И. Шелихова 1783–1786 гг. в Русской Америке впервые были основаны постоянные российские поселения, в том числе Павловская гавань (1784 год) на о. Кадьяк, открытом С.Г. Глотовым. Г.И. Шелихов (именем которого назван пролив между материком и о. Кадьяк) с 1790 г. руководил русскими поселениями в Америке, являлся одним из основателей Российско-американской компании, учрежденной в 1799 г. В Русской Америке в 1794–1816 гг. жил яренчанин Андрей Осколков, он служил в Российско-американской компании Шелихова, а затем вернулся в Яренск.

«...отпущен по пашпорту»

Переселениям способствовало то, что подавляющее большинство населения Коми края было лично свободным даже до отмены крепостного права в России, и им было легче менять место жительства, чем частновладельческому крестьянству. Однако власти предпринимали определенные меры по регулированию переселений.

Во-первых, власти стремились различными способами ограничить переселения крестьянства на восток страны (в особенности после принятия Соборного Уложения 1649 г.); предполагалось, в частности, что для такого переселения следовало предварительно получить специальное разрешение (в XVIII в. оно стало называться «пашпорт» (от французского слова *passerport*, первоначально означавшего «разрешение на проезд через порт»). Поначалу крестьяне зачастую игнорировали это требование и уходили «неведомо куда», но постепенно доля «легальных» переселенцев среди покидавших Коми край жителей возрастала. Так, если по данным II ревизии 1745 г. в Прилузье легальный отход (те, кто был «отпущен в Сибирские города по пашпорту на 3 года») составлял менее пятой части переселенцев, то уже при проведении III ревизии 1763 г. легально ушедшие составляли почти три четверти переселенцев. В Усть-Сысольске V ревизия 1795 г. зафиксировала девять

переселенцев, из них по «пашпорту» на три года ушли восемь человек, бежал лишь один человек.

Конечно, следует иметь в виду, что оговоренный в «пашпорте» срок часто не выдерживался переселенцами, которые находились в отлучке гораздо более длительное время. Так, М.И. Ябуров и Д.П. Безносиков из Спаспоруба, отпущенные в Сибирь на три года в 1735 г., отсутствовали на родине и 10 лет спустя, в 1745 г. Однако оставались в Сибири далеко не все, причем возвращались не только отпущенные на срок, но и беглецы. Так, П.Р. Урнышев из Спаспоруба, бежавший «неведомо куда» в 1743 г., к 1745 г. «из бегов явился». Тогда же «явился из бегов» П.К. Трофимов из Ношульской волости и др. В ведомости о населении Яренского уезда 1768 г. сказано, что со времени II ревизии из Яренского уезда «записалось в Сибирские города» и ушло в другие места 326 мужчин, не считая рекрутов; в то же время вернулось из Сибири и иных регионов 311 мужчин. В число последних вошло и некоторое количество пришлых, посторонних людей, но их, судя по источнику, было немного, и количество ушедших ненамного превышало число вернувшихся назад.

Немалая часть жителей Европейского Северо-Востока уходила из родных мест не по временным паспортам, а сразу с разрешения властей переселялась на постоянное место жительства. Например, пустозерец Иван Сафонов в конце 1640 – начале 1641 г. подал в Сибирский приказ челобитную о разрешении ехать на поселение в Енисейский уезд в качестве пашенного крестьянина. При этом он ссылаясь на то, что его сын уже живет там – «в Мангазейской украине под Енисеем рекою на Дубчюсе» [Шунков 1956, с. 121]. Нередко дозволенные переселения осуществлялись сразу целыми семьями. Так, в представлении Томского губернатора в Санкт-Петербург сообщалось, что «в... 1811 году прибыли из Вологодской губернии состоящие по 5 ревизии крестьяне 13 душ, которые и зачисляются, с пятилетнею от платежа податей льготою, Красноярского уезда в Минусинской волости».

Некоторые из тех, кто с разрешения властей переселялся в Сибирь на постоянное жительство, позднее тоже возвращались на родину. Например, в ревизских сказках 1858 г. в Пожеге отмечен Ф. Шомесов, причисленный (т.е. официально переселенный) в это селение из Тобольской губернии. Его фамилия четко указывает на принадлежность переселенца к коми народу; очевидно, что Ф. Шомесов какое-то время назад переселился из Коми края в Тобольскую губернию (где и был затем официально «прописан»), но по каким-то причинам вынужден был вернуться назад.

Порой власти принимали меры, направленные на запрещение переселений из каких-либо (или в какие-либо) регионов. Например, во второй половине XVII в. в Коми край приходило немало переселенцев, а на расположенных западнее территориях наблюдалась совсем иная картина. Устюжские воеводы писали в тот период, что от бегства крестьян в Сибирь «учинилась в Устюж-

ском и Усольском (Сольвычегодском. – *Авт.*) уездах великая пустота». В этих условиях власти стремились воспрепятствовать перемещению населения в восточные районы Поморья, даже когда это происходило в пределах одного уезда. Например, крестьянину Андреевского стана Сольвычегодского уезда Федору Кузьмину в середине XVII в. было запрещено селиться и владеть пашнями в Лоемском приходе Лузской Пермцы того же уезда, «а велено ему... жить по-прежнему в Андреевском стане».

Уход беднейших крестьян из селения обычно не вызывал особого противодействия и со стороны остававшихся на прежнем месте жительства, так как с точки зрения уплаты тягла бедняки котировались весьма невысоко и их потеря не была особенно ощутима для односельчан. Наиболее зажиточной части уход беднейших крестьян был в определенном смысле выгоден, так как позволял завладеть уже пущенными в хозяйственный оборот пашнями и сенокосами, а не производить трудоемкие расчистки в лесах. Однако нередко запретительные меры принимались властями по просьбам местного населения. Часто бегство крестьян вызывало недовольство оставшихся, вынужденных платить подати и за ушедших. Например, в 1646–1647 гг. крестьянин С.И. Шаламов с семьей ушел из д. Фиминской Княжпогостской трети в Устюг, где переселенцы «заложились за Троицкий Гледенский и Устюжский монастыри». Крестьяне Княжпогостской трети неоднократно подавали челобитные, прося вернуть беглецов назад. В одной из них говорилось, что ушедшие «не хотя... в Княжпогостской трети жити и... государевых доходов платить, выбежали з женами и з детьми и з животы..., а деревни свои в пуге покинули». В конечном счете было принято решение: «Тех вымичь, сыскав, за порукою выслать на Вымь».

Иногда о возвращении мигрантов на прежнее место жительства просили власти обитатели той местности, где селились выходцы из Коми края. Например, в Зауралье местное население выражало недовольство тем, что ижемские оленеводы со своими стадами истощали мох, которым питались олени, отпугивали дичь, что коми охотились и рыбачили в угодьях хантов и манси. Аналогичные претензии высказывали ненцы Большеземельской тундры. Стали даже разрабатываться проекты изгнания ижемцев и закрепления оленьих пастбищ и угодий исключительно за ненцами, хантами и манси. Один из проектов гласил, в частности: «Все пространства тундр утвердить в потомственном владении самоедов с воспрещением всякой там промышленности лицам, не имеющим коренного права на тундры»; «зырянам Ижемской волости по скудости земледелия» предполагалось разрешить лишь ловить рыбу «в реке Усе, в Большеземельской тундре протекающей».

Порой некоторые переселенцы, несмотря на меры властей, отказывались возвращаться на прежнее место жительства. Например, С.Ф. Вахнин из Ношуля в 1735 г. был отпущен в Сибирь на три года, записался в Иркутске в

посад, где и жил до II ревизии 1745 г., когда ему было приказано вернуться в Сольвычегодский уезд. Однако, как констатировала проведенная в Прилузье проверка, он «на прежнее жилище не явился и ныне где обретается, неизвестно». Т.О. Сердитов из Черныша, отпущенный на три года в 1724 г., также жил в Иркутске, при II ревизии был отправлен домой, но в Черныш не явился. То, что запретительные меры оказывались порой малоэффективными, признавали и власти. Например, в XIX в. **зауральские власти докладывали о переселениях коми-ижемцев на Обь**: «Наплыв этой народности в здешний край мы не в силах остановить даже принудительными мерами, так как это движение обуславливается экономическим неблагополучием переселенцев на родине». В 1896 г. предпринималась попытка выселить всех коми из-за Урала обратно в Коми край, но она не увенчалась успехом.

Власти далеко не всегда принимали решения о возвращении переселенцев на прежнее место жительства. Так, в грамоте царя Алексея Михайловича 1639 г. упоминается жалоба вишерских крестьян на переселенцев: «Били нам челом Вишерские волостки крестьянин Офонка Игнатъев и во всех тое волости достальных крестьян место, которые ныне живут на Вишере, тое ж Виширские волостки на крестьян на Овдейка Лодыгина да на Васку Мишарина с товарищи. Жили-де те крестьяне с ними вместе в той волостке и в прошлом во 146 (1638) году не хотя с нами жить, вышли на оброчную землю на Усть-Колом и на Усть-Нем, от них верст с пятсот без нашего указу и дворы поставили..., а старые дворы и угодыя в Вишерской волостке покинули и наших податей с ними вместе платить не хотят. И за те де их дворы и за угодыя, которые они покинули в Вишерской волостке, наши данные и оброчные и за стрелецкие и за Сибирские хлебные запасы и ямские отпуски и во всякие наши подати правят на них на достальных вишерцах на одних. И нам бы их пожаловати, велети б им, усть-коломцам и усть-немцом с тех своих пустых дворов и с угодий, которые они покинули у них в Вишерской волостке, ... во всякие наши подати платить с ними вишерцы вместе по прежнему и по писцовым книгам Осипа Хлопова да подъячего Михаила Максимова (1628/29 г.)...». Но беглецы на Вишеру не вернулись; их лишь обязали исправно платить подати.

Не осуществились и отмеченные выше проекты об изгнании ижемцев из Зауралья и тундры, в конечном итоге расцененные как ошибочные. Российское правительство отмечало, в частности, что коми и русские в тундре «распространили уже промыслы свои в такой степени, что лишить их права пользоваться тундрами без совершенного разорения невозможно». Исследователи отмечают, что на деле «незаконные» переселения чернососных (государственных) крестьян воспринимались властями не столь остро, как, например, миграции частновладельческих крестьян. Объяснялось это тем, что власти в первую очередь интересовало, чтобы переселенцы продолжали нести тягло и на новом месте жительства; к тому же для освоения окраин страны нужны

были люди. Для этого власти принимали меры, направленные на стимулирование вольнонародных переселений – главным образом, путем предоставления льгот по налогообложению на новом месте жительства. Именно таким образом привлекались люди, например, в Усть-Цилемскую слободку.

В XVIII в. началось освоение верхнего Прииртышья, причем в 1760 г. был издан правительственный указ о заселении этой территории «крестьянами из Устюжской и Вятской провинций, а также из Архангельской губернии», т.е. опять-таки из региона, куда входил и Коми край. В XIX в. тобольский губернатор видел в притоке ижемских коми в Зауралье несомненную пользу: «Самый подходящий элемент будущих переселенцев в этом крае – соседние... выходцы, условия быта которых более или менее тождественны с условиями быта в здешней местности... Теснимые бедностью вследствие усложнения условий жизни на родине, зыряне, как свободные переселенцы в этот край, являются вполне подготовленными для поселения в новых местностях, так как предшествующая жизнь научила их бороться за существование, и таким образом могут служить самыми лучшими акклиматизированными колонистами здешнего края».

«В хлебородные места»

Уже в XIII–XV вв. коми стали селиться в Прикамье. Но массовые масштабы эти переселения стали приобретать только в XVI в. **Возможность осуществления** таких переселений появилась в результате разгрома Казанского и Астраханского ханств, укрепления власти московских государей в Поволжье и Приуралье. Важную роль играл географический фактор: близость Коми края к бассейну Камы и Вятки, наличие на его территории путей в названные регионы стимулировали уход туда местного населения. Так, уже в 60-х гг. XVI в. выходцы из Коми края появились в Казани. Писцовые книги города Казани 1565–1568 гг. зафиксировали в числе горожан, наряду с устюжанами, вятчанами и поморцами, Пятко и Сеньку вычегжан, т.е. выходцев с берегов р. Вычегды.

Довольно много переселенцев из Коми края было в этот период в Северном Прикамье (Соликамский и Чердынскнй уезды). В Соликамском уезде в писцовой книге 1579 г. упомянуты деревни Зырянка и Зыряново, названия которых четко указывают на принадлежность их первых жителей к числу коми-зырян. В 1579 г. в обеих деревнях насчитывалось 17 дворов (конечно, среди их обитателей могли быть не только выходцы из Коми края). На приток переселенцев из Коми края указывают названия р. Зырянки и Зырянских усадеб. В ряде населенных пунктов Чердынского уезда писцовая книга 1579 г. называет жителей с прозвищами Зырян (Зыран): Семен Зырян в д. Воцкой, Ермак Зырян в погосте Искор, Никита Зырян в Япидоре и Алексей Зыран в Кулчуге. Зыряновы названы тем же документом и среди первопоселенцев погоста Обва. В целом во второй половине XVI в. **выходцы из Коми края со-**

ставляли, по подсчетам историка В.А. Оборина, от 33 до 75% пришедших в Прикамье переселенцев.

Часть переселенцев ушла из Коми края в соседнюю Вятскую землю. В дозорной книге 1608 г. отмечено пять переселений на Вятку из Вычегодской земли и одно переселение – из Сысольской земли (Пыелдинская волость). Один человек, по данным писцовой книги 1625 г., переселился на Вятку из Прилузья (Ношуль). Дозорная книга 1615 г. **в числе жителей г. Хлынова упоминает** Демку Куимова (его фамилия происходит от коми слова «куим», т.е. «три»), Луку Зырянцова, Ивана Зырянцова, Семена Вычегжанина. В Котельническом уезде в слободке Василкове, принадлежавшей Предтеченскому монастырю, писцовая книга 1629 г. **упомянула четырех «Вычегжанинов»**. В погосте на Гостеве Котельнического уезда жили три Вычегжанина, а в погосте на Юрьеве – один Вычегжанин, в д. Мартынской того же погоста – Боженко Юркин (судя по фамилии, вероятно, выходец из Коми края). Возле погоста над р. Моломою того же уезда имелся починок Осипа Вычегжанина. В 1629 г. в нем жили Пятунька и Сеня Вычегжанины. В той же волости документ упомянул «пустошь, что было займище Олферка Алексеева сына Вычегжанина да Ерополка Вычегжанина». В волости Куринской имелись «починок Максима Вычегжанина да Фарафонки Вычегжанина» (в 1629 г. в нем жил Костька Вычегжанин) и «д. Алферка да Ярополка Вычегжанина». В Юрьевской волости крестьянин Петр Вычегжанин получил на льготу «займище на диком лесу» – возможно, он недавно поселился здесь. В Орловском уезде в 1629 г. в д. Петрушинской жил Осип Вычегжанин. В том же уезде имелся починок Фролки Лузенина (с р. Лузы).

В.А. Оборин пишет, что среди переселенцев, приходивших в Приуралье в первой четверти XVII в., преобладали выходцы с Вычегды, Юга, Двины и Вологды. Переселялись в Прикамье и жители Спасского, Объячевского и Ношульского приходов Лузской Пермцы. **Если ранее (XVI в.) переселенцы оседали** только в Северном Прикамье, то в конце XVI – первой четверти XVII в. мигранты стали продвигаться дальше на юг, в Среднее Прикамье, где располагались обширные вотчины Строгановых. Писцовая книга 1623–1629 гг. по вотчинам Строгановых назвала в д.Симаниш близ Сылвенского острожка Андрея Трифонова Вычегжанина; в Чусовском верхнем городке Якова Андреева Шешукова с сыном, Сергея Афанасьева Шешукова, Петуньку Володимерова Ужготова (возможно, выходцы из Ужги) с двумя сыновьями, Михаила и Тихона Федоровых Куимовых; в д.Бажен – Ивана Афанасьева Вычегжанина с двумя сыновьями; возле устья р. Усвы – Треню Тимофеева Вычегжанина, в слободке Слудке – **Ивана Иванова Вычегжанина с тремя сыновьями, Константина Семенова Лузенина с сыном и Ерофея Иванова Лузенина с сыном**; в д.Новое Сельцо у Очерского острожка – Ивана Терентьева по прозвищу Луза с сыном, всего 24 человека.

В самом конце XVI в. выходцы из Коми края продвигались вниз по Каме, появились в северо-восточной (приуральской) части Казанского уезда. В писцовой книге 1596 г. в **располагавшейся в этом районе Новоникольской слободы** упомянут живший там бобыль «Лука Артемьев Вычегжанин». В Сарапульской волости того же Казанского уезда, находившейся вниз по Каме от Новоникольской слободы, дозорная книга 1621 г. **назвала нескольких выходцев** из Коми края. В с. Воздвиженском жили переселившиеся сюда, возможно, из Лузской Пермцы Филип Луза, Мартышко Луженин и Ефрем Луженин, в д. Сива – Сысолятин, в д. Дока – Луза, в д. Гальян – Сысолец, в д. Другая Нечкина – Лузенин и Вычегжанин, в д. Мамылева – Сысолец, в с. Никольском – Лузянин, Сысолятин, Зырянов, Куимов, в д. Сигаева – Зырянов и Сысолетин, всего 14 человек.

В переписной книге волости Елабуги 1617 г. (эта волость также входила в Казанский уезд и располагалась на Нижней Каме, между устьями рек Белая и Вятка) среди жителей названы Федосей Лузянин, Трен Лузянин, Дмитрий Лузянин, Константин Вычегжанин, Семен Вычегжанин, Шумилко Вычегжанин, Михаил Вычегжанин, Амос Цысолетин (т.е. Сысолетин), Ананий Цысолетин и Денис Цысолетин, всего десять человек. Переселения коми-зырян (в первую очередь, сысольских и лузских коми), несомненно, сыграли чрезвычайно важную роль в формировании живущих в Верхокамье зюздинских коми. Это подтверждается и сходными чертами в их диалектах. **В другие районы** Европейской России переселений в конце XVI – первой четверти XVII в. было немного. Дозорная книга Яренского уезда 1608 г. **назвала только Павлика** Иванова, который «збежал на Двину» из погоста Важгорт (на Удоре).

Во время голода середины XVII в. число жителей края, переселявшихся в более хлебородные районы, возросло. Согласно писцовым и переписным книгам Яренского и Сольвычегодского уездов 1645–1647 гг., из Коми края на Каму и Вятку ушло 188 человек. Большинство – 154 человека – переселилось на Вятку. Более трети из них составляли жители Лузской Пермцы (56 чел.). Особенно активным был отток населения на Вятку из расположенных в непосредственной близости к ней Ношульского и Летского приходов. Миграции в остальные районы Прикамья были меньшими по масштабу. Иногда дело доходило до вооруженных стычек между беглецами и остальными крестьянами. Например, в 1641 г. **из Обьячевской и Ношульской волостей «выбежало** крестьян семей з двадцать и больши и за теми де крестьяны гонялися из Лузские Пермцы крестьяне и они де из луков отстрелялися и ушли в Вятский уезд».

В переписной книге 1647 г. **по прикамским вотчинам Строгановых** названо немало выходцев из Коми края. В Орле-городке жили Лузянин Левко Антипин с сыном, Фирсик Ананьин Лузянин и Никита Давыдов Пастух с пасынком из Ужгинского погоста; в Сылвенском остроге – Иван Лукьянов

Лузянин, в д.Никитинской на р.Сылве – **Федор Иванов Кибиров с сыном** (возможно, из Кибры), в д.Рожина на р.Сылве – Максим Афанасьев Гилев и Лука Романов Гилев; в Чусовском городке – Степан Михайлов Куимов, Малахийко Лукьянов Лузянин с сыном, Емельян Васильев Мингалев, Пронька Нифонтов Сысолетин и т.д.

В середине XVII в. в Сылвенско-Иренском поречье (Средний Урал) был образован Кунгурский уезд. Стремясь быстрее заселить вновь созданный уезд, власти предоставили поселенцам налоговые льготы. Историк А.А. Преображенский писал, что весть о том, что в этом уезде идет поселение на льготных условиях быстро распространилось, и туда усилился приток беглецов, надеявшихся найти на новых местах более сносные условия жизни и хотя бы на несколько лет освободиться от несения обременительных налогов. В числе первых жителей Кунгурского уезда документами отмечены выходцы из Коми края.

Отрицательное воздействие на крестьянское хозяйство оказывали налоговый гнет и злоупотребления чиновничества. В 1666 г. крестьяне Лузской Пермцы жаловались, что «ныне де у них продать и заложить нечего и некому, и даже занять на платеж твоих, великого государя, доходов, не у кого. И для той хлебной и денежной скудости многие крестьяне, боясь большого правезу, врознь бегут в сибирские города, а иные к Вятке и на Каму».

Во второй половине XVII – начале XVIII в., **когда время наиболее страшных неурожаев и голода осталось позади**, количество переселенцев, ухивших из родных мест на Каму и Вятку, сократилось. Но все же многие люди продолжали искать лучшей доли на чужбине. Так, Афанасий Иванов Недосеков из Пустозерской волости «сшел з женою и з детьми к Соли Камской». «Спирько Прокофьев с сыном Якимом сошли кормитца Христовым именем в Пермь Великую», «Васька Агафонов сшел кормитца в Кайгородок». Коми переселялись и в Кунгурский уезд: источники упоминают среди кунгурцев Никиту Кушманова, фамилия которого ясно указывает на его коми происхождение. **В переселениях крестьян на Каму были заинтересованы, в частности, владельцы солеваренных промыслов, нуждавшиеся в рабочей силе.** Например, А.Ф. Веневитинов призывал «в Зырянские усолья на житье и многих ... тяглых крестьян и всяких чинов людей розных многих городов... И против ево... отписки, послыша. всяких чинов люди ис поморских розных многих городов в Зырянские усолья к нему идут». Кроме того 15 человек переселились из Коми края на Вятку. В переписной книге Орловского уезда 1678 г. названы выходцы из Коми края: П.Д. Пуртов в Кудинской волости, Н.В. Вычегжанин в Орловском стане и С.М. Вычегжанин в Шалеговской волости. **В Котельничском уезде в 1678 г. проживали восемь выходцев из Коми края: Р. Вычегжанин, Ф.И. Вычегжанин, А.И. Вычегжанин – в Курской волости, Ф.К. Куимов, А.С. Куимов – в Красногорской волости, И.М. Лузянин – в Окатевской волости и П.С. Лузянин – в Пореском погосте.**

В конце XVII – начале XVIII в. в Соликамский уезд «обнищали и съехали от скудости» не менее 12 человек из Усть-Цильмы (Сидор Ларионов Чупров с женой и детьми, Иван и Игнатий Карповы Вокуевы, Сергей Иванов Торопов с женой и детьми, Михайло и Трофим Савины Еромолины), шести – из Ижемской слободки (Андрей Терентьев Истомин с женой и детьми, Ермил Иванов Канев, Трифон Кондратьев Артеев), а также четыре человека – из Княжпогостской волости. Трифон Парфенов Осташев с женой и детьми «съехал для прекормления от скудостей» с женой и детьми в Чердынь. В Кунгурский уезд переселились восемь человек из Жешартской волости, по двое – из Шежамской, Коквицкой и Вишерской волостей и один человек из Ибской волости. На Вятку ушли восемь человек из Вотчи и три человека из Пыелдино, в Казанский уезд – один человек из Зеленецкой волости. Всего в Вятско-Камский регион из коми волостей Яренского и Пустозерского уездов, Прилузья и Усть-Цильмы по данным переписных книг 1707–1711 гг., переселились 55 человек.

Согласно материалам I ревизии, на соляном заводе **Суровцева** в Соликамском уезде работали В.И. Отев из Жешартской волости, Е.Б. Гордеев из д. Тыдор, Г.И. Першиков из Сереговой Горы, А. Поляков из Сереговского усоляя, С.И. Пестерев и П.М. Мякисев из Лялей, Н.Г. Созонов из д. Ванвиздино Ляльской трети, С.И. Потолицын из Палевиц, М.С. Антипин из Зеленецкой волости, А.З. Жданов из Усть-Сысолы, Ф.Т. Тарачев, Д.К. Захаров и М.И. Макасов из Киберской волости, С.Т. Куприн из Керчомьи, М.Е. Воронов, и С.М. и Г.М. Нечаевы из Небдино, Д.А. Ветошкин из Подбельска, З.И. Кирушев из Деревянска, И.М. Никитин из Важгорта, П.К. Якимов из Вьльгорта (с Вашки), С.С. Козлов из Венденги, Д.К. Напалков из Усть-Кулома. «У Соли Камской обретались» также М.К. Жимов и С.М. Буслаев из д. Арабач, И.Г. Титов, И.И. Титов, Г.Е. Ладанов из Зеленецкой волости, Е.П. Емельянов из сысольского Вьльгорта, С.И. Митюшев из Визинги, Н.И. Карманов из Ужги, Г.Я. Рассыхаев и Л.С. Мартюшев из Усть-Куломской волости, а также А.П. Кузнецов из д. За Мылвою рекою, П.А. Ростворов из д. Пичидинской, Н.П. Мезенцев из д. Кадазинской и Ф.П. Савинов из д. Савиноборской Печорской волости. На соляном заводе Строгановых в с. Веретиево находились Д.С. Осипов из Палауза, Ф.Т. Юргомов из Маджи, Л.А. Лодыгин из Керчомьи, М.Т. Ракин из из Подбельска. «В новом усолье у Строгановых» работал Д.Т. Мамонтов из Мыелдино. «При Тагильских заводах» зафиксирован первой ревизией К.К. Иванов из Вьльгорта (с Сысолы). В 60–70-х гг. XVIII в. на Дедюхинском казенном солеваренном заводе Соликамского уезда трудились выходцы из Коми края. Во второй половине XVIII в. жители Коми края появились и на южном Урале – на Косотурском железодельном заводе Лугининых в Троицком уезде и Полевицком медеплавильном и железодельном заводе Турчанинова в Екатеринбургском уезде. Мигранты из Коми края постоянно в течение XVIII в. приходили на Омутинский железодельный завод Осокиных в Вятской губернии.

В середине 80-х гг. XIX в. группа коми-ижемских оленеводов под влиянием нехватки пастбищ, массовых заболеваний оленей решила на беспрецедентное переселение, двинувшись с Печоры на Кольский полуостров. С собой переселенцы взяли многочисленных (несколько тысяч) оленей и самое необходимое имущество. Пройдя вдоль побережья Северного Ледовитого океана и Белого моря, они пересекли по весеннему ненадежному льду Кандалакшский залив и ступили на землю Кольского полуострова. Около двух лет ушло у них на это путешествие и на выбор места жительства. Зимой 1887 г. ижемцы наконец поселились близ Ловозера – древнего селения саамов. Последние поначалу недоверчиво отнеслись к пришельцам. Но коми, пообещав не трогать саамских рыболовных угодий, даря бедноте оленей, добились согласия на свое поселение. В конце XIX – начале XX в. сюда прибыло много новых ижемских переселенцев. С ростом численности коми на Кольском полуострове там возникли и другие коми селения, часть которых существует и в наше время.

Коми – строители Санкт-Петербурга

Не только по своей воле жители Коми края оставляли родные места и уходили за тридевять земель. По указам правительства их направляли на работы «к Архангельскому порту», в Азов, Таганрог и другие места. Например, в Таганрог в начале века были отправлены по одному человеку из Жешартской, Зеленецкой и Шошкинской (Сысольской) волостей, по трое – из Глотовской и Косланской волостей; в Архангельск – по четыре человека из Лоемского и Спасского приходов и Оквадской волости.

16 мая 1703 г. по решению Петра I на отвоеванной у Швеции территории близ устья Невы была заложена Петропавловская крепость, положившая начало городу Санкт-Петербургу. Вначале будущая столица Российской империи строилась силами солдат и окрестных крестьян. Но масштабы строительства вскоре потребовали гораздо большего количества работников. Ежегодно для строительства Петербурга по всей стране набиралось 40 000 человек. Не остался в стороне и Коми край. Правда, из-за малочисленности населения для отбывания этой трудовой повинности было мобилизовано немного местных жителей. На берегу Финского залива оказались выходцы почти со всех концов Коми края – с Лузы и Удоры, Сысолы и Выми, нижней и верхней Вычегды. В числе первых оказались на месте строительства С.В. Попов из Княжпогоста, А.О. Кошангин из Раковиц, И.П. Пудов из Шошки (с Выми), М.С. Проволокин и Е.М. Ананьин из другой Шошки (с Сысолы), Л.О. Лучкин из Вотчи.

Первых наборов оказалось недостаточно. Непосильные условия труда быстро приводили к полнейшему истощению работников, которых не щадили. К трудностям работы в болотистой местности добавлялась еще и постоянная опасность нападения шведов – Северная война продолжалась. Между тем город рос, нужны были люди, люди, люди... В 1706 г. из Коми края в Петер-

бург направили новую группу работников, среди которых были К.Я. Марков из Жешарта, И.Л. Горбунов из Серегово, С.А. Седрочев из Отлы, М.Ф. Коданев из Слободы (старинного села на месте современного Эжвинского района г. Сыктывкара), И.И. Луашев из Выльгорта, К.К. Плосков и Ф.Я. Цывунин из Часово, Е.Н. Шаньгин из Деревянска, Е.А. Шестов из Вотчи, В.Е. Минин и Р.И. Елисеев из Кослана.

И в последующие годы в Архангелогородскую губернию, в состав которой входил Коми край, приходили грозные приказы: «Работников в Санкт-Петербургскую губернию к городовому делу высылать на указанные сроки сполна, препоруча круглою (круговой. – *Авт.*) порукою, дабы дорогой не разбежались...». В Петербурге оказались Д.Е. Порначев из Кибры, Г.Т. Гилев из Межога, М.М. Турнев из Гама (с Вычегды), Л.Л. Байдуков из Арабача, С.Е. Лодыгин из Камсамаса, Е. Рогов из Кырса, И. Васильев из Турьи, Казимов из вымской Шошки, С.Л. Гилюшев из Отлы, С. Шутов, Н. Кудрин и Т. Прошев из Коквиц, Т. Евтихеев из Лоймы, Некрасов из Спаспоруба и два брата Смолевы из Ношуля...

Третьей части жителей Коми края, взятых на строительство Петербурга, через три-четыре года уже не было в живых. Иные не выдержали и года... Поистине дорогой ценой заплатил народ за то, чтобы в устье Невы вырос красавец-город, в 1712 г. более чем на два столетия ставший столицей России.

Очерк 6. ВРЕМЯ БОЛЬШИХ ПЕРЕМЕН

XX век начинается...

В начале XX в. в демографических процессах в Коми крае произошли определенные перемены. Фактором, благотворно сказавшимся на демографической ситуации, стало развитие медицины. Местные медики стали изучать причины возникновения конкретных видов болезней, время года, в которое они чаще всего встречались, выбирали наиболее эффективные медикаменты и другие меры для лечения. Уменьшалась смертность жителей от болезней. Борьба с эпизоотиями способствовала ведению животноводческого хозяйства и тем самым также влияла на создание благоприятных условий для жизни населения. Среди благоприятных социально-экономических факторов необходимо упомянуть развитие лесозаготовок в Коми крае в первой четверти XX столетия. Спрос на рабочие руки содействовал некоторому уменьшению оттока незанятого трудоспособного населения за пределы края.

Нельзя забывать и о мероприятиях правительства по распространению посадок картофеля, давших к началу XX в. определенные результаты. Земства пропагандировали прогрессивные методы ведения земледелия и животноводства, с конца XIX столетия завозили сельскохозяйственные машины, в начале XX в. стали устраивать выставки скота и проводить опыты по выращиванию лучших сортов зерновых. С 1907 г. в Усть-Сысольском, а с 1913 г. и в Яренском уездах при поддержке земств стали возникать сельскохозяйственные общества (кооперативы). В основном при этих обществах земства организовывали зерноочистительные и прокатные пункты по луговодству и полеводству, снабженные простейшими машинами и усовершенствованными земледельческими орудиями (веялки, молотилки и т.п.). В целом к началу XX в. экзогенные (внешние) причины смертности (в частности, от голода) в Коми крае постепенно стали уступать ведущую роль эндогенным (внутренне обусловленным) причинам.

Активные переселения в начале XX в. оставались одной из важнейших составных частей этнодемографического развития коми. Немалые перемены в расселении коми произошли в верховьях Лузы. К 1916 г. близ Ношвы и Худышино были основаны починки Голодаево и Шабаргун (в первом жили коми-зыряне, национальный состав обитателей второго не известен). Еще 15 починков появилось ближе к Верхолузью, в треугольнике Ула – Кузюк Зырянский – Тылай. В их числе были как коми поселения (например, Большой или Нижний Тылай), так и русские (Казаково, Вазюк). На юге и юго-западе этническая граница коми по сравнению с 1881 г. не изменялась: Тылай и Зырянский Кузюк оставались крайними населенными пунктами, в которых проживали коми. По соседству с ними, чуть южнее или юго-западнее, возникли починки с русским населением Харламов Мыс (близ Тылая), Елховка и Плясы (в районе Зырянского Кузюка). В 1916–1918 гг. по соседству с Зырян-

ским Кузюком и Плясками появился Русский Кузюк, а в верховьях Лузы были основаны пять починок, среди обитателей которых были как коми, так и русские (Нагибино, Володичи и др.). Расширилась территория, заселенная коми, на верхней Летке. В районе между Мутницей и истоками Летки в 1871–1929 гг. было основано свыше 120 небольших населенных пунктов (починков, выселков, хуторов): Тымыш, Денюк-поле, Пипса-шор, Руча-ель и др. Южнее, в районе Слудки и Прокопьевки в то же время появилось всего 10 новых селений. В других волостях Прилузья – от Спасоруба до Объячево – изменения в расселении были незначительны.

Новые селения появились почти во всех волостях на Сыsole. Специального упоминания заслуживает починок Кома (д. Комская, Ком), основанный между 1881 и 1916 гг. в необжитом ранее районе на р. Ком, впадающей в приток Сысолы р. Воктым и ставший самым южным коми селением в бассейне Сысолы. Большая группа поселений была основана сыsoleцями в незаселенных местах между Сыsoleй и Локчимом – в бассейнах рек Лопью и Поинга (притоки Сысолы). Ряд починок возник в самых верховьях Малой Визинги. Кроме того, сыsoleцы основали несколько населенных пунктов в истоках Пожега (приток Вычегды). Ниже по течению Пожега в конце XIX – первой четверти XX в. было основано несколько поселений нижневычегодских коми.

Увеличилось число селений и заселенная территория на р. Кобре, где в списке 1881 г. было отмечено лишь одно с. Коберское. Сельскохозяйственная перепись 1916 г., помимо составлявших это село деревень Зиньково, Турубановской, Евсинской и Артюхинской, находившихся в непосредственной близости друг с другом, зафиксировала два селения (Починок и Верховья), появившиеся вблизи с. Кобры. В последующие годы возникли еще д. Шутовская (невдалеке от села), починок Суран, Суран Второй, Мишунь-поле (Сарга), Потанбанядор и д. Половиной на значительном отдалении от с. Кобры.

На верхней Вычегде в конце XIX – начале XX в. особенно активно осваивались самые верховья – район Пожега и Помоздино, где в 1881–1918 гг. был основан 21 населенный пункт. Следует отметить также и освоение соседней с Помоздинской волостью Нившеры и ее притоков: в 1881–1916 гг. на Вишере и, в основном, на Нившере с притоками возникло пять поселений: починок Лымвинский, Сывьюдор и другие.

Заметным изменением в заселенной территории на Выми стало продвижение местного населения вверх по Выми и Елве: выше Весляны появились починок Доракьян, деревни Елвинская (Евдино), Керес-Весляна и Пегышдор (в верховьях Елвы). Остальной бассейн верхней Выми оставался незаселенным.

Границы заселенной территории на Удоре практически не изменились. Появившиеся здесь пять починок (Васюгди и др.) были основаны вблизи старых поселений. Оставались неосвоенными верховья Вашки (от Лоптюги) и верховья Мезени (выше Зерзяйба). Неизменной сохранилась и коми-русская этническая граница.

В бассейне Усы и Колвы уже к 1905 г. здесь появилось три десятка поселений: Макариха, Адзва, Адзвавом, Азак-юр, Кочмес, Абезь и т.д. Заселена была вся Уса до самых верховьев, где были основаны Евсевань, Ошвор, Никит и Елец. Осваивались и притоки Усы (кроме Колвы): на р. Косью возникли выселки Косьювом, Дресвянка, Сидорова, на Роговой и Нерцете – Наум и Нерцета, на Лемве – Епа. В 1905–1917 гг. в этом районе появилось еще 12 выселков. В эти же годы шла колонизация р. Колвы, вплоть до самых ее верховьев: к 1914 г. на берегах Колвы появились выселки Возойвисвом, Колвависвом, Конковор, Харьяга и Ыджыд-Харьяга.

На нижней Печоре от Няшабожа-Брыкаланска до Усть-Усы к 1905 г. появилось 13 поселений, в 1905–1917 гг. к ним добавилось еще девять выселков. Большинство населенных пунктов возникло на берегах Печоры, лишь немногие появились на ее притоках (Лая, Большая Мутная и другие), причем, как правило, в самых низовьях. Таковы были изменения в расселении коми (точнее, коми-ижемцев) в районе зоны интенсивных коми-ненецких этнических контактов.

Определенные изменения (не столь значительные) произошли в заселенной ижемскими коми на самой р. Ижме. К 1904 г. были основаны четыре выселка и деревни на нижней Ижме, в 1905–1917 гг. – четыре селения на нижней и средней Ижме. В верховьях Ижмы, осваивавшихся выходцами с верхней Вычегды и Вишеры, после 1859 г. не произошло изменений в заселенной территории.

Ряд новых поселений был основан на верхней Печоре. В районе Концебора к 1904 г. возникло два селения, еще девять – в 1905–1917 гг. В Щугорской волости между 1881 и 1916 гг. возникло 10 починок. С появлением населенных пунктов на Щугоре и его притоках и на Подчерье (Мича-Бечевник, Усть-Паток, Емельусти и др.) граница заселенной коми территории в этом районе существенно отодвинулась на восток.

В Троицко-Печорской волости в 1881–1916 гг. появилось 11 селений (в основном, на Печоре и Сев. Мылве), часть из них – вблизи уже существовавших населенных пунктов на Печоре и в других местах, а другая часть – на значительном отдалении от района прежнего заселения, в верховьях Илыча. В 1916 г. граница расселения коми на Илыче проходила в районе выселков Сарьюдин и Максимова. Граница этнической территории коми выше по Печоре не изменилась: по-прежнему последним коми селением на верхней Печоре оставалась д. Порог, выше которой располагались уже русские деревни – Усть-Пожег (Мамыль) и др.

Говоря о внутренней колонизации Коми края, необходимо отметить, что в начале XX в. российское правительство разрабатывало план переселения в Коми край большого количества русских крестьян из центральных губерний и даже латышей. В 1901–1902 и 1907–1909 гг. несколько специальных экспедиций обследовали Печорский уезд, верхнюю Лузу, Летку, верхнюю Вычегду, бассейн Вишеры (в районе Вишеры предполагалось расселить безземельных

крестьян, чтобы иметь рабочую силу для нефтяной промышленности, которую планировалось развивать на Ухте). В конечном итоге подобные переселения были признаны невозможными, поскольку даже местные крестьяне не имели в своем владении достаточного количества удобной для ведения сельского хозяйства земли.

Отметим также продолжавшиеся переселения коми за пределы края. В конце XIX – начале XX в. много новых ижемских переселенцев прибыло на Кольский полуостров. С ростом численности коми там возникли новые коми селения, часть которых существует и в наше время. За Уралом, в Обдорске, в 1900–1901 гг. появилось 22 коми семьи. В начале XX в. здесь имелась 101 коми семья. Продолжался приток ижемцев в с. Мужы; например, в 1901 г. здесь поселилось сразу восемь семей. В 1910–1911 гг. в Мужах насчитывалось около 130 хозяйств ижемцев.

После переписи 1897 г. П.П. Семеновым-Тянь-Шаньским и другими не раз ставился вопрос о необходимости новой всеобщей переписи, которая позволила бы в должной мере учесть изменения, произошедшие в населении России в результате активных миграций как внутри страны, так и за ее пределы, потерь в ходе русско-японской войны. В 1913 г. даже началась подготовка второй всеобщей переписи, намеченной на декабрь 1915 г., но этому помешала Первая мировая война. Во время войны, когда потребовалось регулировать снабжение, вместо всеобщей переписи в 1916 г. была проведена так называемая сельскохозяйственная перепись, которая не учитывала городское население. Еще одна сельскохозяйственная перепись состоялась в 1917 г.; одновременно с ней прошла и городская перепись. Они учитывали и сведения о численности жителей, но далеко не столь полно, как перепись 1897 г. В 1918 г. была проведена первая в советский период промышленная и профессиональная перепись. Эти переписи рассказывают о состоянии населения Коми края в сложное, переломное время.

В течение двух десятилетий, прошедших после проведения переписи 1897 г., численность зырян, проживавших в Коми крае, увеличилась на треть. В 1917–1918 гг. здесь было примерно 214 тыс. жителей, из них около 21 тыс. русских, а почти все остальные – коми. В 1913 г. в единственном на территории современной Республики Коми городе Усть-Сысольске (с пригородами) жили 6268 чел., из них 95% коми. Согласно сельхозпереписи 1916 г., в самом городе (центральная часть) числилось 188 дворов (домов), 907 жителей, чья деятельность была связана с сельским хозяйством. В Кодзьвиле было 43 двора, 207 жителей, в Изкаре – 92 двора, 384 жителя (обитатели селения носили фамилии Есев, Клыков, Юрьев и др.), в Нижнем конце – 64 двора, 324 жителя, в Солдатской слободе – 10 дворов, 37 жителей. Кроме них, выделялись также Кируль, Ганя, Котюнево, Одогрезд, Титовгрезд, Тентюково, где насчитывалось еще 377 дворов, 1639 жителей. В Котюнево, в частности, име-

лось 50 дворов, 209 жителей; фамилии обитателей – Кудинов, Савин, Клыков, Фролов, Шешуков, Зарубин, Есев, Тентюков и др. В Кодзвиле насчитывалось 43 двора, 207 жителей, носивших фамилии Кочев, Коданев, Малыгин, Жеребцов, Лыткин и др. В Гаме имелось 10 дворов, 56 жителей (Сорвачев, Демин, Титов, Молодцов, Латкин, Комлин), в Нижнем конце – 64 двора, 324 жителя (Кузнецов, Сорвачев, Молодцов, Фролов, Надеев и др.), в Одокгрезде – 26 дворов, 127 жителей (Сорвачев, Кузнецов, Осипов, Фролов, Молодцов и др.). Титовгрезд состоял из 66 дворов с 317 жителями, среди которых были Титов, Улитин, Сорвачев, Молодцов, Тентюков... Тентюково включало в себя 71 двор, где жили 295 чел. – Лыткины и др.

В с. Слободском, центре Слободской волости (нынешний Эжвинский район Сыктывкара), в 1916 г. насчитывался 171 двор, 708 жителей, носивших фамилии Полин, Тюрнин, Кирушев, Сюрвасев, Коданев, Юркин, Попов. В деревне Веждин в том же году имелось 38 дворов, 180 жителей, наиболее распространенной (и, вероятно, самой древней) была фамилия Юркин, отмечена также фамилия Коданев. В починке Чевью (Човью) в 1918 г. было три двора, 21 житель. Располагавшиеся в районе нынешних Нижнего и Верхнего Чова земли в начале XX в. принадлежали усть-сысольским купеческим семьям Кузьбожевых, Забоевых и Оплесниных.

На территории Печорского уезда (кроме Пустозерской волости, не относившейся к Коми краю) в 1917 г. насчитывалось 168 населенных пунктов, в которых имелось 5745 дворов, 35266 жителей. В двух волостях, где преобладало русское население (Усть-Цилемская и Пижемская), было 77 селений с 1883 дворами и 9522 жителями. В остальных волостях абсолютное большинство населения составляли коми, там располагался 91 населенный пункт: 3 962 двора, 25744 жителя. В основном это крестьяне, сельских священнослужителей было немного, а городских поселений в уезде не имелось. Наиболее многолюдными были Усть-Цилемская и Мохченская волости (8083 и 6762 чел.). По количеству населенных пунктов выделялась Верхнеусинская волость, где располагалось 42 поселения, т.е. четвертая часть всех поселений. При этом общая численность жителей волости была относительно невелика, что объяснялось небольшими селениями: верхняя Уса осваивалась позже других районов (во II половине XIX – начале XX в.) и основную часть населенных пунктов составляли выселки и починки из одного-четырех дворов. В то же время в более старых селениях, например в Ижме, насчитывалось 358 дворов и 2378 жителей, в с. Мохча (вместе с д. Ёль) – 329 дворов, 2 743 жителя.

Общая численность населения Печорского уезда за 20 лет возросла к 1917 г. на 33394 чел. Численность жителей уезда увеличилась главным образом за счет района Усть-Цильмы и волостей с коми населением. Население Диюра возросло с 549 чел. в 1897 г. до 842 чел. в 1917 г., население Няшабожа увеличилось в эти же годы на 290 чел., Щельяюра – на 322 чел., Гама – на

245 чел., Краснобора – на 344 чел. и т.д. Плотность населения Печорского уезда составляла 0,147 чел. на одну квадратную версту. Волости Печорского уезда сильно различались по плотности. Если в Сизябской волости плотность составляла целых 4,414 чел. на версту, то в Красноборской – уже 2,470, Мохченской – 1,298, Ижемской – 1,040, Брыкаланской – 0,414, Усть-Цилемской – 0,250, Усть-Усинской – 0,242, Кипиевской – 0,215, Кедвавомской – 0,122, Усть-Кожвинской – 0,107, а в Верхнеусинской – всего 0,020. В Пысской волости Мезенского уезда по данным сельхозпереписи 1917 г. насчитывалось 1516 жителей, по данным списка населенных мест 1918 г. – 1651 жителей, плотность населения составляла 0,424 чел. на одну квадратную версту.

В той части Коми края, которая входила в состав Яренского уезда (вычегодские волости от Жешарта до Палевиц, Вымь, Удора), в 1918 г. насчитывалось 197 населенных пунктов, 47 901 житель. Более половины (25445 чел.) из них проживало на Вычегде, Вымь и Удора были населены слабее (соответственно 9 661 и 12 795 чел.). Наиболее многолюдными волостями в 1918 г. являлись Коквицкая (6 123 жителя) и Айкинская (5 248 жителя). Свыше двух тысяч человек проживало также в Жешартской, Палевицкой, Прокопьевской, Турьинской, Важгортской и Ертомской волостях. Меньше всего жителей насчитывалось в вымских: Ибской (823) и Сереговской (881) волостях, немногочисленным было также население Сереговской, Онежской и Селибской волостей.

По районам уезда население размещалось следующим образом. Наименее была заселена верхняя Печора (6 172 чел. в 1916 г.), на верхней Вычегде в этот же год насчитывалось 44 772 жителя и 47 757 чел. по переписи 1918 г., на Лузе и Летке проживало 17 668 чел. (1915 г.) и 20 480 чел. (1918 г.). Во всех трех районах имелось только сельское население (крестьянство и незначительное количество церковных причетников). На Сыsole было 36 930 жителей в 1916 г., а в 1918 г. – 41 303 жителя. Абсолютное большинство их составляли также коми крестьяне, но были и русские, концентрирующиеся в заводских поселках Нювчимае, Кажимае и Нючпасае (1692 чел. в 1918 г.). В Усть-Сысольском районе (Усть-Сысольске с пригородами, Слободе и Зеленце) насчитывалось 6,9–7,5 тыс. чел. В городе Усть-Сысольске и пригородных селениях в 1916 г. проживало 3244 чел., основная часть которых занималась крестьянским трудом. Наиболее многолюдными волостями (свыше 4 тыс. чел.) в 1918 г. являлись Пажгинская, Ибская, Визингская, Помоздинская и Усть-Куломская, менее населенными Нювчимская (609 чел.), Кажимская (1083 чел.), Чернышская (1095 чел.), Аныбская (1080 чел.), Позтыкеросская (1040 чел.), Извайльская (690 чел.) и Савиноборская (883 чел. по переписи 1916 г.).

В 26 селениях Слудской волости Орловского уезда Вятской губернии в 1912 г. проживало 5 475 чел. (2 663 мужчины, 2 812 женщин), в том числе 5 086 «крещеных пермяков», т.е. коми (2 468 мужчин, 2 618 женщин). В русских верхнепечорских селениях Чердынского уезда Пермской губернии в 1909 г. насчи-

тывалось 664 чел. Всего в Российской империи в 1914–1917 гг. проживало 180,7 тыс. жителей, считавших коми своим родным языком. К сожалению, в сохранившихся материалах переписей 1916 и 1918 гг. нет указаний на этнический состав населения, на соотношение жителей разных национальностей.

В бурные двадцатые

В 1920 г. в необычайно трудных условиях не оконченной еще войны с белополяками, Врангелем и интервентами на Дальнем Востоке в России была проведена перепись населения. Декретом Совнаркома предусматривалось проведение как единой операции демографическо-профессиональной переписи в соединении ее с сельскохозяйственной переписью и кратким учетом промышленных предприятий. Ввиду того, что перепись населения совмещалась с сельскохозяйственной переписью, критическая дата была установлена 28 августа 1920 г. Перепись проводилась семь дней в городах и 14 дней в селах регистраторами по месту жительства. Руководило переписью ЦСУ.

Программа переписи была заранее обсуждена в январе 1920 г. на Второй, а программа разработки – на Третьей Всероссийских статистических конференциях. По ряду учитываемых признаков она была значительно шире программы переписи 1897 г. Принципиально иначе были поставлены некоторые вопросы, а также была дана подробная характеристика квартир и жилищных условий в специальном бланке – квартирной карте.

Неполный охват населения переписью (из-за послевоенной разрухи и продолжавшейся на части территорий Гражданской войны переписью было охвачено только 72% населения страны) и несовершенство программ разработки, задерживающих обработку полученных данных, привело к тому, что уже через несколько лет после переписи ее данные на общероссийском уровне потеряли практическое значение.

В Коми крае, по данным переписи 1920 г., насчитывалось 179,8 тыс. жителей, в том числе 5,4 тыс. – городское (3,6%), 174,4 тыс. – сельское (97%). Эти данные относятся к территории края, вошедшей в 1921 г. в Автономную область Коми, т.е. без селений, входивших в Орловский уезд Вятской губернии, Чердынский уезд Пермской губернии и Усть-Цилемский район, тем не менее налицо как будто довольно значительная убыль населения по сравнению с 1916–1918 гг. Кровавопролитные события Первой мировой и гражданской войн оказали негативное воздействие на демографическое развитие Коми края. Однако дело не только в этом, но и, очевидно, в неполной фиксации населения переписью 1920 г., поскольку прошедшая через шесть лет новая перепись показала значительный прирост населения. Согласно этой переписи, коми составляли, например, в Жешартской волости 83,5%, в Гамской – 97%, в Айкинской – 99,4%; в Коквицкой – 99,3%; в Палевицкой – 97,2%; в Прокосьевской – 99%; в Часовской – 100%; в Усть-Вымской и Ибской – 57,5%; в

Сереговской и Сереговогорской – 35,8%; в Княжпогостской – 99,5%; в Шошечкой и Онежской – 99,8%; в Турьинской – 98,4%; в Селибской – 99,9%; в Ертомской – 99,2%; в Важгортской – 99,4%; в Косланской, Чупровской и Глотовской волостях – по 100%.

Перепись населения 1926 г. была первой Всесоюзной переписью населения, охватившей территорию всей страны. К 1925 г. в основном закончилось восстановление разрушенного гражданской войной хозяйства. Необходимость проведения всеобщей переписи населения и ее программа были обсуждены на II Всесоюзной конференции 1925 г. и на IV Всесоюзном съезде статистиков в феврале 1926 г. Подготовка к ней началась еще в 1924 г. предварительным опросом 68 местных статистических организаций по основным вопросам переписи. Было решено проводить перепись по состоянию на 17 декабря 1926 г.

Проведение переписи было продиктовано отсутствием полных и точных сведений о численности и составе населения Союза ССР, образованного в 1922 г. Статистика должна была также отразить реконструкцию социалистических производственных отношений, дать материал для составления первого пятилетнего плана. Проведенная накануне осуществления планов ВКП(б) по индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства, имевших глобальные последствия для страны, перепись 1926 г. представляет собой уникальный исторический источник по изучению народонаселения.

При ее подготовке выдающиеся статистики В.Г. Михайловский и О.А. Квиткин выработали научные принципы, которые легли в основу всех переписей населения советского периода. Перепись отличалась не только методикой получения сведений, но и разнообразием собранных данных, особенно о социальном составе населения и семьях. В основу переписи были положены научный подход и традиции дореволюционной, в частности, земской статистики.

Руководство организацией подготовки и проведения переписи в Коми АО было возложено на областной Статистический отдел, который возглавлял в то время А.К. Эзет. Руководителем переписи в районах Крайнего Севера был назначен А.И. Бабушкин. Подбор персонала переписи 1926 г. производился довольно демократическим способом. Как отмечалось в отчете о проведении переписи, Облстатотдел разослал всем волостным исполкомам анкеты для лиц, желающих принять участие в переписи в качестве регистраторов или инструкторов и личные листки для предварительного заполнения. На основании полученных анкет составлялись списки, утверждаемые волостными исполкомами. Облстатотдел назначил только руководителей переписи по четырем уездам Коми АО. Агитационная кампания по проведению переписи была ограничена публикацией переписного листка переписи в газете «Югыд туй» и работой волостных статистиков по ознакомлению населения с порядком и способами проведения переписи.

Согласно официальным итогам переписи 1926 г. численность населения Коми автономной области составляла 207 314 чел. Из них 200 549 чел. (96,7% от общей численности населения) проживали в сельской местности и 6765 человек (3,3%) – в городской. На момент проведения переписи в области существовало уездно-волостное административно-территориальное деление. Она была разделена (по декрету ВЦИК от 2 мая 1922 г.) на четыре уезда: Усть-Сысольский (Сысольский), Усть-Куломский, Усть-Вымский, Печорский (Ижмо-Печорский). В четырех уездах насчитывалось 1316 сельских населенных пунктов. Наиболее распространенным типом поселения были деревни и села с числом жителей от 100 до 500 чел. (34,3% от общего числа сельских поселений). В населенных пунктах с численностью от 200 до 499 чел. проживало 34,9% населения, от 500 до 999 чел. – 20,6%. Количество малонаселенных деревень, хуторов, починков (от 1 до 99 чел.) составляло 790, но в них проживало лишь 13% населения. Только в 18 населенных пунктах число жителей превышало 1000 чел.

Наиболее населенным был Сысольский уезд. Здесь же было сконцентрировано и немногочисленное городское население – в областном центре городе Усть-Сысольске (5068 чел.) и двух фабрично-заводских поселках Кажиме (982 чел.) и Нювчиме (715 чел.). В остальных уездах области городское население отсутствовало.

Этническая структура населения области была однородной. Коренной этнос – зыряне – составлял абсолютное большинство населения. Их численность равнялась 191 245 чел. (92,3% общей численности). Среди сельского населения доля зырян достигала 93,6%, среди городского – 52,9%. По данным переписи 1926 г. по удельному весу лиц коренной национальности в общей численности населения Коми АО занимала одно из первых мест среди автономий России, уступая по этому показателю только Чечено-Ингушской АССР.

Наиболее однородным в этническом отношении было население Усть-Куломского уезда, в котором доля зырян достигала 99,1%. Зыряне являлись основным населением 87 из 95 волостей, за исключением Лоемской и Сереговской, где большинство составляли русские, и Колвинской волости, где преобладали самоеды (ненцы). Смешанное зырянско-русское население (с преобладанием зырян) было в Верхолузской, Спасспорубской, Усть-Вымской, Серегово-Горской волостях и зырянско-самоедское – в Большеземельской волости. Однородность этнического состава населения подтверждается и переписью домохозяйств, проведенной в том же 1926 г. Из зарегистрированных в сельской местности 44704 домохозяйств было: зырянских – 41 868, русских – 2606, самоедских – 158, других народностей – 72.

Перепись 1926 г. содержит сведения о численности и расселении зырян на территории СССР. Всего в стране насчитывалось 226 383 зырян, или 0,15% от общей численности населения. Зыряне имели высокий показатель

компактности проживания – 84,5% от их численности проживали в пределах своего национально-государственного образования, т.е. в Коми АО. Все зыряне, за небольшим исключением, проживали в РСФСР. Только 91 зырянин проживал в других союзных республиках: Украинской ССР – 42 человека, Белорусской ССР – 21, Закавказской СФСР – 18, Узбекской ССР – 5, Туркменской ССР – 5.

Кроме зырян наиболее многочисленными народностями Коми автономной Области являлись русские – 13731 чел. (6,6% от общей численности населения) и самоеды (ненцы) – 2080 чел. (1,0%). Самоеды были исключительно сельским этносом (кочевниками-оленеводами) и жили на территории Ижмо-Печорского уезда. Русские проживали как в сельской, так и в городской местности. Они составляли 46,1% (3118 чел.) от числа городских жителей. Русские были основным населением рабочих поселков Кажим (96,7%) и Ньючим (91,9%). В городе Усть-Сысольске их доля составляла 29,8%. Численность сельских русских равнялась 10 613 чел. Они были расселены по всем уездам и волостям.

На территории области проживали представители еще 24 народностей и этнических групп, но число их было невелико – 258 чел. (0,1%). В области проживали: украинцы – 34 чел., белорусы – 11, поляки – 23, латыши – 14, литовцы – 4, немцы – 15, евреи – 68, финны – 9, эсты – 4, пермяки – 5, вотяки – 2, чувашаи – 3, остяки – 7, цыгане – 12, татары – 32, армяне – 2, казаки – 2. Кроме того, по одному человеку от чехов, молдаван, карел, чукчей, осетин, караимов, кряшен. Не отнесли себя ни к одной из народностей четыре человека.

В состав Коми АО входили большие территории труднодоступных и малозаселенных районов Крайнего Севера, где перепись была проведена в более ранние сроки – осенью 1925 г. Всего в районах Большеземельской тундры было переписано 2950 чел., из них коми – 1625, самоедов – 1307, русских – 10. Количество опрошенных в ходе переписи хозяйств в северных районах было значительно ниже действительной. Как отмечалось в докладе Облстатотдела от 9 августа 1927 г., переписью было охвачено чуть более 50% хозяйств, так как часть самоедских племен сознательно уклонялась от всякого рода переписей. В ходе проведения переписи населения Крайнего Севера у Коми Облстатотдела возникали разногласия с Архангельским Губстатотделом, который также организовывал экспедиции в Большеземельскую тундру для опроса самоедских хозяйств, а затем включал данные этих опросов в свои итоговые разработки.

Итоги переписи населения 1926 г. подвергались неоднократным пересчетам, связанными с последовавшими после 1926 г. изменениями внешних границ и административно-территориального устройства Коми АО. В 1929 г. в результате экономического районирования РСФСР Коми автономная область вошла в состав вновь образованного Северного края с центром в городе Архангельске. Из состава Коми АО были исключены территории Большеземельской тундры, вошедшие в состав созданного Ненецкого национального округа. В

свою очередь из бывшей Архангельской губернии в состав Коми АО передавались Усть-Цилемская волость (полностью), Койносская и Пустозерская волости (частично). В том же 1929 г. из бывшей Вятской губернии к Коми АО отошел ряд сельсоветов Слудской и Пинюжанской волостей. Таким образом, в 1929 г. границы Коми АО приобретают современные очертания. В составе населения вновь включенных территорий численно преобладали русские, а в Усть-Цилемской волости удельный вес русских доходил до 93%. Для приведения данных переписи 1926 г. в соответствие с новым административно-территориальным делением в 1929–1930 гг. Северным крайстатотделом совместно с Коми облстатотделом был сделан пересчет, итогом которого стали новые цифры переписи 1926 г. С учетом новых территорий численность населения Коми АО увеличилась до 22 6357 чел. Удельный вес русских поднялся до 12,2%, а зырян и самоедов снизился соответственно до 84,6 и 0,4%.

Позднее, в 1938 г., при подготовке к переписи 1939 г. для последующей разработки сопоставимых таблиц по указанию ЦУНХУ при Госплане СССР в масштабе всей страны был проведен пересчет населения в границах существовавших административных районов. В результате проделанной работы появились уже третьи цифры переписи 1926 г. Согласно пересчету 1938 г. численность населения республики по переписи 1926 г. составила 224 929 чел. Изменились показатели численности городского и сельского населения, национального состава, как в абсолютных, так и относительных величинах. Доля горожан увеличилась до 4,5% от общей численности населения, сельского – снизилась до 95,5%. Удельный вес зырян (коми) и самоедов (ненцев) снизился соответственно до 86,9 и 0,4%, русских – увеличился до 12,6%. Доля лиц других национальностей осталась неизменной – 0,1%. В дальнейшем именно цифры пересчета 1938 года публиковались в сравнительных таблицах Всесоюзных переписей населения как итоговые данные переписи 1926 г.

Острова «архипелага ГУЛАГ»

С 1929 г. в Коми край поступают первые партии заключенных, которые должны были развивать угольный, нефтяной комплексы и железнодорожное строительство. Идею об этом еще в конце гражданской войны выдвинули местные руководители. Появились первые планы создания в Коми крае концлагерей, предназначенных для противников большевистской власти. Один из основных организаторов Коми автономии Д.А. Батиев в апреле 1921 г. предлагал организовать на р.Ухте огромный концентрационный лагерь и направлять туда заключенных со всей России, дабы использовать их труд на нефтепромыслах и лесозаготовках. 20 апреля Политбюро ЦК РКП(б) под председательством В.И. Ленина решило организовать такой лагерь на 10–20 тыс. чел. В конце апреля Политбюро заслушало доклад Председателя ВЧК Ф.Э. Дзержинского о плане «расселения кронштадтских бандитских матросов в карательной колонии на Ухте». Д.А. Батиев являлся членом комиссии по организации ухтин-

ского концлагеря, образованной при ВЧК. Создание лагеря затянулось до того времени, когда сам Батиев как «главный коми националист» оказался одним из первейших кандидатов в его узники.

Головной болью местных руководителей была неразвитость транспорта. Как вывозить местную продукцию, особенно лесной промышленности, тем более если появятся крупные предприятия? Реки да малопроезжие грунтовые дороги – вот и все, что имелось в наличии. Как воздух, нужна была железная дорога. Предлагали массу всевозможных проектов ее строительства.

Наконец в 1929 г. дело, казалось, сдвинулось с мертвой точки: началось строительство железной дороги от Усть-Сысольска до ближайшей к Коми краю станции Пинюг (она находилась на магистрали Вятка–Котлас «по соседству» с Прилузем). Для этого в Усть-Сысольск привезли несколько тысяч заключенных, которых разместили в лагере под городом. Так в Коми началась эра подневольного труда. Дорогу успели построить примерно на треть (прорубили трассу в лесах, сделали половину насыпи, местами уложили шпалы и на одном участке даже рельсы), но в начале тридцатых годов у Главного управления лагерей (ГУЛАГа) появились более важные стройки, и заключенных вывезли на Беломоро-Балтийский канал. Своими силами Коми область завершить сооружение железной дороги не смогла, и она превратилась в первую «мертвую дорогу» СССР.

В том же 1929 г. ОГПУ снарядило на р. Ухту сюда крупную экспедицию. Из Архангельска экспедиция прибыла морем на пароходе в устье Печоры, далее на речных судах до с. Щельяюр, а затем до с. Ижма, где оборудование было снова перегружено, и экспедиция отправилась по Ижме и Ухте. 21 августа 1929 г. экспедиция, в составе которой было 125 заключенных (политических, уголовников, «бытовиков»), раскулаченных, ссыльных, вольнонаемных работников, охранников – прибыла к устью р. Чибью. Началось строительство поселка, получившего название Чибью. На берегу к моменту прибытия экспедиции было только два старых строения. Был введен 12-часовой рабочий день без выходных, велась заготовки леса для зданий, провели телефон в Усть-Ухту. В октябре и декабре прибыло еще два этапа заключенных, и к началу 1930 г. здесь, по данным исследователя А.Н. Каневой, находилось около 200 чел. За полгода были построены два барака, кухня, карцер и др. В ноябре 1929 г. оформилась лагерная структура власти; начальником лагерного пункта являлся Я.М. Мороз. В официальных документах Трудколония Чибью именовалась Базой ухтинской экспедиции ОГПУ. В октябре 1929 г. сюда прибыл видный геолог Н.Н. Тихонович. Начались активнейшие поиски нефти и угля. Экспедиция пробурила несколько неглубоких структурных скважин. К весне 1930-го построили буровую. Осенью 1930 г. скважина дала промышленный приток нефти. В том же году в Чибью прибыло несколько новых этапов заключенных. В середине 1931 г. тут находилось уже около 2000 заключенных.

В июле 1931-го в Чибью разместили Управление Ухтпечлага, в состав которого входило пять лагерных отделений; в самом Чибью находился 1-й лагпункт (1-й Промысел). В годы 1-й пятилетки проложили первую грунтовую дорогу Чибью – Усть-Вымь, и добираться сюда стало проще. В 1932 г. построили небольшую электростанцию для освещения поселка, открыли первую школу для детей вольнонаемных, заложили рабочий городок для спецпереселенцев и колонизированных, совхоз в 1 км от устья Чибью (в Ыджыде). 1 июля 1933 г. в Чибью находилось 4666 заключенных, 206 вольнонаемных, 421 колонизированный, 313 спецпереселенцев. Летом 1933-го в Чибью перевели из с. Ижма Ухта-Печорский горно-нефтяной техникум. В 1934 г. стала вырабатываться электроэнергия для промышленных нужд.

В 1936–1937 гг. в Чибью имелись двухэтажные деревянные дома для вольнонаемных и колонизированных, бараки для заключенных, школа, учебный корпус и общежитие горного техникума, клуб-театр (в лагере была организована театральная труппа из заключенных), парк с летним театром, универмаг, стадион, столовая, гостиница, действовали водопровод, канализация, радиосеть, издавались лагерные газеты «Северный горняк» (с 1931) и «Вышка». Летом 1937 г. тут находились 6 890 заключенных, а вольнонаемных насчитывалось 1 220 чел. В июле 1937 г. поселок был официально разделен на улицы: Заводская, Комсомольская, Нефтяная (Бушуева), Набережная (Губкина), Первомайская, Октябрьская, Пионерская (Первомайская площадь). В середине 1930-х гг. поселок даже в официальных документах нередко именовался «городом Чибью». 26 октября 1938 г. поселок Чибью был преобразован в рабочий поселок; лагерные власти уступили руководство гражданской администрации. По данным А.Н. Каневой, осенью 1938 г. в Чибью было 3 654 вольнонаемных жителя, коми составляли в их числе менее 6%. В июле 1939 г. Чибью переименовали в Ухту. В том же году была пущена теплоэлектростанция, введен в действие нефтеперерабатывающий завод, сменивший прежнюю примитивную установку. 7 ноября 1939 г. открылось движение поездов по железной дороге Айкино–Шежам–Ухта. В 1939–1940 гг., по данным журналиста и краеведа А.Н. Сивковой, руководство Коми АССР выдвинуло идею о переносе столицы республики из Сыктывкара в Ухту, чтобы приблизить республиканские органы власти к северным районам, освоение которых активнейшим образом велось в это время; предполагалось, что перенос столицы будет способствовать «дальнейшему продвижению культуры на север». Обустройство новой столицы Коми АССР должно было осуществиться за три года силами заключенных, которых надлежало перевести в Ухту из других лагерей республики. Совнарком СССР отложил рассмотрение этого предложения до 1941 г., а начавшаяся война поставила на этом плане крест.

Через год после прибытия экспедиции ОГПУ на Ухту был сделан второй решительный шаг в освоении Европейского Северо-Востока. В июне 1930 г.

геолог Г.А. Чернов поднялся по р. Воркуте и в 77 км от ее устья обнаружил рабочие пласты угля. 2 августа 1931 г. в районе угольного месторождения была основана постоянная геологическая база. Границы и геологические запасы Печорского угольного месторождения были определены в общих чертах к 1932 г. В июле 1932 г. на правом берегу р. Воркуты была заложена первая шахта. Освоение угольного месторождения на Воркуте проводилось, в основном, силами заключенных. Первый этап заключенных прислали сюда из Салехарда через Архангельск в 1932 г. Лагерный поселок, где их поселили, получил название Рудник. В то время эта территория относилась к Ненецкому округу. Заключенные строили шахту, одновременно началась добыча угля. Проходка первой очереди шахты закончилась в 1934 г.; 1 сентября началась промышленная добыча угля. Она велась вручную, без электроэнергии и механизации. В 1933 г. началось строительство узкоколейной железной дороги от Рудника до лагеря Воркута-Вом (в устье Воркуты); первый поезд прошел по ней в 1934 г. По узкоколейке вывозился уголь (перегружавшийся в Воркута-Воме на баржи и отправлявшийся в них вниз по Усе) и ввозились стройматериалы, продовольствие и др. для Рудника. Первая партия воркутинского угля, добытого попутной проходкой, доставлена в Архангельск в июле 1933 г. Добыча угля на первой шахте, по данным исследователя Н. Ушпика, велась только зимой; до лета уголь хранился на складах, летом по узкоколейке отправлялся в Воркута-вом; всех заключенных перебрасывали на погрузку-разгрузку угля. В конце 1933 г. в поселке вольнонаемных (14 домах барачного типа) жили 382 чел.; в одном из домов находилась начальная школа, которую посещали 32 школьника; в лагере находилось 3600 заключенных. В 1935 г. появились центральные ремонтные мастерские, в сентябре того же года был пущен генератор, началось применение электричества для промышленных целей. В 1936 г. закончилось строительство первой очереди ТЭЦ, стало возможным осветить поселок и рабочие места, механизировать некоторые участки производства. В 1937 г. лагпункт Рудник был рассчитан на 400 чел.

26 июля 1937 г. на левом берегу р. Воркуты этап заключенных, насчитывавший 26 плотников во главе с бригадиром Григорием Мазуром и прорабом Николаем Александровичем Потехиным, разбил палаточное укрытие и построил для самих себя ограждение, положив начало второму поселку и собственно городу Воркуте. Вскоре сюда прибыло еще несколько этапов с заключенными. Одновременно со строительством лагпункта началось строительство будущей шахты «Капитальная»; на ее площадке был организован цех по производству шлакоблоков и бетонных блоков. В 1937 г. было решено приступить к строительству кирпичного завода № 1, в 1938–1939 гг. провели промышленные разведки залежей глины, через год завод выдал первую продукцию. В конце 1930-х – 1940 г. на Воркутском (так оно тогда называлось) месторождении были заложены три шахты, в 1941–1945 гг. – 15 шахт (введены в эксплуатацию в те же

годы восемь шахт). До 1936 г., по данным историка Н.А. Морозова, Воркута подчинялась Ненецкому округу. На карте 1938 г. Воркута обозначена на территории Коми АССР на самой границе с Ненецким округом Архангельской области. (По данным географа А.П. Обедкова, Воркута относилась к Ненецкому национальному округу еще в 1939, и лишь в 1940 г. расположенные в этом районе населенные пункты были переданы в состав Усть-Усинского р-на Коми АССР). 25 октября 1940 г. был образован рабочий поселок Воркута. В начале 1941 г. в Воркуту доставили первые автомашины, началось строительство автодорог на первых городских улицах (Комсомольская, Шахтная, Горняков); к концу того же года построили первую дорогу от ул. Комсомольской (тогдашнего городского центра) до поселка Предшахтная и стройплощадки шахты № 3 (однако лишь в 1945. эта дорога стала действовать круглый год, а до того из-за недостатка техники зимой ее то и дело заносило снегом).

Уже к 1931 г. стало ясно, что, наряду с Воркутинским, весьма перспективным является Интинский угленосный район, и там следует разворачивать геологоразведочные работы. В 1931–1936 гг. на территории Интинского месторождения было проведено несколько небольших разведочных работ: вначале шурфовкой и проходкой штолен в местах выхода угля, позднее ручным и механическим бурением. В 1933 г. вскрыла пласты угля первая буровая скважина. В 1936 г. тут появился лагерьный пункт, входивший в систему Ухтпечлага. В 1938 г. в «Руднике Большая Инта» находилось около 120 чел. Разведка шахтных полей велась двумя механическими буровыми станками с нефтяными двигателями. Одна из двух работавших там буровых бригад занималась также прокладкой шурфов; летом всех перебрасывали на заготовку сена для лошадей и коров, имевшихся при руднике. Лошади были одним из главных средств передвижения, причем не только по сухопутным дорогам и тропам; они также тянули по рекам лодки – летом это был единственный путь сообщения лагпункта с «большой землей», а зимой существовал санный путь к устью р. Косью. 25 января 1939 г. в лагпункте имелись девять барачков для заключенных, управление рудника, баня, палатка скважины военизированной пожарной охраны. В 1940 г. в поселении были также шесть мастерских, коровник, конюшня и др. здания, всего их насчитывалось около 30. Разведка месторождения велась до мая 1940 г. 13 мая 1940 г. были заложены две первые шахты, неглубокие, чтобы поскорее начать добычу угля. Осенью того же года началось усиленное строительство жилья для новых партий заключенных, складов, деревообделочной мастерской, здания Управления, столовой и больницы. В 1941 г. в 2 км от первого лагпункта был построен второй. В начале 1941 г. в Инте было 844, в апреле 1941 г. – 1239 заключенных, трудившихся в тяжелейших условиях. Питание составляло 512 граммов в сутки на одного работающего. Не было постельного белья, спецодежды, посуды. В I квартале 1941 г. умерли от голода и болезней 22 чел.

В 1903 г. исследователь Севера В.А. Русанов, побывав на месте, где сейчас находится город Печора, записал в дневнике: *«Придет ли время, когда на том берегу Печоры будет построен город, а здесь разбит прекрасный парк, и этим изумительным зрелищем природы будет наслаждаться рабочий люд?»* Это время пришло в 1937 г., когда было принято решение о строительстве Северо-Печорской железной дороги до Воркуты. Магистраль должна была пересечь р. Печору по мосту в районе нынешнего города. На расстоянии 4–5 км от проектировавшегося моста на правом берегу реки должна была появиться железнодорожная станция Печора. На рубеже 1930–1940-х гг. началось строительство, которое велось силами заключенных. Их руками на правобережье были поставлены лагерные бараки, положившие начало поселку Печора. Зимой 1940–1941-го был построен временный железнодорожный мост, велись работы в районе современных депо и вокзала станции Печора. В марте 1941 г. началось строительство Печорского лесокombината, который должен был давать продукцию, необходимую для строительства железной дороги – шпалы, щиты и др. Возле комбината строился поселок – жилые дома, клуб, детский сад и т.д.

Постепенно сеть лагерей покрыла огромную территорию. Осенью 1936 г. в Коми области находилось около 100 тысяч заключенных, добывавших нефть, уголь, лес, строивших дороги. Перед войной началось строительство Северо-Печорской магистрали, соединившей Воркуту и Ухту с Котласом. При лагерях возникли населенные пункты, положившие начало будущим городам и поселкам.

«Второе крепостное право»

На рубеже 1920–1930-х гг. тяжелые испытания выпали на долю крестьянства. В 1929 г. началась коллективизация – крестьянские хозяйства объединяли в колхозы. Коллективизация сломала традиционную систему крестьянского хозяйства, колхозники были лишены права свободного перемещения, в итоге не стало естественного расширения территории расселения коми. Закончилась крестьянская колонизация бассейна Печоры, прекратилось пополнение коми «колоний» на Кольском полуострове и в Сибири. Переселения были поставлены под суровейший контроль государства. Крестьяне фактически лишились права свободного передвижения по стране. Для них наступило «второе крепостное право».

Отныне государство получало подконтрольную мощную продовольственную и производственную базу в селе для нужд индустриализации. Богатые крестьяне (кулаки) были ликвидированы, остальные стали колхозниками. Обобщественные крестьянские хозяйства получили нормы госпоставок продовольствия (нередко сильно завышенные), обеспечивали рабочей силой лесозаготовки.

Большинство раскулаченных в принудительном порядке выселялись с мест постоянного проживания на спецпоселения в другие регионы – на Север и Восток. Выселяемые на территорию Коми автономной области спецпе-

расселенцы должны были решить проблему пополнения трудовых ресурсов. Местное руководство уже в лесозаготовительный сезон 1929/30 гг. просило Москву завезти в область работников для лесной промышленности. 15 января 1930 г. ЦК ВКП(б) постановил определить главной задачей коммунистов Северного края (и Коми АО в том числе) развитие лесной промышленности, деревообработки и лесозэкспорта, превращение края в «валютный цех» страны. В Коми области рабочих рук было недостаточно, за счет внутреннего резерва эту проблему решить было нельзя. 28 февраля 1930 г. был заключен договор между Коми областным отделом ОГПУ и Государственным лесопромышленным трестом «Комилес» о передаче в распоряжение треста 5 тыс. «кулацких семей с целью расселения их в пределах лесных дач, принадлежащих Комилесу». В договоре оговаривалось, что «передача и приемка принимаемых семей производится партиями от 50 до 250 чел. на станциях Мураши, Пинюг, Котлас Пермской железной дороги, за зимний период ОГПУ передаст только глав семей, состав же семей передается после открытия навигации и доставляется на места водным путем».

Весной 1930 г. в Коми привезли первых спецпереселенцев. К концу года их стало здесь около 17 тыс. Было организовано 23 поселка (шесть сельскохозяйственных и 17 лесопромышленных): Чес-Ёль, Уситвель, Велдорью, Сорьёль, Немецкий – в Прилузском районе, Ниашор, Видзью-Яр и Воквад – в Визингском районе, Вер-ю, Расью, Соль и Мес-ёль – в Сыктывдинском районе, Боровой и Олдью – в Сторожевском, Мещура, усть-Коин и Ветью – в Усть-Вымском, Вежа, Окос, Крутобор, Лопью-Вад, Чуд (Тимшер) и Ындин – в Усть-Куломском. Самым крупным из них был Ниашор, где насчитывалось 1586 жителей, самыми малонаселенными – Мещура и Усть-Коин (307 и 309 обитателей соответственно). Вот что сообщалось в документах треста «Комилес»: «Количество водворенных семей составило 4682 – 16808 человек (7700 трудоспособных). Построено в 1930 г. жилых домов – 213, хозяйственных построек 106. Обеспечение жилой площадью в среднем составило 1 кв. метр. Водворение спецпереселенцев производилось в лесные массивы, удаленные от населенных пунктов коренного населения».

В 1931 г. численность спецпереселенцев в области превысила 40 тыс. чел., расселенных в 46 поселках. 4 мая 1931 г. все поселки передали в ведение треста «Комилес» вместе со всем находящимся в них «живым и мертвым инвентарем» и постройками. С 1933 г. некоторые поселки, ввиду неперспективности и невозможности снабжать их продовольствием из-за отсутствия дорог, стали ликвидировать; их число к середине 1930-х гг. сократилось до 36. В конце 1930-х гг. часть поселков на время переходила в ведение «исправительно-трудовых» лагерей. В начале 1932 г. в Коми проживало более 39 тыс. спецпереселенцев, а из-за большой смертности и побегов численность обитателей спецпоселков сократилась примерно до 24 тыс. в 1933 г., до 17 тыс. – в конце 1935 г. В 1938 г. в Коми насчитывалось приблизительно 19 тыс. спецпересе-

ленцев. Спецпереселенцы работали на заготовке и на сплаве леса. К этому труду привлекались даже подростки и престарелые, а в 1931 г. в некоторых поселках отправляли в лес даже семилетних детей. Использовался спецпереселенческий труд и на некоторых предприятиях местной промышленности, в частности, на Усть-Войской точильной фабрике. Немалая часть спецпереселенцев пыталась заниматься также куда более привычным им сельским хозяйством, однако власти пресекали подобную деятельность, дабы трудоспособное население не отвлекалось от заготовки леса. Коми область в тридцатых годах нередко называли «Деревянным Донбассом» – таким же богатым источником дешевого леса, как Донецкий угольный бассейн (Донбасс) – угля.

«Не пропустить ни одного человека!»

Судьбы советских переписей населения складывались по-разному. Для одних счастливо – многотомные издания их итогов теснятся на книжных полках библиотек; для других – менее удачно: их данные скромно уместились в однотомниках. Но есть в истории советских переписей и по-настоящему трагические страницы. Одна из них – вторая по счету Всесоюзная перепись населения – перепись 1937 г. Ее данные вскоре после подведения итогов были объявлены дефектными, ни одна цифра не увидела света, а многие организаторы переписи были подвергнуты репрессиям. Полвека молчания – целые поколения советских людей даже не слышали о самом факте ее проведения, исследователи могли лишь догадываться о ее результатах, а окружавшая перепись таинственность породила множество легенд.

Подготовка и проведение переписи населения проходили под руководством Госплана СССР и ЦУНХУ. В 1931 г. состоялась регистрация городского населения, которая не дала точных данных. Решено было провести очередную перепись населения. Первоначально перепись населения в масштабах всей страны предполагалось провести еще в 1933 г. В качестве подготовки к ней в ряде районов страны прошла пробная перепись. Но сроки проведения переписи затем несколько раз переносились, пока окончательно не был назван декабрь 1936 г. Параллельно с подготовкой к переписи проводились мероприятия по совершенствованию учета населения. В эти годы был принят ряд правительственных документов о порядке и сроках регистрации актов гражданского состояния, в частности, постановлением ЦИК и СНК СССР с декабря 1932 г. в стране вводилась паспортная система. В 1934 г. систему ЗАГСов передали в ведение органов НКВД.

Но в декабре 1936 г. перепись также не состоялась. Согласно принятому в конце апреля 1936 г. постановлению Совнаркома СССР ее проведение было перенесено на 6 января 1937 г. Таким образом, на подготовку переписи в новом варианте оставалось всего восемь месяцев.

Прежняя программа переписи, готовившаяся на протяжении нескольких лет под руководством известного демографа О.А. Квиткина, была изменена

коренным образом. Значительные изменения претерпел переписной бланк. Из 31 вопроса и подвопроса, разработанных для переписного бланка специалистами Центрального Управления Народно-Хозяйственного Учета (ЦУНХУ), в окончательном варианте осталось лишь 14. В редактировании переписного бланка личное участие принял И.В. Сталин. Так, по инициативе Сталина был введен вопрос о религии, вызвавший, как отмечалось впоследствии, наибольшие затруднения, и даже нежелание части населения отвечать на него.

Вторая Всесоюзная перепись населения 1937 г. была проведена 6 января 1937 г. Критическим моментом переписи была полночь с 5 на 6 января (канун Рождества по старому стилю). Изначально ЦУНХУ предполагало провести в жизнь тот же порядок переписи населения, который сложился традиционно в российской статистике. По примеру переписи населения 1897 г. предполагалось осуществить предварительное заполнение переписных листов в течение шести дней, а затем в течение семи дней произвести корректировку этих записей на критический момент переписи.

Однако в связи с вмешательством Правительства были внесены коррективы в ее организацию: срок предварительного заполнения переписных листов сокращен до пяти дней (с 1 по 5 января), а сама перепись населения должна была быть проведена всего за один день. Затем в течение еще пяти дней (с 7 по 11 января) должны были осуществляться контрольные обходы участков по проверке правильности учета населения. Подобная форма контроля была введена впервые и затем имела продолжение при проведении третьей Всесоюзной переписи 1939 г.

Итак, перепись 1937 г. была однодневной и проводила учет лишь наличного населения. Опыт такой переписи не имел аналогов в истории советской статистики. Однодневный срок проведения переписи 1937 г. потребовал большого количества счетчиков – 1200 тыс. чел. Все они были проинструктированы, но довольно трудно было тщательно подготовить всех (при проведении переписи 1939 г. их число было сокращено до 400–450 тыс. чел., а срок проведения переписи значительно удлинен).

В создавшейся ситуации организаторы переписи приложили немало усилий, чтобы тщательно и добросовестно ее провести. Необходимо было подготовить к переписи все население. С апреля 1936 г. развернулась активная подготовка. Было принято специальное Обращение ЦК ВКП(б) и СНК СССР к населению, в котором разъяснялось народнохозяйственное значение переписи и говорилось, что ее прохождение – долг каждого советского человека. Массовыми тиражами выпускались брошюры, читались лекции, проводились беседы с населением, была широко развернута наглядная агитация в виде плакатов, диаграмм и т.д.

В канун переписи было завершено методологическое и методическое пособие «Переписи населения» под редакцией Н.Я. Воробьева, ведущего со-

трудника Госплана РСФСР, обобщающее опыт не только советских, но и до-революционных и зарубежных переписей населения. В нем обосновывалась оптимальная программа переписи, были отработаны формулировки переписного листа, разработаны в деталях основные организационные моменты ее проведения. Пособие было предназначено для инструкторов и инспекторов переписи. В 1937 г. Бюро переписи возглавлял О.А. Квиткин. К ее проведению были привлечены все специалисты, участвовавшие в организации переписи 1926 г. Все было сделано для того, чтобы обеспечить высокое качество подготовительных материалов новой переписи.

В ЦУНХУ была составлена Инструкция по заполнению переписного листа и «Памятку счетчику». Два последних документа были использованы затем для обвинений в адрес организаторов переписи в недоучете населения.

Поскольку Инструкция не давала подробных разъяснений, то в дополнение к ней Квиткиным и Брандом был составлен и издан ряд документов. Особенно ценными были разработанные в восполнение пробелов Инструкции «Правила работы счетчика». В «Правилах» был подробно описан порядок предварительного заполнения переписных листов, даны указания к заполнению отдельных, неясных по Инструкции, вопросов переписного листа. В частности, рекомендовалось заполнить переписной лист посемейно в квартирах во избежание пропусков населения. В совокупности все эти документы обеспечивали грамотное и четкое заполнение переписного листа, а главное – полноту учета населения.

В отличие от переписи 1926 г. переписи 1930-х гг. проводились в совершенно другой обстановке, испытывали на себе влияние политической конъюнктуры. Тот факт, что вдохновителем переписи 1937 г. был лично Сталин, не мог не сказаться на программе переписи, ее подготовке и проведении, наконец, на ее судьбе. Важно отметить в связи с этим несколько моментов. Первый был связан с высказыванием вождя на XVII съезде ВКП(б) в 1934 г. о том, что общая численность населения СССР составляет 168 млн. чел. Эта расчетная цифра была выведена на конец 1933 г., а к 1937 г. ждали, что она возрастет и достигнет примерно 180 млн. чел. Необходимо отметить, что в то время в науке существовала официальная версия о том, что повышение жизненного уровня населения ведет автоматически к его расширенному воспроизводству. Такая идея нашла отражение в выступлении И.В. Сталина на совещании передовых комбайнеров и комбайнерок, где он отмечал, что «население стало размножаться быстрее, чем в старое время». Ежегодный прирост населения якобы составлял свыше 3 млн. чел. – население целой Финляндии! Это рассматривалось как одно из самых важных тогда достижений социализма, как его преимущество над капитализмом. Вопреки научным принципам проведения переписи ей навязывался заранее намеченный результат. Так, в передовой статье газеты «Правда» 29 апреля 1936 г. говорилось, что

«богатеющая наша Родина дает прирост населения куда больший, чем капиталистические страны, но это приводит ко все большему росту богатства, а не к нищете». Этому сопутствовали большие ожидания в области грамотности и образования населения. Популярными брошюры запестрели определениями в превосходной степени: «бурный рост», «грандиозные сдвиги», «величайшие победы в нашем прекрасном сегодня». Уже в 1936 г. вокруг переписи начала складываться нездоровая обстановка. Беда состояла не в том, что статистики допустили ошибку в расчетах, а в том, что это исчисление, не соответствующее действительным данным, было узаконено на партийном съезде.

Вторым моментом, осложнившим перепись, ее подготовку и проведение, было заявление И.В. Сталина о росте «городов, жителей в городах, промышленности и рабочих, занятых в промышленности, по крайней мере вдвое больше, чем в старое время». Само по себе это высказывание на фоне индустриализации и урбанизации имело под собой почву, однако цифровой показатель не был обоснованным. Появившись в печати, он сыграл отрицательную роль.

Все эти высказывания буквально навязывались СНК СССР специалистам, готовившим перепись, а также ее программу, переписной лист. Вести подготовку к переписи в этих условиях было делом нелегким. К великой чести работников статистики надо сказать, что они пытались спасти перепись от влияния конъюнктуры. Но сделать это удалось лишь отчасти.

Подготовка к переписи 1937 г. проходила в крайне сжатые сроки. Постановлением Коми Облисполкома от 23 ноября 1936 г. руководство и проведение переписи были возложены на областное Управление народно-хозяйственного учета (УНХУ) во главе с Д.В. Ждановым. В рамках подготовки к проведению переписи органами УНХУ была проделана работа по уточнению списков населенных мест, составлены схематические карты сельсоветов и районов, проведена работа по разбивке территории на счетные участки, подобраны и подготовлены переписные кадры.

Весь персонал переписи рассматривался и утверждался партийными органами. О спешном порядке подготовки к переписи свидетельствует тот факт, что списки руководящих кадров переписи утверждались только в ноябре 1936 г. Руководители переписи, включая участковых и районных уполномоченных, были утверждены на заседаниях бюро обкома ВКП(б) 11 и 29 ноября 1936 г. Массовые переписные кадры утверждались на бюро райкомов ВКП(б) и заседаниях исполкомов районных Советов до конца декабря 1936 г.

Всего было подготовлено 1896 счетчиков и 188 инструкторов-контролеров. В основной своей массе это были педагоги начальных и средних школ, служащие различных учреждений, студенты пединститута, студенты-отличники строительного техникума. Привлечение столь большого числа счетчиков, как уже отмечалось, было обусловлено однодневностью проведения переписи. Плановое задание по подбору переписных кадров было вы-

полнено на 115%. Но организовать и качественно обучить за короткий срок всех счетчиков было очень трудной задачей, поэтому не все они оказались должным образом подготовленными. Положение осложнялось и тем, что инструментарий переписи был окончательно разработан и разослан из Москвы на места лишь в декабре 1936 г., то есть менее чем за месяц до ее проведения. На заседании облисполкома 15 декабря 1936 г. отмечалось, что к середине декабря было проинструктировано 58,2% контролеров-инструкторов и 50,5% счетчиков. Предпереписная подготовка была проведена только в г. Сыктывкаре и 45 сельсоветах из 146. Инструктаж массовых переписных кадров проходил вплоть до начала переписи. На том же заседании облисполкома руководители переписи и другие должностные лица, ответственные за проведение переписи, были подвергнуты критике за плохую организацию агитационно-массовой работы с населением, за неготовность ОБОНО и ОБСОБЕСа к проведению переписи в учреждениях закрытого типа.

В официально назначенный день переписи, то есть 6 января, перепись прошла в городе Сыктывкаре, рабочем поселке Ньючим и в семи южных районах – Прилузском, Летском, Сысольском, Сыктывдинском, Сторожевском, Усть-Куломском, Усть-Вымском. Перепись в районах Крайнего Севера, в соответствии с постановлениями центральных и республиканских органов, должна была быть проведена в августе 1936 г. К числу местностей, где перепись прошла с отступлением от общесоюзных сроков, были отнесены Троицко-Печорский, Удорский районы и Печорский (экономический) округ, в состав которого входили Ижемский, Усть-Усинский и Усть-Цилемский районы. Однако возникают сомнения относительно самого факта проведения переписи в районах Крайнего Севера в указанные сроки, так как в итоговых документах переписи 1937 г. численность населения северных территорий приводится со ссылкой на данные июньского 1936 г. учета скота, одновременно с которым было переписано и население.

Сразу по окончании переписи в республиканский центр стали поступать рапорты с мест об удачном ее завершении. В них выражалась уверенность в полноте охвата населения переписью и точности собранных данных. Таким образом, у статистических органов республики правильность результатов, полученных в ходе переписи 1937 г., сомнений не вызывала.

Однако оценка руководства страны была диаметрально противоположной. Ознакомившись с предварительными итогами переписи, сталинское руководство получило столь суровую картину демографической ситуации в стране, что не решилось обнародовать эту информацию. Общая численность населения страны оказалась значительно ниже ожидаемой – 162 млн. чел. По предварительным прогнозам ожидалось получить цифру 168–170 млн. чел. Однако эти прогнозы не оправдались и не могли оправдаться, так как население понесло большие потери в связи с голодом начала 1930-х гг., раскула-

чиванием крестьянства и массовыми политическими репрессиями середины 1930-х гг. Дискуссии последнего десятилетия, развернувшиеся в научных кругах по поводу переписи 1937 г., показывают, что методологические ошибки, допущенные при ее подготовке и проведении, действительно повлекли за собой недоучет населения, но он был незначительным – по различным оценкам от 0,5 до 1,2%.

Постановлением СНК СССР от 25 сентября 1937 г. организация переписи 1937 г. была признана неудовлетворительной, а ее материалы – «дефективными». Организаторы переписи были объявлены «врагами народа» и «троцкистско-бухаринскими шпионами». Руководители и разработчики переписи 1937 г. подверглись репрессиям (И.А. Краваль, О.А. Квиткин, Л.С. Брандт и др.). Данные переписи были аннулированы, а материалы ее стали строго засекреченными.

Не обошла волна репрессий и руководителей статистических органов нашей республики. Осенью 1937 г. были сняты с работы, исключены из партии и арестованы руководители переписи 1937 г. по Коми АССР – начальник Коми республиканского УНХУ Д.В. Жданов и заместитель председателя Госплана Коми АССР А.И. Бабушкин. Д.В. Жданов в конце 1938 г. был освобожден «за недоказанностью вины». А.И. Бабушкин провел в общей сложности в тюрьмах, лагерях и ссылке около 15 лет. Он был окончательно освобожден только осенью 1954 г. В 1955 г. А.И. Бабушкин был полностью реабилитирован.

По предварительным итогам переписи 1937 г. общая численность населения республики (без спецпереселенцев, заключенных и военнослужащих) составила 263,9 тыс. чел. В сравнении с 1926 г. численность населения увеличилась на 38,9 тыс. чел. (прирост 117,3%). Городское население республики с 1926 по 1937 г. увеличилось в три раза и составило 20,3 тыс. чел. (7,7% численности населения республики). К городским поселениям в 1937 г. были отнесены город Сыктывкар (23,2 тыс., из них 4,1 тыс. сельских жителей Тентюковского и Кочпонского сельсоветов, входивших в черту города) и рабочий поселок Нювчим (1,2 тыс.).

На момент проведения переписи в республике насчитывалось 12 сельских административных районов, в которых проживали 243,6 тыс. чел. (92,3% численности населения республики). Рост населения наблюдался во всех районах. В целом по республике численность сельского населения увеличилась с 1926 г. на 28,7 тыс. чел. (прирост 113%). Из 143 сельских советов в 124 сельсоветах проживали преимущественно коми, в 13 – преимущественно русские, в шести – смешанное коми-русское население.

Численность коми увеличилась с 1926 г. на 34,4 тыс. чел. (прирост 117%). Удельный вес коми составлял 87,7%. Численность других национальностей возросла на 4 тыс. чел. (прирост 114%). В 1937 г. наиболее однородным в этническом отношении было население Усть-Куломского, Сторожевского,

Сысольского, Сыктывдинского, Троицко-Печорского, Ижемского и Удорского районов, где доля коми составляла свыше 90%. Перепись 1937 г. свидетельствуют о том, что без учета контингента НКВД в республике сохранялась традиционно сложившаяся структура населения.

Итоговые таблицы переписи 1937 г. не отражали реально существовавшей демографической ситуации. В начале 1930-х гг. значительную роль в динамике численности населения республики начинает играть миграционный прирост, который становится вплоть до середины 1950-х гг. основным источником формирования населения. В условиях существовавшего репрессивного режима миграции носили в основном принудительный характер. Посредством насильственного переселения людей осуществлялось освоение необжитых и малообжитых районов, то есть проводилась государственная политика «спецколонизации». На территории республики появляются спецпоселения, возникает сеть исправительно-трудовых лагерей и колоний ГУЛАГа.

Перепись спецпереселенцев и заключенных была проведена органами НКВД. Данные спецпереписи не были включены в общие итоги переписи 1937 г. Но именно благодаря отдельно проведенной переписи мы имеем достаточно точные сведения об этих категориях населения. Учитывая специфику ведомства, спецперепись НКВД дает нам по некоторым параметрам даже более развернутую информацию, чем документы переписи коренного населения. Так, перепись спецпереселенцев содержит сведения о размещении их по районам и спецпоселкам с указанием численности, национального состава, числа хозяйств (дворов).

По состоянию на 1 января 1937 г. в республике было размещено 21,6 тыс. спецпереселенцев. Спецпоселки существовали в девяти из 12 районов республики, кроме Летского, Удорского, Ижемского. Всего по республике насчитывалось 37 спецпоселков. Из них в Прилузском районе – пять (Немецкий, Вельдорью, Сор-Ель, Усть-Вель, Час-Ель), Сторожеском – два (Боровой, Шудог), Сысольском – три (Ниашор, Рабоч, Вок-Тыла), Сыктывдинском – семь (Ворью, Расью, Соль, Веж, Емельстан, Сапыч, Теплогорка), Троицко-Печорском – три (Гортъель, Ичет-ди, Сой-ю), Усть-Вымском – шесть (Ветью, Божьюдор, Устькоин, Мещура, Вежаель, Вильбордым), Усть-Куломском – восемь (Лопью-Вад, Тимшор, Индын, Пивью, Зинстан, Лесной Чер, Вежаю, Окос), Усть-Усинском – два (Песчанка, Пиняиз), Усть-Цилемском – один (Новый Бор; данные по спецпоселку Новый Бор Усть-Цилемского района в итоговые данные спецпереписи 1937 г. не включены).

По переписи 1937 г. среди спецпереселенцев значится: русских – 11954 чел., белорусов – 2549, немцев – 2011, украинцев – 1502, поляков – 449, татар – 185, молдаван – 103, мордовцев – 149, чувашей – 96, армян – 50, башкир – 16, киргизов – 16, латышей – 14, евреев – 10 и др. Русские были расселены во всех районах, немцы в основном – в Прилузском, Сысольском, Усть-Вымском, Усть-Куломском районах, белорусы – Сыктывдинском, Усть-Вымском, Усть-

Куломском, украинцы – Сысольском, Троицко-Печорском, Прилузском, поляки – Усть-Куломском, татары – Сторожевском, мордва – Сысольском. Русские были преобладающим населением в 24 спецпоселках, немцы – в двух, белорусы – в двух, украинцы – в одном. Смешанное русско-немецкое население было в трех поселках, русско-белорусское – в четырех, белорусско-украинское – в одном.

Таким образом, численность населения республики с учетом спецпереселенцев по переписи 1937 г. равнялась 285,5 тыс. чел. Но и эта цифра не является окончательной, так как сюда не входят сведения о заключенных лагерей. Данные о количестве заключенных и военнослужащих можно восполнить, обратившись к документам спецпереписи НКВД, которые хранятся в РГАЭ в Москве. По данным спецпереписи численность контингентов «Б» и «В» на территории республики составляла 45,8 тыс. чел. (14,7% численности населения республики), из них 34,2 тыс. мужчин и 11,6 тыс. женщин (контингент «Б» включал осужденных и подследственных в тюрьмах, лагерях и колониях, контингент «В» – спецпереселенцев, проживавших в зонах и спецпоселках). Исключив из этой суммы известное нам число спецпереселенцев (21,6 тыс.), получаем численность контингента «Б», т.е. заключенных – 24,2 тыс. чел. Выяснить точно число заключенных – задача на сегодняшний день чрезвычайно трудная. С учетом того, что перепись в учреждениях НКВД была проведена в более ранние сроки (при условии выполнения постановления облисполкома – в августе 1936 г.), а также тот факт, что резкое увеличение числа заключенных в республике начинается с 1937–1938 гг., т.е. уже после проведения переписи, можно предположить, что указанная цифра отражает численность этой категории населения в республике на момент проведения переписи достаточно верно.

Таким образом, суммарная численность населения Коми АССР (коренное население, спецпереселенцы, заключенные) на 6 января 1937 г. составляла 309,3 тыс. чел., из них 156,9 тыс. мужчин, 152,4 тыс. женщин. С учетом данных спецпереписи население республики по сравнению с 1926 г. увеличилось на 137,7%. При этом численность мужского населения возросла с 1926 г. на 153,4%, женского – на 124,6%. В межпереписной период 1926–1937 гг. республика имела один из наиболее высоких в стране показателей прироста населения.

Правительство страны, неудовлетворенное результатами переписи 1937 г., приняло решение о проведении новой переписи в январе 1939 г. Вновь образованное Бюро переписи населения 1939 г. при ЦУНХУ в закрытом письме от 10 декабря 1937 г. «О вредительских извращениях и организационных недостатках в проведении переписи 1937 года» в числе главных «ошибок» переписи указывало на то, что к руководству переписью пробрались враги народа. В качестве другой причины неудачи переписи 1937 г. называли недоучет естественного и механического движения населения.

Критический момент переписи был установлен на 12 часов ночи с 16 на 17 января 1939 г. Контроль за подготовкой переписи взял в свои руки председатель СНК СССР В.М. Молотов. Поскольку основной дефект переписи 1937 г. состоял в недоучете населения, то особый интерес правительства вызывала цифра общей численности населения страны.

Перепись 1939 г. должна была как можно точнее зафиксировать население и исключить всякий его недоучет. Был выдвинут лозунг: «Не пропустить ни одного человека!». Каждого человека нужно было переписать лично, и лишь в исключительных случаях сведения о нем собирались у родственников и соседей. Каждому кто менял свое местоположение в период переписи выдавали справку о прохождении переписи, чтобы человек не мог сознательно или несознательно уклониться от нее. По окончании переписи были предусмотрены контрольные обходы в целях выявления пропусков населения. Впервые в практике советского переписного дела вводилось уголовное наказание за уклонение от переписи. В рамках общей переписи были проведены две спецпереписи: органами НКВД был переписан спецконтингент (заключенные, охрана мест заключения, сотрудники аппарата НКВД), Наркоматом обороны переписаны военнослужащие Красной Армии. Результаты обеих переписей были приплюсованы к общим итогам.

В организационном плане подготовка и проведение переписи были продуманы очень тщательно. Перепись 1939 г. по программе значительно отличалась от переписей 1926 и 1937 гг. Программа переписи 1939 г. разрабатывалась под руководством известного советского статистика И.Ю. Писарева. Личный листок был заменен на переписной бланк, ставший основным формуляром переписи 1939 г. Переписной бланк был единым для всех и заполнялся как в городских, так и в сельских местностях.

Руководство подготовкой и проведение переписи 1939 г. в Коми АССР осуществляло Управление народно-хозяйственного учета при Госплане Коми АССР. Для проведения переписи при УНХУ осенью 1937 г. было создано Бюро переписи населения. Подготовка переписи 1939 года проходила в сложных условиях. Память о расправе с организаторами переписи 1937 г. была еще очень свежа в памяти. Документы передают нам обстановку тревожности и страха, сопутствовавшую подготовке и проведению переписи 1939 г. В руководстве статистических органов республики наблюдалась кадровая чехарда. Осенью 1937 г. вместо арестованного Д.В. Жданова на должность начальника УНХУ был назначен М.Г. Ширюков. В феврале 1938 г. временно исполняющим дела начальника УНХУ становится Н.С. Пунегов, работавший заведующим отдела учета обкома ВКП(б). В мае 1938 г. на пост начальника УНХУ назначается К.И. Шумкова, под руководством которой были проведены основные мероприятия по подготовке и проведению переписи. Начальником бюро переписи населения УНХУ в октябре 1937 г. назначается Г.А. Карма-

нов, работавший до этого районным инспектором Усть-Цилемского района. В марте 1938 г. его, как не справившегося с работой, перевели на должность экономиста, а начальником бюро переписи становится М.И. Исаков. В конце января 1939 г., уже после проведения переписи, М.И. Исаков был «снят с работы как не обеспечивший руководство переписью». Исполнение обязанностей начальника бюро переписи населения было возложено на начальника УНХУ Коми АССР К.И. Шумкову.

Придавая проведению переписи большое политическое и идеологическое значение и выполняя директивы центральных органов, партийные и советские органы республики держали подготовку переписи под постоянным и неослабным контролем. Достаточно сказать, что с ноября 1937 г. по апрель 1939 г. обком ВКП(б) и СНК Коми АССР в целях осуществления мероприятий по переписи принял 37 постановлений и распоряжений.

В отдаленных и труднодоступных районах Крайнего Севера, в соответствии с постановлением Совнаркома СССР от 23 августа 1938 г., перепись была проведена с отступлением от общих сроков. Она проходила с 20 декабря 1938 г. по 31 января 1939 г. Основная перепись проходила в три этапа. Она началась 12 января с предварительного обхода счетчиками своих участков. Предварительный обход был закончен 16 января. С 17 января началась собственно перепись, которая продолжалась семь дней в городской и 10 дней в сельской местности. Рабочими языками переписи на территории Коми АССР были русский и коми – переписные бланки и инструкции по заполнению переписной документации были отпечатаны на двух языках. По окончании переписи в течение 10 дней проводился сплошной контрольный обход населения. В процессе контрольных обходов выявлен 661 случай (0,2% от итоговой численности населения) пропусков: 88 неучтенных граждан в городской и 573 – в сельской местности.

Большие трудности выпадали на долю счетчиков, работавших в тундре и труднодоступных районах республики. Так, счетчик П. Уляшев из Троицко-Печорского района, переходя из одного населенного пункта в другой, в общей сложности прошел на лыжах при сорокаградусном морозе 232 км, а счетчик А. Попов из того же района четыре ночи ночевал у костра на морозе и прошел по тайге до пункта назначения 350 км.

Однако были случаи и недобросовестного отношения к делу со стороны счетчиков. Суровое наказание следовало за неверное заполнение переписных листов, потерю или уничтожение переписных документов. Подобные проступки с формулировкой «вредительство» попадали под действие уголовного кодекса. Так, счетчик Бобрецов из Усть-Цилемского района за неверное заполнение 10 переписных листов (неправильно указал место учебы и тип школы) был отстранен от работы, отдан под суд и осужден на пять месяцев принудительных работ. Прокуратурой были заведены уголовные дела на счетчи-

ка из с. Щельяюр Ижемского района за потерю записной книжки счетчика и на инструктора-контролера Шиханова из Сыктывкара за уничтожение после предварительной переписки пяти испорченных переписных бланков. Судьба оказалась к ним благосклонна – после разбирательства дела на них были прекращены «за отсутствием состава преступления».

По итогам проведения переписи населения УНХУ Коми АССР был составлен отчет, в котором детально описаны все этапы подготовки и проведения переписи 1939 г. Этот документ, напичканный идеологическими штампами и лозунгами, ярко передает атмосферу того времени. В каждой фразе сквозит желание руководителей УНХУ оправдаться, снять с себя ответственность за возникавшие в процессе работы трудности, а тем более недостатки, переложить вину за срывы сроков проведения тех или иных видов работ на другие организации, отдельных лиц, и на извечного российского «врага» – природно-климатические условия.

В целом население республики отнеслось к проведению переписи хорошо, «проявило высокую сознательность и поняло необходимость выполнения своего гражданского долга». Но, как отмечалось в отчете, «остатки невытравленных из своих змеиных гнезд последышей троцкистско-бухаринских извергов пытались в период подготовки и проведения переписи распространить среди отсталой части населения различные извращающие задачи переписи слухи, и мало того, были попытки совершить над работниками переписи террористические акты». В качестве примера приводится случай в с. Гам Ижемского района, когда в комнату, где сидели работники переписи, «неизвестным, видимо с целью убийства, через окно было брошено полено». В Сысольском районе был арестован бывший монах, который «вел контрреволюционную агитацию, направленную на срыв переписи, заявляя, что перепись 1937 г. была проведена правильно, а перепись 1939 г. проводится исключительно в целях подготовки к войне». Как вредительская вылазка был расценен случай срывания агитационного материала (плаката) на тракторной базе колхоза «Рудник» в Прилузском районе.

Для некоторых людей перепись превратилась в личную драму. Счетчиками фиксировались все случаи отказа отвечать на вопросы переписного листа, которые особенно часто были в среде сектантов. Подробно описан случай в с. Усть-Цильма, где гражданка Овчинникова на все вопросы отвечала «спросите у Бога», «Бог знает». После проведения медицинской экспертизы, которая признала женщину психически нормальной, было возбуждено ходатайство о привлечении ее к судебной ответственности и передаче пятерых её детей на воспитание в «соответствующие» учреждения, поскольку муж Овчинниковой уже находился в заключении.

В 1939 г. территория республики составляла 383,3 тыс. кв. км. В республике было 12 административных районов, 143 сельских совета и 2 115 сельских населенных пунктов, а также 3 185 отдельно стоящих жилых строе-

ний. По спискам домовладений насчитывалось 21 829 хозяйств. Населенных пунктов, в которых проживало менее 50 человек, насчитывалось 934. Они составляли 44% от общего числа населенных пунктов республики. Только в 69 населенных пунктах число жителей превышало 600 чел. (3%). Плотность сельского населения составляла 0,66 чел. на 1 кв. км. Телефонной связью с республиканским центром было связано шесть районов, 131 сельский населенный пункт имел связь со своими райцентрами.

Общая численность населения республики по переписи 1939 г. составляла 318 996 чел. По сравнению с 1926 г. население республики увеличилось на 141,8%. В отличие от переписи 1937 г. в официальные итоги переписи 1939 г. были включены спецпереселенцы, прошедшие перепись на общих основаниях. Но так же как в 1937 г. не учитывался лагерный контингент, проходивший перепись в особом порядке. Мужчины составляли 48,5%, женщины – 51,5% населения республики.

В связи с индустриальным развитием республики и началом освоения ее природных ресурсов происходит увеличение численности городского населения. На момент проведения переписи к городским поселениям относились гор. Сыктывкар, рабочие поселки Нювчим (он преобразован из фабрично-заводского в рабочий поселок 23 сентября 1929 г.) и Чибью; фабрично-заводской поселок Кажим был исключен из числа городских поселений и переведен в разряд сельских населенных пунктов (с 1924 г. на Кажимском заводе работал лишь один цех, а в 1928 г. завод был законсервирован; планировалось использовать кажимских рабочих для работы на других предприятиях, но этого в 1930-е гг. так и не было сделано, и с конца 1920-х гг. они занимались, в сущности, крестьянским трудом). По сравнению с 1926 г. городское население возросло на 290,7% и составило 29 159 чел. (9,1% от общей численности населения). В составе городского населения возросла доля коми, украинцев, белорусов, группы «другие национальности», но уменьшилась доля русских. Несколько позднее, 25 октября 1940 г., на карте Европейского Северо-Востока появилось еще одно городское поселение – статус рабочего поселка получила Воркута. В начале 1941 г. в Сыктывкаре, Ухте, Воркуте и Нювичме жили 38 тыс. чел. – 11,1% населения Коми АССР.

За годы строительства Северо-Печорской железнодорожной магистрали в крупный административный, экономический и культурный центр вырос населенный пункт Железнодорожный, возникший при строительстве шоссейной дороги Усть-Вымь–Ухта в 1930 г. В 1941 г. здесь имелось 3600 вольнонаемных жителей (без близлежащих поселений и станций), Управление строительства СПЖД, железнодорожная станция, ремонтно-механический завод, электростанция на 300 квт, телефонная станция, радиоузел, средняя школа, клуб). Княжпогостский сельский совет, которому официально подчинялся Железнодорожный, не мог справляться с возросшим объемом работы и усложнением функций управления большим хозяйственным комплексом.

3 февраля 1941 г. Указом Президиума Верховного Совета Коми АССР (решение утверждено Президиумом Верховного Совета РСФСР 17 марта 1941 г.) Железнодорожный был выделен из Княжпогостского сельсовета и отнесен к категории рабочих поселков.

В сельских районах Коми АССР в 1939 г. проживало 289 837 чел. (90,9% общей численности населения). По сравнению с 1926 г. сельское население увеличилось на 134,8%. Размещение на территории республики спецпереселенцев, имевших в своем составе представителей многих наций и народностей, повлекло изменение этнической структуры сельского населения. К 1939 г., в сравнении с 1926 г., доля коренного этноса в составе сельского населения снизилась с 86,7 до 73,6%. Влияние спецпереселенцев на этнический состав населения особенно четко прослеживается при рассмотрении структуры населения в разрезе районов. Показателен пример Сторожевского и Усть-Куломского районов, на территории которых проживало значительное число спецпереселенцев. Если в 1926 г. население этих районов почти на 100% состояло из коми, то к 1939 г. доля инонационального населения составила там соответственно 11,6 и 13,2%. Удельный вес коми в структуре населения снизился во всех районах, кроме Удорского, где спецпоселков не было. В силу ряда политических, психологических и режимных факторов контакты местного населения с перемещенными лицами были ограничены, а контакты с лагерным контингентом практически отсутствовали, поэтому межэтнические контакты и, как следствие этого, этническое смешение коренного населения со спецпереселенцами в рассматриваемый период было незначительно.

В группу наиболее многочисленных национальностей республики в 1939 г. входили коми, русские, украинцы, белорусы и немцы. Сложившийся к концу 1930-х гг. состав группы наиболее многочисленных национальностей республики остается неизменным до настоящего времени.

Коми по-прежнему составляли подавляющее большинство жителей республики (72,5%), но их удельный вес в составе населения по сравнению с 1926 г. снизился. Второй по численности национальной группой оставались русские (22,0%), при этом их удельный вес с 1926 г. увеличился. Значительно возросли численность и удельный вес других национальностей. В 1939 г. они составляли уже 5,5% всего населения республики. Особенно возросла с 1926 г. численность украинцев, белорусов, немцев.

Как мы уже рассказывали, заключенные лагерей, охрана мест заключения, сотрудники аппарата НКВД прошли перепись в особом порядке. Данные спецпереписи НКВД стали известны недавно, благодаря публикации основных итогов переписи 1939 г., изданных в 1992 г. Численность спецконтингента, прошедшего перепись по линии НКВД, составляла в Коми АССР 131 930 чел. Из них 5482 относились к контингенту «А» (личный состав

НКВД и чекистских управлений, лагерей, тюрем, погранвойск, колоний, спецпоселков, а также гражданское население, охваченное спецпереписью). Остальные 126 448 чел. относились к контингенту «В» (заключенные). Таким образом, суммарная численность населения Коми АССР по переписи 1939 г. с учетом спецпереписи НКВД составляла 450 926 чел. С учетом спецпереписи население республики выросло за 13 лет, с 1926 г., в два раза. По общему показателю прироста населения за этот период Коми АССР уступала только Дальневосточному краю и Карело-Финской ССР.

Поскольку спецпереселенцы в 1939 г. были переписаны вместе с коренным населением, по итоговым документам переписи определить их численность не представляется возможным. По данным историка В. Земскова, на 1 января 1939 г. численность населения трудпоселков в Коми АССР составляла 20 271 чел.

Таким образом, общая численность заключенных и спецпереселенцев на момент проведения переписи составляла в республике 146 719 чел., или 32,5% общей численности населения.

Документы переписей 1937 и 1939 гг. свидетельствуют о значительных изменениях в численности и составе населения, происшедших в республике со времени проведения переписи 1926 г. Традиционно сложившаяся структура населения, при которой рост численности населения происходил за счет естественного прироста, была нарушена. В течение 1930-х гг. сложилась новая система формирования населения, когда наряду с естественным приростом значительную роль стал играть миграционный прирост. Под влиянием внешних миграций меняется этническая структура населения. Значение переписи 1939 г. трудно переоценить. Это была последняя предвоенная перепись, ее данные были использованы для определения людских ресурсов в войне, а также для оценки наших военных потерь.

В 1940 г. Советское государство осуществило целый ряд массовых переселений из присоединенных западных областей, жертвами которых стали поляки различного гражданства и польские граждане других национальностей (в частности, украинцы, белорусы, евреи). В северные и восточные районы СССР было выселено более 270 тыс. граждан довоенной Польши. В Коми АССР прибыло 19 388 польских осадников и беженцев. В основном поляки были размещены в Прилузском, Сыктывдинском, Железнодорожном и Сысольском районах, а также в Усть-Вымском, Летском, Корткеросском и других районах. Осадники были расселены в 22 вновь созданных спецпоселках, беженцы – в 35. Жилье для спецпереселенцев не подготовлены, размещали их, где придется. Например, в отчете по участку Важью Лопинского лесопункта Сысольского леспромхоза за 14 сентября 1940 г. отмечалось: «Рабочие находятся исключительно в ужасных условиях. Из всех 160 человек спецпереселенцев-беженцев 50 человек размещены в

общежитии по несколько человек на одной койке с семьями, 80 человек с семьями находятся на чердаке барака, а остальные 30 человек работающие на сеноуборке совершенно не имеют квартир – находятся в палатках». Переселенцев из Польши использовали для работы на заготовках и сплаве леса, лесозаводе, а также – после того, как выяснилось, что среди завезенных поляков много «высококвалифицированных мастеров по производству изделий ширпотреба» – на предприятиях местной промышленности. Для детей польских граждан создавались специальные учреждения, но они могли посещать и обычные детские сады.

В годы войны

В начале 1941 г. численность населения Коми АССР составляла 342,1 тыс. чел., не считая заключенных. Великая Отечественная война стала тяжелейшим испытанием для жителей республики. В устье Печоры появлялись немецкие подводные лодки, в небе над тундрой – пытавшиеся прорваться к Северо-Печорской железной дороге и воркутинским шахтам вражеские бомбардировщики (обломки некоторых до сих пор могут попасть на глаза пытливым краеведам), в тайге высаживались диверсионные группы парашютистов, которые должны были взорвать Печорский мост и вывести из строя железную дорогу, а также поднять восстание в лагерях ГУЛАГа на Печоре. Но в целом Европейский Северо-Восток оставался тыловым регионом. Однако, несмотря на это, изменение социально-экономических и морально-психологических условий существования людей в годы войны не могли не отразиться на демографическом развитии республики.

Многих мужчин мобилизовали в армию. Уже в первые месяцы войны из колхозов было призвано в действующую армию 10 тыс. чел., или 40% мужчин трудоспособного возраста. Всего за годы войны через военкоматы республики было призвано в вооруженные силы свыше 170 тыс. чел., в том числе и из мест заключения. Свыше 60 тыс. из них погибли или пропали без вести, причем фронтовую судьбу многих бывших заключенных до сих пор не удалось установить. В результате если в 1939 г. женщины составляли чуть больше половины жителей, то в 1943 г. – почти две трети. Причем республика лишилась наиболее трудоспособной части мужского населения. Дома остались, главным образом, лишь дети и подростки (до 17 лет) да те, кому уже перевалило за полвека. В 1943 г., в разгар войны, мужчины и женщины до 17 и старше 49 лет составляли более 90% обитателей. Особенно это было заметно на селе. Если в городах и рабочих поселках немалую часть мужчин вместо мобилизации в армию оставляли на работе на жизненно важных для страны предприятиях, где их не могли заменить женщины, то в сельской местности мало кто получил отсрочку от призыва на фронт. Сократилось по понятным причинам количество свадеб, упала рождаемость. Из-за ухудшения условий жизни, недоедания, дефицита лекарств, тяжелого труда и обстановки постоян-

ного нервно-психологического стресса резко возросла смертность населения – и вольного, и спецпереселенцев, и заключенных. Жители спецпоселков оказались едва ли не на грани вымирания – в 1943 г., например, здесь умерло в три раза больше, чем родилось. Очень высока была смертность среди заключенных. Хотя руководство ГУЛАГа требовало от начальников лагерей соблюдать определенные санитарные условия содержания заключенных, проводить профилактические медицинские мероприятия, однако в условиях лагерной жизни это мало помогало. Неудивительно, что в лагерях вспыхивали эпидемии, смертельно опасные для обессиленных людей. В конце 1941 г. в Кожве среди освобожденных для отправки на фронт вспыхнула эпидемия дизентерии. Вместо лечения все они были расстреляны. Самый высокий уровень смертности в Коми АССР пришелся на 1943 год – тогда из жизни ушли 16 663 чел. (три четверти из них – мужчины), не считая заключенных; вообще в республике в годы войны смертность населения (особенно в городах) была значительно выше, чем в среднем по России.

Такая же ситуация была по всей стране, так что руководство государства, пытаясь хоть как-то повлиять на ситуацию, в 1944 г. приняло закон «О браке и семье», по которому увеличились государственная помощь многодетным и одиноким матерям, льготы беременным женщинам, требовалась обязательная регистрация брака, а развод мог производиться лишь в суде с процедурой разбирательства причин развода, да и новорожденным детям фамилию отца давали лишь в случае «официального» брака. Раньше, с 1926 г., регистрировать брак было необязательно – «нерасписанные» супруги пользовались теми же правами, что и официально зарегистрированные, да и разводиться было гораздо проще, а понятия «незаконнорожденный» вообще не существовало. В результате в Коми АССР в последующие годы количество регистраций браков заметно возросло, поскольку многие «неофициальные» семьи поспешили оформить свои отношения, а разводов стало меньше (например, в 1945 г. во всей республике развелись всего 10 семей, и только одна из них – в сельской местности; а годом раньше в Коми произошло 278 разводов, в основном, видимо, до вступления в силу нового закона). В 1945 г. возросла и рождаемость – не только благодаря новому законодательству, но и вследствие улучшения питания, медицинского обслуживания, наконец, психологического настроя из-за коренного перелома в ходе войны.

В годы Великой Отечественной войны республика стала районом массового перемещения людей, что было вызвано мобилизацией в армию, размещением эвакуированных, затем их реэвакуацией, размещением спецпереселенцев и репрессированных народов, расширением сети ГУЛАГа. Эвакуированные граждане начали прибывать сюда в июле 1941 г. Основная масса приезжала из северо-западного и центрального регионов европейской части РСФСР. К началу 1942 г. в республике насчитывалось уже около 8 тыс.

эвакуированных из Карело-Финской, Эстонской, Латвийской, Литовской, Белорусской, Украинской республик, Ленинграда и Ленинградской области, Москвы и Московской области, Калининской, Воронежской, Курской, Мурманской, Орловской, Ростовской и других областей. Среди эвакуированных в Коми АССР были люди самых разных национальностей – 2968 карел, 1595 русских, 742 финна, 422 немца, 290 коми, 173 еврея, 172 украинца, 57 белорусов, 24 эстонца, 12 поляков, 10 норвежцев, а также латыши, вепсы, армяне, татары, чуваша, шведы, литовцы, абхазы, грузины.

Самая многочисленная группа эвакуированных прибыла из Карело-Финской ССР. К апрелю 1942 г. оттуда было эвакуировано 13389 чел., из них 5459 – «вольные граждане» (среди них было немало преподавателей и сотрудников Карело-Финского университета и членов их семей, студентов, а также членов семей руководства республики), 7930 – трудпереселенцы. Большинство трудпереселенцев составляли бывшие кулаки с семьями, высланные в 1934–1935 гг. в Карело-Финскую ССР из Украины и Белоруссии.

Прибывших расселяли преимущественно в сельской местности. Наибольшее число эвакуированных приняли Усть-Вымский, Сыктывдинский, Летский, Усть-Куломский, Железнодорожный и Троицко-Печорский районы. В частности, трудпереселенцы из Карело-Финской ССР в 1941 г. были размещены в населенных пунктах Ворью, Метъель, Шиладор, Кряжск, Ипатово, Слобода, Судоверфь Сыктывдинского района, Певк, Кия-ю, Нам, Веж Корткеросского района, Сед-шор, Яран-курья и Партстрой Кожвинского района, Божьюдор, Вежью, Усть-Коин, 53-й квартал, Пытырью Железнодорожного района и др. В составе эвакуированных преобладали женщины, старики и дети. Удельный вес эвакуированного населения не превышал 3% численности населения республики. С 1944 г. началась постепенная реэвакуация людей к местам прежнего жительства.

Численность спецпереселенцев-поляков, высланных в Коми в 1940 г., с осени 1941 г. стала сокращаться. Указом Верховного Совета СССР от 12 апреля 1941 г. польские граждане, как военнопленные, так и находящиеся в спецпоселках, лагерях и проживающие в советских городах, были амнистированы, им предоставлялось право свободного проживания на территории СССР, не находящейся на военном положении, как иностранцам. Покинуть СССР поляки не могли. С 1941 г. они вступали в формирующуюся польскую армию Андерса и в 1942 г. вместе с армией смогли покинуть Советский Союз. По постановлению Совнаркома СССР от 5 апреля 1944 г. Союз польских патриотов руководил переселением из Коми АССР около 9 тыс. поляков-спецпереселенцев. Был составлен график отправки переселенных в Ростовскую область, Ставропольский и Краснодарский края. После 1944 г. в Коми АССР поляков-спецпереселенцев почти не осталось.

Индустриальная база республики приобрела в условиях военного времени стратегическое значение для страны. Между тем промышленность Коми АССР, и без того обладавшая ограниченными местными трудовыми ресурсами, с началом воинской мобилизации стала испытывать острый дефицит рабочей силы. Для реализации возложенных на республику планов ее руководство предпринимало чрезвычайные меры по обеспечению добывающих и лесозаготовительных предприятий, строительных объектов и транспорта рабочей силой. В эти отрасли мобилизовывалось местное и эвакуированное население. Но поскольку численность эвакуированных граждан оказалась значительно ниже ожидавшейся, проблема дефицита рабочей силы решалась в дальнейшем путем отправки в республику новых партий спецпереселенцев и заключенных.

Среди поселенцев были граждане СССР немецкой национальности (они как граждане «враждебной, на период войны, национальности» в армию не призывались, а в обязательном порядке привлекались на производство и строительство, в частности, в лесную промышленность и «Воркутстрой»), члены семей участников Организации украинских националистов (с 1944 г.) из Житомирской, Ровенской, Киевской Одесской и других областей, а также высланные из Латвии, Литвы, Молдавии, Румынии и других мест. На 1 января 1945 г. на учете МВД Коми АССР находилось 160 немецких семей (310 чел.), к середине 1945 г. с прибытием новых партий численность немцев увечилась до 1 598, к концу 1945 г. – до 7 378 чел. Ссылнопоселенцев, «высланных на 20 лет из Прибалтийских республик и Молдавской ССР» в 1943 г. в Коми был учтен 1 241, в феврале 1943 г. – 1431 чел. (более двух третей – из Литвы). Наибольшее количество ссылнопоселенцев проживало в Сыктывдинском районе.

По нашим оценкам, перед войной на территории Коми республики находилось 130–150 тыс. заключенных. В начале войны почти половина расположенных в европейской части СССР лагерей была эвакуирована вглубь страны. Немалая часть содержащихся в них людей оказалась в Коми АССР, и на рубеже 1941–1942 г. здесь было уже 200–220 тыс. заключенных. Первыми из мест заключения начали амнистировать или оправдывать и призывать в армию осужденных по бытовым статьям (на срок не более 5 лет) и военнослужаших, осужденных за пребывание в плену. Позднее стали освобождать и направлять в армию и политических заключенных. В 1942 г. из лагерей на фронт направили более 12 тыс. чел. Всего за годы войны из мест заключения было призвано в армию до 100 тыс. чел. В результате этого в 1943–1944 гг. численность заключенных на территории республики сокращается – по нашей оценке, примерно до 130 тыс. на рубеже 1942–1943 гг., 100 тыс. – на рубеже 1943–1944 гг. В конце войны поток осужденных, прибывавших в республику, вновь усилился. В итоге на рубеже 1944–1945 гг. здесь в лагерях находилось

около 130 тыс. чел. (примерно треть всего населения Коми АССР), а в конце 1945 г. – около 200 тыс.

Форсированное развитие предприятий сырьедобывающих отраслей промышленности и лесного комплекса обусловило появление новых городов и рабочих поселков как за счет административного повышения статуса уже существовавших сел и рабочих поселков, так и за счет освоения ранее незаселенных мест. Если в 1941 г., как мы уже говорили, к числу городских поселений относились один город (Сыктывкар) и четыре рабочих поселка (Нювчим, Железнодорожный, Ухта и Воркута), то в 1945 г. насчитывалось уже два города республиканского подчинения (Сыктывкар и Воркута), один город районного подчинения (Ухта), 11 рабочих поселков.

Поселок Воркута стал развиваться бурными темпами со времени открытия рабочего движения на участке Абезь–Воркута Северо-Печорской железной дороги (28 декабря 1941 г.). В тундре за несколько лет вырос большой промышленный поселок. В 1943 г. добыча угля велась в шести угольных шахтах общей мощностью 2 млн. тонн в год. В поселке Воркута работала крупная по тем временам электростанция мощностью 13 тыс. квт., действовал ряд предприятий: кирпичный и известковый заводы, рудоремонтный завод (по существу, крупный машиностроительный завод, не только ремонтировавший, но и строивший сложные механизмы и металлоконструкции для шахт), заводы по производству шпал, известковых блоков, мастерские по производству мыла, жидкого стекла, гончарной посуды и т.д.

Параллельно со строительством шахт год от года увеличивалось количество вольнонаемных рабочих и служащих, занятых в Воркутстрое: в 1940 г. – 900 чел., 1941 г. – 1400, 1942 г. – 2000, 1943 г. – 2300 чел. Всего же гражданское население Воркуты составляло в 1942 г. 3270 чел., по состоянию на 1 января 1943 г. – 4029, на 1 июля 1943 г. 5424 чел., а вместе с приписанными в черту рабочего поселка колхозниками – 5625 чел. По расчетам Воркутстроя, в связи с дальнейшим развитием Печорского угольного бассейна, предполагалось быстрое увеличение численности населения Воркуты – за 1944 г. оно должно было вырасти почти в два раза. Население Воркуты рекрутировалось из работников системы НКВД СССР, граждан эвакуированных из Донбасса, а также из числа лиц, освободившихся из заключения. Основным занятием населения были строительство шахт и промышленная добыча угля.

На территории Воркуты были расположены три сельхоза. Здесь находились управление и политотдел Воркутстроя НКВД СССР. Из культурно-бытовых и коммунальных учреждений в Воркуте были: отделения Госбанка и Промбанка, больница, поликлиника, аптека, клуб, библиотека, средняя школа, школа ФЗО, отделение Института мерзлотоведения АН СССР, опытная сельскохозяйственная станция. Рабочий поселок был электрифицирован,

часть домов имела водопровод, центральное отопление, канализацию. По социальному положению и занятиям население Воркуты являлось типично городским. В значительной части оно состояло из инженерно-технического персонала шахт, врачей, рабочих и служащих. Принадлежность Воркуты к Кожвинскому району являлась формальной как в силу отдаленности Кожвы, так и в силу специфики работы Воркутстроя НКВД. Кожвинский райсовет ни руководить, ни контролировать работу Воркутстроя не мог. Отдаленность Воркуты от республиканского центра выдвигала необходимость преобразования его в город республиканского подчинения и создания в нем городских органов власти. 30 октября 1943 г. был подписан Указ Президиума Верховного Совета Коми АССР «О преобразовании рабочего поселка Воркута в город республиканского подчинения», утвержденный Президиумом Верховного Совета РСФСР 26 ноября 1943 г.

30 сентября 1943 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета Коми АССР «О преобразовании рабочего поселка Ухта Ухтинского района в город районного подчинения», который 20 ноября 1943 г. был утвержден Президиумом Верховного Совета РСФСР. К этому времени Ухта превратилась в крупный промышленный центр с населением около 16 тыс. чел. (без спецконтингента лагерей), где действовали нефтеперегонный завод, предприятия по переработке сажи, асфальта, радия, электростанция мощностью 6,5 тыс. квт, ряд дизельных и газомоторных электростанций общей мощностью свыше 4 тыс. квт, было развито производство товаров широкого потребления (керамических изделий, мебели, стройматериалов, лыж и др.). В городе насчитывалось 290 жилых зданий, три больницы, пять амбулаторий, театр, четыре клуба, музей, три почтовых отделения, телефонная станция на 450 абонентов, шесть школ, 13 детских садов и яслей, 15 столовых, шесть коммунальных бань, три прачечные, метеорологическая и сельскохозяйственная станции.

За годы войны на карте республики появились восемь новых поселков городского типа с общей численностью населения около 30 тыс. чел. – Канин (дата образования – 19 июля 1942 г.), Вожаель (27 ноября 1942 г.), Абезь (24 декабря 1943 г.), Печора (24 декабря 1943 г.), Ижма, нынешний Сосногорск (15 июня 1944 г.), и другие. Так, в связи с железнодорожным и промышленным строительством на территории Ухтинского района возникли новые населенные пункты, которые год от года разрастались. Уже в 1941 г. назрела необходимость организации новых поселковых советов в районе нефтешахт (Ярега), Водного промысла, железнодорожной станции Ижма. Поселок Ярега, в котором производилась добыча тяжелой нефти, находился в 25 км от Ухты. В 1941 г. гражданское население Яреги составляло 1120 чел. (без охраны лагерей и спецконтингента), из них работающих – 754 чел. Здесь имелись

клуб, амбулатория со стационаром, электростанция, телефонная станция на 40 абонентов, начальная школа.

На Водном промысле (также в 25 км от Ухты) велась добыча тяжелой радиевой воды. Промысел являлся одним из подразделений Ухтижемлага НКВД. По стоимости продукции Водный промысел занимал первое место в системе Ухтижемлага. В центре Водного промысла вырос поселок с населением 952 чел., из них работающих – 474 чел. (без спецконтингента). В поселке имелись клуб, стационарная больница, амбулатория, столовая, телефонная станция на 70 абонентов, начальная школа.

В ноябре 1942 г. Президиумом Верховного Совета Коми АССР был подготовлен пакет документов об образовании рабочих поселков Ярега и Водный Ухтинского района и Инта Кожвинского района. Но Секретариат Президиума Верховного Совета РСФСР 18 марта 1943 г. отложил рассмотрение вопроса, так как «против создания местных органов власти высказывалось НКВД СССР». Председатель Верховного Совета Коми АССР Г. Ветошкин неоднократно обращался в Президиум Верховного Совета РСФСР с просьбой о пересмотре принятого решения, объясняя, что «образование новых рабочих поселков продиктовано требованиями, выдвигаемыми ходом крупнейшего на Севере строительства и связанного с ним постоянным притоком населения». После завершения строительства СПЖД была передана для эксплуатации НКПС. Закрытые учреждения, строившие дорогу, частью перебрасывались за пределы республики, частью переходили на другие стройки. Если в период строительства можно было обходиться без местных органов государственной власти, то по завершении строительства создание местных органов власти для осуществления руководства территорией, поддержания там законности и правопорядка стало необходимо. Последнее обстоятельство имело особое значение из-за своеобразного состава населения в этих местностях – освобождающиеся из лагерей и остающиеся на жительство бывшие заключенные создавали чрезвычайно напряженную обстановку, чреватую нарушениями законности и правопорядка. Руководство республики обращало внимание на то, что «это не первый случай организации поселковых советов в промышленных поселках с аналогичным как в Инте, Яреге и Водном составом населения. Таковы поселковые советы в Ухте, Воркуте, Канине, Железнодорожном, Вожаеле и др. Целесообразность создания там местных органов власти подтвердила жизнь. Поссоветы стали подлинными органами власти, стоящими на страже социалистической законности, чего не было ранее из-за отдаленности этих населенных пунктов от сельских и районных центров».

В октябре-ноябре 1943 г. Верховный Совет Коми АССР вновь обратился в Президиум Верховного Совета РСФСР с просьбой о положительном решении вопроса по поселкам Ярега, Водный и Инта, мотивируя это тем, что «само руководство лагерей стало настойчиво добиваться быстреего созда-

ния там органов власти». По состоянию на 10 октября 1943 г. вольнонаемное население Яреги составляло 2 100 чел., а вместе с проживавшими на ближайших станциях и разъездах СПЖД – 2345 чел.; вольнонаемное население Водного – 1 554 чел. 16 марта 1944 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета РСФСР «Об отнесении к категории рабочих поселков населенных пунктов Инта Кожвинского района, Ярега и Водный Ухтинского района».

На северо-востоке республики почти все новые городские поселения были основаны, так сказать, «на пустом месте», кроме поселка Абезь, возникшего по соседству с одноименной деревней в связи со строительством и пуском рабочего движения на железнодорожной магистрали. Находившийся на пересечении железной дороги с р. Усой населенный пункт Абезь превратился в крупный железнодорожный и водный транспортный узел.

А в южных районах Коми АССР появилось только одно новое поселение городского типа, причем к «новым» его можно причислить только условно. В сущности, этот населенный пункт – Кажим – лишь восстановил и развил свой статус, который он имел в 1920-х гг. и которого лишился в 1930-х. Существовавший тут завод в годы Великой Отечественной войны был восстановлен и пущен в эксплуатацию силами вольнонаемных рабочих и заключенных Ухтижемлага. В Кажиме также располагались леспромхоз, мастерские Сысольского райпромкомбината. На 1 января 1944 г. в Кажиме проживало 1272 чел., из них рабочих и служащих – 580, колхозников – 504, единоличников – 13, временно проживающих – 175 чел. В связи с тем, что колхозники были заняты в основном на восстановлении завода, существовавший в Кажиме колхоз предполагалось ликвидировать и организовать вместо него подсобное хозяйство завода. После этого практически все население Кажима должно было перейти в разряд рабочих и служащих. В результате Кажим вновь обрел статус городского поселения. 15 февраля 1944 г. был издан Указ Президиума Верховного Совета Коми АССР «Об отнесении населенного пункта Кажим Сысольского района к категории рабочих поселков». Верховный Совет РСФСР утвердил его 16 марта 1944 г.

В начале 1945 г. в республике проживало (без заключенных) 277,2 тыс. чел. наличного населения (на 19% меньше, чем за четыре года до этого), из них городского – 76,8 тыс., сельского – 200,4 тыс. В 1941–1945 гг. городское население увеличилось в два раза, сельское – уменьшилось более чем на треть. В подавляющем большинстве сельскими жителями были коми. Поэтому можно говорить о том, что именно коми деревня понесла наиболее ощутимый урон в годы войны. Почти поголовная мобилизация сельского мужского населения призывного возраста на военную службу поставили коми деревню на грань демографической катастрофы. Начавшаяся в годы войны депопуляция коми села предопределила все послевоенное развитие деревни. Довоенную численность сельского населения удалось восстановить только к середине 1950-х гг.

Мощный поток переселенцев, людей самых разных национальностей и в основной своей массе прибывших в республику не по доброй воле, а в результате проводимой государством политики насильственного переселения, привел к изменениям в этнической структуре населения республики. С этого времени многонациональный состав населения стал характерной и устойчивой особенностью Коми АССР, особенно в городской местности.

Очерк 7. ОТ ПЕРЕПИСИ К ПЕРЕПИСИ. (НАСЕЛЕНИЕ КОМИ РЕСПУБЛИКИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА)

Даешь нефть, газ и лес!

После того, как закончилась самая кровопролитная в истории нашей страны, да и всего человечества война, на очередь дня стало налаживание мирной жизни. Война нанесла страшный удар экономике, причем не только тех регионов, которые пострадали от оккупации и военных действий, но и тыловых, таких как Коми АССР. Последствия войны еще очень долго сказывались на развитии хозяйства республики. Уцелевшие в боях солдаты вернулись домой, но на предприятиях и в колхозах все равно не хватало рабочих рук.

Во время войны в Коми было построено немало шахт, промышленных предприятий, дававших остро необходимую тогда продукцию. Но строили их в крайней спешке, далеко не всегда соблюдая необходимые технические требования, так что вскоре выяснилось, что большинство предприятий надо было ремонтировать, реконструировать, а то и просто-напросто строить заново. Наряду с этим нужно было возводить и новые шахты и заводы. Республика, как и вся страна, превратилась в гигантскую стройку. За рубежом думали, что Советскому Союзу потребуется не одно десятилетие для того, чтобы восстановить разрушенное войной. Но только за пять лет (с 1946-го по 1950-й) в СССР восстановили или построили 6200 крупных предприятий. В Коми в эти годы вступили в строй 22 шахты. Масштабы строительства были так велики, что потребовалось соорудить специальные заводы, выпускавшие стройматериалы: тогда же заработали кирпичные заводы в Ухте, поселках Косью и Крутая, цементный завод в Воркуте, завод шлакоблоков в Инте... И в последующие годы и десятилетия строились новые шахты и другие предприятия.

Например, в Воркуте в 1945 г. вступил в строй кирпичный завод № 2, в 1946–1950-м на Воркутском месторождении были заложены две шахты, введены в эксплуатацию семь шахт. В 1947 г. построен деревообрабатывающий завод с лесопильным, столярным и мебельным цехами. В конце 1947 г. на левом берегу Воркуты началось сооружение цементного завода; первая очередь была закончена в 1950-м, вторая – в начале 1953 г. В 1951 г. построена и сдана в эксплуатацию первая обогатительная фабрика на шахте № 17, в 1952–1957 гг. появились обогатительные фабрики еще на семи шахтах. В 1955 г. построен и введен в эксплуатацию известковый завод. В 1951–1956 гг. на Воркутском месторождении были заложены четыре шахты, введены в эксплуатацию семь шахт. 26 декабря 1956 г. был сдан в эксплуатацию новый завод сборных железобетонных изделий. Вот краткое описание города в 1957 г.: «...Вдоль железнодорожного полотна протянулся первый в Заполярье бульвар, построенный жителями в 1945 в честь победы над фашистской Германией. На бульваре – газоны с яркими тундровыми цветами и травами, ивовый кустарник и тонкие

березки. От бульвара по ул. Комсомольской... мы выходим на Московскую площадь», оттуда «Ленинградская ул. выводит нас к городскому стадиону, а Московская – к главной магистрали города – ул. Ленина... На Московской ул. размещены красиво облицованное плитами здание горкома КПСС, гостиница, почта, универмаг. Заканчивается эта ул. площадью Metallистов», где «будет построен двухэтажный кинотеатр. Первая очередь ул. Ленина до пл. Мира застроена 2-х и 3-хэтажными зданиями. Тротуары и проезжая часть сделаны из бетона. Пл. Мира окружена жилыми домами, в первых этажах которых размещены общественные, торговые и административные помещения... Центральным зданием ансамбля площади будет строящийся... монументальный Дворец культуры. В комплексе с Дворцом культуры будет построен Дворец пионеров, в котором предусматривается устройство зимнего сада для детей. в том же районе намечено строительство музыкальной школы. Начиная от пл. Мира, ул. Ленина будет застраиваться 4-этажными зданиями... Центральная площадь... пока еще не имеет названия, но строительство ее уже начато. Открывается площадь двумя 4-этажными жилыми домами и зданием научно-исследовательского угольного института. В северо-западной части... сооружается закрытый плавательный бассейн... Введено... монументальное 5-этажное здание горного техникума. Рядом с ним строится... общежитие для учащихся, ...а напротив намечено построить гостиницу. Центральным зданием площади будет Управление комбината «Воркутуголь». Минувя эту площадь, ул. Ленина поворачивает к северу и вливается в центральный район города. Здесь... предусмотрено строительство Дома Советов, Дома промышленности, городского театра... и др... Широкий проспект соединит ул. Ленина с живописным высоким берегом реки Воркуты. Прямой, как стрела, отрезок центральной части ул. Ленина, с бульваром посредине, выходит к интенсивно застраиваемому северному району города – бывшему рабочему поселку шахт №№2, 3, 4 и 40. Около шахты № 40 устроен и теперь будет благоустраиваться загородный парк... Небольшая роща из древовидных ив – любимое место отдыха воркутян в период короткого полярного лета». В 1959 г. был сдан в эксплуатацию телецентр; тогда в Воркуте проживало 83,2 тыс. чел., на всей территории, подчинявшейся Воркутинскому горсовету – 179,4 тыс. чел. В 1975 г. в Воркуте была построена крупнейшая в Европе шахта «Воргашорская».

Геологи открывали новые месторождения нефти и газа. Только за первые пять послевоенных лет в эксплуатацию ввели 75 нефтяных и газовых скважин. На новый уровень вышла нефтеперерабатывающая промышленность – реконструированный Ухтинский нефтеперерабатывающий завод, на который поступала нефть по новому нефтепроводу с Войвожского месторождения, не только полностью обеспечивал Коми АССР основными видами нефтяного топлива, но и поставлял свою продукцию в 24 региона страны. В шестидесятых–восьмидесятых годах стали разрабатываться новые нефтяные месторождения – Тэбукское, Усинское, Пашнинское, Северо-Савиноборское...

Открытие крупного месторождения газа на Вуктыле, строительство мощных газопроводов из Коми в центр страны позволили создать в республике новую отрасль промышленности – газодобывающую. В почти безлюдных ранее местах возникли новые города Вуктыл и Усинск, несколько крупных поселков. Бурение первой на Вуктыле скважины началось 23 марта 1962 г. Работа велась в сложных условиях, не было никаких подъездных путей. Все необходимое доставлялось от р. Печоры специальными высокопроходимыми тракторами, которые могли делать только один рейс в неделю. В октябре 1964 г. был получен первый газ. В ноябре 1966 г. был утвержден составленный Коми филиалом ВНИИгаз проект разработки месторождения. 29 декабря 1966 г. на территории Подчерского сельсовета был зарегистрирован вновь возникший населенный пункт – поселок Вуктыл. В начале 1967 г. удалось добиться главных успехов в бурении скважин. 10 мая 1967 г. было принято решение Совета Министров СССР о строительстве магистрального газопровода с Вуктульского месторождения в центр и на северо-запад страны. В августе 1967 г. началось строительство газопровода Вуктыл–Ухта–Торжок. В феврале 1968 г. строительство газопровода «Сияние Севера» было объявлено Всесоюзной ударной комсомольской стройкой. В том же году Вуктыл стал рабочим поселком. В марте 1969 г. вуктыльский газ стал поступать на Череповецкий металлургический завод. В 1970 г. в Вуктыле жили 7814 чел. В 1973 г. начались изыскания на новой трассе второй очереди газопровода (от Вуктыла через Урал к Надыму). С 21 февраля 1975 г. рабочий посёлок Вуктыл стал центром нового Вуктыльского района. 21 августа 1984 г Вуктыл преобразован в город районного подчинения, 17 июля 1989 г. – в город республиканского подчинения. В 1992 г. в городе было 19 тыс. жителей.

В 1960 г. была проведена первая буровая на р. Усе, показавшая наличие нефти. Весной 1962 г. геологи стали исследовать местность близ устья речки Болванбож, впадающей в Усу. По рассказам жившего здесь рыбака П.Г. Туркина, «сначала они приходили маленькими группами. Потом стали появляться целыми отрядами... с техникой». В октябре 1962 г. на Усинской площади была получена первая нефть (тяжелая). В 1964 г. началось строительство поселка. В 1965 г. тут обосновалась нефтеразведочная экспедиция глубокого бурения. 31 августа 1966 г. был зарегистрирован вновь возникший поселок Усинск. В феврале 1968 г. была добыта легкая нефть. В 1970 г. в Усинске насчитывалось 714 постоянных жителей. 20 ноября 1970 г. пленум Коми обкома КПСС постановил «начать в 1971 г. строительство постоянного благоустроенного поселка Усинск с объектами культурно-бытового назначения», «принять меры к ускорению проектирования и строительства линии электропередачи Печора – Усинск», после 1971 г. «приступить к строительству дороги Печора – Усинск». Зимой 1972–1973 г. началось строительство нефтепровода Усинск – Ухта; главные трудности при его прокладке возникли при форсировании р. Печоры, что было осуществлено в конце июля 1973 г.

В августе 1973 г. Усинское месторождение ввели в опытно-промышленную эксплуатацию, по нефтепроводу пошла первая нефть. 16 апреля 1974 г. было принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по усилению геологоразведочных работ и развитию нефтяной и газовой промышленности в северных районах Коми АССР и Ненецком национальном округе Архангельской области», сыгравшее важную роль в дальнейшей судьбе Усинска. В это время уже шло строительство железной дороги Сыня – Усинск (с марта 1974 г.), была проложена зимняя автодорога Печора – Усинск – Возей, вступила в строй в 1974 г. линия электропередач Ухта – Печора – Усинск. Началось возведение объектов стройиндустрии, материально-технического снабжения и баз по ремонту оборудования в поселке, который 21 февраля 1975 г. стал центром нового Усинского района. В 1980 г. Усинское месторождение было выведено на проектную мощность; в том же году ввели в строй вторую цепь линии электропередач Печора – Усинск. 20 июля 1984 г. поселок преобразован в город. В 1989 г. здесь жили 53,1 тыс. чел.

Конечно, далеко не все надежды оправдывались. Весной 1956 г. получили газ из первой скважины в верховьях Печоры – на Джеболе. Начался настоящий «Джебольский бум». Многие надеялись на то, что открыто крупное месторождение газа и нефти. Началось быстрое освоение этого района, тут пробурили 55 скважин, истратили огромное количество денег, собирались даже строить газопровод Джебол–Свердловск... Но, увы, месторождение не оправдало надежд, запасы газа оказались невелики.

Во второй половине шестидесятых годов наконец-то осуществилась давнишняя мечта – в республике возникло новое целлюлозно-бумажное производство. Еще 3 ноября 1929 г. в селе Слобода (на территории современного Эжвинского района Сыктывкара) состоялся митинг, посвященный намеченному здесь строительству целлюлозно-бумажного комбината. В 1930 г. в Слободе даже началось строительство четырехрамного лесопильного завода, который должен был производить продукцию на экспорт. Но уже через год строительство прекратили, и план осуществился только через 40 лет... В 1960 г. было принято решение о строительстве Сыктывкарского лесопромышленного комплекса. Место для него было отведено на территории Слободского поссовета, вблизи рабочего поселка Слобода. Строительство продолжалось несколько лет. Возводили несколько лет его и опытные строители-профессионалы, и молодежь из разных уголков страны (строительство было объявлено Всесоюзной ударной комсомольско-молодежной стройкой), и заключенные, да еще и с помощью иностранных специалистов. Только в декабре 1968 г. на Сыктывкарском ЛПК провели первые пробные варки целлюлозы. В марте следующего года первая партия сульфатной целлюлозы с Сыктывкарского ЛПК отправлена в Венгрию, а в июне пущен первый поток по выпуску 172,5 тыс. тонн сульфатной целлюлозы и 140 тыс. тонн картона

в год. С тех пор «гигант на Вычегде» – крупнейшее и самое известное промышленное предприятие Сыктывкара.

Кроме Сыктывкарского ЛПК, появились Жешартский фанерный комбинат, Княжпогостский завод древесноволокнистых плит. Да и ветеран «лесного фронта», Сыктывкарский лесозавод тоже «тряхнул стариной» и стал лесопильно-деревообрабатывающим комбинатом... Знаменательное событие произошло на рубеже шестидесятых и семидесятых годов – в Коми появились рабочие из Болгарии, построившие тут три поселка: Усогорск, Междуреченск и Благоево, и наряду с коми и русской речью в удорской тайге зазвучала и болгарская. В «Удорской Болгарии» работали до 20 тыс. болгар.

Возникли и совершенно новые предприятия. В Сыктывкаре была построена крупная фабрика нетканых материалов. Коми республика могла бы внести немалый вклад даже в освоение космоса – через четверть века после полета Юрия Гагарина решено было построить в столице огромный завод «Орбита», выпускавший бы военную и космическую продукцию, среди которой детали для космических кораблей «Буран». Началось даже строительство, но завершить его не успели.

Основной рабочей силой старых и многочисленных новых предприятий в первое послевоенное десятилетие по-прежнему были заключенные и спецпереселенцы. Продолжали присылать в Коми АССР членов семей ОУНовцев. В начале 1947 г. в республике их насчитывалось более пяти с половиной тысяч, в 1950 г. около пяти тысяч.

После войны в Коми АССР прислали большое количество репатриированных немцев (граждане СССР немецкой национальности, уехавшие или увезенные во время войны в Германию и возвращенные оттуда после Победы). В конце 1946 г. их в республике было свыше 12 тыс., в основном, уроженцы Украины – Одесской, Николаевской, Запорожской, Житомирской, Днепропетровской областей. Расселили их, главным образом, в пригородах Сыктывкара, Усть-Вымском, Сыктывдинском и Железнодорожном (современный Княжпогостский) и некоторых других районах. Все они состояли на специальном учете. В 1953 г. в республике на спецучете числился 12141 немец.

Частичное освобождение немцев началось в 1954 г., когда им разрешили свободно передвигаться в пределах республики, выезжать в командировки, являться на отметку в органы МВД один раз в год; дети немцев были сняты со спецучета. В 1964 г. немцев освободили из-под административного надзора. Но только в 1972 г. им было разрешено селиться в других районах страны и возвращаться в родные места.

Появились в республике и новые категории «подневольных жильцов». В 1946–1947 гг. основная масса мелких коллаборационистов, служивших, как правило, рядовыми в немецкой армии, в Армии Власова, национальных легионах, полиции и т. д. была отправлена на 6-летнее спецпоселение. Их

условно называли «власовцами». Как мы уже рассказывали, в течение войны численность спецпереселенцев в Коми АССР, в том числе занятых в лесной промышленности, снижалась, поэтому «власовцы» восполнили недостающие в спецпоселках рабочие руки. В марте 1947 г. в Коми находилось около 10 тыс. «власовцев». В 1952 г. их основная часть была освобождена; в 1953 г. в республике их насчитывалось 2540 чел.

«Бывшие кулаки» (раскулаченные крестьяне) работали на предприятиях министерств лесной промышленности, земледелия, местной промышленности, речного флота, жилищного и гражданского строительства, просвещения, здравоохранения, торговли земледелия и министерства внутренних дел. Приоритетной была лесозаготовительная отрасль. В 1954 г. все «бывшие кулаки» были сняты с учета и окончательно уравнины в правах с «вольным» населением. Местное руководство было очень заинтересовано в том, чтобы бывшие спецпереселенцы, долгое время работавшие в лесной промышленности и восстановленные в правах, остались в республике. Ради этого пытались улучшить их снабжение, повысить зарплату, распространить на них ряд льгот. Однако, несмотря на предпринятые меры, спецпереселенцы после освобождения в массовом порядке начали выезжать из Коми АССР.

Недостаток рабочих рук на лесозаготовительных предприятиях пытались восполнить за счет ссыльных, среди которых было много осужденных по уголовным статьям. В результате в лесных поселках (бывших спецпоселках) резко возрос уровень преступности. Кроме того, рабочие из ссыльных не могли полноценно заменить спецпереселенцев, так как не имели опыта работы в лесной промышленности.

В середине пятидесятых годов система ГУЛАГа в Коми АССР была ликвидирована. И хотя заключенных продолжали использовать и позднее – в первую очередь, на лесоповале и стройках, – все же на смену экономике ГУЛАГа в основном пришел вольнонаемный труд.

Правда, среди нанимавшихся на работу было немало все тех же бывших заключенных. Но приезжали и рабочие по оргнаборам и вольному найму. Большую часть прибывших составляли представители трех союзных республик – России, Украины, Белорусии. В пределах России основная доля приезжих приходилась на соседние с республикой Кировскую, Архангельскую, Вологодскую области, а также Московскую, Смоленскую, Брянскую области, Краснодарский край, Урал. В 1953 г. предприятия угольной, нефтяной и лесозаготовительной промышленности начали переходить на работу с постоянными вольнонаемными кадрами. Главной формой привлечения рабочей силы в промышленность стал централизованный оргнабор рабочих на основе трудовых соглашений. Приезд рабочих и служащих и закрепление их на постоянное жительство в республике стимулировали постановления правительства СССР от 21 мая 1947 г., 28 ноября 1951 г., 26 августа 1955 г., вводившие различные льготы для северян.

Представители предприятий республики выезжали в другие регионы, проводили организованные наборы рабочих, уговаривая их ехать на север за «длинным рублем» (заработки на севере были повыше). За три года, с 1956 по 1958 г., в республику для работы на лесозаготовке и угольных шахтах приехали более ста тысяч человек! Очень много было и демобилизованных из армии солдат. Только в 1956 и 1957 гг. на воркутинские шахты прибыло около 15 тыс. вчерашних военных. Конечно, немало было тех, кто, заработав денег, уехали назад в более теплые края. Но многие, покоренные суровой красотой Севера, остались тут навсегда, став настоящими северянами.

Все это заметно повлияло на национальный состав населения. В Ухтинском районе, например, в 1953 г. проживало 62,5 тыс. чел., из них коми 3,7 тыс. чел. или 5,9%. В Троицко-Печорском районе из 19,8 тыс. чел. населения только 6,8 тыс. чел. (34%) составляли коми. К 1 января 1957 г. из 734,1 тыс. жителей республики представителей коми национальности насчитывалось около 300 тыс. чел. В январе 1959 г. состоялась очередная Всесоюзная перепись населения. Тогда в Коми АССР насчитывалось 806,2 тыс. жителей. Но в том же году, после переписи, из Ненецкого национального округа в состав Коми АССР были переданы рабочие поселки Хальмер-Ю и Цементнозаводской, а из Кировской области в состав Койгородского района вошел Верхне-Турьинский сельсовет. Так что всего в современных пределах республики проживало в начале 1959 г. 815,8 тыс. чел.

По сравнению с 1939 г. численность жителей республики возросла в 2,6 раза. С 1939 по 1959 г. произошли значительные изменения в распределении населения между городом и селом. В послевоенный период число горожан в Коми росло рекордными темпами, опережая все остальные республики России. Численность городского населения возросла в 16,6 раза, в то время как сельского – только в 1,1 раза. В 1959 г. в городах и поселках городского типа проживало уже 59% населения (а в 1939 г. – всего 9%). За эти годы Печора стала городом районного подчинения (18 января 1949 г.), Ухта – городом республиканского подчинения (16 ноября 1953 г.), Инта – городом районного (4 октября 1954 г.), а затем республиканского подчинения (28 сентября 1957 г.), Сосногорск – городом районного подчинения (1 декабря 1955 г.).

Были организованы новые рабочие поселки. Так, в ноябре 1945 г. Президиум Верховного Совета Коми АССР подготовил и отправил в Москву на утверждение документы о создании в г. Воркуте шести новых рабочих поселков, но Москва утвердила только два. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 25 апреля 1946 г. к категории рабочих поселков были отнесены: поселок при втором угольном районе пригородной зоны Воркуты с присвоением ему наименования рабочий поселок Горняцкий; поселок при четвертом угольном районе пригородной зоны Воркуты с присвоением ему наименования рабочий поселок Октябрьский. Оба поселка в административном отношении были подчинены Воркутинскому горсовету. Численность вольнонаем-

ного населения поселка Горняцкий в конце 1945 г. составляла 4080 чел., в том числе работающих – 2755 чел., поселка Октябрьский – 2830 чел., в том числе работающих – 2315 чел. 29 ноября 1945 г. издано постановление Президиума Верховного Совета Коми АССР «Об отнесении населенного пункта Ошкурья Усть-Усинского района к категории рабочих поселков» (утверждено Президиумом Верховного Совета РСФСР 10 мая 1946 г.). Населенный пункт Ошкурья, располагавшийся в 12 км от райцентра – с. Усть-Уса, возник на берегу р. Печоры в связи со строительством затона Печорского речного пароходства.

Урбанизационные процессы в республике, несомненно, оказали свое влияние на усиление нестабильности общества, общественной жизни – в первую очередь в северных районах Коми АССР, где появление многочисленных иноэтничных переселенцев оказывало значительное воздействие на культуру, образ жизни местных жителей. А наличие среди этих переселенцев большого числа заключенных, среди которых имелось множество уголовных преступников, совершенно очевидно, усугубляло положение, хотя в условиях тоталитарного общества государство было в силах удерживать ситуацию в определенных пределах. Тем не менее можно говорить, что уже в 40-х гг. XX в. был сделан весьма важный шаг на пути превращения преимущественной сельской Коми республики в преимущественно городскую, с соответствующими изменениями не только в сфере экономики (доли занятых в промышленности и сельском хозяйстве и т.п.), но и в бытовой сфере. Сельская цивилизация с не запиравшимися в коми и русских деревнях дверями и доброжелательным отношением к странникам стала сменяться городской – с пудовыми замками и всеобщей подозрительностью. Впрочем, это процесс занял не одно десятилетие.

Пятидесятые годы являлись периодом наибольшего общего прироста населения республики в XX в. В первой половине 1950-х гг. число жителей росло, в основном, благодаря притоку переселенцев – в среднем за год количество обитателей увеличивалось на 25,6 тыс. чел. за счет переселений и лишь на 15,6 тыс. чел. за счет естественного прироста местного населения. А с 1956 г., несмотря на продолжавшиеся переселения в Коми АССР жителей разных регионов, население стало увеличиваться, в основном, за счет естественного прироста; среднегодовой естественный прирост составлял в 1956–1960 г. 19,9 тыс. чел., а прирост за счет новых переселенцев – 16,4 тыс. чел.

Значительные изменения произошли в национальном составе населения. Наиболее многочисленными национальностями являлись русские, ставшие к 1959 г. самой многочисленной национальностью республики, коми, а также украинцы, белорусы и немцы. К национальностям, чья численность не превышала тысячу человек, принадлежали удмурты, казахи, марийцы, башкиры, цыгане, карелы, финны, осетины, ненцы, китайцы, болгары, туркмены, корейцы, чеченцы, коми-пермяки и др. Так в Коми республике сложилось многонациональное население. Бок о бок живут здесь коми, русские, украинцы, немцы, татары и многие другие...

Численность коми по сравнению с 1939 г. увеличилась на 13,9 тыс. чел. За двадцать лет прирост составил 6%. Темпы роста численности коми в это время снизились из-за невосполнимых потерь в годы войны. Перекоп половозрастной структуры населения (женщин стало гораздо больше, чем мужчин) привел к резкому увеличению в послевоенный период числа браков коми женщин с мужчинами других национальностей. Дети, рожденные в межнациональных браках, чаще выбирали национальность отца.

В то же время численность русских и других национальностей стремительно росла. За двадцать лет русские увеличили свою численность на 319,8 тыс. (в 5,5 раз). Их удельный вес в составе населения возрос с 22,0 до 46,4%. Украинцы занимали третье место по численности вслед за русскими и коми. С 1939 г. украинское население возросло более чем в 13 раз. Численность белорусов за этот же период возросла в 6,8 раза, немцев – в 7,6 раза.

Удельный вес группы малочисленных национальностей с 1939 г. вырос с 1,8 до 6,1%. Их общая численность увеличилась на 44,3 тыс. чел. (в девять раз). Представители таких национальностей, как поляки, евреи, татары, чуваша, эстонцы, армяне, латыши, литовцы молдаване, грузины увеличили свою численность в десятки и сотни раз. В республике появились ранее не проживавшие здесь азербайджанцы, туркмены, башкиры, чеченцы, болгары, китайцы, корейцы и др.

Русские были расселены по всей территории республики. Они составляли основную часть населения городов и рабочих поселков. Представители всех национальностей, кроме коми, были в подавляющем большинстве городскими жителями. Особенно большой процент горожан был среди евреев, латышей, литовцев, эстонцев, украинцев – от 80% и выше. В северных городах и поселках городского типа преобладало русско-украинское население – до 75–80% жителей. Так, в Воркуте, которая по переписи 1959 г. являлась самым крупным городом республики (175 тыс. жителей), русские составляли 62,4%, украинцы – 17,3%, в Инте соответственно 57,3 и 19,9%, в Ухте – 65,2 и 9,8%, в Печоре – 67,8 и 11,7%.

В январе 1970 г. прошла новая перепись населения. Общая численность жителей Коми АССР составила 964,8 тыс. чел. В сравнении с 1959 г. она возросла на 149,0 тыс. чел., или на 18,3%. Прирост населения в республике был значительно выше, чем в целом по России (для сравнения: среднегодовой прирост за 1959–1970 гг. составил по СССР 16,0%, по РСФСР – 10,7%). Численность населения росла как в городской, так и сельской местности. Городское население республики за 1959–1970 гг. увеличилась на 113,4 тыс. чел., или на 23,3%, сельское – на 35,7 тыс. чел., или 10,8%. Но если доля горожан в составе населения за межпереписной период поднялась с 59,3 до 61,9%, то доля сельских жителей снизилась с 40,7 до 38,1%.

На момент проведения переписи 1970 г. в республике было семь городов и 34 поселка городского типа. 23 марта 1959 г. статус города получил

поселок Микунь. В 13 районах республики насчитывалось 157 сельсоветов, 1068 сельских населенных пункта. Число сельских населенных пунктов подчиненных сельсоветам равнялось 971, в них проживало 313,8 тыс. чел. Число сельских населенных пунктов, подчиненных городским и поселковым советам равнялось 97, в них проживало 33,7 тыс. чел. С 1959 г. численность населения увеличилась во всех районах, кроме Княжпогостского, Койгородского и Усть-Вымского.

С 1959 по 1970 г. в республике продолжался рост численности городского населения. Темпы роста городского населения по сравнению с 1940–1950 гг. значительно снизились, но оставались очень высокими. За 1959–1970 гг. в городах Сыктывкаре, Воркуте, Печоре население увеличивалось, а в Инте и Ухте – уменьшилось. Городское население увеличивалось за счет естественного прироста, притока населения из сельских местностей республики и притока мигрантов из-за пределов республики, а также за счет преобразования сельских населенных пунктов в городские.

По переписи 1970 г. в Коми АССР проживали представители 70 наций и народностей СССР и 30 национальностей, проживающих в основном за пределами СССР. Группу наиболее многочисленных национальностей по-прежнему составляли русские, коми, украинцы, белорусы, немцы. Далее следовали по численности татары и чуваша, потеснившие поляков и литовцев, чья численность и удельный вес за межпереписной период заметно сократились.

К 1970 г. русские стали составлять абсолютное большинство населения. Точнее, их доля в составе населения превысила половину еще в начале 1960-х гг. К 1970 г. удельный вес русских поднялся до 53,1%. Абсолютная численность коми за межпереписной период также выросла, но удельный вес коренного этноса в общей численности населения продолжал снижаться и составил к 1970 г. 28,6%. Кроме русских и коми, наиболее динамично шел рост численности татар и чувашей. Несмотря на увеличение абсолютной численности украинцев и белорусов их доля в составе населения с 1959 по 1970 г. снизилась. Удельный вес украинцев снизился с 10,0 до 8,6%, белорусов – с 2,8 до 2,6%.

В 1960-е гг. произошло значительное сокращение численности и удельного веса немцев и группы «другие национальности», которое объясняется их миграцией за пределы республики. Наиболее существенно уменьшилась в республике численность немцев, поляков, литовцев. Численность немцев сократилась на 5,2 тыс. чел., их удельный вес снизился с 2,4 до 1,5%. Численность литовцев сократилась с 8,3 тыс. в 1959 г. до 5,4 тыс. чел. в 1970 г., поляков с 3,1 тыс. до 2,5 тыс. чел. Снизился и удельный вес этих национальностей, которые по переписи 1959 г. являлись одними из наиболее многочисленных в республике.

По сравнению с 1959 г. в республике возросла численность казахов и молдаван (в 2,3 раза), башкир, осетин, народностей Севера, болгар. Из на-

родов финно-угорской группы увеличилась численность коми-пермяков, карел, мордовцев, марийцев, удмуртов, но уменьшилась – эстонцев и финнов. Уменьшилась по сравнению с 1959 г. численность узбеков, грузин, азербайджанцев, латышей, армян, туркмен, чеченцев, евреев, цыган, китайцев, корейцев. Согласно переписи 1970 г. в республике проживало 1955 болгар, граждан Народной республики Болгарии, работавших в совместных советско-болгарских лесозаготовительных предприятиях и включенных при переписи в состав населения Удорского района.

Представители большинства национальностей являлись в большинстве своем городскими жителями. Особенно велика была доля горожан у евреев (86,7% от численности евреев), литовцев (86,3%), татар (78,2%). Только у коми (66,9%) и молдаван (56,5%) большая часть этноса являлись сельскими жителями.

По итогам переписи 1979 г. численность населения Коми АССР составила 1110,4 тыс. чел. С 1970 по 1979 г. население республики увеличилось на 145,6 тыс., или 15,1%. Основным источником формирования населения являлся естественный прирост, который в 1970-е гг. почти в два раза превышал миграционный. На долю естественного прироста приходилось 65%, на долю миграционного – 35% общего прироста населения.

В 1970-е гг. темпы роста численности городского населения республики по сравнению с 1960 г. увеличились. Он был одним из самых высоких в СССР. Численность городского населения выросла на 189,1 тыс. чел., или на 31,7%. Среднегодовые темпы прироста городского населения составили 3,5%. Численность населения возросла во всех городах республики. Особенно быстрыми темпами развивались города Сыктывкар, Ухта, Печора. Замедлились темпы роста населения городов Воркуты и Инты, где численность населения осталась на уровне 1970 г. По переписи 1979 г. в республике насчитывалось семь городов (как в 1970 г.) и 46 поселков городского типа (на 12 больше, чем в 1970 г.).

В динамике численности национального состава в межпереписной период 1970–1979 гг. сохранялись тенденции 1960-х гг. Темпы увеличения численности коренного этноса снижались. Прирост коми за девять лет составил 1,7%. Продолжал снижаться их удельный вес в составе населения – с 28,6% в 1970 г. до 25,3% в 1979 г. Большая часть коми по-прежнему проживала в сельской местности, но к 1979 г. городские коми составляли уже 41,7% от общей численности этноса. Несмотря на увеличение численности городских коми, их удельный вес во всех городах республики снизился.

Прирост русского населения в целом по республике составил 22,9%. Их доля в составе населения увеличилась за 1970–1979 гг. с 53,1 до 56,7%. Русские увеличили численность и удельный вес во всех городах республики. Прирост украинцев также был существенным – 13,5%, но при этом доля их в составе населения снизилась на 0,1%. Численность украинцев уменьшилась

в городах Инте и Печоре, в восьми районах. Численность белорусов осталась на уровне 1970 г., но их удельный вес сократился с 2,6 до 2,2%. Численность и доля белорусов снизились в городах Воркуте и Инте, в 13 районах.

Быстрыми темпами продолжала увеличиваться в республике численность татар и чувашей. Численность татар увеличилась за 1970–1979 гг. на 49,6%, удельный вес – на 0,4%. Прирост чувашского населения составил 28,8%, их доля в составе населения также увеличилась. Татары и чувашаи увеличили свою численность и удельный вес почти во всех городских поселениях, но шло сокращение их численности и удельного веса в сельской местности.

Численность и удельный вес немцев в численности населения республики продолжали сокращаться. С 1970 по 1979 г. численность немцев сократилась на 8,9%. Их удельный вес сократился с 1,5 до 1,2%. Численность немцев сократилась в 14 районах и во всех городах, кроме Печоры.

Высокими темпами увеличивалась численность группы «другие национальности» – на 16,6%. Но доля малочисленных национальностей в составе населения поднялась незначительно – на 0,5%. Динамика изменения численности отдельных национальностей из этой группы была различна. Так, численность киргизов выросла в 7,3 раза, узбеков – в 2,4 раза, каракалпаков – в 6,6 раза, таджиков – в 3,3 раза, туркмен – в 2,2 раза, башкир – в 3,2 раза, калмыков – в 3,3 раза, якутов – в 2,9 раза, табасараны – в 3,2 раза, азербайджанцы – в 2,3 раза, грузины – в 1,8 раза, балкарцы – в 3,5 раза, карачаевцы – в 2,3 раза, черкесы – в 2,0 раза, чеченцы – в 2,5 раза, кумыки – в 2,6 раза. В то же время уменьшилась численность евреев, литовцев, латышей, поляков, молдаван, казахов, адыгейцев, китайцев. Из народов финно-угорской группы увеличилась численность марийцев, мордовцев, удмуртов, коми-пермяков, венгров, уменьшилась – эстонцев, финнов, карел.

Материалы переписи населения 1979 г. показали, что численность населения растет и что в его составе происходят большие качественные изменения. Повышается уровень образования, усиливается социальная однородность общества, преодолеваются различия между городом и деревней. Но перепись показала и ряд тревожных симптомов в демографическом развитии страны – уровень рождаемости низкий, а уровень смертности выше, чем в развитых странах мира, естественный прирост невысок, что отрицательно сказывается на воспроизводстве населения. Перепись показала нестабильность семей, высокий процент разводов, особенно в молодых семьях.

По переписи 1989 г. общая численность населения Коми АССР составила 1 250 847 чел. С 1979 г. количество жителей выросло на 140 486 чел. (прирост 12,7%). В 1980-е гг. продолжался быстрый рост численности городского населения. С 1979 г. оно выросло на 157,9 тыс. чел., или на 20,1%. Доля городского населения в общей численности населения республики достигла 75,5%. Увеличение численности населения произошло во всех городах республики. Особенно быстрыми темпами в 1980-е гг. развивался г. Усинск.

Его население возросло за 10 лет в 2,4 раза. Стабильно быстрый рост численности населения был в Сыктывкаре и Ухте. Более медленно шел рост численности населения городов Воркуты, Инты и Печоры. В 1980-е гг. на карте республики появилось три новых города. 27 июля 1984 г. пос. Усинск приобрел статус города республиканского подчинения, 21 августа 1984 г. пос. Вуктыл – города районного подчинения. 2 августа 1985 г. пос. Железнодорожный был переименован в Емву и стал городом районного подчинения.

В 1980-е гг. национальный состав населения республики изменялся примерно так же, как и в 1960–1970-е гг. В группу наиболее многочисленных национальностей по-прежнему входили русские, коми, украинцы, белорусы, татары, чуваша, немцы. Численность коми по сравнению с 1979 г. увеличилась на 10 744 чел., или на 3,8%. При увеличении абсолютной численности коми, их доля в составе населения республики продолжала снижаться и составила в 1989 г. 23,3%.

В 1980-е гг. продолжалось увеличение городских коми. Но, несмотря на рост общей численности городских коми, их удельный вес в составе городского населения сокращался повсеместно, кроме Усинска. Численность коми увеличилась в Сыктывкаре, Печоре, Ухте, Усинске, Вуктыльском, Печорском, Сосногорском, Троицко-Печорском, Удорском, Усть-Куломском районах, уменьшилась в Инте, Воркуте, Ижемском, Корткеросском, Койгородском, Княжпогостском, Прилузском, Сыктывдинском, Усинском, Усть-Вымском, Усть-Цилемском районах. В 1989 г. коми продолжали составлять более половины населения Ижемского (86,6%), Корткеросского (70,0%), Прилузского (61,8%), Сыктывдинского (54,2%), Сысольского (69,4%), Усть-Куломского (71,1%) районов. Из городов республики наибольший удельный вес коми в 1989 г. был в Сыктывкаре (33,6%) и Печоре (11,9%), наименьший – в Воркуте (2,2%).

Абсолютная численность русских с 1979 г. выросла на 92 257 чел., или на 14,7%. Удельный вес русских в общей численности населения поднялся с 56,7 до 57,7%. Увеличение численности и удельного веса русских произошло в Сыктывкаре, Инте, Ухте, Княжпогостском, Корткеросском, Сысольском, Удорском, Усть-Вымском и Усть-Цилемском районах, уменьшение – в Ижемском, Койгородском, Прилузском, Троицко-Печорском, Усинском, Усть-Куломском районах. В городах Воркуте, Печоре, Усинске, Вуктыльском, Печорском, Сосногорском, Сыктывдинском районах при росте численности русских сократился их удельный вес.

Численность украинцев в 1979–1989 гг. возросла на 10 016 чел., или на 10,6%. Однако их доля в численности населения республики продолжала сокращаться – с 8,5 до 8,3%. Численность и удельный вес украинцев увеличились в Сыктывкаре, Прилузском, Удорском, Усинском районах. В большинстве сельских районов республики (Ижемском, Корткеросском, Койгородском, Княжпогостском, Сосногорском, Сыктывдинском, Сысольском,

Троицко-Печорском, Усть-Вымском, Усть-Цилемском) происходило снижение численности и удельного веса украинского населения. В городах Воркуте, Инте, Печоре, Ухте, Усинск, Вуктыльском и Усть-Куломском районах при увеличении численности украинцев сократился их удельный вес.

Численность белорусов в республике в тот же период увеличилась на 1967 чел., или на 7,7%. Доля белорусов в численности населения осталась на уровне 1979 г. – 2,2%. Белорусы несколько увеличили свою численность и удельный вес в городе Усинске, Княжпогостском, Прилузском, Удорском, Усинском, Усть-Вымском районах, снизили – в городе Воркуте, Койгородском, Сыктывдинском, Сысольском, Троицко-Печорском, Усть-Цилемском районах. В остальных городах и районах численность и удельный вес белорусов почти не изменились.

В 1980-е гг., как и в предыдущее десятилетие, в республике быстро росла численность татар. В сравнении с 1979 г. татары увеличили свою численность на 8143 чел., или на 46,1%. Их удельный вес в составе населения поднялся с 1,6 до 2,1%. Численность и доля татар увеличилась или осталась на уровне 1979 г. во всех городах и большинстве районов республики. Незначительное сокращение численности и удельного веса татар произошло только в Койгородском, Княжпогостском, Прилузском, Сысольском районах.

Быстрыми темпами увеличилась в республике в 1979–1989 гг. численность чувашей – на 2708 чел. (на 32,9%). Удельный вес чувашей в составе населения вырос незначительно (на 0,1%) и составил к 1989 г. 0,9%. Численность чувашей и их удельный вес увеличился или остался на уровне 1979 г. во всех городах и большинстве районов республики, снизились – в Печорском, Прилузском и Удорском районах.

Из группы основных национальностей за межпереписной период (1979–1989 гг.) снижение численности и удельного веса в составе населения республики произошло только у немцев. Их численность сократилась на 473 чел. (на 3%), удельный вес – с 1,2 до 1,0%. Численность немцев и их удельный вес сократились в большинстве городов и районов республики. Увеличение численности немцев при снижении их доли в составе населения произошло в Сыктывкаре и Ухте. Лишь в Сыктывдинском районе наблюдалось незначительное увеличение численности, и удельного веса немецкого населения.

Общая численность группы «другие национальности» с 1979 по 1989 г. увеличилась на 15 124 чел., или на 36,5%, и составила в 1989 г. 56 526 чел. Их доля в составе населения республики поднялась с 3,7 до 4,5%. Численность и удельный вес других национальностей увеличился почти во всех городах и районах республики. Особенно быстрыми темпами происходил рост этой группы в городе Усинске (в 3,2 раза с 1979 г.), Княжпогостском и Печорском районах (в 1,5 раза). Уменьшилась численность и доля группы «другие национальности» в Ижемском, Корткеросском, Койгородском, Сыктывдинском, Усть-Цилемском районах. Происходило дальнейшее увеличение численности

таких ранее малочисленных в республике народностей как азербайджанцы, узбеки, аварцы, даргинцы, кумыки, лакцы (в 2,2 раза), казахи (в 2,1 раза), туркмены (в 3,7 раза), балкарцы (в 3,5 раза), табасараны (в 2,3 раза). Численность литовцев, латышей, евреев, поляков, китайцев продолжала снижаться. Уменьшилась также численность бурят, каракалпакцев, якутов, румын, чехов. Из народов финно-угорской группы увеличилась численность марийцев, мордовцев, удмуртов, чувашей, коми-пермяков, уменьшилась – эстонцев, карел, финнов, венгров.

Неперспективные деревни

Среди нескольких сотен колхозов республики в послевоенные годы было очень много небольших, объединявших по 30, а то и меньше, крестьянских дворов. И земли у таких колхозов было мало, негде развернуться с техникой, да и возможностей для ее приобретения почти не было. Надо было каким-то образом вытаскивать сельское хозяйство республики из тяжелейшего положения, в котором оно находилось после войны. Но как? Зерновые культуры на Севере росли плохо, урожаи были невелики, забот требовали массу, а вот прибыли почти не давали. Колхозники платили высокие налоги, на оплату собственного труда оставались копейки. Не было ни сил, ни возможностей продолжать обрабатывать посевы, растить скот, и поля стали забрасываться, коров, овец, лошадей становилось все меньше...

Государству пришлось в пятидесятых годах снизить налоги, по более высокой цене закупать у колхозов их продукцию, но и это не могло спасти нищавшую деревню. Решили объединять маленькие колхозы в большие, надеясь, что большим коллективам легче будет и приобрести необходимую технику, и развивать на своих владениях различные отрасли сельского хозяйства. За 15 лет, с 1950-го по 1965-й, число колхозов в Коми сократилось в девять с половиной раз! Но и это не помогло выйти из положения. Своими силами крестьяне, даже объединившись, не в силах были выправить положение и обеспечить сколь-либо приличный уровень своей жизни. Тогда в шестидесятых годах решили вообще упразднить в республике колхозы и создать вместо них государственные сельские предприятия – «советские хозяйства» или совхозы. Все их имущество принадлежало уже не крестьянам-колхозникам, а государству. Крестьяне лишь нанимались работать в совхозы, как городские рабочие – на заводы. Зато рабочие совхозов получали от государства зарплату, государство же снабжало совхозы техникой, помогало деньгами. Для большинства крестьян оказалось выгоднее отдать имущество объединенных коллективных хозяйств в совхозы, чем пытаться решать все проблемы с ведением сельского хозяйства самим. Последний колхоз в Коми был ликвидирован в 1973 г.

Пришлось отказаться и от развития зернового хозяйства. Пытались, правда, внедрить в республике кукурузу («царицу полей», как ее называли), но успеха это начинание не имело – северный климат сказал свое веское слово, да и опыта ее выращивания у коми крестьян не было... Надо было найти

наиболее выгодный способ ведения сельского хозяйства. А тут еще сказала свое слово и быстро развивавшаяся промышленность: численность рабочих, да и городского населения в целом значительно увеличилась. Горожан надо было кормить. Конечно, много продуктов привозили в республику из других регионов. Но нужно было развивать и свое продовольственное хозяйство.

И тогда был сделан решительный поворот: посевы зерновых стали повсеместно сокращать (к 1985 г. они сократились более чем в сто раз по сравнению с сороковыми годами!), а вместо них развивать животноводство, сажать больше кормовых культур, картофеля. Строились крупные свиноводческие и мясо-молочные комплексы, птицефабрики.

Но, несмотря на все перемены, в деревне по-прежнему высока была роль ручного труда. Многие селяне и, прежде всего, молодежь, уходили в город в поисках более комфортабельных условий жизни, новых, более интересных профессий. Эту проблему тоже попытались было решить – но своеобразно. Все сельские поселения разделили на «перспективные» (то есть те, у которых есть перспективы, возможности для развития) и «неперспективные» – небольшие деревни, разбросанные по просторам республики, к которым дорого было прокладывать хорошие дороги, накладно содержать школы, библиотеки, невыгодно открывать магазины... Из тысячи сел, деревень, лесных поселков хотели оставить всего около сотни, а остальные закрыть, забросить, оставить на произвол судьбы. Их обитателей планировали переселить в крупные «перспективные» селения, которые собирались как следует благоустроить.

Если в списке населенных пунктов 1939 г. числилось 1218 сел, деревень и хуторов (выселков), то в 1989 г. – всего 534. В 1959 г. доля малых населенных пунктов (с числом жителей до 200 чел.) составляла 73,9%, а в 1989 г. – 51,1%. Только за 8 лет, в 1960–1968 гг. на этнической территории коми прекратили существование 119 **деревень и починков (не считая слившихся с более крупными селениями): 26 – в Прилузье, 20 – в Сыктывдинском, 19 – в Сысольском, 12 – в Троицко-Печорском районах и т.д.**

Только за двадцать лет, в 1970–1980-е гг., с карты республики исчезли триста селений. В некоторых районах обезлюдели обширные пространства. Так, в современном Койгородском районе на р. Кобре к середине пятидесятих годов перестали существовать отдаленные от центрального села починки и деревни – Суран, Половиной и др., в 1966 г. были исключены из учетных данных ближайшие к селу Кобра деревни Шутово, Артюхино и др., а в 1976 г. не осталось жителей и в самом последнем населенном пункте.

В Прилузском районе значительно сократилась заселенная территория в верховьях р. Лузы. К 1956 г. на р. Уле и севернее ее крайним селением оставалась д. Ула, в верховьях Лузы – починок Кресты. Территория по Лузе выше Крестов и между Лузой и Кузюгом **отошла к Кировской области. В 1956–1974 гг. прекратили существование Кресты и еще пять селений западнее и юго-западнее Верхолузья. К 1989 г. перестала существовать д. Ула. К 1989 г. осталось лишь**

три селения из всех, возникших в конце XIX – первой четверти XX в. в этом районе: с.Верхолузье и две небольшие деревни, Тылай и Чернушка, население которых продолжало уменьшаться (в начале 1992 г. в обоих деревнях насчитывалось менее 20 жителей).

На Летке к концу XX в. пустовало абсолютное большинство из 130 поселений, основанных в 1871–1929 гг. В 1971–1981 гг. было исключено из учетных данных 107 деревень и починков, находившихся на этнической территории коми: 27 – на Лузе и Летке, 21 – на Сысоле, 20 – на Вычегде, 31 – на Печоре и Ижме и т.д. В их числе оказались многие, возникшие в конце XIX в. – 1920-х гг.: Кирда, Люблин, Сотчемув, Оська, Асыввож, Емель-усти, Циль-Егор, Ось-Вань, Лягадин, Митька-керка и др.

Остальные уцелели: многие люди не хотели бросать свои дома, свою «малую родину», менять свой привычный образ жизни и переселяться по чьей-то указке в другие места, пусть даже там, на новом месте, им обещали рай на земле. Кстати, рая тоже не получилось: для создания обещанных, почти городских условий жизни в «перспективных селениях» для всех обитателей у государства не хватило возможностей (средства нужны были огромные).

Процесс освоения ранее малонаселенных и необжитых местностей севера республики происходил практически без участия коми народа, который в силу традиций предпочитал оставаться в местах прежнего проживания. Кроме того, как известно, миграционная подвижность населения до середины 1950-х гг. регламентировалась государством. Миграционная активность коми возросла с 1954 г. после выдачи паспортов колхозникам и предоставления им права свободного выбора места жительства. Отток сельских жителей в города стимулировало и наличие большого количества вакантных рабочих мест в городской местности, образовавшихся с переходом промышленности на вольнонаемный труд. Численность городских коми увеличилась за 1939–1959 гг. в 3,4 раза. При этом удельный вес коми во всех городах республики был невысоким. В Воркуте они составляли лишь 3,1%, Инте – 7,3, Печоре – 11,4%. Наибольшее количество коми проживало в Сыктывкаре, но даже здесь они составляли менее половины населения – 48,9%.

В 1959 г. коми в целом по республике оставались преобладающим населением сельской местности. Однако число районов, в которых коми составляли менее половины населения, возросло. К Усть-Цилемскому району, единственному, где по переписи 1939 г. коми были в меньшинстве, к 1959 г. добавились Троицко-Печорский, Усть-Вымский, Железнодорожный, Койгородский. Наиболее высокая концентрация коми была в Удорском (85,6%) и Ижемском (83,1%) районах. Второе место по численности в составе сельского населения занимали русские (33,0%), третье – украинцы (5,1%), четвертое – немцы (1,9%). Кроме коренного этноса большой процент сельских жителей был среди немцев, татар, чувашей, мордовцев, грузин, азербайджанцев, армян, узбеков – от 30 до 43% их общей численности.

По переписи 1970 г. в республике насчитывалось 157 сельсоветов, 1068 сельских населенных пункта. Число сельских населенных пунктов подчиненных сельсоветам равнялось 971, в них проживало 313,8 тыс. чел. Число сельских населенных пунктов, подчиненных городским и поселковым советам равнялось 97, в них проживало 33,7 тыс. чел. В 1960-е гг. усилился процесс миграции коренного этноса из сельской местности в городские поселения (в 1959 г. 73,6% коми жили в сельской местности).

В 1970–1979 гг. на фоне увеличения городского населения численность и доля сельского населения республики в межпереписной период значительно сократились. Численность сельского населения уменьшилась на 43,5 тыс. чел., или на 11,8%. Его доля в составе населения упала за 1970–1979 гг. с 38 до 29%. Сокращение численности населения с 1970 по 1979 г. произошло в семи сельских районах – Ижемском, Корткеросском, Койгородском, Прилузском, Сысольском, Усть-Куломском, Усть-Цилемском.

Основными причинами сокращения сельского населения были: миграции в направлении село–город; активно проводившаяся в 1970-е гг. политика «неперспективных деревень»; перевод крупных сел в разряд городских поселений или поглощение сельских населенных пунктов близлежащими растущими городами. По переписи 1979 г. в республике было 172 сельсовета, в которых насчитывалось 756 сельских населенных пунктов. Еще 66 сельских населенных пункта находились в подчинении городских и поселковых советов. В 1960–1970-е гг. произошли коренные изменения в расселенческой структуре населения республики. Если по переписи 1959 г. в республике насчитывалось 2108 сельских населенных пунктов, то в 1970 г. их число сократилось до 1055 (в два раза), а к 1979 г. осталось 788 сельских поселений. Наиболее интенсивно шло сокращение мелких поселений с числом жителей от 5 до 100 чел. Проводимая под лозунгами ликвидация различий между городом и деревней, государственная политика индустриализации сельскохозяйственного производства повлекла за собой ликвидацию большого числа, так называемых «неперспективных деревень».

В 1979–1989 гг. численность сельского населения продолжала снижаться как в абсолютных, так и относительных показателях. С 1979 г. численность сельского населения снизилась на 17,5 тыс. чел., или на 5,4%. Удельный вес сельских жителей в республике снизился в 1979–1989 гг. с 29,2 до 24,5%. Увеличение численности населения произошло в восьми районах республики – Вуктыльском, Княжпогостском, Печорском, Сосногорском, Сыктывдинском, Сысольском и Усть-Вымском. В семи районах численность населения уменьшилась – в Ижемском, Корткеросском, Койгородском, Прилузском, Троицко-Печорском, Усинском, Усть-Цилемском. В Усть-Куломском районе численность населения осталась на уровне 1979 г.

Исход с Севера

За четыре послевоенных десятилетия экономический облик Коми неузнаваемо изменился. Республика стала развитым промышленным регионом. Но, увы, жители республики главным образом лишь поставляли другим регионам сырье, ресурсы, а переработка оставалась на заднем плане. Следовательно, сама Коми республика не имела больших доходов от использования собственных ресурсов, за счет вывезенных из нее сырьевых богатств развивались и богатели другие.

Привлекая в Коми работников из других мест, государство не позаботилось о том, чтобы достаточно быстро создать для них нормальные условия жизни – в строительстве жилья, благоустройстве городов и поселков вкладывалось куда меньше денег, чем требовалось. В результате жители Коми – и приезжие, и «старожилы» – оказались в худших условиях, чем, например, обитатели центральных районов страны. В 1990 г. более трети семей нуждались в улучшении жилищных условий. Многие десятилетиями не могли получить квартиру. Именно поэтому многие из тех, кто вполне мог бы остаться жить в республике, в конечном итоге решали уехать из нее.

Экономические и политические события, происшедшие в России и Республике Коми за последнее десятилетие оказали существенное влияние на развитие демографических процессов. В начале 1990-х гг. обострились социально-экономические проблемы, снизился жизненный уровень большей части населения. Это было связано с кризисом в угольной отрасли, закрытием целого ряда шахт и сопутствующих производств в Печорском угольном бассейне, резким падением объемов нефтедобычи. Это привело к резкому снижению рождаемости и росту смертности населения. После распада СССР процессы принятия гражданства в бывших его республиках, политика «неперспективности» Севера вызвали интенсивный отток населения из республики. Всего за три года, с 1990-го по 1992-й, из Коми уехали 35 тыс. чел., в основном обитателей северных и некоторых центральных районов. Ежегодные миграционные потери в 1990-е гг. были весьма значительными и превышение числа выбывших над вновь прибывшими в РК составляло от трех до двенадцати тысяч человек, при средних потерях около десяти тысяч.

Наибольший отток населения из республики наблюдался среди русских, украинцев, белорусов, татар и немцев. Весь указанный период в миграционном обмене населением данных национальностей сохранялось отрицательное сальдо миграции, при сохранении положительного его баланса в обмене населением с рядом регионов Закавказья и Средней Азии. Часть коми, проживавших за пределами республики, наоборот, в эти годы предпочла вернуться на родину. Это, безусловно, сказалось на национальном составе населения республики, что и показала Всероссийская перепись населения.

Текущая статистика не охватывает многих демографических и не дает полных сведений о населении. Только всеобщие переписи дают наиболее объективные сведения о населении: такие, как его численность и возрастно-половой состав, сведения о национальном составе, родном языке, владении языками, образовании, занятии, занятости и источниках средств к жизни, распределении населения по территориям, жилищных условиях и ряд других.

За период после переписи 1989 г. произошли существенные изменения в социальной сфере. Происшедшие в экономике республики изменения не позволяли объективно оценить ситуацию на рынке труда, а данные о занятости населения и уровне безработицы, рассчитываемые по методологии Международной организации труда не отражали истинного положения в этом вопросе. Только по результатам переписи можно судить о конкретном положении дел в этом вопросе. История переписей в России показывает, что их организация и проведение совершенствуются от переписи к переписи при сохранении преемственности их программ. Поэтому столь важное значение имела первая в новой России всеобщая перепись 2002 г.

В целях получения данных о численном составе населения, его размещении на территории Российской Федерации, а также ряда других сведений, необходимых для определения перспектив социально-экономического развития страны, Правительство Российской Федерации постановлением от 22 сентября 1999 г. № 1064 «О Всероссийской переписи населения» определило сроки ее проведения – с 9 по 16 октября 2002 г. В свете этого постановления был издан Указ Главы Республики Коми от 4 апреля 2000 г. № 142 «Об организации Всероссийской переписи населения 2002 года на территории Республики Коми».

Значение переписи для социально-экономического развития страны трудно переоценить. Данные переписи жизненно необходимы при планировании рынков труда и жилья, при составлении бюджета, в транспортной политике, электроэнергетике, сфере социального и пенсионного обеспечения, здравоохранения, образования, области языковой и религиозной политики. Высказывалось мнение, что перепись – вещь дорогая и не столь важная, чтобы проводить ее именно сейчас. Однако специалисты настояли на том, что перенос сроков ее проведения обойдется стране гораздо дороже. Даже самые неотложные на сегодняшний день дела требуют планирования, разработки, а без статистических данных, отражающих реальную картину социально-экономического положения общества, их решение невозможно.

Экономический аспект проведения переписи включал в себя, в частности, определение политики в отношении бюджетного федерализма на основании полученных данных. Государство обязано выделять регионам бюджетные трансферты, оказывать финансовую поддержку муниципальным образованиям. Без точных статистических данных невозможно добиться рационального распределения средств, направляемых на бюджетное выравнивание.

Инвестиционная политика государства в не меньшей степени зависит от достоверных сведений о населении страны. Данные переписи играют важную роль в информационной поддержке деятельности по привлечению в регион новых инвестиций. Они позволят предоставить инвесторам отвечающую международным стандартам информацию об основных характеристиках трудовых ресурсов региона и его потребительского рынка. Данные переписи позволяют также выяснить численность экономически активного населения, в зависимости от чего будут рассчитываться статьи бюджета, связанные с налоговыми поступлениями или неналоговыми доходами, размер потребительской корзины (на территории каждого региона он свой), минимальная заработная плата и т.д.

Сегодня перепись населения приобрела еще один немаловажный аспект, который часто неведомо связан с экономическим. Речь идет о социальной значимости мероприятия подобного рода для развития любого государства. Перепись позволила получить информацию о том, какая часть населения живет благодаря самозанятости (приусадебное хозяйство, мелкий бизнес), а какая имеет дополнительные приработки по второму месту работы. Информация такого рода позволяет сделать более эффективной работу местных служб занятости, а также спрогнозировать возможные перспективные направления трудоустройства населения каждого конкретного района. Сегодня в большинстве регионов России значительная по масштабам безработица сочетается с нехваткой кадров на многих предприятиях. Необходимо как можно скорее создать систему подготовки и переподготовки работников, способную быстро адаптироваться к потребностям регионального рынка труда.

Итоги переписи стали надежной основой для планирования развития системы общего школьного образования. На их основе должны определяться потребности того или иного региона в учителях, учебных помещениях, детских садах и прочих атрибутах, необходимых для того, чтобы наши дети получали хорошее образование.

Руководители многих регионов страны справедливо считают разработку и реализацию молодежной политики одним из важнейших направлений своей работы. Перепись создает необходимую основу для этого. Ее данные позволяют лучше понять, кто они - молодые, где учатся или работают, как строят семью. По данным многочисленных исследований, жилищный вопрос неизменно оказывается среди проблем, в наибольшей степени беспокоящих молодежь и всех российских граждан в целом. Результаты переписи дают возможность составить достоверное представление о жилищных условиях населения – площади их домов и квартир, числе жилых комнат в них, благоустройстве помещений, что позволит вести строительство и планировку современных домов с учетом потребностей будущих жильцов.

В связи со сложной демографической ситуацией, ростом числа малообеспеченных семей, широким распространением социального сиротства, во многих регионах России разрабатываются программы помощи семье. Перепись позволяет получить данные, необходимые для информационного обеспечения таких программ: как распределяются семьи по размеру и составу, в какой части семей имеются серьезные проблемы с занятостью, жилищные проблемы.

Значительную часть населения любого региона составляют люди пенсионного возраста. Перепись является единственным источником данных, дающим комплексную характеристику людей данной возрастной группы. Данные переписи позволяют судить о том, сколько людей пенсионного возраста проживает в семьях, а сколько – одиноки, в каких отраслях экономики заняты те, кто, перейдя границу трудоспособного возраста, продолжает работать. Полученная информация поможет в оценке числа семей, особо нуждающихся в социальной защите. Это дает возможность рассчитать объем средств, необходимых для реализации мероприятий по социальной поддержке малоимущих, и, что немаловажно, обеспечить их адресность.

Согласно данным переписи 2002 г., население Республики Коми составляло всего 1018,7 тыс. чел. За межпереписной период оно сократилось на четверть миллиона. При этом городское население в 2002 г. составило только 81,2% к уровню 1989 г., а сельское – 82,3%, т.е. если прежде стабильно сокращалось только сельское население, то теперь процесс уменьшения численности затронул и городское население, сокращение которого происходило опережающими темпами. К другим качественным изменениям в структуре населения республики относятся заметные сдвиги в поло-возрастном составе. Перепись показала, что Коми становится «женской» республикой, ибо доля женщин в населении заметно стала превосходить долю мужчин: 52,1% против 47,9%. Происходит и существенное старение населения республики, ибо доля возрастной группы старше трудоспособного возраста выросла с 9,9% в 1989 г. до 14,1% в 2002 г., а средний возраст населения возрос за указанный период с 30,2 лет до 35,0 лет (на селе с 31,3 до 36,4 лет). При этом средний возраст русских за указанный период возрос с 28,4 до 30,9 лет, коми соответственно с 33,7 до 38,5 лет, украинцев – с 32,1 до 41,7, белорусов – с 34,5 до 43,3 лет, т.е. произошло демографическое старение всего населения, хотя различные национальные группы этот процесс затронул по-разному. Итоги переписи вполне согласуются с особенностями этнокультурных и этнодемографических процессов, которые фиксировались на протяжении последних полутора десятилетий в Республике Коми.

Наиболее значительные потери понесли северные города республики, где доля коми в населении была невелика. Как следствие произошло заметное изменение в размещении населения Республики Коми. Так, население Воркуты сократилось с 218,5 тыс. в 1989 г. до 134,1 тыс. в 2002 г., Инты соответственно

с 71,2 тыс. до 46,5 тыс. Печоры с 94,6 тыс. до 66,3 тыс., Усинска с 69,8 тыс. до 52,9 тыс., Вуктыла с 28,4 тыс. до 18,4 тыс., Сосногорска с 62,6 тыс. до 52,6 тыс., Ухты со 141,9 тыс. до 127,5 тыс. чел. При этом, если численность населения столицы республики Сыктывкара составила 104,6% к уровню 1989 г., то население Воркуты – 61,4%, Инты – 65,3%. В результате усиленной миграции населения северных городов за пределы Республики Коми почти во всех этих городах за исключением Воркуты доля коми повысилась и теперь колеблется в пределах 10-15% (в Воркуте она снизилась с 2,2 до 1,9%). Только в Сыктывкаре, несмотря на то, что город находится в центре основной этнической территории коми, и сюда активно мигрируют переселенцы из коми сел, доля представителей титульного этноса снизилась заметно: с 33,6% до 30,6%.

Рождаемость на селе традиционно была более высокой, нежели в городах. Но глубокий аграрный кризис привел к серьезному изменению демографической ситуации на селе и уровень рождаемости в городах с 1996 г. стал превышать уровень рождаемости в сельской местности.

Перепись 2002 г. показала, что на исходе XX в. прекратился численный рост практически всех этнических групп населения, которые прежде численно доминировали, но доля коми и русских выросла, а доля всех остальных групп сократилась. Правда, доля коми с учетом внешней миграции должна была вырасти еще более значительно, однако этого не произошло из-за усиливающихся ассимиляционных процессов. 27,5% коми, проживающих в РК, называют своим родным языком русский язык, коми – 62,5%. Доля коми в населении составила 25,2%. Из 293406 коми, которые проживают на территории Российской Федерации, 256464 живут непосредственно в Республике Коми, что составляет 87,4% всей численности этноса. Наиболее значительный рост численности среди других этнических групп населения был зафиксирован у азербайджанцев, численность которых в Коми выросла на 50%.

География расселения коми в пределах Российской Федерации оставалась прежней: наиболее значительные группы находились в Архангельской области (5745 чел.), где основная часть коми была сосредоточена в административно подчиненном области Ненецком автономном округе (4510 чел.). Там коми являлись третьей по численности этнической группой населения после русских и ненцев и составляли 11% населения. Следующей группой являлась Тюменская группа коми, численность которой составляла 10555 чел. В состав этой группы входила локальная группа обских коми, со второй половины XIX в. сформировавшаяся на территории нынешнего Шурышкарского района Ямало-Ненецкого округа и на севере Ханты-Мансийского округа (села Березово, Саранпауль, Казым); кроме того, коми проживали в Салехарде и в новых городских поселениях Тюменского севера. Третья значительная группа коми продолжала сохраняться в Мурманской области. Ее численность составляла 2177 чел.

С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ БУДУЩЕГО

Что ждет Республику Коми в ближайшем будущем? Очевидно, что социально-экономические и политические процессы, происшедшие в стране за последние годы, окажут существенное влияние на развитие демографических процессов в России и республике. Вероятно, несмотря на предпринимаемые меры, будет снижаться рождаемость и расти смертность населения, сохранится миграционная его убыль. В результате численность населения Республики Коми – как городского, так и сельского – уменьшится. Удельный вес мужчин в населении сократится. Произойдут изменения и в составе основных возрастных групп населения – возрастет доля жителей старше трудоспособного возраста. Все это окажет влияние на показатели его воспроизводства и демографической нагрузки на трудоспособную часть населения.

Если с общей тенденцией сокращения населения можно было бы и согласиться, то с увеличением доли пожилых людей в северной республике – никак. Нам представляется, что государство должно проявить социальную гуманность к пенсионерам Севера и свести их долю здесь к неизбежному минимуму, оказав помощь в переселении в другие, более благоприятные для жизни регионы.

Несмотря на все трудности переживаемого периода, Республика Коми с уверенностью может смотреть в будущее, поскольку обладает значительными природными богатствами. Разумеется, сами по себе эти богатства не могут обеспечить успешное развитие. Но в Республике Коми есть еще одно неоценимое сокровище – это ее люди, которые способны сделать так, что кладовые природы пойдут на пользу родному краю. XXI век требует высокообразованных и высококультурных специалистов самых разных профессий и специальностей. Республика Коми имеет надежную базу для того, чтобы обеспечить их подготовку.

Чрезвычайно важно, что Республика Коми избежала конфликтов на национальной почве (во многом благодаря взвешенной политике местных лидеров и в первую очередь руководителей Республики Коми), и сегодня на ее просторах бок о бок спокойно живут русские, коми, украинцы, татары, немцы, чуваша... В республике действует несколько национально-культурных объединений, пользуются большой известностью имена писателей и ученых, художников и поэтов, певцов и актеров разных национальностей, связавших свою жизнь с Республикой Коми. Хорошие межнациональные отношения, несомненно, сохранятся и даже укрепятся в будущем.

Но республику, ее жителей подстерегает иная опасность. Каждому понятно, что жизнь на Севере трудна и, главное, недешева. Промышленность и образование, культура и сельское хозяйство – всё это требует огромных средств. Стоит забыть об этом, и ситуация в регионе может измениться. Еще в позапрошлом веке русский предприниматель Михаил Константинович Си-

доров, много сил и средств вложивший в промышленное развитие Коми края, призвал правительство Российской империи уделить особое внимание экономике Коми и других северных регионов страны, жизни их обитателей. Полученный им ответ гласил: «Так как на севере постоянно льды и хлебопашество невозможно, и никакие другие промыслы немислимы, то необходимо народ удалить с севера во внутренние страны государства, а вы хлопчете наоборот. Такие идеи могут проводить только помешанные». С тех пор прошло полтора века, и с каждым годом становится как нельзя более ясно, что Север, Арктика – один из ключевых векторов развития современной России. И тем выше значение всемерной целенаправленной и системной государственной поддержки интересов многонационального населения Республики Коми, в тяжелейших условиях успешно разрабатывающего природные богатства этого обширного региона для блага всего государства.

ДОКУМЕНТЫ

1. «ПО ПИСЬМУ ГАВРИЛОВУ...»

(Материалы первой в Коми крае переписи населения 1481 года)

Публикуемые здесь грамоты – единственные известные ученым исторические документы, в которых приведены данные из писцового описания 1481 г., которое провел в Перми Вычегодской Иван Гаврилов. К сожалению, полностью эта первая в Коми крае перепись не сохранилась. Грамоты, составленные в конце XV столетия, через несколько лет после описания Ивана Гаврилова, являются ценнейшим источником по истории нашей республики, коми народа и представляют интерес не только для ученых, но и для краеведов, работников образования, культуры, всех, кто интересуется прошлым родного края. Однако они были опубликованы несколько десятилетий назад: вначале в 1958 г. писателем и ученым П.Г. Дорониным по предложению этнографа Л.Н. Жеребцова – в «Историко-филологическом сборнике», издававшемся в Сыктывкаре Коми филиалом Академии наук СССР (с. 243–252), а затем в 1964 г. в Москве – в третьем томе фундаментального академического издания «Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в.» (с. 307–315). Обе эти книги давно стали библиографической редкостью. Нашу публикацию, подготовленную на основе «Историко-филологического сборника» (с некоторыми уточнениями по «Актам социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в.»), мы приурочиваем к 520-летию первой переписи в Коми крае. В документах употребляются сокращения: «д.» – «двор», «вд.» – «во дворе».

а) Жалованная грамота великого князя Ивана III Васильевича пермскому епископу Филофею 1483 года

Се аз князь великий Иван Васильевич всея Руси пожаловал есми владыку Пермскова Филофея или кто по нем буде иной владыка повостами и деревнями по реке по Вычегде, которыи были на перед сего за владыками пермскими.

Устьвымский городок владычен на усти реки Выми на Турею, да деревни владычни на Выми на Ибу, да ниже владычня горотка повост Акват, да деревни на Коквицкой горе Коковиса, да на Вычегде-ж в Еренском горотке на усти реки Еренги деревня Базлуга да деревня Яма, да пониже Еренскова горотка на речке Воджем повост Вожемской да городок Вожемской гора владыки-ж.

А которыи люди имет жити на тех землех владычных, и тем крестьянам не надобе моя дань, ни тамга, ни мыт, ни писменная белка, ни осминичи, ни костки, ни явка, ни ям, ни подводы, ни новожоная куница, ни иная никоторая пошлина. Тако-ж ни сотнику, ни десятнику с волостными людми не тянути в мирские розметы ни в иные никоторые пошлины.

А наместники пермские княжи Петр да Федор Васильевы дети Вымскова или кто по ним будет иные наместники, на тех людех владычных кормов своих не емлют и доivotчиков ни приставов не посылают к ним ни по что. А ведает владыка Филофей сам свои люди во всем, опроче душегубства. А лучится тем крестьяном суд с моими крестьяны волостными, наместники мои пермский и их тувуны тех людей судят, а владыко с ним судит, или кому прикажет свое место. А прав ли будет виноват владычный, он прав и виноват владыке. Ведает владыко в правде и в вине своего человека сам, а наместники мои и их тивуны в монастырскова и владычново крестьянина не вступаются ни в правое, ни виноватова. А прав ли виновен волостной человек буде, и он в правде и в вине наместником моим, а владыке и владычне слуге в волостново человека не вступатися.

А что епископли наше жалование на Виляде: на Илинском и на Покровском, и на Николском, и на усть Виляди, то по сему они не писаны, а писаны, по жаловальной по устюжской. А хто через сю грамату что на них на владычных возмет или чем изобидит, быти тому от мене от князя великова в казни, так было при отце моем Василье Васильевиче, при деде моем князе великом Василье Дмитриевиче и при князи великом Дмитрии.

Грамата писана лета девятыдесят первое.

***б) Жалованная грамота великого князя Ивана III Васильевича
жителям Перми Вычегодской 1485 года***

Били мне челом, князю великому Ивану, волостные люди пермяки Перми Вычегодские земли и мesty вычегжаны, удорены, сысолены сотники Алексей Козак, Кироска Устинов, Сидорка Онкудинов да Сенка Микитин обиды деи великие чинятся волостным людем пермяком от владыки пермскова и владычни слуги и от межволостных людей, поимают у них ссильно их дедины и отчины печища реки и озера и курьи участи.

Обыскав наперед сего Гаврилово писмо, что Ивашка Гаврилов писал Пермские земли за волостные люди и за владыку пермскова и за монастыри и за игумены и за попы, се аз, князь великий Иван, пожаловал есми свои волостные люди пермяки вычегжаны и вымичи и удорены и сысолены и крещеные сиряне Ужговские землями и угодейными на Вычегде и падуны всея Пермские мesty реками и озерами и куреями и прочии угодии, которые были их дедины и отчины по всем по тому, по письму Гаврилову. А в письме Ивашки Гаврилова писано:

Вычегодские земли волостные реки, и озера и участки от рубежа от Соли и от Вилегоцкова речка Лупоя, да речка Белая, да речка Прилипица, да речка Кривая, да речка Змееватица, да речка Другая Лупия, да озеро Двойное, озеро Юоста, да озеро Щучя, да озеро Святоя, да речка Полоимыш, да речка Ошюга, да озеро Пасма, да речка Шнига, да озеро Елты, да озеро Илты, да

речка Большая Чолия, да озеро Кырса, да озеро Шежимское; да по другие стороны реки Вычегда: речка Чакулка, да речка Союга, да речка Иоль, да речка Кчжег, да озеро Туглим-ское, да озеро Ленская, да речка Ленка, да речка Язиель, да речка Непшор, да озеро Иртынское, да речка Яренга, да речка Кижмыла, да речка Кишор, да речка Ниорыма, да речка Гамоль, да речка Шежом, да озеро Тыдора.

Се земли, который писаны за Вычеготские земли за волостные люди реки и озера и места угодейные, аз князь великий Иван пожаловал вычегжаном по тому по всем, опричь владычных вод Филофея, которые владели за перед ним владыки пермские, а владычны воды писаны у владыки в государево жалованной грамоте своею участию.

А ловити волостным людям вычегжаном в тех реках и озерах и угодиях всем за один. А государевы дани с вычегжаны, за соболи и за белку и за бобровые гоны, и за рыбную ловлю и за кречати садбища с четырех сотен с трицети осми луков десять сороков и полсорока и осмнадцать соболей, с лука по соболу. А не будет соболю, ино за соболю четыре гривна.

Вымские земли людем пермские волостные реки и озера и угоден: река Вымь с верховины с падуны по правые стороны – река Сарюга, речка Чюгор, речка Вежаюга, речка Кусюга, речка Немзюга, речка Яюга, речка Вырыхва, речка Пылла, речка Челва, речка Поморос, речка Чисва, да речка Сонюга, да речка Омын, да речка Тасма, да речка Пейсыма, да речка Вожюга, да речка Едла, да речка Ветюга, да речка Пожюга, да речка Чудя, да речка Касюга; а по левые стороны с верховины книз – речка Вездюга, да речка Ухва, да речка Нючаль, да речка Камыша, да речка Кома, да речка Вежюга, да река Весленоя, да озеро Синдорское, да речка Кылтыл, да речка Другое Кылтыл.

А ловити вымичаном в тех реках и озерах и угодиях за один. А государевы дани с вымичаны за соболи, и за белку, и за бобровые гоны, и за кречатьи садбища и зверинные ловли с три сотни со штидесяти семи луков девять сороков семь соболей, с лука по соболу. А не буде соболю, ино за соболю оударю четыре гривна.

А что **Вишера**, то Вымское-ж земли место. А волостные реки висерцов: река Вишера да речка Нишера с падуны – речка Колва, да речка Покдым, да речка Визю, да речка Еню, да речка Лемя, да речка Тыбю, да речка Одно, да речка Лопно, да речка Сыю, да речка Лымва, да речка Оча. А государевы дани с висерцов за соболи и за белку и за бобровые гоны и за кречати садбища и за зверинные ловли с четырех десяти шести луков сорок и шесть соболей, а не будет соболю, ино за соболю четыре гривна.

Се земли, который писаны за вымичи и за висерцы волостные люди аз князь великий Иван пожаловал пермичем по тому по всем, по писму Гаврилову, опрочь владычных вод.

Удорские земли волостные реки и озера и угодеи река Удора с верховины по правые сторона с падуны – речка Чебужга, да речка Киюга, да речка

Нюша, да речка Лоптюга, да речка Венюга, да речка Елла, да речка Вежаюга, да речка Коса, да речка Другая Елла, да речка Гамшор, да речка Чиняшор, да речка Содзюма, да речка Чебюга, да озеро Домашнее, да речка Кува, да речка Иортим, да речка Другая Чебюга, да речка Кузюга, да речка Юкоба, да речка Оча, да речка Локюга, да речка Прочюга, да речка Циленга; да по левые стороны падуны – речка Лынюга, да речка Пурвежа, да речка Тонюга, да речка Чюрма, да речка Выя, да речка Опсинга, да речка Онга, да речка Кеняшур, да речка Ертома, да речка Силиель, да речка Ибва, да речка Нячяшур, да речка Ия, да речка Субоса, да речка Другая Ия, да речка Манмоса, да речка Карюга, да озеро Кудынское, да речка Кенюшор, да речка Пучкома, да речка Чебюга Меншоя, да озеро Илинское, да речка Паншор, да озеро Печерка, да речка Печорка, да речка Курмышша, да речка Ежюга, да речка Выкомша, да речка Каршюр, да речка Олема; да по реке по Мезени от верховины правые сторона – речка Пузла, да речка Пурзем, да речка Шиморья, да речка Другая Пузло, да речка Кривая, да речка Кулсма, да речка Кошма, да речка Вежаюга, да речка Уппа, да речка Гурмышша, да речка Пижма, да речка Омза, да речка Сюла, да речка Коптюга, да речка Кома, да речка Чебуга, да речка Ирас; а по левые стороны Мезени с верховины – речка Асюга, речка Увюга, речка Песюга, речка Елва, да речка Еждюга, да речка Селка, да речка Другая Селка, да речка Ира, да речка Ель, да речка Упа, да речка Карюга, да речка Муча, да речка Лезя, да речка Пыса, да речка Лантюга, да речка Низя, да речка Другая Лезя, да речка Неба, да речка Коча.

Да на Удоре-ж на Вендюге монастырское Троицы Вознесения. А угодый к тому монастырю по реке по Удоре вверх по версте да вниз по версте-ж, да от реки по правые и по левые стороны лесу дикова по две версты; да к монастырю-ж, игумну Прохору или кто по нем будет рыбные ловли речка Пурвежа да озеро Вежависка. А волостным людем удореном монастырских людей в мирские розметы не тянути ни во что, на то наша жаловалная грамота.

А ловити удореном в тое пермских местах и в реках, и озерах всем за один. А государевы дани за соболи и за белку и за бобровые гоны и за кречатьи садбища и за рыбные и зверинные ловли с двусотни с дву десяти осми луков пять сороков двадцать восемь соболей. Не будет соболь, ино за соболь по четыре гривна.

А что перебеки на Пенеге в станех Перемский и Сура Поганая, то удореном до них дела нет, по тому они присуду Двинские земли, Кегрольские.

Сысольские земли волостные реки и озера и угоды:

Чесовая курья, да курья Чемкурья, да курья Парчеговская, да озеро Поноиты, да озеро Тоба, да речка Чолва с куриями, да озеро Енто, да озеро Озов, да озеро Кортовское, да озеро Адзя, да курья Моршеюмед, да выше Большого Хулюю река Лух; да к Сыsole вверх озеро Каиты, да озеро Просты; а на Вычегде река Лух от Болшого Холую до Вычегды, да озеро Ларкырк, да озеро

Куст, да озеро Кыркоты, да речка Кылты, да озеро Кораты, да озеро Олты, да речка Нюлчим, да озеро Курья, да озеро Ирмасты, да озеро Караты, да озеро Лоты, да речка Лопья, да курья Шебян, да озеро Тыркоты, да озеро Воняты, да озеро Пычкас, да озеро Черпута, да озеро Вежато, да озеро Шораты, да озеро Лопситы, да озеро Вилкиром, да озеро Лечежниты, да озеро Иджитти, да озеро Дженитты вверх по Сыsole реке до Чемяча по обе стороны; да речка Поин, да речка Визега, да озеро Шегты, да озеро Палты, да куря Большая, да озеро Ишты, да речка Весленоя, да речка Другая Визюга, да речка Виюза, да речка Лопия; да повыше Немы, а понижее Мыля речка Нема, да озеро Межаты, да озеро Понгорт, да курия Оленая.

Да на Сыsole-ж на Воче монастырь Афонасия Великие. А угодий к тому монастырю по реке по Сыsole две версты верх да на низ две версты-ж, да речка Ожен, да речка Поин, да озеро Ыджытто, да озеро Вежато.

Да на Сыsole-ж на Пылде монастырь Николы Чюдотворца. А угодий к тому монастырю река Сыsole против на версту вверх да на версту-ж вниз, да озеро Чматы, да половина озера Пыраты, да половина озера Пыляты, княжины дарение Петра да Федора княжи Василевых детей на поминовение родителя. А волостным людем сыsoleном игумнов монастырских с братиею в волостные разметы не тянути ни во что, на то моя осударева жаловалная грамота.

Ловити сыsoleном в тех пермских реках и озерах и в иных угодиех всем за один. А государевы дани за соболи, и за белку, и за бобровые гоны, и за кречатыи садбища, и за рыбные ловли, с пяти сотен с трицети шести луков тринадцать сороков и шестинацеть соболей, с лука по соболю. А не будет соболя, ино за соболя по четыре гривна.

Ужговские волостные реки и озера и угодеи: река Сыsole от рубежа земли Сысолские верховина с падуны – речка Тыбья, да речка Чююм, да речка Вонтым, да речка Комула, да речка Ледзига, да речка Нылбыла, да речка Каряга, да речка Лопыла, да речка Кажюм, да верховины Камы-реки с падуны – речка Нырмыла, да речка Волосенса, да речка Рытала, да речка Кужюла, да речка Чюсула, да речка Комыша, да речка Зюсюла. А межа Сыsoleские и Ужговские волостные с Великие Перми Чердыню речка Порыша, да речка Рубика. А што угодеи на реке Кобры и на Летской и на реке Маломы до реки Карсной и до Чемолины, то наше жалованье людем Лусские Пермцы на бедность, и сыsoleном и ужговцом в тое реки не входити ни во что.

А ловити ужговцом в тех реках и озерах и угодиех всем за один. А государевы дани за соболи, и за белку, и за бобровые гоны, и за рыбные ловли с девять десят и двух луков два сорока дванадцеть соболей. А не будет соболя, ино за соболя по четыре гривна. А что пермяки Лусские Пермцы и Вилегоцские, до них сыsoleном и ужговцом дела нет, по тому тое пермяки присуду устюжский. Намесником моим князем вымским и волостным людем большим волостных деревен, и рек, и озер, и иных угодий некоторых владыке и

владычны слуге, и десятильником, и игумном, и попом не давати ни в закуп, ни по душе.

Владыке Филофею, владычны слуге и ево десятильником в волостные дела не входити ни во что. Владычны и церковные дани с волосных людей имают поповские старосты мирские и дают десятильнику сами. За требы, и за рождение, и за сороковусты ни угодия, ни пожлые волостные не брати, а емлют их владыко по пошине. А князины наше жалование озера и курьи князю Петру да Федору в межах волостных против повоста Шеномскова по Вычегде два озера, да под Еренским городком озеро да курейка, да по Вычегде-ж повыше владычново городка в Юруме четыре курьи, да по Сысоле реке в повосте Пылде два озера, а в иных реках и озерах и угодиях волостных князинам не быти и княжих ловцов и делавцов не засылати в некоторые.

А кормы князи и тивунови и довтчиковы поборы берут в станех сотники волостные да дают им, а самим по тому не входити и засылати.

Сотников волостных князи вымские не переменяют сами, а тивунов и доводчиков до году не переменяют.

Дана грамота лета девять десят третево.

в) Жалованная грамота великого князя Ивана III Васильевича пермскому епископу Филофею 1490 года

Пожаловал князь великий Иван Васильевич и вся Руси владыку Филофея Пермскова. или кто по нем будет иной владыка в Перми, землями по Вычегде и во всей Вычегодской земле деревнями и пустошами и дворы и пожнями и озеры и реками и участки в озерах и реках и угоды, которые земли были за передними владыками за пермскими:

В Устьвымском городке внутри города, двор владычен болшой, да что двор Устиновской владычня брата Ионы, а живет в нем дякон владычен благовещенской Гаврило, и то место владычне, а хоромы тово и с тово места Устин свезет или за хоромы владыка даст деньги; да двор Ибовских крестьян осадной Помосов с товарищи, да двор Оквадских крестьян Петрушки да Гаврилко* с товарищи, двор Сенкин Лынов** осадной с Коквицкими крестьяны, д. Федкин Зажганов, д. попов Костянтинов благовещенской, д. Помасов Толмачов да брата ево Чиряков***, осадной дворище пусто Захарково да Филипково Пахомовых детей. А за городком дворы владычны с пашнями и с пожнями: д. Сенка Лен..., дв. Андрейко Ляпунов, д. Перша, д. Гришка Щербинин, д. Фомка Бахтеяров, д. Захарка Горошкина, д. Ивашко Шошкин, д. Ярофейко Ярыгин да зять ево Васка, д. Игнатка Задняя нога, д. Федка да Сенка Григорьевы дети, д. Ивашко Конев****, д. Самко.

* В «Актах социально-экономической истории...» – «Петрушкин да Гаврилков».

** В «Актах социально-экономической истории...» – «Львинов».

*** В «Актах социально-экономической истории...» – «Чиняков».

**** В «Актах социально-экономической истории...» – «Копье».

А се дворы без пашни, а пожни к ним есть: д. Игнат сапожник, д. Куземка Лихачев, д. Демитка Максимов. А се дворы без пашни, без пожен: д. Ивашка Чехарев, д. Юреи пономарь благовещенской.

А се деревни владычни на Выми на Ибу: вд. Помас Старой, д. Власов да Ортемко Бурнавин, вд. Петруш Сухой, вд. попов благовещенской Ивашко Попов сын Костянтинов, а пашет на попа, вд. Ивашко да Ефимко Гридины дети, вд. Гришка Тихонов сын, вд. Ларко Леонов, вд. Левка Попов сын Филиппов.

Погост Аквад, церковь в нем Введения святые Богородицы. В том же погосте деревни: вд. Петруша да Якуш Володины дети, вд. Ивашка Чажих, вд. Володинской да в Егорьевской Гаврилка да Ондрейко Володины дети, вд. Вывшовской Гляпова сын ево Ананко, вд. в Демяновском Максимко Ивашков сын Ляпова, вд. Помас Толмач да дети ево Сидорко да Остапко да брат Помасов Чирак да сын Чираков Пахомко да Гритка Кед, пашут к той же деревни пустошь Максимовские Жобова, вд. Васко Кокзекоев сын, вд. Филипкое Ивашков сын, вд. Сидоровском Левко Сидоров, вд. Пахомовском Захарка Пахомов, вд. Дмитрок Прошин сын, вд. Васка Сидоров, вд. Сенка Алева да Михаил Гаврилков сын, вд. Агафонка Тороп Лукин сын, вд. Гришка Якушев сын, вд. Агафонка Чирак да сын ево Тришка, вд. Старостивской Симан Вапалка да Матвейко Симоновы, вд. Митинской Мышева Турка малой да Митка Степанов Чирак... сыны дети.

А на Вычегде, в городке Еренском, двор владычен один, да поп Федор Еренской косит пожню Васильева. А се деревни на Вычегде владычни: вд. Степановская Ивашко Детник, вд. на Базлуке Ивашка Доманок Чемова дети, да остров усть реки Яренги, да у городка Еренска пустош Яма. Да в том же пустоше Яма поотнимал было владыко Филофей пожни волостные от Носко в Шуе Иртина сына Долева, да пожню Марковскую Долева, да пожню Сенки Терехова, да пожни Сенки Черного. И князь великий теми пожнями владыку пожаловал, дал ему те пожни против тое пожни.

На Вожемском погосте двор владычен же, живал Васка Пенезанин, да на Воджеме владычня деревня Нестеровская пуста, вд. Палталская Медведева пуста, да пожня Спаская в Пасте косит сено поп Федор с Еренги, д. Поповская, пашут ее попы Троицкие, вд. Конановской Степанко Конанов сын да Мелянка Демитко сын Городецъ, вд. Евскинской Евскина дети Лучка да Демка, да к той же деревни пожня за Манковым озером, да другая пожня к той же, д. на Усть-Паста, д. Сосновица, вд. Захаровской Данило Овелвы, владычен слуга. К. той же деревни пустошь Максимовское, да за рекою за Вычегдою в курье Омском на волоце во дворе во Власовском да в Еренском Исачка Васильев, вд. Гритинском Жобова Агафонка Дьяков, да пустошь Алексеевское в тое же наволоце.

А се озера и реки владычни и участки в озерах и в реках по Вычегде от Устьвымскова городка: половина Юрома озера, да Кориоля озеро да речка, да речка Иляя, да Вежаты озеро, да Льяты озеро, да Ижолты озеро, да река Потжег от устья, где впала в Вычегду; верх Пожегом к Сыsole до Кылыя

реки, да половина озера Чудопицкова, да половина Куваты озера, да половина верховины Белова озера. По реке по Вычегде от Якушева истоку до речки до Дырноса, а от Дырноса до речки Сюрюеля, да от Сюрюеля вверх Вычегдою рекою до речки Нидзеса, промеж теми, которые леса и озера и реки и курьи, опроче Чудопицкова озера и Понеговых лесов, и владыце в тех реках и озерах и курьях девятая часть; да половина Котломы реки, а верховина конец владычен, да Подты озеро, да курья Млад, да река Кафедраил на левые сторона Вычегды. На правой стороне Волва река – межа с черными реки и с лесы со владычными, в которых владыки участок верх по Вычегде земли и лесы одне черные, а владыке в них нет ничево, по тому, как в сем списке писано. Да половина с Шожомы реки промеж Тыдора и Вездина, а верховина тое реки направо владычни, а налево Вездинских крестьян, да от Иолты озера девятой участок.

И в те деревни по сему списку в деревни и пустоши, и дворы, и в пожни, и в озера, и в реки, и в участки во озерах и в реках и в угодиях волостным людем владыке не вступатися ни во что.

В се же земли, деревни и пустоши, и дворы и пожни и озера и реки и угодыя что было поимали передние владыки Пермские и владыка Филофей великого князя волостные, и князь великий владыке Филофею, или кто по нем будет иные владыки, в те земли и воды и в угодия вступатися не велел, а придал же земли воды и угодия в тягло Вычегодской земле тем людем, у ково владыки те земли, и воды, и угодыя поймали. А будет тех людей те земли и воды и угодыя волости, а владыкам в те земли и воды, и в угодыя не вступатися.

На Устьвыми против городка на Ванвиздине вд. Устин владычен брат Ионин, да пожня Волдуселузе против ево деревни, на другой стороне реки Выма, да две пожни Тыдорские против погоста Тыдорскова что косили владыкины крестьяне с Аквада, да пожня Тыдорская же Пахомки Сугова, что де заложил ее Пахомка в отчину владычню крестьянину в сорока белках, и будет то пожня заложена у Ананки, и те белки Ананке взять у Пахомка; а не похочет дати белок Пахомка, и те белки взять у Тыдорян, а пожня... к Тыдору, да остров на Вычегде от Аквада и Тыдора. Да в городке Еренском Сенкин д. Улыбашев да Ивашков, д. Полотнов, да двор Попов Федоров... Выше Еренскова городка, что была Далту пустошь Пылняк владыце Ионе за сорокоусты, и ту двацет бел владыце Филофею взяти у Пылнякова сына у Дмитрока, а пустошь Митроку, а не похочет дати Дмитрок белок и владыце белки дадут Вычегжяна с волости, а пустошь к волости.

А за Вожемским городком на горе вд. Нестер Вегов с детьми, вд. в Миденском да в Тимофинском Быковых детей Харитонка Трушев, вд. Ондрейко да Мосейко Ескины дети, вд. в Левковской, вд. Ермолинской Фадейко да Ермак Федковы дети, вд. Осенко Прозоров с детьми, вд. Якушко Дементьев сын, д. Баландинска пуста да пустошь Кудринская, вд. в Цылебовском Остапко да Гритка Назаровы дети. А те деревни и с пожни ни что; из тех деревень те кре-

стьяне косили со всех угодья, которые угодья к тем деревням тянули, да к тем же деревням остров на усть Вожемские, Просди. А тот остров в Гаврилове письме не писан. А косили его наперед тово из тех же деревень. А что в том же острове пожня владычня, что косили на владыку, и ту пожню придал князь великий Нестерове деревне Вегова. А владыку пожаловал: дал ему противу тое пожни к его пожням на Еренге, на пустоши на Яме. Волостные пожни, что было владыка Филофей поотнимал у волостных людей, да к тем же деревням к горским пустошь Прощутинская да Данженская и пожнями против Просди на Вожеме, вд. Ондрековском Резанова зятя на усть Паста Степана Окунев сын Резанова, вд. Захарко Ленской, да в Шономе церкви Илья святой на Черной Зорле. Да на Удоре три пустоши земли, что отнял владычен слуга сее у Митки Гридина сына да дал попу Ивану Никольскому на Удоре, и та земля взяти Митке назад. Что было владыка Филофей отнял у Герасима Кононова две пустоши Костянова да Филкина и с пожнями, и князь великий, обыскав наперед Гавриловы отписки, за тем пустоши пожаловал Кононова, и владыце в те пустоши не вступатися. А се озера и реки волостные, что было владыка поймал у волостных людей на Сыsole река Чуя, да половина Юрома озера вверх по Вычегде реке, да три курьи – Орлова да Белоручьи да Травня, что было ту половину Юрома озера и те три курьи отнял владыка у Петра да Федора у княжих Васильевых детей Вымскова, да половина озера Куваты, да половина верховины Белова озера, да половина Эжвеса реки, да половина Эжвеса озера, что было отнял владыка Никитина сына у Сенки. А тово озера в Гаврилове письме нет, а то все озеро Микитиных детей. Да Черва река, да Кусоб озера, да Пожег река, да вниз по Вычегде другая река Черва, да Елты озера против Вездына, владыце в том озере девятой участок. Да что пожни и луга волостные крестьяне подавали игумену воскресенскому Прохору за сорокоусты, и те пожни в тяглы к волости же: пожни Онанки Кононова, луг Онанки Витязева, да две пожни Опашки Прокрышева жены, что тот же игумен Прохор косит пожни за рост на белки пожню Феддосейкову во штидесять белках, да пожню Гепясевскую Першукову* в трех сороках белках, и то белки иное заплатят вотчичи, а пожни свое возьмут, а не будет вотчича, те белки заплатят волостные люди с волости, а пойдет к волости. А что поп Конан Богородской косит за сорокоуст пожню Ондрейка у Пунева в Княжеском погосте, и та пожня к волости же вотчичам.

В те земли по сему списку, которые написаны-ж к волости в Вычегодской земле в деревни, и в пустоши, и в дворы, и в пожни, и в озера, и в реки, и в угодья у волостных людей владыкам не вступатися. А учнут у них владыки в те земли и в воды, и в угодья вступатися и в иные волостные земли и в воды и в угодья, опрочь тех земель, которые в сем списке владыце написаны, и их владыкам и их людям не давати вступатися.

* В «Актах социально-экономической истории...» – «Пермякову».

А впряд князем Вымским и волостным людем – вымичем, вычегжаном и сысоленом и удореном и всем людем Вычегоцкие земли земель волостных, деревень и пустошей, дворов и пожен и озер и рек и иных всяких угодей владыкам и их людем, и игуменом и попом не продавати ни в закуп, ни по душе не давати.

А написал сей список великого князя диака Федор Курицын лета девять десят девятого ноября 19 день.

2. СОТНАЯ С ПИСЦОВЫХ КНИГ И.Г. ОГАРЕВА И ПОДЪЯЧЕГО Ф. ЮРЬЕВА 1585–1586 ГОДА НА ВОЛОСТЬ УЖГУ

(Текст приводится по изданию: Зимин А.А., Копанев А.И. Материалы по истории Вымской и Вычегодской земли конца XVI в. // Материалы по истории Европейского Севера СССР. Вологда, 1970. Вып. 1. С. 442–444).

Лета 7094-го. Сотня волости Ужги с книг письма и меры Ивана Григорьевича Огарева да подьячего Филипа Юрьева.

Городок в волости в Ужге по реке до Сысоле, а в городе 25 городен, перила и кровля обвалялися. Да в городе ж церковь Афонасей велики без пенья, клетцки, ветх. А образы из нее вынесены на погост в новую церковь Офонасей велики. Того же города наряд: 2 пищали затинные да 5 ручниц малых да 600...^{*} тинных пищалей, да четверть пуда свинцу, да пол-третья пуда зелья. А приказан тот наряд, пищали и ручницы, и ядра, и свинец, и зелье Ужгов-ского погоста сотнику Иванку Григорьеву да целовальником Парфенку Васильеву да Матвейку Труфанову и всем крестьяном.

Погост Ужга на реке на Сысоле, а на погосте церковь. Николы чудотворца, клетцки, около ее паперть. Да церковь Офонасей велики, клетцки. А в церквах образы и книги, и свечи, и колокола все мирское строенье. А церкви ставят приходом. Да на погосте: в. никольской поп Фефилатей Федоров, в. церковной дьячок Фатейко Федоров, в. пономарь Макар Левонтьев. Пашни церковные 1 четверть в поле, а в дву по тому ж; сена 30 копен. Того ж погоста двory крестьянские: в. Ондрон Исаков, д. пуст Ивашка Родивонова, Ивашко...^{**}, в. Корнилко Семенов, д. пуст Кирилка Конанова, в. Тимошка Терентьев, д. пуст Иванка Костянтинова, Ивашко сшел безвестно, д. пуст Стеньки кузнеца, а Сенька сшел безвестно, д. пуст Онтилка Конянтинова, обнищал, д. пуст Михалка Иванова, а Михалко сшел: в. Верхокамья, д. пуст вдовы Соломанпдки, Соломанидка ходит по дворам, в. Ивашко Михайлов, д. пуст Максимка, а Максимко умер, в. Тимошка Савельев да пасынок его Матюшка, д. пуст Петрушки Ларивонова, обнищал. Да около погоста двory: в. Ивашко Еремеев, в. Томилко Григорьев, в. вдова Елисава Елизаровская

^{*} Вырвана часть текста, вероятно, слова «ядер железных за».

^{**} Вырвана часть текста, вероятно, слова «сшел с Верхокамья».

жена да сын ее Осипко, в. Бориско Михайлов, в. Гаврилко Олексеев, в. Федько Васильев казак, в. Ивашка да Ларька Васильевы, в. Ивашко Федоров казак. Пашки паханые 18 четверти в поле, а в дву по тому ж; сена 120 копен.

Деревня на ручью Клементьевская: в. Ортемко да Сенька, да Ефремко Даниловы дети, в. Вахрушко Федоров, д. пуст Митькин, а Митька умер, д. Сеньки Копылова, а Сенька умер, д. пуст Тимошки Михайлова, а Тимошка ходит по дворам. Пашни паханые 2 четверти с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 40 копен. А слопцов и перевесья нет.

Починок Ивашка Игумнова: в. Игнашко Дмитриев кузнец. Пашни паханые 1 четверть в поле, а в дву по тому ж; сена 8 копен. А слопцов и перевесья нет.

Деревня Озенинская, а Клементьевская тож: в. Левка Иванов, в. Федька Васильев. Пашни паханые и с Ондрюшкиною Протасьева, а Ондрюшка живет в Колгорте, 3 четверти в поле, а в дву по тому ж; сена 20 копен. А слопцов и перевесья нет.

Деревня на Гриве: в. Мален Григорьев, в. Ивашко Васильев, в. Прибыток Семенов, в. Пронька Ушаков, в. Терешка Григорьев, д. пуст // Гришки Левонтьева, обнищал, в. Носко Семенов, в. Ортемко Давыдов, д. пуст Ивашка Григорьева, шсел безвестно, д. пуст Петрушки Давыдова, обнищал. Пашни паханые 7 четвертей в поле, а в дву по тому ж; сена 30 копен. А слопцов и перевесья нет.

Погост Колгорт, а на погосте часовня Афонасей велики: в. Офонька Нестеров сын Торопов, в. Матюшка Федоров, в. Костя Шаньгин, в. Ивашко да Сергейко Костянтиновы, в. Самсонко Бурко, в. Севка да Сидорко Михайловы, д. пуст Демки, Демка умер, д. пуст Федька, Федько умер, в. Федько Зимин. Около погоста дворы: в. Васька Ерофеев, д. пуст Ондрюшкин, Ондрюшка обнищал, ходит по дворам, в. Клишко Федоров, в. Лучка Иванов казак. Пашни паханые 15 четвертей без полуштыны, да перелогом 3 осьмины в поле, а в дву по тому ж; сена 80 копен. А слопцов и перевесья нет.

Деревня Шарга: в. Ондрюшка Протасов, в. Мелеха Парфеньев, в. Мартемьянко Тимофеев, в. Ивашко Тимофеев, в. Левка Тимофеев, в. Терентей Тимофеев, д. пуст Кондраша Олексеева, обнищал, д. пуст Проньки Терентьева, а Пронька ходит по дворам, д. пуст Гришкин, Гришка шсел в Верхокамье. Пашни паханые 9 четвертей с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 60 копен. А слопцов и перевесья нет.

Починок Левонтьевской: в. сам Левка Олексеев. Пашни паханые осьмина в поле, а в дву по тому ж; сена 6 копен. А угодя у них верховья реки Сысолы и с падуны от рубежа от сысольского.

И всего в Ужге городок да погост, да погостец, да живущих 4 деревни да 2 починка. А на погостех 2 церкви. д. попов, д. дьячка, церковного, д. пономарев, да крестьянских молотчих живущих 37 дворов, а людей в них 44 человеки, да казачьих 2 двора, да пустых 211 двор. Пашни паханые крестьянские средние земли 56 четвертей с полу осьминою да перелогом 3 осьмины в поле, а в дву потому ж. Сена 370 копен. А сошного письма в живущем полсохи,

а доходов давали с полусохи оброку 6 рублей с полтиною за городовое и за засечное дело 25 алтын, за ямчужное дело пол-полтины приметных 4 алтыны з деньгою, пошлин казначеевых было 25 алтын, казенных подьячих было пошлин полполтины, а по новому письму полсохи ж. Да нового оброку прибыло за рыбную ловлю и за бобровые гони рубль да пошшины 2 алтына. А по государеву указу велено на них положить оброку за соболи и за белку, и за городовое и за сечное и за ямчужное дело, и за пашню, и за рыбную ловлю, и за бобровые гоны. и за угодыя, и за всякие государевы подати з двора по полтине. А возити им тот оброк к Москве в приказ дьяка Ондreja Щелкалова. А промеж себя ужгеничам во всяких государевых податех сщитатися меж себя, смотря по своим животом и по промыслон, как они промеж себя преж сего сщитатися. А класти им промеж себя в розметы на лутчих людей побольши, а на середних по среднему, а на молотчих людей поменьше. И лишка им на молотчих людей не класти, чтобы от того молотчие люди не розошлися. А угодыями им владети по старому.

К сей сотной писец Иван Григорьевич Огарев печать свою приложил.

На обороте: К сей сотной подьячей Филипп Юрьев руку приложил.

3. СОТНАЯ С ПИСЦОВЫХ КНИГ И.Г. ОГАРЕВА И ПОДЬЯЧЕГО Ф. ЮРЬЕВА 1585–1586 ГОДА НА СЫСОЛЬСКУЮ ВОЛОСТЬ (ФРАГМЕНТ)

(Текст приводится по изданию: Зимин А.А., Копанев А.И. Материалы по истории Вымской и Вычегодской земли конца XVI в. // Материалы по истории Европейского Севера СССР. Вологда, 1970. Вып. 1. С. 482–484).

Погост на Усть-Сысоле реки, а на погосте церковь страстотерпца христова Георгия, теплая, клетски. А в церкви образы и книги, и свечи, и сосуды церковные, и ризы, и стихарь, и паручи, и колокола, и все церковное строение мирское. А церкви ставят приходом. Да на погосте в.* поп Прокофей Федоров, в. церковный дьячек Фетька Иванов, в. пономарь Клишко Семенов. Пашни церковные земли 2 чети в поле, а в дву по тому ж**; сена 60 копен. Да церковное ж озеро Куальтый с истоком, а дали тое озеро, и с истоком в дом к Георгию страстотерпцу сысольские вотчинники сотцкой Федор [Иванов] с своими детьми и с племянники. Да около погоста двory врозни: в. Ивашко Иванов сын Вежова.

* Принятые в тексте раздела сокращения: в. – во дворе; д. (дв.) – двор; м. – место; поч. – починок; пус. – пустошь; дрв. – деревня; боб. – бобыль; к-рн. – крестьянин.

** Четь (четверть) и осьмина – меры площади. 1 десятина = 2 четвертям = 4 осьминам = 1,09 га. В конце XVI в. основная единица налогообложения – соха, в Яренском уезде равнялась 125 четвертям «средней» или 150 четвертям «худой» земли. Размер надела «2 чети в поле, а в дву по тому ж» означает, что семья имела три поля (т.е. применяла трехполье) по две четверти, а всего шесть четвертей.

Пашни паханые средние земли 2 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 50 копен, а слопцов и перевесей* нет. В. Якуш Иванов Вежова. Пашни паханые средние земли 2 чети в поле, а в дву по тому ж; сена 20 копен. В. Некраска Савин, а прозвище Зарбай, да брат его Фетька. Пашни паханые средние земли 5 чети в поле, а в дву по тому ж; сена 40 копен, а слопцов и перевесей нет. В. Кузьма Васильев сын Макарьин да сын его Гришка. Пашни паханые средние земли 5 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 40 копен, а слопцов и перевесей нет. В. Костя Вежов да сын его Ярко. Пашни паханые средние земли 3 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 50 копен, а слопцов и перевесей нет. В. Юрко да Сидорко Осиповы. Пашни паханые средние земли 5 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 50 копен, да 50 слопцов, а перевесей нет.

Починок Каменной: в. Офонька Иванов, д. Пуст Истомки Игнатъева, Истома обнищал, ходит по дворам, д. пуст Нежерков, а Нежерко умер. Пашни паханые средние земли и с отхожею пашнею 3 осьмины в поле, в дву по тому ж; сена 20 копен, а слопцов и перевесей нет.

Починок Емовской: в. Филька Никитин, в. Ортемка Данилов. Пашни паханые средние земли и с отхожею пашнею 3 осьмины в поле, а в дву по тому ж; сена 40 копен, да 50 слопцов, а перевесья нет.

Починок Ереминский: в. Митька да Ивашко Васильевы, в. Федька Васильев да сын его Якуш. Пашни паханые средние земли и с отхожею пашнею 2 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 50 копен; да 30 слопцов, а перевесья нет.

Починок Ивановской: в. Перша Иванов. Пашни паханые земли и с отхожею пашнею 1 четь в поле, а в дву по тому ж; сена 20 копен, а слопцов и перевесей нет.

Починок пуст, а в нем д. пуст вдовы Ориницы Андреевы жены, а пашня пахана наездом. Пашни паханые средние земли осьмина в поле, а в дву по тому ж; сена нет.

Починок Федоровской: в. Афонька Сысоев да племянник его Микитка Тарасов. Пашни паханы средние земли осьмина в поле, а в дву по тому ж; сена 30 копен.

Починок Каменистой пуст, д. Ивашка Степанова, Ивашко сшол безвестно. Пашни паханы средние земли осьмина в поле, а в дву по тому ж.

Починок Иванка Вежова в. Савка Иванов. Пашни паханые средние 2 чети в поле, а в дву по тому ж; сена 10 копен, а слопцов и перевесей нет. Того ж починка двор, в. Мокейко Остафьев. Пашни паханы средние земли 1 четь в поле, а в дву по тому ж; сена 10 копен.

Деревня Петровская, да к ней же припущен починок Фроловской: в. Максимка Петров, в. Васька Петров, в. Микитка Филипов, в. Олешка Тимофеев, в.

* Слопцы и перевеси – охотничьи орудия. Слопец – самолет давящего типа на борюую дичь, перевесья – подъемные сети на птиц. Охотничьи орудия служили единицей налогообложения.

Ивашко Фролов, в. Митька Иванов, в. Ивашко кузнец. Пашни паханые средние земли и с отхожею пашнею 11 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 300 копен, да 200 слопцов да 4 перевесья.

Починок Боровинка, в. Михалка Петров да брат его Ондрюшка, Да того же починка за Гаврилом [врагом] деревня пустая. Пашни паханые средние земли и с отхожею пашнею полторы осьмины в поле, а в дву по тому ж; сена 10 копен.

Починок Ильинской: в. Иван Васильев сын Макаринин да сын его Семейка, в. Данилка Игнатъев. Пашни паханые средние 5 четей в поле, а в дву по тому ж; сена 50 копен, да перевесья, а слопцов нет.

Починок Гудниково: в. Сенька Петров. Пашни паханые средние осьмина да перелогу 3 осьмины в поле, а в дву по тому ж; сена 20 копен.

Слоботка Шуигина на речке Чолве: в. Ондрюшка Еремин да сын его Ивашка, в. Гриша Еремин, в. Юшка Васильев, в. Варламко Федоров, в. Максимко Васильев, д. пуст Офонькин, а Офонька умер. Пашни паханые средние земли 6 чети в поле, а в дву по тому ж; сена 80 копен, а слопцов и перевесей нет.

Починок Верхний Зеленец; д. пуст Мосейков Федорова, в. Вахромейко Митреев, д. пуст Гриши Митреева, Гришка обнищал. Пашни паханые средние земли 2 чети в поле, а в дву по тому ж; сена 40 копен, а слопцов и перевесей нет.

Починок другой Зеленец, а в нем часовня Пречистой богородицы, да крестьянских дворов: в. Меньшик Терентьев, в. Митя Терентьев да сын его Сенька. Пашни паханы средние земли 7 четвертей с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 50 копен, а слопцов и перевесей нет. Того же Зеленца пустошь, а в ней 2 двора пусты, а пашня пахана наездом от того ж починка Зеленца. Пашни паханы средние земли 3 осьмины в поле, а в дву по тому ж. Того же Зеленца починок: в. Левка Данилов. Пашни паханы средние земли осьмина в поле, а в дву по тому ж; сена нет.

Пустошь Мосеевская. Пашни паханы осьмина в поле, а в дву по тому ж; сена нет.

Пустошь Мосеевская. Пашни паханые осьмина в поле, а в дву по тому ж, земля середняя. А пашет тое пашню Парчеговы деревни вдова Марфица Мокеевская жена.

Деревня Парчега на Прорвере, а в ней часовня страстотерпец Христов Георгий, да крестьянских дворов: в. Трифанко Степанов, в. Митька Игнатъев, в. Юшко Русинов, в. Афонька Степанов, в. Селиванко Васильев, Селиванко обнищал, в. вдова Марфа Мокеевская жена. Пашни паханые средние земли 4 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 100 копен, а слопцов и перевесья нет.

Пустошь Чюсова починка Ивашка Драницына, а Ивашка сшол в Пермь Великую. Пашни перелогом 1 четь в поле, а в дву по тому же.

Деревня Часовая над истоком над Курьею: в. Митька Плоской да сын его Фетько, в. Данилко Иванов сын Кулаков да сын его Онфимко, в. Ермола Софрон да дети его Омелянко да Мартемьянко, в. Омелянко Петров, в. Тимоха

Трофимов. Пашни паханые средние земли 2 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 200 копен, да 50 слопцов, а перевесей нет.

Деревня Позьямь: в. Петрушка Иванов. Пашни паханые средние земли 2 чети в поле, а в дву по тому ж; сена 30 копен, да 10 слопцов, а перевесей нет.

Починок Магча: в. Офонька Матвеев, в. Сенька Васильев, в. бобыль* Терешка Ондреев. Пашни паханые средние земли 2 четверти с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 30 копен, да перевесье, да 20 слопцов.

4. ДОЗОРНАЯ КНИГА ЯРЕНСКОГО УЕЗДА 1608 г. (ФРАГМЕНТ)

(Текст приводится по изданию: Акты времени правления царя Василия Шуйского. М., 1914. С. 346–348).

Погост на устье Сысолы реки. А на погосте церковь Стратотерпца Христова Георгия теплая, клетцки; в церкви образы и книги и свечи и сосуды церковные и ризы и стихарь и поручи и колокола и все церковное строение мирское. Да на погосте: в. поп Прокофей Федоров, в. церковной дьячек Максим Иванов, в. пономарь Семен, в. проскурница Ондонида. Пашни церковные 2 чети в поле, а в дву по тому ж; сена 60 копен. Да церковное ж озеро Куяты и с ыстоком. Да около погоста дворы врозни: в. Микулка да Якунка Тимофеевы молотчие**, в. Якушко Иванов да дети ево Васька да Гришка средние, в. Федька Бес да дети ево Калинка да Давыдка средние, в. Федька Савельев молотчей, в. Федька Иванов средней, в. Степанко да Ерофейко Костянтиновы молотчие, в. Сидорко да сын ево Ивашка молотчие, в. Митька Иванов молотчей, в. Феонька да сын ево Якушко молотчие. Пашни паханые средние земли 24 четверти в поле, а в дву по тому ж; сена 250 копен; да 40 слопцов. Поч. Каменной: в. Нефедка да Еска Офонасьевы молотчие, в. бобыль Юшко Данилов, ходит по дворам, м. дворовое Нежирка приходца, умер. Пашни паханые средние земли и со отхожею пашнею 3 осьмины в поле, а в дву по тому ж; сена 20 копен. Поч. Еморской: в. Филька Никитин да дети ево Федька да Якушко средние, в. Ортемко Данилов да дети ево Ивашка да Федька да Кирилко средние, в. Максимко Микитин молотчей. Пашни паханые средние земли и со отхожею пашнею 3 осьмины в поле, а в дву по тому ж; сена 40 копен, да 45 слопцов. Поч. Ереминской: в. Митька Васильев молотчей, в. Ивашка Васильев молотчей, в. Олешка Попов молотчей. Пашни паханые средние земли и со отхожею пашнею 2 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 50 копен; да 25 слопцов. Поч. Ивановской: в. Петрушка Иванов да племянник ево Юшко молотчие.

* Бобыль – крестьянин, не имеющий пахотной земли и потому нетяглоспособный (не имеющий возможности уплачивать налоги); во второй половине XVII в. – бедный, малоземельный крестьянин, ограниченно тяглоспособный.

** Средний, молотчий (младший) – характеристика зажиточности хозяйства: среднее, бедное.

Пашни паханные средние земли 1 четверть в поле, а в дву по тому ж; сена 20 копен. Пус., что был починок вдовы Офимьицы Ондреевские жены. Пашни перелогом средние земли осьмина в поле, а в дву по тому ж. Поч. Федоровской: в. Феонька Сысоев молотчей. Пашни паханные средние земли осьмина в поле, а в дву по тому ж; сена 30 копен. Поч. Каменистой: в. Нифонтка Филипьев молотчей. Пашни паханные средние земли осьмина в поле, а в дву по тому ж. Поч. Иванка Вежова, дворы врозни, в. Осипко Савельев молотчей, в. Еспа Савельев молотчей, в. Якушко Ондреев молотчей. Пашни паханные средние земли 3 чети в поле, а в дву по тому ж; сена 20 копен. Дрв. Петровская да к ней же припущен починок Фроловской: в. Максимко Петров да сын ево Федосейка молотчие, в. Еремка Михайлов молотчей, в. Микитка Филипов молотчей, в. Титко Филипов молотчей, в. Ивашка Олексеев молотчей, в. Ивашка Фролов да сын ево Илейка средние, в. Митька Иванов молотчей, в. бобыль Ивашко Иванов. Пашни паханные средние земли и с отхожею пашнею 11 четвертей с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 300 копен; да 110 слопцов, да 4 перевесья. Поч. Боровинка: в. Степанко Андреев молотчей, в. Михалко Петров молотчей. Пашни паханные средние земли четверть без полу осьмины в поле, а в дву по тому ж; сена 10 копен. Поч. Ильинской: в. Сенька Иванов молотчей, дв. Пуст Данилка Игнатова, умер в 102-м году*, в. Некраско Савельев да сын ево Васька молотчие. Пашни паханные средние земли 5 четвертей в поле, а в дву по тому же; сена 50 копен, да перевесье. Пус., что был починок Пудников: м. дворовое Сеньки Петрова, умер. Пашни перелогом средние земли 2 четверти в поле, а в дву по тому ж; сена 20 копен. Поч. слободка Шульгина на речке на Чолве: в. Беляйко Ондреев молотчей, дв. Пуст Гришки Еремина, умер в 110-м году, в. Юшко Васильев да сын ево Васька молотчие, в. Варламко Федоров да сын ево Костя молотчие, в. Поздейко Максимов молотчей, м. дворовое Ортюшки приходца, умер, дв. Пуст Левки Трофимова, сшол в Сибирь во 113-м году, в. Федотко Федоров да сын ево Микитка молотчие. Пашни паханные средние земли 6 четвертей в поле, а в дву по тому ж; сена 80 копен. Поч. Верхней Зеленец: в. бобыль Максимко Федоров, в. бобыль Ивашка Вахромеев. Пашни паханные средние земли 2 четверти в поле, а в дву по тому ж; сена 40 копен. Поч. другой Зеленец, а в нем часовня: в. Мокейко да Федотко Ивановы дети молотчие, в. Васька Ябуров молотчей, в. Сенька Ябуров молотчей, в. Ортемка Ябуров молотчей, в. Ивашка Дмитриев молотчей, в. Трифанко Степанов молотчей, в. бобыль Сенька Ортемов. Пашни паханные средние земли 8 четвертей в поле, а в дву по тому ж; сена 50 копен. Поч., что была пустошь тово же Зеленец: в. Ивашка Ондреев молотчей. Пашни паханные средние земли 3 осьмины в поле, а в дву по тому ж. Пус. Мокеевская, пашни было осьмина; и тое пустошь и пашню снесло вешнею водою. Дрв. Парчега на Прорве: в. Офонка да Данилко Степановы молотчие, в. Кон-

* Так сокращенно обозначались даты «от сотворения мира», здесь и далее надо прибавить 7000 лет (102, т.е. 7102 год, или, по современному летоисчислению, 1594 г.).

драшко Степанов молотчей, м. дворовое Митьки Игнатова, умер, в. Малец да Полуехтка Юрьевы молотчие, в. Сенька Васильев молотчей, в. вдова Марфица Мокеевская жена молотчая, в. бобыль Ондрюшка Дмитриев, в. бобыль Еремка Терентьев, в. бобыль Минка Осипов, в. бобыль Петрушко Ортемов. Пашни паханые средние земли 4 четверти с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 100 копен. Пус. Чюсова Ивашка Драницына. Пашни перелогом средние земли 1 четверть в поле, а в дву по тому ж. Дрв. Часовая над истоком над Курьюю: в. Шелешпан да Савка Федоровы молотчие, в. Ондрюшка Данилов молотчей, в. Ондрюшка да Данилка Ермолины молотчие, в. Мартемьянко Ермолин Молотчей, в. Омелька Петров да сын ево Шюмилко молотчей, в. Мишка Тимофеев молотчей. Пашни паханые средние земли 2 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 200 копен; 40 слопцов. Поч. Пезман: в. Игнашка Петров молотчей. Пашни паханые средние земли 2 четверти в поле, а в дву по тому ж; сена 30 копен; 5 слопцов. Поч. Мачта: в. Нестерко приходец молотчей, дв. пуст Сеньки Васильева, умер в 101-м году, дв. пуст Терешка Ондреева, збежал безвестно. Пашни паханые средние земли 2 четверти с осьминою в поле, а в дву по тому же; сена 30 копен, да перевисье, да 15 слопцов.

5. ДОЗОРНАЯ КНИГА СОЛЬВЫЧЕГОДСКОГО УЕЗДА 1620 ГОДА (ФРАГМЕНТ)

(РГАДА. Ф. 1209. Он. 1. Д. 15039)

(л. 2) Книги припра[вочные] Соли Выче[годской] посаду и Усольского уезда черных волостей и монастырских вотчинных деревень с Васильева письма и дозору Семеновича Самарина да подьячего Семена Осокина, каковы даны Парфенью Микифоровичу Мансурову да подьячему Василью Архипову лета 7128 [1620] году. <...>

(л. 542) В Усольском уезде волость Лутцкая Пермца по реке по Лузе.

Дер., что был починок Прислон над болотом на горе, а в ней крестьян: в. Куземка Сергеев, в. брат ево Родионка, в. брат же его Федка. Пашни паханые худые земли 3 чети без третника в поле, а в дву по тому ж. В живущем полтрети выти. Да у тое ж деревни на реке на Лузе сверж выше сухие курьи по чистому озерку на усть Визганки прямо да по Визганке вверх и до вершины, сена ставитца 60 копен. И того сена к живущей пашне 10 копен. А на 50 копен оброку // (л. 542 об.) положено по два алтына по три денги на год.

Дер., что был починок Гарь над болотом, а в ней крестьян: в. Ондрюшка Федоров, в. Беляйко Сергеев. Пашни паханые худые земли 3 чети без третника в поле, а в дву по тому ж. Сена 10 копен. В живущем полтрети выти.

Дер., что был починок Прислон на Лойме над болотом у глубоково врага, а в ней крестьян: в. Васка да Тренка Пантелеевы. Пашни паханые худые земли 3 чети без третника в поле, а в дву по тому ж. Сена на новой росчисти в отходе на Начиваде 12 копен. В живущем полтрети выти. // (л. 543)

Дер. Матфеевская на речке на Вадреше на Лойме, а в ней крестьян: в. Васка Дмитриев, в. Меншичко Некрасов, в. Савка Калинин, в. Пиминко Иванов, в. Онашка Оверкиев. Пашни паханые худые земли 6 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена в наволоке Егутцком 23 копны. В живущем четь и полчети выти.

Дер. Ракино на речке на Лузе, а в ней крестьян: в. Пятко Степанов сын Ракина, в. Семейка Федоров. Пашни паханые худые земли и с припашью 14 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 30 копен. В живущем выть без получети выти. // (л. 543 об.)

Дер. Тарбеевская над Варшею: в. Сазонко Ерилов, в. брат ево Офонка. Пашни паханые худые земли 8 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 15 копен. В живущем полвыти.

Дер. Борисовская на реке на Лузе, а в ней крестьян: в. Мартемьянко Офонасьев, в. Данилко Архипов с сыном с Федкою. Пашни паханые худые земли 12 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 30 копен. В живущем выть без чети выти.

Дер. Гам, а Ракино тож на реке на Лузе, а в ней крестьян: в. Гришка Омелянов, в. Тиханко Офонасьев // (л. 544) с сыном с Потапком. Пашни паханые худые земли 6 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 17 копен. В живущем четь и полчети выти.

Дер. Козловская, а в ней крестьян: в. Ивашка Семенов з братом с Пашком, в. брат их Микифорко Семенов. Пашни паханые худые земли 3 чети без третника в поле, а в дву по тому ж. Сена 7 копен. В живущем полтрети выти.

Пустошь, что была деревня Тарасовская на речке на Лехте. Пашню пашет наездом Фомка Тиханов сын Иевлева из деревни Тарасовы. Пашни паханые худые земли 8 чети в поле, а в дву // (л. 544 об.) по тому ж. Сена 20 копен. В живущем полвыти.

Дер. Тарасова на реке на Лузе, а в ней крестьян: в. Фомка Тиханов сын Иевлева, в. брат ево Мишка Иевлев, в. Стахейко Архипов, двор пуст Ивашка Нечаева, умер, в. Оверка Семенов. Пашни паханые средние земли 17 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж. Сена на отхожей пожне на Росогле ставитца 30 копен, а 20 копен на той же пожне деревни Ракино. В живущем выть с четью выти. У той же деревни озеро да 2 перевесья, оброку платят по шти алтын по четыре // (л. 545) денги на год.

Дер. Рагозино, а в ней крестьян: в. Ромашко Тиханов с сыном с Киселком. Пашни паханые средние земли 3 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж. Сена 10 копен. В живущем четь выти.

Дер. Борисово на Лузе, а в ней крестьян: в. Васька Осипов, в. Васка Терентьев, в. Федка Борисов. Пашни паханые худые земли 6 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена в Облом (?) наволоке 17 копен. В живущем выть без чети выти.

Дер. Тимофеевская на речке на Ратегове, а в ней крестьян: в. Офонька // (л. 545 об.) Григорьев, в. Власко Осипов сын Епимахов, в. Поспелко Михайлов. Пашни паханые средние земли 3 чети с осьминою в поле, а в дву по

тому ж. Сена 22 копны. В живущем четь выти. К той же деревне озеро да перевесье, оброку платят 6 алтын 4 денги на год.

Дер. Лентилап Запольская, а в ней крестьян: в. Омелька Тимофеев, в. Костька Меньшиков. Пашни паханые средние земли 10 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж. Сена 30 копен на пожнях Варвомени (?) да на усть Пряма да в Кузватцком наволоке. В живущем выть без // (л. 546) чети выти. Да за ними ж озеро, оброку платят по 3 алтына по 2 деньги на год.

Дер. Путиловская на Лузе, а в ней крестьян: в. Пронька Семенов с сыном с Митькою, в. Лучка Семенов, в. Анцыфорко Семенов. Пашни паханые худые земли 8 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена на реке на Лузе 23 копны. В живущем полвыти.

Дер. Вотиновская, а в ней крестьян: в. Ивашко Юрьев сын Родионов с сыном с Омелькою, в. Тимошка Иванов сын Жданова. Пашни паханые средние земли 12 чети с полуосьминою да перелогом и лесом поросло 9 // (л. 546 об.) чети без полуосьмины в поле, а в дву по тому ж. Сена 22 копны. В живущем выть без полчети выти, а в пусте полвыти и полчети выти.

Дер. Семеновское, а в ней крестьян: в. Бориско Борисов, двор пуст ево ж. Пашни паханые средние земли 3 чети с полуосьминою в поле, а в дву по тому ж. Сена 20 копен. В живущем четь выти.

Дер. Милинская на Лузе, а в ней крестьян: в. Гришка Мокеев с сыном с Оникейком, в. Первушка Микифоров, в. вдова Оноска Микитинская с сыном с Васьюкою, в. Федька Олексеев сын Рогова. Пашни паханые худые земли 4 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена // (л. 547) в Девятом наволоке 12 копен. В живущем четь выти.

Дер. Уркинская на реке на Лузе, а в ней крестьян: в. Якушко Савельев. Пашни паханые средние земли 3 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж. Сена 12 копен. В живущем четь выти.

Дер. Визалевская на Лузе, а в ней крестьян: в. Савка Власов, в. брат его Гаврилко. Пашни паханые худые земли 7 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 22 копны. В живущем четь и полчети и полполчети выти. У тое ж деревни участок речки Улы рыбная ловля и с лесы и с падуны в Раменском // (л. 547 об.) погосте. Оброку платят по 10 алтын на год.

Дер. Итетевская на Лузе, а в ней крестьян: в. Сергейко Федоров, в. вдова Аломпейка Силянская с сыном с Ерофейком. Пашни паханые худые земли 5 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 13 копен. В живущем четь и полполчети выти.

Дер. Ходутовская, а в ней крестьян: в. Ларька Кашанин, в. брат ево Федотка, в. Титко Вавилин. Пашни паханые худые земли 5 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 13 копен. В живущем четь и полполчети выти.

Дер. Карповская, а в ней крестьян: // (л. 548) в. Якушко Иванов, в. брат его Сиверка Иванов. Пашни паханые худые земли 4 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 12 копен. В живущем четь выти.

Дер., что был починок за рекою за Лузою повыше Лоемского погосту в

наволоке пуста, а в ней двор пуст, пашню пашет наездом всея (?) Первуша Ерило с погосту. Пашни паханые худые земли 6 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 20 копен. Наезжей пашни четь и полчети выти.

Дер. Семеновская, а в ней крестьян: в. Оверка Капустин, в. Поспелко Иванов. Пашни паханые худые земли // (л. 548 об.) 6 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 20 копен. В живущем четь и полчети выти.

Дер. Старцовская, а в ней крестьян: в. Ивашко Селиванов, в. Демешка Самуилов. Пашни паханые худые земли 5 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 13 копен. В живущем четь и полполчети выти.

Починок Горяиновской пуст, а в нем двор пуст. Пашню пашет наездом Ивашко Селиванов из деревни Старцовские. Пашни паханые худые земли 4 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 15 копен. Наезжей пашни четь выти. // (л. 549)

Дер. Кондоревская, а в ней крестьян: в. Пиминко Еремеев, в. Власко Мартынов. Пашни паханые худые земли 8 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 20 копен. В живущем полвыти.

Дер. Омельянова, а Помясовская тож, а в ней крестьян: в. Мишко Яковлев з братом з Гаврилком; в. Ондрюшка Иванов, в. Елка Тимофеев. Пашни паханые худые земли 4 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 20 копен, в живущем четь выти.

Дер., что был починок Огеев, а в ней крестьян: в. Поздейко Ермолин с сыном с Обросимком. Пашни паханые худые земли 3 чети в поле, а в дву по тому же. // (л. 549 об.) Сена 7 копен, в живущем полчети и полполчети выти.

Дер. Кузнецово, а в ней крестьян: в. Офонька Обрамов, в. Гришка с сыном с Омелькою, в. Ярофейко Трофимов. Пашни паханые худые земли 10 чети да перелогом и лесом поросло 10 же чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 20 копен, в живущем полвыти и полчетверти выти, а в пусе полвыти и полчетверти выти. У тое ж деревни на отхожей пожне оброчного сена 30 копен, оброку платят по 10 денег на год.

Дер. Данилово на Лузе, а в ней крестьян: в. Спирько Посохов, в. куземка Тырышкин. // (л. 550) Пашни паханые худые земли 8 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 20 копен, в живущем полвыти.

Дер. Ермолино, а Тихановская тож, а в ней крестьян: в. Онаша Пантелеев з братом с Ысачком. Тое ж деревни на тех же полях в отное: в. Ларька Васильев. Пашни паханые худые земли 3 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 12 копен, в живущем полчети и полполчети выти.

Дер. Филимоновская, а в ней крестьян: в. Якушко Прокофьев з братом с калинкою; на тех же полях отнесено поконецпол: в. Лаврик Осипов, // (л. 550 об.) в. Первушка Иванов, в. вдова Лукерька Карповская с сыном с Лазарьком. Пашни паханые худые земли 8 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 20 копен, в живущем полвыти.

Дер., что был починок Ивашково, а в ней крестьян: в. Данилко Елизарьев, д. пуст ево ж Данилков. Пашни паханые худые земли 4 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 12 копен, в живущем четь выти.

Дер. Галахтионова, а в ней крестьян: в. Федька Давыдов. Пашни паханные худые земли 4 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 12 // (л. 551) копен, в живущем четь выти.

Дер. Степановская, а в ней крестьян: в. Поздейко Онисимов с сыном с Федькою. Пашни паханные худые земли 4 чети, да перелогом 4 ж чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 20 копен, в живущем четь выти, а в пусте четь же выти.

Дер. Иванова на Усть Селюга, а в ней крестьян: в. Гришка Аврамов, в. племянник его Карпик Васильев, в. Евсюк Васильев. Пашни паханные худые земли 12 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 40 копен, в живущем выть без чети выти. //

(л. 551 об.) Дер. Гавриловская, а в ней крестьян: в. Левка Иванов. На тех же полях в отнесе: в. Семейка Степанов, прозвище Капуста; в. Ларька Григорьев сын Чижов. Пашни паханные худые земли 8 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 15 копен, в живущем полвыти.

Дер. Колегова Тимофеева на речке на Раюзле, а в ней крестьян: в. Богдашко Тиханов, в. Степанко Микифоров, в. Ивашка Исаков, в. Митрошка Омельянов, в. Парфенко Ярофеев. Пашни паханные средние земли 21 четь в поле, а в дву по тому ж. Сена 50 копен, в живущем выть с полувытью.

Дер. Ивашка Панева на речке на Лехте, // (л. 552), а в ней крестьян: в. Самсонко Васильев. Пашни паханные средние земли 7 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 20 копен, в живущем полвыти.

Дер. Ивашка Морозова на речке на Лехте новая распашь, а в ней крестьян: в. Демка Ермолин, в. Никонка Михайлов. Пашни паханные худые земли 10 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 20 копен, в живущем полвыти и полчети выти.

Дер. Петрова на Лехте, а в ней крестьян: в. Васька Ортемьев, в. Сенька Онисимов, д. пуст Карпика Иванова, а пашню того двора пашет наездом Куземка Митин из деревни Гороховские. Пашни паханные худые земли 6 чети в поле, а в дву // (л. 552 об.) по тому ж. Сена 20 копен, в живущем четь и полчети выти.

Дер. Еремеева на Лехте, а в ней крестьян: в. Пашко Семенов сын Худяков, в. Ивашко Степанов, в. Тренька Борисов, в. Мишка Ортемов. Пашни паханные худые земли 16 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 40 копен, в живущем выть.

Дер. пуста Раюзли на Лехте, а в ней двор пуст Мелешки Савельева, умер, а пашню пашет наездом Ивашко Степанов из деревни Еремеева. Пашни паханные средние земли 5 чети с полуосьминою, да перелогом 2 чети без полуосьмины в поле, а в дву по тому ж. Сена 20 копен, наезжей пашни четь и полчети выти, а в пу// (л. 553) сте полчети выти.

Дер. Анкирчье на Лехте, а в ней крестьян: в. Пашко Сидоров, в. Федька Иванов, в. Еремка Яковлев, в. ивашко Ортемьев, в. Фомка Климов, в. Ондрюшка Беляев. На тех же полях в выставке: в. Куземка Митин. Пашни паханные средние земли и с припашью 12 чети с полуосьминою в поле, а в дву по тому ж. Сена 23 копны, в живущем выть без полчети выти.

Дер. Сенькино на Лехте, а в ней крестьян: в. Карпик Евсеев. Пашни паханые худые земли 8 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 20 копен, в живущем полвыти.

Дер. Чешкашер на речке на Лехте, а в ней крестьян: в. Демка Ортемов. Пашни паханые // (л. 553об.) худые земли 4 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 10 копен, в живущем четь выти.

Дер. Новоселово на Лехте, а в ней крестьян: в. Захарко Кирилов, д. Васьки Кирилова, умер во 126 [1618] году. Пашню того двора пашет Митька Захаров. Пашни паханые худые земли 8 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 20 копен, в живущем полвыти.

В Порубе в волостьке

Дер. Лоньюрья на речке на Порубе, а в ней крестьян: в. Ивашка Ортемьев. Пашни паханые худые земли 4 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 15 копен, в живущем четь выти.

Дер. Носовская на Порубе, а в ней крестьян: в. Иевка Оверкиев, в. Куземка Чебежев, в. брат // (л. 554) его Левка. Пашни паханые худые земли 8 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 20 копен, в живущем полвыти.

Дер. Капончукова на Порубе, а в ней крестьян: в. Елька Сысоев, в. брат его Гришка. Пашни паханые худые земли 4 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 10 копен, в живущем четь выти.

Дер. Подсосновой починок на Порубе, а в ней крестьян: в. Марко Потапов, в. Васька Лобанов. Пашни паханые худые земли 8 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 20 копен, в живущем полвыти.

Дер. пуста Карпиково на Порубе, а в ней двор пуст Степанка Тарасова, сшол безвесно. Пашню пашет наездом Васька Лобанов // (л. 554 об.) из деревни Подсосново починка. Пашни паханые худые земли 2 чети, да перелогом и лесом поросло 2 ж чети в поле, а в дву по тому ж. Наезжие пашни полчети выти, а в пуге полчети ж выти.

Дер. Немцово на Порубе, а в ней крестьян: в. Савка Овдокимов. Пашни паханые худые земли 4 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 10 копен, в живущем четь выти.

Дер. Зятево на Порубе, а в ней крестьян: в. Ортюшка Голошапов, в. Тиханко Зорин. Пашни паханые худые земли 8 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 10 копен, в живущем полвыти.

Дер. Подгорная на Порубе, а в ней крестьян: в. Пантелейко Осипов сын Езимова з братом // (л. 555) с Онтипкою, в. Васька Давыдов. Пашни паханые худые земли 8 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 20 копен, в живущем полвыти.

Дер. Порогова на Порубе, а в ней крестьян: в. Куземко Езимов, в. Беляйко Васильев с сыном с Тренькою. Пашни паханые худые земли 6 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 15 копен, в живущем четь и полчети выти.

Дер. Шумиловская на Порубе, а в ней крестьян: в. Ивашко Овдокимов. Пашни паханные худые земли 6 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 15 копен, в живущем четь и полчети выти.

Дер. Онтипино на Порубе, а в ней крестьян: в. Тимошка Онтипин. Пашни паханные худые // (л. 555 об.) земли 4 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 10 копен, в живущем четь выти.

Дер. Егиб на Порубе, а в ней крестьян: в. Якушко Мокаров. Пашни паханные худые земли 6 чети, да перелогом 2 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 20 копен, в живущем четверть и полчетверти выти, а в пуге полчети выти.

Дер. Осташевская на Порубе, а в ней крестьян: в. Наумко Якимов с сыном с Федькою, д. пуг Микитки Наумова, сшол безвесно во 125 году, а пашню пашет он же, Наумко. На тех же полех в выставке: в. Сенька Алампеев с сыном с Еремкою. Пашни паханные худые земли 8 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 25 копен, в живущем полвыти.

Дер. Другая Осташевская, а в ней крестьян: в. Ва // (л. 556) съка Григорьев, в. Гришка Некрасов, в. Игнашко Патрекеев. Пашни паханные худые земли 6 чети, да перелогом и лесом поросло 2 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 20 копен, в живущем четь и полчети выти, а в пуге полчети выти.

Дер. Кеповская на Порубе, а в ней крестьян: в. Карпик Никитин; д. пуг Степановской, сшол безвесно лет з 10. Пашни паханные худые земли 4 чети, да перелогом и лесом поросло 4 ж чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 20 копен, в живущем четь выти, а в пуге четь же выти.

Дер. Ерасимово на Порубе, а в ней крестьян: в. Олешка Некрасов; да 2 двора пугы Меркушки Некрасова, сшол безвесно во 123-м году. // (л. 556 об.) Пашни паханные худые земли 4 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 10 копен, в живущем четь выти.

Дер. Миколевская на Порубе, а в ней крестьян: в. Юшка Васильев, в. бобылка вдова Маурка Некрасовская. Пашни паханные худые земли 4 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 10 копен, в живущем полвыти.

Дер. Бердышевская на Порубе, а в ней крестьян: в. Федька Степанов, в. Беляйко Ондреев, в. Максимко Степанов. Пашни паханные худые земли 8 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 20 копен, в живущем полвыти.

Дер. Мартыновская, а в ней крестьян: в. Васька Юрьев, в. Васька Федотов. Пашни паханные худые земли 6 чети, да перелогом и лесом поросло // (л. 557) 4 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 20 копен, в живущем четь и полчети выти, а в пуге четь выти.

Дер. Ивана Колова на Порубе, а в ней крестьян: в. Осташко Созонов, в. Демка Митин, в. бобыль Михалко Захаров. Пашни паханные худые земли 12 чети, да перелогом и лесом поросло 8 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 20 копен, в живущем выть без чети выти, а в пуге полвыти. У тое ж деревни на отхожей пожне оброчного сена 30 копен, оброку платят по десяти денег на год.

Пустошь, что была дер. Борисовская на Порубе. Пашни перелогом и лесом поросло худые земли 4 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена было 10 копен, в пусте четь выти.

Дер. Гарь над Порубом, // (л. 557 об.) а в ней крестьян: в. Онтон Кошеин. Пашни паханые худые земли 2 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 7 копен, в живущем полчети выти.

Дер. Тирасла на Порубе, а в ней крестьян: в. Костька Тарасов; двор пуст Батрачка Некрасова, съехал на Каму. Пашни паханые худые земли 4 четверти в поле, а в дву по тому ж. Сена 10 копен, в живущем четь выти.

Дер. Куисеи на Порубе, а в ней крестьян: в. Васька Наумов, в. Климко Федоров, в. Гаврилко Петров. Пашни паханые худые земли 6 чети да перелогом и лесом поросло 2 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 20 копен, в живущем четь и полчети выти, а в пусте полчети выти.

Дер. Гарь на бору на речке на Порубе, а в ней // (л. 558) крестьян: в. Сенька Фомин с сыном с Еремкою. Пашни паханые худые земли 4 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 10 копен, в живущем четь выти.

Дер. Чиначеи на Порубе, а в ней крестьян: в. Меньшичко Якимов, в. Офонька Сергеев. Пашни паханые худые земли 4 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 10 копен, в живущем четь выти. У тое ж деревни была пожня на реке на Лузе выше истока Кучпоза и с присыпью, и ту пожню продали от тое деревни от Чиначея Меньшичко Екимов Ваське Ондрееву. Сена на ней ставитца 30 копен, оброку платят по 10 денег на год.

Дер. пуста Другое Чиначее, а в ней крестьян: двор пуст Степанка Сергеева сына Бурдукова. Пашню пашет наездом Викулко Поздеев. // (л. 558 об.) Пашни паханые худые земли 4 чети, да перелогом и лесом поросло 4 ж чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 15 копен, наезжие пашни четь выти, а в пусте четь же выти.

Дер. Третее Чиначее на Порубе, а в ней крестьян: в. Федька Огафонов сын Поздеев, в. Викулко Поздеев, в. Меньшичко Симанов, в. Нестерко Ортемов, в. Киприянко Поздеев, в. Демка Иванов. На тех же полях в выставке: в. Митька Батеев, в. Онтонка Батеев. Пашни паханые худые земли 12 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 30 копен, в живущем выть без чети выти.

Починок Прислонец над речкою над Раюслем на Порубе новая роспашь, а в нем крестьян: в. Максимко Шилкин. Пашни паханые худые земли 2 чети // (л. 559) в поле, а в дву по тому ж. Сена у речки у Поруба 5 копен, в живущем полчети выти.

В Спаском погосте

Дер. Трофимово, а в ней крестьян: в. Федосейко Трофимов, в. Ивашко Максимов, в. Мартьянко Бордуков; двор пуст бобыльской на поскотине Калининской, сшол безвесно. Пашни паханые худые земли 4 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 10 копен, в живущем четь выти.

Дер. Над бором Спаская, а в ней крестьян: в. Марко Иванов, в. Оничка Мосеев, в. Филька Павлов; двор пуст Тимошки Мосеева, сшол на Каму во 124-м году. Пашню его жеребеи пашут Мосейко Рудаков из деревни из Васильевские. // (л. 559 об.) Пашни паханые худые земли 8 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 10 копен, в живущем полвыти.

Дер. Дмитрова, а в ней крестьян: в. Игнашко Елизарьев, в. Сидорко Мартьянов, в. Иевко Максимов, в. Исачко Никитин, в. Мартьянко Матов, в. бобыль Калинко Исаков. Пашни паханые худые земли 10 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 20 копен, в живущем полвыти и полчети выти.

Дер. Карповская, а в ней крестьян: в. Куземка Петров, в. Трофимко Васильев сын Кузнец. На тех же полях в выставке половники Васьки Ондреева с погосту: в. Иевко Максимов, в. Бориско Исаков. Пашни паханые худые земли 8 чети в поле, а в дву по тому ж. // (л. 560) Сена 22 копны, в живущем полвыти.

Дер. Васильевская, а в ней крестьян: в. Микитка Рудаков, в. Мосейко Рудаков, в. половник Спаского попа Якова Первушка Парфенов, в. Сенька Васильев. Пашни паханые худые земли 10 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 23 копны, в живущем полвыти и полчети выти.

Дер. Шиловская, а в ней крестьян: в. Федька Ондреев, в. Кирилко Перфильев. Пашни паханые худые земли 6 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 17 копен, в живущем четь и полчети выти.

Дер. Матвеевская, а в ней крестьян: в. Игнашко Климентьев, в. Васька Семенов, в. Ортюшко Онтмонов, // (л. 560 об.), в. Ивка Ерофеев, в. половник Савки Семенова Ивашко Степанов; двор пуст Игнашки Клементьева. Пашни паханые худые земли 20 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 50 копен, в живущем выть с четью выти.

Дер. Урусовская, а Урнышевская тож, а в ней крестьян: в. в. Ларька Урнышев с сыном с Федькою, в. Левка Урнышев, в. Парфенко Урнышев, в. Елисейко Терентьев с сыном с Агейком, в. Вахрушко Терентьев. Пашни паханые средние земли 10 чети с осьминоу в поле, а в дву по тому ж. Сена 30 копен, в живущем выть без чети выти.

Дер. Сабурово на Лузк, а в ней крестьян: в. Потапко Власов з братом с Худячком, в. Ивашко Максимов, в. Сенька Гирев. Пашни // паханые худые земли 2 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 10 копен, в живущем полчети выти.

В Пермском погосте

Дер. Софроновской наволока на Лузе, а в ней крестьян: в. Пятко да Офонька Климовы, в. Потапко Омельянов, в. Фомка Агеев, в. Терешка Евсеев, в. Лучка Онисимов; двор пуст Гришкинской, сшел безвесно. Пашни паханые худые земли и с припашью 6 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена на 12 копен, в живущем четь и полчети выти.

Дер. Ракино на озэрке на Кувате новая распашь, а в ней крестьян: в. Матвейко Омельянов; двор пуст Ситка Терентьева из выставка. На той же земли

в выставке: Ситко Терентьев. Пашни паханые худые земли 2 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 5 копен, в живущем полчети выти. // (л. 561 об.)

Дер. Другой Наволок, а в ней крестьян: в. Олешка Ондреев; двор Ондрюшкинской пуст, съехал на Каму в 124 году, а землю владеет Лучка Анисимов из дер. Софоновские. На той же земле в выставке: в. Боженко Филипов. Пашни паханые худые земли 3 чети, да перелогом и лесом поросло четь в поле, а в дву по тому ж. Сена 10 копен, в живущем полчети и полполчети выти, а в пусте полполчети выти. <...>

В Подкиберском подволочье

Дер. Вишаковская на Лузе, а в ней крестьян: в. Митька Потапов, в. Трофимко Федоров, в. Кирилко Малцов. Пашни паханые худые земли 10 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 20 копен, в живущем полвыти и полчети выти.

Да за ними ж в наволоке в Елкихоже да у де// (л. 562) суда* на Зезелове сена ставитца 50 копен, оброку платят по 3 алтына по 2 деньги на год.

Дер. Другая Вишаковская на озерке и не реке на Лузе, а в ней крестьян: в. Васька Кондратов, в. Федька Кондратов, в. вдова Полагейка Федоровская, в. Гришка Иванов. На той же земли в выставке: в. Левка Мартемьянов, в. Пронька Горбунов. Пашни паханые худые земли 8 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 20 копен, в живущем полвыти.

Дер. Глебовская на Лузе, а в ней крестьян: в. Парфенко Захаров с сыном с Потапком. Пашни паханые худые земли 4 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 10 копен, в живущем четь выти. Да у них же оброчново сена 20 копен, оброку платят по алтыну на год.

Дер. Спириная над речкою // (л. 562 об.) над Ньюлою, а в ней крестьян: в. Ивашко да Олешка Яковлевы. Пашни паханые худые земли 8 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 20 копен, в живущем полвыти.

Дер. Другое Спириное над Ньюлою ж, а в ней крестьян: в. Данилко Некрасов, в. Фефилко Овдокимов с сыном с Фалкою. Пашни паханые худые земли 4 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 12 копен, в живущем четь выти.

Дер. Третье Спириное над Ньюлою ж, а в ней крестьян: в. ЖючкоИванов. А другою половиною тое деревни пашет наездом Чюдинко Ондреев ис Кибринские волости. Пашни паханые худые земли // (л. 563) 6 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 17 копен, в живущем четь и полчети выти.

Дер. Негорт на Лезу*, а в ней крестьян: в. Тимошка Некрасов, в. Карпик да Осипко Петровы. На той же земли в выставке: в. вдова Оленка Савинская, в. бобыль Миронко Агафонов. Пашни паханые худые земли 8 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 20 копен, в живущем полвыти.

Дер. Новоселка на горе* на Лузе, а в ней крестьян: в. Ивашко Черкасов. Той же деревни за рекою за Лозою* выставок, а в ней: в. Поздейко Дементьев,

* Так в тексте.

в. Меншичко Андреев. Пашни паханые худые земли 4 чети в поле, а в дву по тому ж. // (л. 563 об.) Сена 12 копен, в живущем четь выти.

Дер. Екшер на Лузе, а в ней крестьян: в. Митька Офонасьев с сыном с Оською, в. Спирька Онаньин, в. Ивашко Офонасьев, в. Сенька Кузьмин, в. Ивашко Оринин, в. Кирилко Шучалин. Пашни паханые худые земли 16 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 40 копен, в живущем выть.

В Володине погосте

Дер. Березник на Лузе, а в ней крестьян: в. Меншичко Андреев с сыном с Оською, в. Васька Корнилов, в. Тимошка Федоров, в. Сидорко Ермолин, в. Левка Ермолин, в. Олешка Микитин. На теи ж земле в выставке: в. Павлик Микитин. Пашни паханые худые земли и с припашью // (л. 564) 13 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 30 копен, в живущем выть без полчети и без полполчети выти.

Дер. Степаново, а в ней крестьян: в. в. Федька Степанов с сыном с Павликом, в. Мартынко Беляев, в. Мишка Беляев; двор пуст Дорофейка Данилова. Пашни паханые средние земли 10 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж. Сена 30 копен, в живущем выть без чети выти.

Дер. На нижнем Илгорте, а в ней крестьян: в. Федька Иванов. На тои ж земле в выставке: в. Петрушка Васильев. Пашни паханые средние земли 7 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 20 копен, в живущем полвыти.

Дер. На Илгорте ж, а в ней крестьян: в. Гаврилко // (л. 564 об.) Микитин. На тои ж земле в выставке: в. бобыль Михейко Иванов. Пашни паханые средние земли 3 с осьминою чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 12 копен, в живущем четь выти.

Дер. Нестерово, а в ней крестьян: в. Есипко Офонасьев. Пашни паханые худые земли 2 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 7 копен, в живущем полчети выти.

Дер. Миляшево, а в ней крестьян: в. Лучка Мокаров, в. Олешка Дягилев. На тои ж земли в выставке: в. бобыль Дорофейко Данилов. Пашни паханые худые земли 8 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 30 копен, в живу// (л. 565) щем полвыти.

Дер. Другое Миляшево, а в ней крестьян: в. Ларька Оксенов, в. Фарафонко Зиновьев, в. Осипко Ермолин, в. Куземка Федоров, в. Васька Носков, в. вдова Фетиньца Борисовская жена. Пашни паханые худые земли 16 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 30 копен, в живущем выть.

В Емове погосте

Дер. Васильево, а в ней крестьян: в. Илейка Федоров сын Онофреев, в. Митька Семенов, в. Евсейейко Онаньин, в. Первушка Микитин, в. бобылка вдова Марьца Юрьевская жена. Пашни паханые худые земли 6 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 17 // (л. 565 об.) копен, в живущем четь и полчети выти.

Дер. Марфино, а в ней крестьян: в. Гаврилко Григорьев, в. Петрушка Макоев. На ито* ж земле в выставке: в. Ларька Макоев. Пашни паханые худые земли 2 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 7 копен, в живущем полчети выти.

Дер. Юксино, а в ней крестьян: в. Офонька Иванов сын Губина, в. Лучка Богданов, в. Исачко Ортемов; место дворовое Родьки Вахромеева, двор згорел, а он живет на подворье у Исачка Ортемова. Пашни паханые худые земли 8 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 20 копен, в живущем // (л. 566) полвыти.

Дер. Емово, а в ней крестьян: в. Демка Колегов, в. Митька Федоров, в. Олферко Дорофеев, в. бобыль Дорофейко Олексеев, в. Оверка Олексеев. На той ж земле в выставке: в. Оксенко Меркурьев, в. Сергейко Кондратьев. На той ж земле другой выставок, а в нем: в. Ивашко Горбунов, в. Гаврилко Семенов, в. Офонька Ширяев. Пашни паханые худые земли и с припашью 10 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 25 копен, в живущем полвыти и полчети выти.

Дер. Погорова, а Пуреговская тож, а в ней крестьян: в. Харламко Васильев сын Головин, в. Онтошка Иванов. Пашни па // (л. 566 об.) ханые худые земли 8 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 20 копен, в живущем полвыти.

На озерах

Дер. Аристово на озерке, а в ней крестьян: в. Ларионко Степанов, в. Онтоманко Иванов. Пашни паханые худые земли 4 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 12 копен, в живущем четь выти.

Дер. пуста на озерах, что бывала пустошь зарослая, а в ней: двор пуст Васьки Максимова. А землю пашет наездом ис Филиповы деревни Юшка Остафьев. Пашни паханые худые земли четь, да водою сметало рекою Лузою четь же в поле, а в дву по тому ж. Сена 5 ко // (л. 567) пен, наездные пашни полполчети выти, а водою сметало полполчети же выти.

Дер. Филипово на озерах, а в ней крестьян: в. Юшка Остафьев. Пашни паханые худые земли 4 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 12 копен, в живущем четь выти.

Дер. Матвеева на озерах, а в ней крестьян: в. Ларька Сидоров сын Панев, в. Федька Мартемьянов. Пашни паханые худые земли 4 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 12 копен, в живущем четь выти.

Дер. Филипово на озерах, а в ней крестьян: в. Обрамко Онаньин, в. вдова Федосьица Остафьевская жена. На той ж земле в выставке: в. Гришка Дмитриев, в. Ондрюшка Софронтьев, // (л. 567 об.) в. Тимошка Степанов. Пашни паханые худые земли 12 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 30 копен, в живущем выть без чети выти.

Дер. На озерах, а в ней крестьян: в. вдова Катеринка Федотовская жена Кирьянова, в. бобыль Киприянко Трофимов. Пашни паханые худые земли 4 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 12 копен, в живущем четь выти.

Дер. пуста На прислое, а в ней 3 двора пусты: Михайловской Панева, да Кипчаковской, да Киршаковской Михайло, все померли в зяблой год. Пашни

перелогом и лесом поросло худые земли 4 чети в поле, а в дву по тому ж. В пуге четверть выти.

Дер. Калинино на Лузе, а в ней крестьян: в. Савка Федоров, в. Пятунько Федоров, в. Анцыфорко Федоров, в. Ермолко // Якимов, в. Васька Федоров. Пашни паханые худые земли 4 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 12 копен, в живущем четь выти. Тое ж деревни выставок: в. Ивашко Тимофеев с сыном с Васьюко, в. Трофимко Тимофеев сын Калинина, в. Онисимко Тимофеев. Пашни паханые худые земли 4 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 12 копен, в живущем четь выти.

Что была деревня Захарово, сметало водою рекою Лузою, пашни в ней было середние земли 3 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж. Сена 10 копен. Сметало водою четь выти. //

В Объяческом погосте

Дер. Тупеговская, а в ней крестьян: в. Федька Иевлев з братом с Филькою. Пашни паханые середние земли 7 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 20 копен, в живущем полвыти. Да к той ж деревне угодей по купчим и по входным и по крепостям: поженка Пожин Тылкосока, сена ставитца 20 копен волоковых. Поженка подле Ожин речка Ожин* с наволочками и с езовищи и с новинными месты с пашенными, а межи по купчим и по входным; поженка Солвалва, поженка на усть Нового // (л. 569) озера и с причистью и с ыстокм по обе стороны, да поженка Остров, да поженка Ижидвиц, на наволок Поддором; тое ж деревни скотинной выпуск и с озерком и с ысточком до реки до Лузы и с водопойными месты по обе стороны, да прислон пашенное место по вражку по Важгошеру, а межи по купчим и по входным; да по Сыншеру лесы лешевные, да прислон Анкозья, а тот прислон с Пятком Левонтьевым вместе по купчим и по деловым. А на всех на тех поженках сена ставитца 25 копен волоковых, а иные месты вново розчищати. Да у деревни Захаровские поженка Инвич да другая поженка Моепель, // (л. 569 об.) а сена на тех поженках ставитца 30 копен волоковых. Да у тое ж деревни речка Соя с лешевными лесы и с путики по обе стороны и с рыбною ловлею, а межи по купчим и по входным. И на все на те угодыя положено оброку 20 алтын.

Дер. Кузьмы Лямчикова, а в ней крестьян: в. Пятко Левонтьев. В тое ж деревне пашет наездом Ивашко Матвеев по купчей четвертой жеребеи, да тут же во дворе без пашни Олешка Попов, а пашню пашет на Вилгортской дороге на бору под болотом и до бору по купчей. Пашни паханые середние земли 3 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж. Сена 12 // (л. 570) копен, в живущем четь выти.

Дер. Захаровская, а в ней крестьян: в. Тимошка Екимов, в. бобыль Ортюшка Симонов. На той ж земле в выставке: в. Максимко Васильев. Паш-

* Так в тексте.

ни паханые средние земли 3 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж. Сена 20 копен, в живущем четь и полчети выти.

Дер. Югово, а в ней крестьян: в. Филька Томилов, в. Мартемьянко Яковлев. Пашни паханые средние земли 5 чети с полуосьминою в поле, а в дву по тому ж. Сена 20 копен, в живущем четь и полчети выти.

Дер. Другое Югово, а в ней крестьян: в. Титко Яковлев, в. Гуляйко Федоров. Пашни паханые средние земли // (л. 570 об.) 3 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж. Сена 12 копен, в живущем четь выти.

Дер. пуста Микулино, а в ней двор пуст, пашню пашет наездом Объяческого погоста Никольской поп да прыхожане, откупили де миром всем при[хо]дом тое деревни к церкви у Микитки Дмитреева. Пашни паханые худые земли 2 чети, да перелогом 2 ж чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 10 копен, наезжие пашни полчети выти, а в пусте полчеты же выти.

Дер. Борисово, а в ней крестьян: в. Нечайко Офонасьев с сыном с Офонькою, двор земсаго дьячка Васьки Юрьева, а па // (л. 571) шет наездом, двор Заньки Понкратова, пашет наездом из выставка и с починка Загарья. Тое ж земли в выставке починок Загарье, а в нем крестьян: в. Ларька Носков, в. Захарко Носков, в. Баженко Лукьянов. Пашни паханые худые земли 10 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 22 копен, в живущем полвыти и полчети выти. Да* у них же усть Соли речки рыбные ловли и путики до Лузы реки по их крепостям, а оброку им платить с рыбные ловли и с путиков 16 алтын 4 деньги, а владеть им по своим купчим и по крепостям.

Дер. Туганово, Родионовская, а в ней крестьян: // (л. 571 об.) в. Онтонка Федоров, в. Вахрушка Оверкиев. На тои ж земле в выставке починок Вверх Горташа: в. Ивашка Оверкиев. На тои ж земле в другои выставке: в. Мишка Лихачев. На тои ж земле в третеем выставке: в. бобыль Вахрушка оверкиев. Пашни паханые худые земли 6 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 12 копен, в живущем четь и полчети выти и с выставками**.

Дер. Остапово, Лихачевская тож, а в ней крестьян: в. Иевка Шулепов с сыном с Юдкою, Васька Шулепов с сыном с Митькою. На тои ж земле в выставке: в. Петрушка Семенов, в. Васька Семенов. Пашни паханые худые земли 6 чети в поле, // (л. 572) а в дву по тому ж. Сена 17 копен, в живущем четь и полчети выти.

Дер., что был починок Окисин, а в ней крестьян: в. Кирилко Романов з братом с Калинкою, в. Тренька Романов з братом с Калинкою ж. На тои ж земле в выставке: в. половник Кирилка Романова Васька Романов. На тои ж земле в другом выставке: в. Васька Паюсов. Пашни паханые худые земли 6 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 15 копен, в живущем четь и полчети выти.

Дер. Другое Борисово, а в ней крестьян: в. Карпик Степанов, в. ево ж половник Гришка Харитонов; двор пуст Максимка Васильева, пашню того

* В тексте «на».

** В тексте «выставками».

двора пашет // (л. 572 об.) он, Максимко, из деревни Захаровские от погосту. На той же земле в выставке: в. Вавилко Ларионов. На той же земле в другой выставке: в. Оська ларионов, в. Офонька Харитонов. Пашни паханные худые земли 10 чети в поле, а в дву по тому же. Сена 23 копны, в живущем полвыти и полчети выти.

Дер. Ивкино, а в ней крестьян: в. Логинко Яковлев. Пашни паханные худые земли 4 чети в поле, а в дву по тому же. Сена 15 копен, в живущем четь выти.

Дер. Яковлево Пряженово, а в ней крестьян: в. Пахомко Васильев сын Губин, в. Юрка иванов. На той же земле выставок: // (л. 573) в. вдова Феклица Пантелеевская с сыном с Родькою; двор пуст Пахомка Васильева. Пашни паханные худые земли 3 чети в поле, а в дву по тому же. Сена 7 копен, в живущем полчети и полполчети выти.

Дер. Микулинская, а в ней крестьян: в. Васька Степанов с сыном з Азикою. Пашни паханные худые земли 4 чети в поле, а в дву по тому же. Сена 10 копен, в живущем четь выти.

Дер. Марковская, а в ней крестьян: в. Ивашко Титов. На той же земле в выставке: в. Микитка Конанов, в. племянник его Васька Федоров. На той же земле в другой выставке: в. вдова Варварка // (л. 573 об.) Анцыфоровская с сыном с Мишкою, в. вдова ж Дарьица Дмитриевская. Пашни паханные худые земли 9 чети в поле, а в дву по тому же. Сена 22 копны, в живущем полвыти и полполчети выти.

Дер. Горяиновская, а в ней крестьян: в. Пьянко Максимов. На той же земле в выставке: в. Васька Панфилов. Пашни паханные худые земли 9 чети в поле*, а в дву по тому же. Сена 22 копны, в живущем полвыти и полполчети выти.

Дер. Загарье на Лузе, а в ней крестьян: в. Микитка Дмитриев, в. Минейко Логинов. На той же земле в выставке: в. // (л. 574) Ивашко Дмитриев. Пашни паханные худые земли и с тем, что в заполице, 6 чети в поле, а в дву по тому же. Сена 10 копен, в живущем четь и полчети выти.

В Шерковском погосте

Дер. Карповская на Лузе, а в ней крестьян: в. Вахрушко Митин, в. Трифанко Степанов, в. Тимошка Григорьев. На той же земле в выставке: двор пуст Федьки Мосеева. Пашни паханные худые земли 3 чети в поле, а в дву по тому же. Сена 10 копен, в живущем полчети и полполчети выти.

Дер. Васьково, а в ней крестьян: в. Левка Иванов. Пашни паханные худые земли 3 чети с осьминою в поле, а в дву по тому же. // (л. 574 об.) Сена 20 копен, в живущем четь выти.

Дер. Мичурино, а в ней крестьян: в. Тимошка Мичурин. На той же земле в выставке: в. Левка Смолев, в. Федька Мосеев, в. Гришка Иванов. Пашни паханные худые земли и с припашью, что припахано вново, 4 чети в поле, а в дву по тому же. Сена 10 копен, в живущем четь выти.

* В тексте «пеле».

Дер. Ильинское, а в ней крестьян: в. Июдка Осипов, в. Ивашко Олексеев. На той же земле в выставке: в. Тимошка Родионов, в. бобыль Савка Иванов. Пашни паханные худые земли 3 чети в поле, а в дву по тому же. Сена 7 копен, в живущем полчети и полполчети выти.

Дер. Иваново, а в ней крестьян: в. Кондрашка // (л. 575) Екимов. Пашни паханные худые земли 4 чети в поле, а в дву по тому же. Сена 12 копен, в живущем четь выти.

Дер. Коитановская, а в ней крестьян: в. Осипко Григорьев. На той же земле в выставке: в. Вахрушко Овдеев. Пашни паханные худые земли 4 чети в поле, а в дву по тому же. Сена 15 копен, в живущем четь выти.

Дер. Пестриково, а в ней крестьян: в. Степанко Федоров. Пашни паханные худые земли 4 чети в поле, а в дву по тому же. Сена 12 копен, в живущем четь выти.

Дер. Другое Пестриково, а в ней крестьян: в. Ондрушка Иванов, в. вдова Маврица // (л. 575 об.) Костянтиновская; двор пуст Пахомка Кузьмина. На той же земле в выставке: в. вдова Оленка Ивановская жена со внуком с Ъсачком. Пашни паханные худые земли 4 чети в поле, а в дву по тому же. Сена 12 копен, в живущем четь выти.

Дер. Иваново, а в ней крестьян: в. Федька Максимов, в. Ивашко Онисимов, в. Гришка Онисимов; двор пуст Ивашка же Онисимова. На той же земле в выставке: двор пуст Пахомка Кузьмина. Пашни паханные худые земли 4 чети в поле, а в дву по тому же. Сена 12 копен, в живущем четь выти.

Починок Новая Гобской распашь, а в ней крестьян: // (л. 576) в. Пахомко Кузьмин. Пашни паханные худые земли четь в поле, а в дву по тому же. Сена 3 копны, в живущем полполчети выти.

Дер. Важгорт, а в ней крестьян: в. Лучка Петров. Пашни паханные средние земли 3 чети с осьминою в поле, а в дву по тому же. Сена 10 копен, в живущем четь выти.

В Ношульском погосте

Починок Ульянов, а в нем крестьян: в. половник Бориска Боброва Васька Тиханов. Пашни паханные худые земли 4 чети в поле, а в дву по тому же. Сена 10 копен, в живущем четь выти.

Дер. Горбуновская, а в ней крестьян: в. Ерофейко Потеев; двор пуст Вавиловской Потеева, сшол в Сибирь. На той же // (л. 576 об.) земле в выставке: в. Онашка Павлов. Пашни паханные худые земли 6 чети в поле, а в дву по тому же. Сена 20 копен, в живущем четь и полчети выти.

Дер., что была пустошь Яковлево, а в ней крестьян. <...>

(л. 584) <...>Лутцкие же Пермцы все волости за крестьяны на оброке рыбная ловля и бобровые гоны половина речки Красные, да половина реки Ковры, да половина речки Федоровы, да половина речки Мамонтовы, да река Чемелина. А лесу промеж тех речек по сотной и по дозору по смете в дли-

ну 450 верст, а поперечь в ыном месте 220 верст, а инде больше, а инде // (л. 584 об.) меньше. В реках рыбная ловля и бобровые гоны, а по лесу крестьяне за зверем лесуют и всякими угоды владеют. И оброку платят всею волостью 6 рублей 16 алтын 4 деньги и с пошлинами.

Да на оброке пожня Лов была за Евсейеком Худовым, а ныне за сыном его за Власком. Сена на ней ставитца 100 копен, оброку 5 алтын. Пожня Иняжвлом Допрясном на оброке за ним же, за Власком. Сена на ней ставитца 340 копен, оброку 17 алтын. Пожня Новая причисть, сена 40 копен, оброку 2 алтына. Да на Лоемском погосте за Ивашком за кузнецом была домница, а варил в ней железо, оброку // (л. 585) на нее положено было 4 алтына на год, а ныне та домница в пусте, печи и горны розломаны, а Ивашко кузнец збрел безвесно во 125 (1617. – *Авт.*) году, и тот оброк для пуста сложен.

И всего в Лутцкой Пермце 159 деревень, да выставок, да 8 починков, да наездом пашут 6 деревень пустых, да 2 починка, да пустошь. А в них жилых 444 двора, а людей в них 491 человек, да 11 дворов бобыльских, а людей в них тож. Пашни паханые средние земли 212 чети без полуосьмины // (л. 585 об.), да наездом пашут средние ж земли 5 чети с полуосьминою, да пашни ж паханые худые земли 819 чети без третника, да наездом пашут худые ж земли 27 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж. В живущем 68 вытей и полполчети и полполполтрети и полполполчети выти. Сена вытного 2060 копен, а государева оброку за намесник корм и за присудных пошлинных людей доход и с пошлинами 102 рубли 18 алтын, с выти по рублю по 16 алтын по 5 денег. Сошного письма в живущем 9 сошек, а дани и за прос и за поминочные...<...>

(л. 587 об.) ...34 двора пустых...<...>

(л. 588) Да старые пустоши и починки запустели до писцов, лежат в пусте, а по дозору и по сыску пашня в них и сенные покосы лесом поросли.

Починок Кучевской на Порубе. Пашни паханые худые земли 4 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена было 9 копен. Пашня и сенные покосы лесом поросли большим.

Починок*, что была дер. Захаркова церковная Офонася и Кирила Александрийских. Пашни паханые худые земли 2 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена было 5 копен. Пашня // (л. 588 об.) и сенные покосы лесом поросли большим.

Починок**, что была деревня Денисова на озерах. Пашни худые земли 6 чети, сена 15 копен. Четь и полчети выти пашня и сенные покосы лесом поросли большим.

Починок Захаров. Пашни худые земли лесом поросло четь в поле, а в дву по тому ж. Полполчети выти. Сена 5 копен.

...И всего 2 пустоши да 2 починка. <...>

* Так в тексте. Должно быть, вероятно, – пустошь.

** Так в тексте. Должно быть, вероятно, – пустошь.

(л. 589 об.) А по приправочным и дозорным книгам 124-го (1616. – *Авт.*) году дозору Степана Голенищева да подьячево Пятова Филатова в волости в Лутцкой Пермце в живущем 65 вытей и полполчети выти. <...>

(л. 590) И прибыло по дозору 128-го (1620. – *Авт.*) году в волости в Лутцкой Пермцы перед росписью в живущее полсошки без полполполчети сошки. <...>

(л. 590 об.) А перед приправочными дозорными книгами в волости в Лутцкой Пермце прибыло в живущее 3 выти и полполполтрети и полполполчети выти. Сошного письма прибыло полсошки без полполполчети сошки. <...>

(л. 591). В Объяческом погосте на реке на Лузе городок Объячей, а в нем 23 городни, да башня, а в ней ворота проезжие, да башня глухая. Стоит на круче, с истону река Луза, а з дву сторон бояроки и подошли болота, а с четвертую сторону перекоп; из бояроков к реке к Лузе бывал тайник, завалился. А в городке церковь Никола Чюдотворец древяна клетцки, да казенной анбар, а в нем за замком и за печатью у городского приказчика у Михалка Нестерова 4 пищали затинных, а к ним 1500 ядер железных, да 15 рушниц, да ствол без станку, да 2 ствола пищальных попорченных, да пуд с четью // (л. 591 об.) пороху, да в усечках и в пульках пуд свинцу, да 200 стрел. Да на погосте церковь Илья пророк клетцкии древяна, а в ней образы писные и поставные, и свечи, и книги, и ризы, и колокола, и все церковное строение мирских людей.

В Лутцкой Пермце на реке на Лузе у Спаса городище Спаское. Был городок рублен городнями, а ныне розвалился, стоял на осыпку на круче, а наряд того городка 4 пищали затинных, а к ним 1830 ядер железных, да 17 рушниц да 2 ствола, один попорчен, пуда з 3 пороху, четь пуда свинцу, 130 стрел, а свезен тот наряд в Объячей городок. // (л. 592) У городка погост на реке на Лузе, а на погосте церковь Преображенье Спасово да теплая церковь Офонасия и Кирила Александрийских. <...>

Да на Лойме погост. <...>

6. ПИСЦОВАЯ КНИГА СОЛЬВЫЧЕГОДСКОГО УЕЗДА 1625 г. (ФРАГМЕНТ)

(РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Поместный приказ, кн. 446)

(л. 1) Соль Вычегодская. Книга писцовая письма и меры Парфения Микифоровича Мансурова 133-го году. (...)

(л. 579) В Усольском же уезде волость Лутцкая Пермца по реке по Лузе. (...)

(л. 621) В волости в Лутцкой ж Пермце на речке на Летке на Вятцком волоку на черном лесу поселились крестьяня после прежних писцов вново. А по дозору 128-го году те крестьяня пашню пахали наездом из оброку. А по новому письму и мере писцов Парфенья Микифоровича Мансурова да подьячево Василия Архипова 132-го году те крестьяня на Вятцком волоку по речке по Летке живут, а государевы царевы и великого князя Михаила Федоровича

всеа Русии подати и всякие пермские розметы платити им в Лутцкую Пермцу с вытей с волостью вместе.

Деревня, что был починок Даниловской на речке на Волоснице, а в ней крестьян: В.Данилко (л. 621 об.) Кондратьев сын Кошенин с сыном з Демком. На той же земле в выставке: в.Вавилко Яковлев сын Шулепов; в.Селиванко Иванов. Пашни паханые худые земли 10 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 20 копен. В живущем полвыти и полчети выти. Поскотины 3 десятины, лесу тож.

Деревня, что был починок Кочергинской на речке на Волоснице, а в ней крестьян: в.Перфирко Максимов; в.Офонько Григорьев; в. бобыль Ивашко Лукьянов; в.Матюшко Григорьев; в. бобыль Пашко Васильев. На той же земле в выставке: в.Моковейко Захарьин; в.Брат ево Гришко Захарьин. Пашни паханые худые земли 12 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 20 копен. В живущем выть без чети выти. Поскотины 5 десятин, лесу тож.

Деревня Летка на речке на Летке (л. 262), а в ней крестьян: в.Савка Офонасьев с сыном с Калинкою; в.Федосейко Иванов; в.Федько Иванов з братом с Петунькою; в.Власко Максимов. Пашни паханые худые земли 14 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 50 копен. В живущем выть без полчети выти.

Починок Ивашка Ларионова на Слуде на речке на Летке, поставлен после дозору Василья Самарина да подьячево Семена Осокина во 129-м году по мирской даной, а в нем: в.Ивашко Ларионов с сыном с Первушком. Пашни паханые худые земли 3 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 10 копен. В живущем полчети и полполчети выти. Поскотины 3 десятины, лесу тож.

Деревня Тороповская пуста, а в ней: д.пуст Ивашка Патрекеева; д. пуст Васьки Лобанова, а они сошли безвесно. Пашни перелогом и лесом поросло худые земли 4 чети в поле (л.622 об.), а в дву по тому ж. В пусте четь выти. (...)

(л. 627 об.) Да в Лутцкой ж Пермце на речке на Летке было по приправочным книгам Василья Самарина на оброке деревня да 2 починка. В живущем выть бес полчети выти, а оброку было с пашни и с сенных покосов 2 рубли 6 алтын 4 деньги. А по новым писцовым книгам на речке на Летке 3 деревни жилых да починок, а в них 13 дворов, а людей в них 17 человек, да 2 двора бо (л. 628) быльских, людей в них тож. Пашни паханые худые земли 39 чети в поле, а в дву по тому ж. В живущем 2 выти с четью и полчети и полполчети выти. А государева оброку за намеснич корм и за присуд и их пошлинных людей доход 3 рубли 25 алтын 5 денег. С выти по рублю по 16 алтын по 5 денег. Сошного письма в живущем четь и полполчети сошки. А дани и запросу и всяких денежных доходов рубль 31 алтын 2 деньги. С сошки по 6 рублей по 7 алтын. Пищальных денег 3 алтына полпяты деньги. С сошки по 10 алтын по 2 деньги. И всего с тех с новоприбылых деревень и починков, что вышли из оброку в тягло 5 рублей 27 алтын полчетверты деньги. (...)

(л. 633 об.) В Лятцком же погосте церковь древена клецки теплои с трапезою во имя Преображения Господа Спаса нашего Иисуса Христа. А в церкви образов: Деисус на 13 цках, писан на празелени; двери царские и с

сенью и столпцами писаны на золоте; образ местной Преображения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа на празелени; образ Пречистые Богородицы Успенья на празелени; образ Богоявления Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа промеж царскими и северскими дверьми; образ Пречистые Богородицы Одегитрия на празе(л.634)лени; да в олторе на престоле образ Пречистые Богородицы Знамения на празелени осьмилистовая. Да книг на престоле: Евангелия письмяная в полдесть. Да на престоле ж крест воздвизанной, писан на золоте. Да патыр оловянной. Деисус деревянной да судари крашенинные. Да книг: Апостол письмяной в полдесть; книга Треволой письмяной в полдесть; да Минея общая печатная; Псалтырь письмянная; да Чесовник письмяной; да святцы с трепари и с кондаки. Ризы полотняные, оплечье крашенинное; стихарь подризной, оплечья крашенинное; пояс нитной, потрахель камкоусенная ветха. Кадило медное. Да на колокольнице 2 колокола, весу в них 7 пуд.

А у церкви причетников церковных на церковной земле: в.поп Федор Иванов; в.дьячок Дементейко (л. 634 об.) Игнатъев; в.понамарь Мишка Васильев; в.проскурница Марьяца Иванова дочь. Да у той ж церкви нищих: в.Тренька Дементьев; в.Карпик Леонтъев.

7. ПИСЦОВАЯ КНИГА СОЛЬВЫЧЕГОДСКОГО УЕЗДА 1645 г. (ФРАГМЕНТ)

(РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Поместный приказ, кн.452)

(л. 173) Тое ж волости Луцкие Пермцы на речке на Летке на Вяцком волоку погост Лецкой на черном лесу. А поселились те крестьяне после прежних писцов в ново. А по дозору 128-го году те крестьяне пашню пахали наездом из оброку. А по письму и мере писцов Парфенья Мансурова да подьячего Василья Архипова 132-го году государевы царевы и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси подати и всякие мирские (л.173 об.) розметы платят те крестьяне в Луцкую Пермцу с Вятей* с волостью вместе. А на погосте церковь древяна клецки, теплая с трапезою во имя Преображения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. А в церкви образов: Деисус на трехнатцати цках, писан на празелени; двери царские, и сень, и столбцы писаны на золоте. Да местных образов: образ Преображения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа на празелени; образ Пресвятые Богородицы Успения на празелени; образ Богоявление Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа; промеж царскими и северными дверьми образ Пречистые Богородицы Одигитрия на празелени. Да в олtare на престоле образ Пречистые Богородицы Знамения на празелени осьмилистовая. Да книг: на престоле евангелие письмяное в полдесть. Да на престоле ж крест воздвизанной, писан на золоте.

* Так в тексте.

Да потыр оловяной, диоскос* деревяной, да судари крашенинные. (л. 174). Да в церкви ж книг: апостол письменой в полдесть; минея общая печатная; псалтырь письменая; часовник письменой; святцы с тропари и с кондаки. Ризы полотняные, оплечье крашенинное, стихарь подризной, оплечье крашенинное, пояс нитяной, патрахель камкасейная ветха. Кадило медное. Да на колокольнице 3 колокола, весу в них полдесета пуда. А у церкви причетников церковных на церковной земле: в.поп Иван Юрьев; в.дьячок Федька Иванов; в.пономарь Гришка Иванов. Да бобыльских дворов: в.бобыль Ивашко Шалим; в.бобыль Еремка Карпов. Пашни паханные церковные земли 2 чети в поле, а в дву потому ж.

Да того ж приходу государевы, царевы и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии черные деревни:

Деревня Летка на речке на Летке, а в ней крестьян: в.Калинка Савельев, владеет по старине; в.Петунька Иванов; д.пуст (л.174 об.) Федосейка Иванова, умер во 151-м году; д.пуст Власка Максимова, сшол в Казанской уезд на Кукарку во 145-м году; д.пуст Федьки да Пятка Ивановых, померли во 141-м году, владели по отдельной отца своего. Пашни паханные худые земли 10 чети. Да лесом поросло 4 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 50 копен. В живущем четь и полчети выти. А в пусте четь и полчети выти.

Деревня, что был починок Кочергинский, а Отафьевская тож, а в ней крестьян: в.Гришка Захаров з детьми з Дениском да с Ондрюшкою, владеет по писцовым книгам; в.Митька Макеев сын Захаров, владеет по старине; д.пуст Офоньки Григорьева, сшол к Вятке во 142-м году; д.пуст Федотка Григорьева, сшол к Вятке во 153-м году; д.пуст Перфилка Максимова, умер во 143-м году; м.дворовое бобыля Ивашки Лукоянова, (л. 175) сшол безвестно во 144-м году, пашни не пахал; д.пуст Пашка Васильева, умер во 151-м году. Пашни паханные худые земли 10 чети. Да лесом поросло 2 чети в поле, а в дву по тому ж. В живущем четь и полчети выти. А в пусте четь же и полчети выти. Поскотины 5 десятин, лесу тож.

Деревня, что был починок Даниловской на речке на Волоснице, а Урюпина тож, а в ней крестьян: в.Андрюшка Иванов с сыном Ивашком, владеет по старине; д.пуст Данилка Кондратьева сына Кошенина с сыном з Демком, померли во 142-м году; д.пуст Вавилка Яковлева сына Шулепова, умер во 144-м году. Пашни паханные худые земли 10 чети. Да лесом поросло 2 чети в поле, а в дву по тому ж. В живущем полчети и полполчети выти. Поскотины 3 десятины, лесу тож.

Деревня, что был починок Ивашка Ларионова на Слуде, (л. 175 об.) а на Струбакаж** тож, а в ней крестьян: в.Васька Карпов сын Гараев: д.пуст бобыльской Васьки Федорова сына Федюкова, сшол к Вятке во 153-м году;

* Так в тексте.

** Так в тексте.

м.дворовое Ивашка Ларионова, умер во 141-м году. Пашни паханые худые земли 3 чети в поле, а в дву по тому ж. Сена 10 копен. В живущем полчети и полполчети выти. Поскотины 3 десятины, лесу тож.

Пустошь, что была деревня Тороповская, а в ней: м.дворовое Васьки Лобанова. Пашни лесом поросло худые земли 4 чети в поле, а в дву по тому ж. В пусте четь выти.

8. ПЕРЕПИСНАЯ КНИГА ЯРЕНСКОГО УЕЗДА 1646 г. (ФРАГМЕНТ)

(Текст приводится по изданию: Документы по истории народа коми.

Сыктывкар, 1985. С. 187–191)

Погост на устье реки Сысолы, а на погосте церковь живоначальные Троицы да церковь Георгия страсотерпца Христова, а в церквах образы и книги, и свечи, и ризы, и сосуды церковные, и колокола, и все строение церковное мирское. А на погосте на церковной земле церковных причетников: в. поп Яким Григорьев сын, в. церковный дьячек Евсейко Степанов сын с сыном с Митькою, а Митька 4 лет, а у него ж живет бобыль Стефанко Никитин сын; в. пономарь Васька Дмитриев сын с сыном с Стенькою, а Стенька 8 лет; в. просвирица Ксиница.

Да на погосте крестьянских дворов: в. Стефанко Давыдов сын Суханов з братом с Левкою да с сыном с Самойлком, а Самойлко 4 лет; в. Марко Федоров сын з детьми, с Митькою да с Якунькою; в. Федька Гаврилов сын, у него ж живет бобыль Агапитко Филипов сын; в. Бориско да Нефедко Антиповы дети, прозвища Постниковы; в. Федька Пиминов сын Попов, прозвище Тренька, з братом с Стенькою с Харитоновым сыном, прозвище з Баженком; в. Поликарпка Савельев сын, прозвище Первушка, с братом с Ывашком, у Поликарпка сын Перфирко 4 лет; в. Филька Степанов сын с сыном с Тимошкою, прозвище Малыжка. Да пустых дворов: д. пуст Павла Фомина сына, а он живет в Еренском городке на посаде; д. пуст Калинки Федорова сына, прозвище Бесова, а он сшел в Сибирь во 148 году, жены и детей не осталось; д. пуст Игнашики Яковлева сына, а он умер во 145 году, жены и детей не осталось; д. пуст Ульянка Федорова сына, а он умер во 146 году; д. пуст Стеньки Филипова сына, а он сшел к Вятке во 153 году з женою и с сыном с Перфирейком; д. пуст Стеньки Костентинова сына, а он умер во 148 году.

Да к тому ж погосту деревень.

Деревня пуста, что был починок Каменной, Федотовской тож, на реке на Сыsole, а в ней: д. пуст Федотка Филипова сына, а он умер во 149 году, жены и детей не осталось.

Дер., что был починок Емовской, а в ней: д. пуст Евсейка Офонасьева сына, а он сшел в Сибирь з женою и з детьми, с Архипком да с Ваською, во 150 году.

Дер., что был починок Ереминской, а в ней: в. Фролко Поликарпов сын; д. пуст Ивашка Васильева сына, а он умер во 146 году, жены и детей не осталось; д. пуст Васьки Иванова, а он умер во 145 году; д. пуст Карпуньки Дмитриева сына, а он умер во 147 году, жены и детей не осталось.

Дер., что был починок Ивановской на реке на Сыsole, а в ней: в. Поликарпко Петров сын с сыном с Овдокимком; д. пуст Юрки Парфеньева, а он умер во 145 году, жены и детей не осталось; д. пуст Матюшки Иванова сына, а он умер, а сын ево Васька сшел в Сибирь холост во 152 году; д. пуст Амоска Ларионова, а он умер з женою во 149 году, детей нет.

Пустошь, что был починок вдовы Афимьицы Ондреевские жены.

Дер., что был починок Федоровской, а в ней: в. Павелко да Ондрюшка Никитины дети; в. Аврамко Алексеев сын, прозвище Баженко; в. Касьянко Клементьев сын; д. пуст Титка Никитина сына, сшел в Сибирь и с сыном с Олешкою во 147 году; д. пуст Митьки Лукиянова сына, а он умер во 149 году, жены и детей не осталось.

Дер., что был починок Каменистой, а в ней: в. Сидорко Яковлев сын; в. Ивашко Федоров сын, прозвище Безсонко; в. Тимошка Филипов сын с сыном с Якунькою; д. пуст Федьки Филипова сына, а он умер во 149 году, жены и детей не осталось.

Дер., что был починок Ивашка Вежова, на реке на Сыsole, а в ней: в. Вавилко да Васька Осиповы дети, у Вавилка сын Елфимко; в. Евсейко Савельев сын з детьми, с Климкою да с Федькою, да с Федькою ж; в. Ефремко Евсевьев сын с сыном с Ысачком, а Исачко 4 лет; в. Фадейко Савелев сын з детьми, с Назарком да с Сергушком, а Сергушко 5 лет; в. боб. Иевко Родионов сын.

Дер. Петровская на реке на Сыsole, а к ней же припущен починок Фроловской, а в ней: в. Якунька Леонтьев сын, а отец ево Леонтей Михайлов сын сшел в Сибирь во 152 году; в. Федька Максимов сын з детьми, с Першкою да з Данилком, да со внуком с Ермолкою с Харитоновым сыном; в. Федька да Семейка Титовы дети; в. Насонко Никитин сын; в. Савка Гаврилов сын; в. Ондрюшка Дмитриев сын; в. Архипко Михайлов сын с сыном с Викулком да с племянником с Фалалейком Самойловым сыном; в. Фомка Агафонов сын; в. Стенька Васильев сын с сыном з Захарком, в. Антонко Васильев сын с сыном с Савкою, в. Мартемянко Ильин сын; в. Ивашко Ильин сын; д. пуст Нефедка Ильина сына, а он умер во 153 году, жены и детей не осталось; д. пуст Ивашка Васильева сына, а он сшел в Сибирь во 145 году, жены и детей не осталось; д. пуст Ивашка Ульянова сына, а он умер во 146 году; д. пуст Сергушки Стахеева сына, а он сшел безвестно во 148 году, жены и детей не осталось; д. пуст Никитки Дмитриева сына, а он умер во 146 году, жены и детей не осталось; д. пуст Калинки Тимофеева сына, а он сшел в Сибирь во 150 году, жены и детей не осталось.

Дер. что был починок Боровинки на реке на Сыsole, а в ней: в. Агафонка Ондреев сын с сыном с Ывашком; в. Стенька Ондреев сын с сыном с Пронькою; в.

боб. Савка Ондреев сын; в. Савка Михайлов сын с сыном с Якунькою, а Якунька 5 лет; д. пуст Федотка Михайлова сына, а он умер и з женою, а детей нет во 149 году.

Дер., что был починок Ильинской, а в ней: в. Федька Семенов сын, у него ж живет бобыль Семейка Минин сын; в. Викулко Леонтьев сын с сыном с Самоилком; д. пуст Федьки Савельева сына, а он умер во 145 году, жены и детей не осталось.

Дер., что был починок Гудинковской на речке на Пуре, а в ней: в. Карпунька Тимофеев сын.

Дер., что был починок Слободка Шульгина на речке на Чюлве, а в ней: в. Ивашко Юрьев сын з детьми, з Демкою да со Власком; в. Ортюшка Федоров сын Казакова; д. пуст Федьки Петрова сына а он умер во 147 году, жены и детей не осталось; д. пуст Гаврилка Тимофеева сына, а он умер во 146 году, жены и детей не осталось; д. пуст Васьки Кондратьева сына, а он умер во 149 году, жены и детей не осталось.

Дер., что был починок Пезмен над озером Пезменем, а в ней: в. Лазарко Игнатъев сын с сыном с Пашком, да ево ж сын Тимошка сшел в Сибирь во 152 году, жена ево Оленка сошла безвестно, детей нет; в. Давыдко Игнетъев сын з детьми, с Якушкою да с Матюшкою, а Матюшка 6 лет; в. Трофимко Аристов сын з зятем с Карпунькою Огафоновым сыном, у Карпуньки сын Кирилко 6 лет; д. пуст Васьки Кузьмина сына, а он сшел з женою и с сыном с Офонькою во 152 году безвестно; д. пуст Андронка Нестерова сына, з женою и с сыном сошли безвестно с Федотком во 152 году; д. пуст Федьки Филипьева сына Баклана, сшел з женою и з детьми, с Огафонком да з Дениском, да с Обросимком Еренского ж уезду в Сысольскую ж погост в Межадор во 154 году.

Дер. Малга над курьею, а в ней: в. Агейко, прозвище Нечайко, да Костентинко, да Сергейко Кириловы дети Юртовы; в. Елфимко да Меркурко Семеновы дети, у Елфимка дети Нестерко да Евтихейко, да Юрька, да Поликарпко 8 лет; в. Семен Нестеров сын с сыном с Мокейком, да ево ж сын Титко сшел в Сибирь во 148 году, а жена ево Маринка с сыном с Евсейком, а живет у свекра у Семена; в. Карпунька Нестеров сын с сыном с Кондрашкою, а Кондрашка 5 лет; в. Васька Нестеров сын з детьми, с Викулком да с Родькою, Викулко 10 лет, а Родька 4 лет; в. Семейка да Васька, да Федотко, да Семейка, да Насонко, да Панфилко Назарьевы дети Коюшеву.

Дер. Ивановская на реке на Сыsole, а в ней: в. Ивашко Сидоров сын з детьми, с Якушкою да с Поликарпком, прозвище с Нечайком, у Якуньки сын Агапитко 4 лет.

Дер. Артемовская на реке на Сыsole, а в ней: в. Кирилко Артемьев сын с сыном с Карпунькою, прозвище с Пятунькою; д. пуст Никитки Ортемьева сына, а он сшел в Сысольской погост в Гарью; д. пуст Агейка Иванова сына, сшел на Вятку, жены и детей не осталось, во 145 году; в. Фомка Поликарпов сын; в. Власко Агапитов сын.

Дер. Мосеевская на реке на Сыsole, а в ней: в. Меркурко Моисеев сын; в. Куземка Иванов сын.

Дер. Темниковская на усть реки Сысолы, а в ней: в. Тимошка Карпов сын.

Дер. Алексеевская, а в ней: в. Федька Васильев сын з детьми, с Кондрашкою, с Ыпателейком, прозвище с Нечайком; д. пуст Алешки Тимофеева сына, а он умер во 145 году, жены и детей не осталось.

Дер. Потаповская на реке на Сыsole, а в ней: в. Ивашко Кузьмин сын с сыном с Ывашком, прозвище с Шилепом; д. пуст Конашки Кузьмина сына, а он умер во 146 году, жены и детей не осталось.

Дер., что был починок Ивашка Вежова на реке на Сыsole, а в ней: в. Макарко Васильев сын; в. Осипко Васильев сын; в. Тишка Васильев сын; в. Ермолка да Игнашко Яковлевы дети.

Дер. Пономаревская, а в ней: в. Левка Терентьев сын; д. пуст Семейки Клеметьева сына, а он умер во 149 году, и з женою, а детей нет.

Дер., что был починок Ильинской на реке на Сыsole, а в ней: в. Митька да Ондрюшка Дмитриевы дети, прозвище Халопова; в. Кондрашко да Елисейко Михайловы дети.

Да вновь после писцов: Дер. Кия на реке на Кие, а в ней: в. Овдокимко да Семейка Федоровы дети Козаковы, у Овдокимка сын Алешка 10 лет, а у Семейки дети Стенька 8 лет, а Данилко 6 лет.

Да вновь же: Дер. Кортовская на устье курьи, а в ней: в. Ортемко Федоров сын Казаков з детьми, с Сенькою да з Гаврилком, да с Офонькою, а Офонька 9 лет.

Да вновь же: Дер. Наволок на старой реке на Вычегде, а в ней: в. Макарко да Ивашко же Леонтьевы дети; в. Оброско Леонтьев сын; в. Пашко Юрьев сын Коннов, прозвище Шестак, з детьми с Осипком да с Панфилком, а Панфилко 5 лет.

И всего погост Усть-Сыsole, а на погосте церковных причетников 4 двора, людей в них 6 человек; да к погосту 24 деревни, а в них 70 дворов крестьянских, а людей в них 149 человек, да 2 двора бобыльских, а людей в них 2 человека, да бездворных бобылей 3 человека, да 2 деревни пустых, а в них и в розных деревнях 36 дворов пустых да пустошь.

9. ПЕРЕПИСНАЯ КНИГА СОЛЬВЫЧЕГОДСКОГО УЕЗДА 1647 г. (ФРАГМЕНТ)

(РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 15052. Л. 667–704)

(л. 667) Волость Луская Пермца по реке по Лузе.

Лоемской погост, а на погосте церковь Успение Пресвятыя Богородицы да другая церковь теплая Афанасия Александрейского. А на церковной земле: в. поп Игнатей Дмитриев сын Попов, у него детей Афонька до Матюшка

десяти лет; в. дьячок Дениско Андронов сын Попов с сыном с Микифорком году; в. пономарь Гришка Борисов // (л. 667 об.) сын, прозвище Сюдкин, с сыном Стенькою; в. просвирня Марфица Яковлевская жена Раскина с сыном с Коземкою Яковлевым. Да на церковной же земле: в. нищая вдова Варварка Васильевская жена.

В Лоемской же волости деревни черные. Деревня, что был починок Прислон над Болотом на горе, а в нем: в. крестьянин Оська Козьмин с сыном Ивашком; двор пуст Родьки Сергиева с сыном Ивашком, // (л. 668), а они умерли во 151-м году; двор пуст Сеньки Дмитриева, умер во 148-м году, а после них детей не осталось, и тех дворов пашня и сенные покосы в пусе.

Деревня, что был починок Гарь над Болотом, а в нем: в. крестьянин Антонко Федоров сын, прозвище Шумилов, с сыном Артюшкою, у Артюшки сын Васька трех лет; двор пуст Сергия Сергиева сына, прозвище Беляйка, а он живет в Ондреевской // (л. 668 об.) волости со 153 году; двор пуст Кондрашки Антипина, умер во 145-м году, а после их детей не осталось, и тех дворов пашня и сенные покосы в пусе.

Деревня, что был починок Прислон на Лойме над болотом, а в нем: в. крестьянин Иевка Трофимов сын, прозвище Пантелиев с сыном с Митрофанком году.

Деревня Матфеевская на реке на Вадреже на Лойме, а в ней кресть // (л. 669)ян: в. Савка Калиных Нескрасов* с сыном с Марчком; в. Сенька Дорофиев с сыном Сенькою; в. Кирилко Ананин с сыном с Фетькою четырех лет; в. Анофрейко Калин с сыном Андрюшкою пяти лет; в. нищая вдова Параньица Пиминовская жена; двор пуст Емелки Власова, умер во 150-м году, а после ево детей не осталось, и тех дворов (так в тексте) пашня и сенные // (л. 669 об.) покосы в пусе.

Деревня Ракина на Лузе, а в ней крестьянских** : в. Мишка Патракиев с сыном з Дениском; в. Кирилко Патракиев с сыном Ивашком осьми лет; двор пуст Сеньки Федорова, збежал во 147-м году безвестно; двор пуст Якушка Патракиева з братом с родным с Харитонком, а Харитонко збежал во 143-м году безвестно, а Якушко умер во 154-м году. А после их детей не осталось, и пашня тех дворов // (л. 670) и сенные покосы в пусе.

Деревня Тарбиевская над Варшею, а в ней крестьян: в. Созонко Андронов сын с сыном Ивашком, у Ивашка сын Мишка четырех лет; в. Ермилко Тихонов сын с сыном Ивашком семи лет; в. вдова Омелфица Афанасьевская жена со внуком с Тихонком Васильевым девяти лет да с сыном с Ваською Афанасьевым, а Васька збежал во 155-м году безвестно.

Деревня Борисовская // (л. 670 об.) на реке на Лузе, а в ней: в. крестьянин Мишка Калинин сын с сыном Ивашком году; в. крестьянин Фетька Данилов

* Так в тексте.

** Так в тексте.

с сыном з Гаврилком; двор пуст Мартынка Иванова, умер во 148-м году, а пашня того двора и сенные покосы в пусте.

Деревня Гам, Ракино тож, на реке на Лузе, а в ней крестьян: в. Васька Семенов с сыном с Логинком десяти лет да с племянником с Максимком Тимофиевым; в. // (л. 671) Мишка Борисов сын, прозвище Сюдкин, да у него ж подсоседник Митрошка Иванов.

Деревня Козловская, а в ней: в. крестьянин Андрюшка Иванов сын, прозвище Башмаков; двор пуст Микифорка Семенова, умер во 151-м году, а пашня того двора в пусте.

Пустошь, что была деревня Тарасовская на речке на Лухте, а в ней двор пуст Фетьки Тихонова, умер во 143-м году, и пашня того двора в пусте.

Деревня // (л. 671 об.) Тарасовская на реке на Лузе, а в ней крестьян: в. Стахейко Архипов сын, прозвище Третьяков, с сыном с Игнашкою; в. Ивашко Тихонов с сыном с Евдокимком, у Евдокимка сын Сенька году; в. Петрашка* Фомин сын Иевлев с сыном Ивашком дву лет; в. Филька Федоров с сыном с Фомкою девяти лет, у Фильки брат родной Филька ж; двор пуст Оверкейка Семенова, збежал во 147-м году безвестно; двор пуст Мишки // (л. 672) Тихонова, збежал в нынешнем во 156-м году; двор пуст Игнашки Романова, збежал во 155-м году на Каму, а пашни тех дворов и сенные покосы в пусте.

Деревня Рагозино, а в ней: в. крестьянин Дениско Романов з братом с родным с Микиткою, а у Дениска сын Серешка трех лет, а Микитка збежал на Вятку во 154-м году.

Деревня Борисово на Лузе, а в ней: двор пуст Власка Терентьева; двор пуст Фетьки Борисова, // (л. 672 об.) умерли во 141-м году, а после их детей не осталось, и пашня тех дворов в пусте.

Деревня Тимофиевская на речке на Ратигове, а в ней: двор пуст Фетьки Михайлова, прозвище Поспелка, збежал во 145-м году безвестно; двор пуст Власка Осипова, збежал во 146-м году на Вятку; двор пуст Афонька Григорьева, умер во 144-м году, и тех дворов пашня и сенные покосы в пустее.

Деревня Лентилап Запольская, а в ней: в. крестьянин // (л. 673) Емелька Тимофиев со внуком с Пронькою Трофимовым да з братом Стенькою Тимофиевым, а Стенька збежал во 148-м году в Сибирские города.

Деревня Путиловская на Лузе, а в ней крестьян: в. Лучка Семенов сын, прозвище Тырышкин, с сыном с Назарком, у Назарка сын Митька году, да в том же дворе в другой избе Пронька Семенов, и он, Пронька, збежал во 145-м году на Вятку; в. Симанко Михайлов сын Акинфиев.

Деревня // (л. 673 об.) Ватиновская, а в ней двор пуст Тимошки Емельянова, прозвище Рычка, збежал во 148-м году в Сибирские города, а пашня того двора и сенные покосы в пусте.

Деревня Семеновская, а в ней: в. крестьянин Сенька Борисов; двор пуст Бориска Борисова, умер во 143-м году, и того двора пашня в пусте.

* Так в тексте.

Деревня Миленская на реке на Лузе, а в ней крестьянин*: в. Власка Григорьев сын с племянником с Пронькою Аникиевым; двор пуст Перфире // (л. 674) йка Микифорова; двор пуст Васьки Микифорова, умерли во 144-м году; двор пуст Фетьки Алексеева, збежал во 147-м году, а пашня тех дворов в пусте.

Деревня Уркинская на реке на Лузе, а в ней крестьян: в. Фролко Михайлов с сыном с Пронькою, у Проньки сын Исачко году; в. Митька Прокопьев сын с сыном с Васьюкою трех лет.

Деревня Визелевская на реке на Лузе, а в ней крестьянин**: в. Артюшка Афонасьев Боброков с сыном // (л. 674 об.) с Лучкою.

Деревня Итетевская, а в ней крестьян: в. Ивашко Яковлев сын Попов с сыном с Филькою да со внуком Ивашком Филипповым трех лет; в. Перфирейко Силин сын Попов з братом родным с Ярафейком да племянником Анофрейком, а Ярофийко и Онофрейко збежали во 154-м году в Сибирские города.

Деревня Ходутовская, а в ней крестьян: в. Филька (?) Ларионов с сыном Стенькою дву лет; в. Трофимко Ларионов; в. нищя вдова Маврица Ермолинская жена; в. Алферко (?) // (л. 675) Карпов; в. Коземка Оксенов с сыном с Мишкою десяти недель.

Деревня Карповская, а в ней: в. крестьянин Ивашко Аверкиев с сыном с Митькою четырех лет.

Деревня, что был починок за рекою за Лузою повыше Лоемского погоста в наволоке, а теми деревнями*** владел Перфирейко Ярафиев и пахал наездом, и во 140-м году он, Перфирейко, умер, и тех деревень пашня и сенные покосы в пусте.

Деревня Семе // (л. 675 об.)новская, а в ней: в. крестьянин Фетька Яковлев сын Попов з братьею с родными с Ортюшкою да с Ъвашком большим, да Ъвашком с меньшим, а у Фетьки сын Ивашко, а Ивашко большей и Ивашко меньшей збежали во 147-м году безвестно.

Деревня Старцовская, а в ней крестьян: в. Якушко Иванов, у него детей Стенька да Сенька, у Стеньки сын Гришка дву лет; в. вдова Олисафица Ивановская жена с сыном с Тимошкою; в. Сенька Дементьев; в. Осташко Федоров // с сыном с Гришкою.

Починок Горяиновской, а в нем крестьян: в. Федотко Романов з братом с родным с Кирилком, прозвище Нечаев, у Федотка Терешка трех лет; в. Зеновейко Федоров.

Деревня Кандыревская, а в ней: в. крестьянин Мокейко Прокопьев с сыном с Васьюкою десяти лет; двор пуст Пиминка Еремиева, збежал во 145-м году в Сибирские города, а пашня того двора в пусте.

Деревня Емельяновская, // (л. 676 об.) а Помясовская тож, а в ней: в. крестьянин Артюшка Михайлов с сыном Стенькою, у Стеньки сын Васька году;

* Так в тексте.

** Так в тексте.

*** Так в тексте.

в. Ивашко Денисов; двор пуст, Андриюшка Иванов збежал во 144-м году; двор пуст Мишки Тимофиева, умер во 145-м году, а пашня тех дворов в пусте.

Деревня, что был починок Агиевской, а в нем: двор пуст Мишки Ермолина сына, прозвище Поздейка, с сыном с Обросимком збежали во 145-м году, и пашня того // (л. 677) двора в пусте.

Деревня Кузнецовская, а в ней крестьян: в. Ерофеко Евтефиев; в. Ермолка Семенов, прозвище Баженко, у него детей Назарко да Васька дву лет; двор пуст Алферка Афонасьева, збежал на Каму во 148-м году; двор пуст Савки Григорьева з братом с Трофимком, збежали в нынешнем во 156-м году безвестно, а пашни тех дворов в пусте.

Деревня Данилово, а в ней крестьян: в. Фефилко Венидихтов з братом с Самоилком, // (л. 677 об.) у Фефилка сын Лаврушка дву лет, да у него же брат родной Спирька Венидихтов, и тот Спирька збежал во 149-м году в Сибирские города; в. бобыль Коземка Семенов.

Деревня Ермолина, а Тихоновская тож, а в ней: двор пуст Анашки Пантелеева з братом с родным с Ысачком, умерли во 143-м году, а пашня того двора в пусте; двор пуст Ларьки Васильева, умер во 154-м году; двор пуст вдовы Ульянки Викулинской жены, збежала во 154-м году безвестно, // (л. 678) а пашня тех дворов и сенные покосы в пусте.

Деревня Филипповская, а в ней: в. крестьянин Якушко Прокопьев; двор пуст Лаврентейко Осипова, умер во 150-м году; двор [пуст] Перфирейка Иванова, умер во 154-м году; двор пуст Лазарька Карпова, збежал во 146-м году на Каму; двор пуст Марчка Прокопьева з детьми с Насонком да с Павликом, збежали во 147-м году в Сибирские города, а пашня тех дворов и сенные покосы в пусте. //

(л. 678 об.) Пустошь, что была деревня Починок Ивашков, запустела до писца Парфенья Мансурова и лесом поросла.

Деревня Галактионово, а в ней: в. крестьянин Фетька Давыдов сын, прозвище Калов, с сыном с Демкою, у Демки сын Афонька дву лет.

Деревня Степановская, а в ней: в. крестьянин Родька Ярафиев с сыном с Савкою году да з братом с родным з Гришкою, а Гришка збежал во 147-м году безвестно.

Деревня Иваново на усть Селюга, а в ней: в. // (л. 679) крестьянин Васька Остафьев с сыном с Микифорком дву лет; двор пуст Карпушки Васильева, умер во 140-м [году]; двор пуст Тихонка Васильева, збежал во 142-м году в Сибирские города; двор пуст Петрушки Климова; двор [пуст] Алешки Федорова, а они умерли во 143-м году; двор пуст Ивашка Федорова, збежал безвестно во 145-м году, и пашня тех дворов и сенные покосы в пусте.

Деревня Гавриловская, а в ней: в. крестьянин // (л. 679 об.) Ивашко Федоров з зятем з Гришкою Самсоновым; двор пуст Анисима Тихонова, збежал

к Москве во 149-м году; двор пуст Ивашка Иванова, умер во 151-м году, а пашня тех дворов и сенные покосы в пусте.

Деревня Колегово Тимофиева на речке на Раюзле, а в ней: в. крестьянин Микитка Микитин; двор пуст Игнашки Тихонова, умер во 144-м году; двор [пуст] Стеньки Микифорова, умер во 143-м году; двор [пуст] Трошки Емельянова, збежал // (л. 680) на Вятку во 146-м году; двор пуст Назарки Карпова, умер во 144-м году; двор пуст Ивашки Иванова, умер во 149-м году, а после их детей не осталось, а пашня тех дворов и сенные покосы в пусте.

Деревня Ивашка Панева на речке на Лехте, а в ней крестьян: в. Самсонко Васильев с сыном с Ермолкою, у Ермолки сын Сидорко пяти лет; в. Сенька Семенов с сыном с Тришкою году.

Деревня Ивашка Морозова на речке на Лехте новая распашь, а в ней: // (л. 680 об.) двор пуст Демки Ермолина, збежал безвестно во 150-м году; двор пуст Никонка Михайлова, збежал во 146-м году в Сибирские города, и пашня и сенные покосы тех дворов лежат в пусте.

Деревня Петрово на Лухте*, а в ней: двор пуст Фетьки Васильева, умер во 151-м году; двор пуст Сеньки Анисимова; двор пуст Карпушки Иванова, умерли во 149-м году, а после них детей не осталось, а тех дворов пашня и сенные покосы лежат // (л. 681) в пусте.

Деревня Еремиево на речке на Лухте³⁰, а в ней: в. крестьянин Насонко Иванов сын, прозвище Старцов, с сыном с Елизарком; двор пуст Мишки Ортемьева, збежал во 140-м году на Вятку; двор пуст Павлика Семенова; двор пуст Гаврилка Кирилова, а они умерли во 148-м году, а после их детей не осталось, а тех дворов пашня и сенные покосы лежат в пусте.

Деревня пуста Раузли на Лухте³⁰, запустела // (л. 681 об.) до писца Парфенья Мансурова.

Деревня Анкирчье на Лехте, а в ней крестьян: в. Павлик Сидоров с сыном Стенькою, у Стеньки сын Лаврушка году; в. Мишка Дементьев з братом с родным с Сидорком; в. Михайко Акинфиев сын, прозвище Беляев; в. Ивашко Артемьев; двор пуст Фетьки Иванова, умер во 144-м году; двор пуст Савки Иванова, умер во 151-м году; двор пуст Коземки Дмитриева, збежал безвестно во 154-м // (л. 682) году, и тех дворов пашня и сенные покосы в пусте.

Деревня Сенькино на Лехте, а в ней: двор пуст Карпушки да Володьки Ивановых детей, умерли во 147-м году, и пашня того двора в пусте.

Деревня Чашкашор на речке на Лухте³⁰, а в ней: в. крестьянин Селиверстко Артемьев с сыном Архипком; двор пуст Демки да Мишки Артемьевых детей, збежали во 145-м году безвестно, а того двора пашня // (л. 682 об.) и сенные покосы в пусте.

Деревня Новоселово на Лухте³⁰, а в ней: двор пуст Захарка Кирилова с сыном с Митькою, умерли во 149-м году; двор пуст Кирилка Евсивьева, умер

* Так в тексте.

во 146-м году, и пашня тех дворов и сенные покосы в пусте.

И всего в Лоемском приходе погост да 36 деревень да починок жилые, а в них 65 дворов крестьянских, а людей в них 131 // (л. 683) человек, да один двор бобыльской, и обоего крестьянских и з бобыльским двором 66 дворов, а людей в них 132 человека. Да на церковной земле церковных причетников четыре двора, а людей в них восемь человек, да три кельи нищих, а в них живут вдовы нищие. Да 11 деревень да две пустоши, а в них 63 двора пустых, а людей в них было 83 человека. //

(л. 682 об.) В Луской Пермце погост, а на погосте Церковь Преображение Господне, да другая церковь теплая Афанасия Александрийского. А на церковной земле в. поп Федор Яковлев сын Попов з братом с родным Стенькою четырех лет; в. дьячек Андронко Яковлев сын Попов, у него дети Стенька да Савка девяти лет; в. просвирня Парасковьяца Яковлевская жена с сыном с Ондронком Яковолевым; в. пономарь // (л. 684) Мишка Антонов сын Ябуров, у него детей Тимошка да Онтипка да Конашка девяти лет. Да на церковной же земле: в. бобыль Анофрейко Семенов сын Слинкин; в. бобыль Сенька Дмитриева сын Кулаков с сыном Ивашком.

Волость Спасской приход в Порубе.

Деревня Лонюрья на Порубе, а в ней: двор пуст Гришки Лазарева сына з братом с Ывашком, а они збежали в Сибирские города во 155-м году, а после // (л. 684 об.) их детей не осталось, и пашня и сенные покосы того двора в пусте.

Деревня Носовская на Порубе, а в ней: двор пуст Ивашка Савельева, запустел во 139-м году; двор пуст Захарка Иевлева сына Оверкиева, а они збежали во 155-м году, и после их детей не осталось, и тех дворов пашня и сенные покосы в пусте.

Деревня Копончуково на Порубе, а в ней: двор пуст Гришки Сусоева, умер во 138-м году, // (л. 685) а после ево детей не осталось, и того двора пашня и сенные покосы в пусте.

Деревня Подсосновой починок на Порубе, а в ней крестьян: в. Фомка Васильев сын, прозвище Лобанов, с сыном с Васьюкою [в]осьми лет; в. Пронька Лукоянов сын Лобанов с сыном с Ондрюшкою; в. Трофимко Лукоянов сын с сыном Захарком.

Деревня пуста Карпиково на Порубе, запустела до писца Парфенья Мансурова.

Деревня Немцово на Порубе, а в ней: // (л. 685 об.) двор пуст Кирилка Савина сына, прозвище Евдокимовых, збежал безвестно во 137-м году, а после ево детей не осталось, и того двора пашня и сенные покосы в пусте.

Деревня Зятево, а в ней крестьян: в. Илейка Леонтьев сын, прозвище Зорин, с сыном с Тимошкою пяти лет; в. Конашка Максимов сын, прозвище Голощاپов, с сыном с Микиткою семи лет; двор пуст Тихонка Федорова сына

Заренина, збежал безве // (л. 686) стно во 153-м году, а после ево детей не осталось, и того двора пашня и сенные покосы в пусе.

Деревня Подгорная на Порубе, а в ней: в. крестьянин Антипка Осипов сын, прозвище Езимов; двор пуст Васьки Давыдова, умер во 144-м году, а после ево детей не осталось, и того двора пашня и сенные покосы в пусе.

Деревня Порогово на Порубе, а в ней крестьян: в. Микитка Козьмин сын, прозвище Язимов, с сыном с Якушком дву лет; в. Антонко Пантелеев сын Язимов с сыном с Тимошкою десяти лет; двор пуст Ивашка Васильева сына, прозвище Беляйка, умер во 133-м году, а после ево детей не осталось, и того двора пашня и сенные покосы лежат в пусе.

Деревня Шумиловская на Порубе, а в ней: двор пуст Ивашка Евдокимова з братом с родным з Давыдком, а они умерли во 140-м // (л. 687) году, а после их детей не осталось, и пашня того двора и сенные покосы в пусе.

Деревня Онтипино на Порубе, а в ней: двор пуст Тимошки Онтипина, збежал безвестно во 133-м году, а после ево детей не осталось, и того двора пашня и сенные покосы в пусе.

Деревня Егип на Порубе, а в ней: двор пуст Якуньки Миронова, умер во 149-м году, а после ево детей не осталось, и пашня того двора и сенные покосы // (л. 687 об.) в пусе.

Деревня Осташевская на Порубе, а в ней: двор пуст Фетьки Наумова сына з братом с родным с Самылком (Самуилком?), а они умерли во 142-м году, а после их детей не осталось, и пашня того двора и сенные покосы в пусе.

Деревня Другая Осташевская, а в ней крестьян: в. Ларька Онтипин сын, прозвище Старцов, с сыном Ивашком году; в. Ивашка Игнатъев сын; двор пуст Васьки Григорьева сына, умер во 149-м году; двор пуст Сеньки // (л. 688) Алинпева, збежал во 142-м году, и после их детей не осталось, и пашня тех дворов и сенные покосы в пусе.

Деревня Кеповская на Порубе, а в ней крестьян: в. Софронко Микитин сын, прозвище Смотриев; двор пуст Стеньки Тарасова сына Ивутова, збежал во 131-м году, а после ево детей не осталось, и пашня того двора и сенные покосы лежат в пусе.

Деревня Гарасимово на Порубе, а в ней: двор пуст Савки Алексиева сына Берды // (л. 688 об.) шевых, збежал безвестно во 140-м году, а после ево детей не осталось, и пашня того двора и сенные покосы в пусе.

Деревня Миколевская на Порубе, а в ней: в. крестьянин Алешка Иванов сын, прозвище Маурин.

Деревня Бердышевская на Порубе, а в ней: в. крестьянин Клишко Федоров сын, прозвище Беляев; двор пуст Ивашка Максимова сына Бердышевых, збежал безвестно во 153-м году, а после ево детей не осталось, // (л. 689) и того двора пашня и сенные покосы в пусе.

Деревня Мартыновская, а в ней: двор пуст Васьки Юрьева сына, прозвище Микулина, умер во 148-м году, а после ево детей не осталось, и того

двора пашня и сенные покосы в пусте.

Деревня Ивана Колова на Порубе, а в ней крестьян: в. Демка Микитин сын, прозвище Калов, с сыном Софронком; в. Мишка Остафьев сын, прозвище Созонов, с племянником // (л. 689 об.) Исачком Михайловым.

Пустошь, что была деревня Борисовская на Порубе, запустела до писца Парфенья Мансурова.

Деревня Гарь над Борубом (так в тексте), а в ней: двор пуст Антонка Иванова сына, прозвище Шеин, умер во 135-м году, а после его детей не осталось, и того двора пашня и сенные покосы лежат в пусте.

Деревня Тирозлона на Порубе, а в ней крестьян: в. Оська Костянтинов сын, прозвище Ивутов, с племянником с Оською же // (л. 690) Леонтьевым; в. Гришка Костянтинов сын с сыном с Васьюкою двадцати недель; двор был Патракейка Тарасова, а тот згорел во 133-м году, а он збежал безвестно, и того двора пашня и сенные покосы в пусте.

Деревня Куйсей на Порубе, а в ней: двор пуст Климки Федорова сына, прозвище Наумова; двор пуст Васьки Наумова сына Кушениских, а они збежали безвестно во 148-м году; двор пуст Гаврилка // (л. 690 об.) Иванова сына, прозвище Шалимов, умер во 145-м году, а после их детей не осталось, и тех дворов пашня и сенные покосы лежат в пусте.

Деревня Гарь на речке на Порубе, а в ней: в. крестьянин Ивашко Семенов сын Жибов с сыном с Тимошкою десяти лет. А тое деревни половина в пусте Архипка Еремиева сына, збежал во 153-м [году].

Деревня Чиночей на Порубе, а в ней: в. крестьянин Федосейко Акимов сын, // (л. 691) прозвище Фоминых, с сыном с Евлампейком, у Евлампейка сын* Фетька году; двор пуст Афоньки Сергиева сына Бурдукова, умер во 149-м году, а после его детей не осталось, и того двора пашня и сенные покосы лежат в пусте.

Деревня пуста Другой Чиночей, запустела до писца Парфенья Мансурова.

Деревня Третья Чиночей на Порубе, а в ней крестьян: в. Васька Федоров сын с сыном Софронком да Стенька** // (л. 691 об.) дву лет; в. Васька Симанов сын, прозвище Меньшичко; двор пуст Нестерка Ортемьева сына Жыбова, збежал безвестно во 133-м году; двор пуст Демки Иванова сына, умер во 143-м году; двор пуст Афоньки Сергеева сына, умер во 151-м году; двор пуст Левки Автономова Батова, збежал во 155-м году, а после них детей не осталось, и тех дворов пашня и сенные покосы в пусте; в. крестьянин Устинко Тарасов // (л. 692) Батов с сыном с Лаврентейком; в. нищей Фефилко Дмитреев; двор пуст крестьянской Гришки Самойлова, умер во 153-м году; двор пуст бобыльской Пиминка Автономова, умер во 154-м году, а после них детей не осталось, и тех дворов пашня и сенные покосы в пусте.

* В тексте слово «сын» написано дважды.

** Так в тексте.

Починок Прислонец над речкою над Ранюлем на Порубе новая роспашь, а в ней*: в. крестьянин Тимошка Дмитриев сын, прозвище // (л. 692 об.) Захаров.

В Спасском погосте.

Деревня Трофимово, а в ней крестьян: в. Афонька Фодотов сын Трофимовых с племянником с Васьюкою Логиновым дву лет; в. Феодулко Трофимов сын Федосиевых с сыном с Володькою десяти лет; двор пуст Ивашка Максимова, збежал безвестно во 145-м году, а после ево детей не осталось, и того двора пашня и сенные покосы лежат в пусте.

Деревня над бором Спа // (л. 693) сская, а в ней: двор пуст Марчка Иванова сына, прозвище Матюшкина, с сыном с Павликом, а он, Марчко, умер во 150-м году, а сын ево збежал безвестно во 153-м году, и того двора пашня и сенные покосы в пусте.

Деревня Дмитровская, а в ней крестьян: в. Сенька Игнатъев сын Елизарьевых с племянником з Гарасимком Афонасьевым; в. Демка Исаков сын Матрениных; двор пуст Сидорка Мартемьянова, // (л. 693 об.) збежал во 153-м году в Сибирские города; двор пуст Мартемьянка Маркова сына Елизарьевых, умер во 146-м году, а после их детей не осталось, а тех дворов пашня и сенные покосы лежат в пусте.

Деревня Карповская, а в ней: в. крестьянин Володька Гаврилов сын, прозвище Попов, з братом с родным Стенькою, у Володьки сын Васька четырех лет; двор пуст Евтефейка Михайлова сына Петровых, умер во 150-м году, и того // (л. 694) двора пашня и сенные покосы в пусте.

Деревня Васильевская, а в ней: в. крестьянин Фефилко Силин сын Попов, у него детей Ивашко да Якушко дву лет; двор пуст спаского попа Федора Яковлева, запустел во 154-м году, и того двора пашня в пусте и сенные покосы.

Деревня Шиловская, а в ней крестьян: в. Иевко Фодоров Андреев, да у него ж на подворье Васька Стафиев // (л. 694 об.) с сыном с Мишкою семи недель; в. Митрофанко Дмитриев сын с сыном с Ъвашком; двор пуст Серешки Карпова сына, умер во 150-м году, а после ево детей не осталось, и того двора пашня и сенные покосы лежат в пусте.

Деревня Матфиевская, а в ней: в. крестьянин Евфтефейко Леонтьев сын Гобов с сыном с Омелькою году, что у писца Богдана Приклонского // (л. 695) на льготу; в. Савка Семенов сын, прозвище Иванов, с сыном с Елисейком, у Елисейка сын Артюшка пяти лет; в. Стенька Кирилов сын, прозвище Вятка, с сыном с Федотком, что взял у писца Богдана Приклонского; двор пуст Ивашка Ерафиева, умер во 145-м году; двор пуст Ивашка Миронова сына, умер во 152-м году, а после их детей не осталось, и пашня тех дворов и сенные покосы в пусте.

Деревня Уросовская, а Урнышевская // (л. 695 об.) тож, а в ней крестьян: в. Фетька Ларионов сын, прозвище Урнышевских; в. Фомка Парфеньев сын с

* Так в тексте.

сыном с Васьюкою; в Гришка Парфеньев сын Урнышев с сыном с Мишкою дву лет; в. Савка Федоров сын Андреевых, у него детей Савинко да Ивашко году; в. Мишка Леонтьев сын Урнышев с сыном с Васьюкою дву лет; в. Максимко Михайлов сын Урнышев с сыном с Евтефейком году.

Деревня Бор над болотом, а в ней крестьян: в. Петру // (л. 696) шка Филиппов сын, прозвище Карпова*, з братом с родным с Лучкою четырех лет; в. Фетька Михайлов сын Урнышев; в. Тимошка Автономов сын Яборов; двор пуст Сидорка Логинова, збежал во 150-м году, и пашня того двора в пусте и сенные покосы.

Деревня Сабурово на Лузе, а в ней: в. крестьянин Ивашко Максимов сын Горев с сыном с Ларьюкою, у Ларьки сын Володька году; // (л. 696 об.) двор пуст Якушки Семенова сына, збежал в Сибирские города во 143-м году.

В Пермском погосте.

Деревня Софроновской наволоок на реке на Лузе, а в ней крестьян: в. Родька Григорьев, прозвище Софронов, с сыном Стенькою полугоду; двор пуст Лучки Анисимова, збежал во 140-м году безвестно; двор пуст Потапка Емельянова; двор пуст Фомки Агиева; двор пуст Гришки Яковлева; двор пуст Тере // (л. 697)шки Евсивьева, а те двory згорели во 142-м году, а они збежали во 134-м году, и после их детей не осталось, и пашня тех дворов и сенные покосы лежат в пусте.

Деревня Ракино на озере на Кувате новая распашь, а в ней: в. крестьянин Михейко Матфеев сын, прозвище Ракин, у него детей Илейка да Фетька году; двор пуст Спирьки Матфеева сына с племянником с Ъвьшком Козьминим, збежали во 151-м // (л. 697 об.) году, и того двора пашня и сенные покосы в пусте.

Деревня Другой Наволок, а в ней: двор пуст Афоньки Вахромиева; двор пуст Гришки Лукоянова сына, прозвище Софроновых; двор пуст Лучки Филиппова сына, прозвище Баженка, а они умерли во 150-м году, а после их детей не осталось, а пашня тех дворов и сенные покосы в пусте.

В Подкиберском подволочье.

Деревня Вишаковская на реке на Лузе, // (л. 698) а в ней крестьян: в. Емелька Михайлов сын Потаповых с сыном с Евсивейком да племянником с Ъвашком Ивановым; в. Трофимко Петров (?) сын Софроновых; в. нищая вдова Зиновьица Афонинская жена.

Деревня Другой Вишаковское на реке на Лузе, а в ней крестьян: в. Дейко Спиридонов сын Захаровых з братом с родным с Елисейком, у Елисейка сын Савинко дву лет; // (л. 698 об.) в. Кирилко Михайлов с сыном с Максимком, у Максимка сын Афонька трех лет; в. Демка Григорьев. На той же земле выставок, а в ней крестьянин Евтефейко Вахромиев сын, прозвище Баженов; двор пуст** Перфирейка Кондратьева, умер во 154-м году.

* Так в тексте.

** В тексте слово «пуст» написано дважды.

Деревня Глебовская на реке на Лузе, а в ней: в. крестьянин Кирилко Парфеньев сын Захарова. Деревни два жереб*// <...>

(л. 699) [На той же земле] в выставке: двор пуст Исачка Иванова сына, умер во 145-м году, а пашня того двора и сенные покосы лежат в пусте.

Деревня Иваново, а в ней: двор пуст Корнилка Максимова сына, прозвище Юлановых, с сыном с Филькою; двор пуст Ивашка Онисимова; двор пуст Гришки Онисимова, а оне умерли во 143-м году, а после их детей не осталось, а пашня // (л. 699 об.) тех дворов и сенные покосы лежат в пусте.

Починок Новая Груской Ростов, а в нем: двор пуст Осипка Пахомова сына, прозвище Пестрикова, збежал на Вятку во 149-м году, а пашня того двора и сенные покосы лежат в пусте.

И всего в Ношульском приходе погост да 13 деревень, да пять выставков жилых, а в них // (л. 700) 31 двор крестьянских, а людей в них 65 человек. Да на церковной земле церковных причетников два двора, а людей в них четыре человека. И обоего крестьянских и церковных причетников 33 двора, а людей в них 69 человек. Да 19 деревень, да восемь выставков, да три починка // (л. 700 об.) пустых, а в них 68 дворов пустых, а людей в них было 75 человек.

В Летцком приходе погост, а на погосте церковь Преображение Господа нашего Иисуса Христа, а на церковной земле: в. поп Иван Георгиев сын, прозвище Попов, у него детей Фетька да Гришка, да Марчко, да Васька, да Фомка, // (л. 701) у Фетьки сын Микитка году; двор пуст пономаря Мишки Васильева сына Лобановых, умер во 146-м году; двор пуст Анницы Кирилловской жены Леторовых; двор пуст Ивашка Петрова сына, умер во 152-м году.

Да в Летцком же приходе деревни черные. Деревня, что был починок Волостница, а в ней: двор пуст // (л. 701 об.) Маковейка Захарова, прозвище Котовых, умер во 146-м году; двор [пуст] Данилка Кондратьева сына, прозвище Кашениных с сыном з Демкою, а они умерли во 146-м году, а после ево Демкин сын Кирилко збежал безвестно в том же году; двор пуст Вавилка Яковлева сына, прозвище Щулепова, умер во 142-м году, а те оба двора зго// (л. 702) рели во 146-м году, а пашня тех дворов и сенные покосы в пусте.

Деревня, что был починок Кочергин на речке на Волостнице, а в ней: в. крестьянин Гришка Захарьин сын, прозвище Котовых, у него детей Андронко да Дениско, у Андронка сын Ивашко году; двор скотей ево ж, Гришки, а землю того двора пашет он же, Гришка; двор пуст Федотка // (л. 702 об.) Григорьева сына, прозвище Осипова, збежал к Вятке во 146-м году; двор пуст Афоньки Григорьева сына с сыном Тихонком, збежали к Вятке во 144-м году. Да на той же земле в выставке: в. нищей Селиверстко Иванов сын, прозвище Серев.

* Далее значительная часть текста писцовой книги отсутствует: нет данных по деревням Спириная, Другая Спириная, Третья Спириная, Негорт, Новоселка Подкиберского подвoločья, по всему Обячевскому приходу, по большей части Ношульского прихода. Сохранившийся далее фрагмент содержит заключительные данные по Ношульскому приходу и полностью материалы по Летскому приходу.

Деревня Летка на речке на Летке, а в ней: в. крестьянин Аввакумко Иванов сын, прозвище Пантелее // (л.703) евых, а Пятко он же, у него детей Ондрюшка да Климка году; двор пуст Власка Максимова сына, прозвище Жилиных, с сыном с Сидорком, збежали к Вятке во 156-м году; двор пуст Федосейка Иванова сына, прозвище Щадкичевых, умер во 148-м году, и тех пустых дворов пашня в пусте и сенные покосы; двор пуст Васьки Федорова сына, прозвище Федюкова, // (л. 703 об.) збежал во 144-м году безвестно.

Починок на речке на Летке: двор пуст Ивашка Ларионова сына, умер во 142-м году, и пашня того [двора] в пусте.

Деревня Тороповская пуста, запустела до писца Парфенья Мансурова.

И всего в Летском приходе две деревни жилых, а в них три двора крестьянских, а людей в них восемь человек, да на церковной земле в. поп, а людей в них (так в тексте) семь человек, // (л. 704) да в килье нищей, да две деревни [и] починок пустых, а в них 12 дворов пустых, а людей в них было 15 человек.

10. ПЕРЕПИСНАЯ КНИГА ЯРЕНСКОГО УЕЗДА 1678 г. (ФРАГМЕНТ)

(Текст приводится по изданию: Документы по истории народа коми.

Сыктывкар, 1985. С. 337–341)

Погост на устье Сысолы реки, на погосте у церкви живоначальной Троицы: поп Арефа Иванов, у него дети Коземка 5 лет, Афонька 2 лет; в. дьячек Терешка Иванов сын Попов; в. пономарь Баженко Кондратьев сын Князев, у него дети Митька 15 лет, Андрюшка 8 лет, Игнашка 2 лет; в. просфирница Авдотьица Антипина дочь, у нее дети Евсютка да Игнашка Поликарповы дети Савина, оба в возрасте, у Евсютки сын Афонька 2 лет. А на церковной земле за попом и за причетники крестьян и бобылей нет.

А на погосте: в. кр-н Фетька Гаврилов сын Цывулев, у него дети Сенька, Терешка 5 лет, у Сеньки сын Оська 2 лет; в. кр-н Микитка Марков сын Цывулев, у него племянники Илюшка да Микифорко Дмитриевы дети, оба в возрасте, у него же Микитки дети Фетька 9 лет, Ивашка 3 лет, Андрюшка году; в. боб. Аничка Яковлев, у него брат Стенька в возрасте, у Анички сын Гришка году; в. боб. Евсейко Степанов сын Пылаев, у него дети Аничка в возрасте, Стенька 3 лет; в. боб. Ивашко Романов сын Жданов, бездетен, у него брат Баженко, у Баженка дети Якушко 5 лет, Терешка 4 лет; в. кр-н Стенька Иванов сын Кочев, бездетен, у него племянник Дорошко Терентьев, у Дорошки сын Васька 2 лет; в. боб. Максимко Антипин сын Постников, у него брат Костька в возрасте, у Максимка дети Алешка 5 лет, Левка году.

Дер. Потаповская: в. кр-н Терешка Иванов сын Кочев, у него племянник Антипка Иванов в возрасте, у Терешки сын Андрюшка, у Андрюшки сын Ивашко году; в. кр-н Филька Калинин сын Бесов, у него племянник Ага-

питко Ерофеев, у Фильки сын Гришка 5 лет, у Агапитки сын Илюшка 2 лет; д. бобыльский Васьки Плюснина пуст, а Васька умре бездетен тому 10 лет, а пашни у него не было.

Дер. Пономаревская: в. кр-н Микитка Дмитриев сын Холопов, у него брат Фомка, у Микитки сын Мишка году, у Фомки сын Трошка 3 лет; в. кр-н Данилко Елисеев сын Забоев, у него племянник Ивашко в возрасте, у Данилка сын Оська 4 лет; в. боб. Васька Карпов сын Шалев, у него дети Никитка в возрасте, Петрушка 5 лет; в. кр-н Фетька Викулов сын Забоев, бездетен, у него брат родной Фетька меньшей 10 лет; д. пуст бобыльской Савки Максимова, умре бездетен тому 7 лет, а пашни у него не было.

Дер. Гудниковская в курье: в. вд. боб. Софьица Карповская жена, бездетна; в. кр-н Игнашко Яковлев сын Темного, у него племянник Бориско Тарасов в возрасте, у Бориски брат Лазарько 2 лет, у Игнашки сын Евсютка 10 лет; в. кр-н Баженко Игнатъев сын Кузькоков, у него брат Баженко ж Осипов двуродной, у Баженки сын Фетька 5 лет; д. пуст Тишки Васильева, умре бездетен тому 9 лет, а пашня ево лежит пуста; в. боб. Якунка Васильев, у него дети Володька в возрасте, Афонька 3 лет, Давыдко году.

Дер. Ильинская: в. кр-н Максимко Лукоянов сын, бездетен; в. кр-н Самошко Викулов, у него дети Микитка в возрасте, Марчко 15 лет, у Микитки сын Сенька году; в. боб. Федотко Викулов, у него дети Никитка 10 лет, Ивашко году; в. кр-н Анофрейко Михайлов, у него дети Ярафейко да Нифонтко, Федотко 10 лет, у Ярафейки сын Андрюшка году, у Нифонтка сын Лаврушка 3 лет; в. кр-н Самошка Степанов сын Суханов, у него дети Ивашко 15 лет, Мишка 8 лет, Фетька году.

Дер. Емовская: в. кр-н Потапко Романов сын Ждануков, бездетен, у него племянник Сенька Григорьев 15 лет; в. боб. Левка Власов, бездетен, у него племянник Мишка 8 лет; в. кр-н Онтонко Ионин сын, у него брат Клишко 16 лет, у Антошки сын Ивашко году; в. кр-н Андрюшка Фомин сын Дулин, бездетен, у него брат Ганка 10 лет.

Дер. Еремовская: в. кр-н Макарко Сидоров сын Дулин, у него брат Матюшка 13 лет.

Дер. Ивановская: в. кр-н Агапитко Яковлев, у него брат родной Ганка, у Агапитки сын Ларька 12 лет, у Ганки сын Ивашко 4 лет; в. кр-н Клишка Иванов, у него дети Афонька, Ивашко 5 лет, у Афоньки сын Тимошка 2 лет; в. кр-н Фифилко Сидоров, у него дети Алешка в возрасте, Микитка 12 лет, Юрка году.

Дер. Каменная, Федотовская тож: в. кр-н Левка Давыдов сын Суханов, у него дети Баженко да Стахейко, оба в возрасте, Мишка 9 лет, у Баженки сын Афонька 3 лет, у Стахейки сын Ивашко году; в. кр-н Стенька Киприянов сын Цывулев, бездетен, у него брат Фомка в возрасте; д. пуст Фролка Богданова сына Чиромова, умре бездетен в давних летех, а пашнею ево владеет кре-

стьянин Левка Суханов погосту с Усть Сысолы; в. кр-н Ивашко Калинин сын Жуков, у него сын Фетька 2 лет.

Дер. Ивановская: в. кр-н Митрошка Евдокимов, у него брат Аверчка, у Аверчки сын Алешка году; в. боб. Олферко Стахеев сын Шешуков, у него брат Лазарко 6 лет, у Олферка сын Ивашко 2 лет; в. кр-н Ефтюшка Касьянов, у него сын Левка в возрасте.

Дер. Федоровская: в. кр-н Павлик Микитин, у него сын Аничка, у Анички сын Филька 5 лет; в. кр-н Исачко Ерофеев сын Есев, у него сын Стенька 15 лет; в. кр-н Васька Агафонов сын Кудин, у него брат Мишка, у Васьки сын Андрюшка 3 лет, у Мишки сын Ивашко 5 лет; бездворной боб. Алешка Титов, бездетен.

Дер. Каменистое: в. кр-н Гришка Иванов сын Дулин, бездетен, у него брат родной Давыдко, у Давыдки сын Ивашко 5 лет.

Дер. починок Ивашка Вежева: в. кр-н Фетька Васильев сын Осифов, у него брат Якунька, у Фетьки сын Моська 17 лет, у Якуньки сын Ивашко 3 лет; в. кр-н Иевко Родионов сын Ручев, у него дети Терешка в возрасте, Максимко 8 лет, Сенька году; в. кр-н Сенька Клементьев сын Есев, у него брат Алешка, у Алешки сын Васька году; в. боб. Коземка Назарьев сын Ошев, бездетен, у него племянник Ивашко Павлов 8 лет; бездворной боб. Андрюшка Вавилов сын, бездетен.

Дер. Боровинки: в. кр-н Сергушка Савельев сын Коськоков, бездетен; в. кр-н Пронька Степанов сын Зарубин, у него дети Первушка в возрасте, Трошка 4 лет; в. кр-н Трифонко Клементьев сын Котюнев, у него брат Ивашко 3 лет.

Дер. Артемовская пуста тому 10 лет, а жители тое деревни сошли в Сибирские городы, а пашнею владеет крестьянин Фетька Васильев сын Осипов починка Вежева.

Дер. Мосиевская: в. кр-н Артюшка Меркурьев, у него дети Симанко 15 лет, Никитка 2 лет.

Дер. Алексеевская, Петровская тож: в. кр-н Кондрашка Федоров сын Старцов, бездетен, у него брат Нечайко, у Нечайки дети Ивашко 15 лет, Фетька 4 лет, Якушко году; в. кр-н Гурейко Федоров сын Старцов, у него сын Гришка 2 лет; в. боб. Левка Козьмин сын, бездетен.

Дер. Ильинская: в. кр-н Галахтионко Самойлов сын Фроловых, у него дети Васька 18 лет, Родька 10 лет; бездворный боб. Викулко Архипов сын Фроловых, у него брат Поликарпко 12 лет, у Викулка сын Парфенко году; в. кр-н Перфирейко Самойлов сын Фроловых, бездетен.

Дер. Петровская: в. кр-н Дорошка Степанов сын Сорвачев, у него сын Филька 3 лет; в. кр-н Пиминко Иванов сын Кучев, у него дети Дорошка 15 лет, Мишка 8 лет, Ивашко 2 лет; в. кр-н Амоско Федоров сын Титов, у него племянник Павлик Семенов, бездетен, у Амоска дети Сенька 16 лет, Ивашко 5 лет, Марчко году; в. кр-н Илюшка Дементьев сын Юрьев, у него сын Васька в возрасте; бездворной боб. Якушко Филимонов, бездетен; в. кр-н Данилко

Федоров сын Молотцов, у него сын Ганка 15 лет; в. боб. Викулко Перфирьев сын Молотцов, бездетен, у него брат Игнашка 7 лет; в. кр-н Гришка Степанов сын Сорвачев, у него сын Ивашко 11 лет; в. боб. Еремка Харитонов сын Молотцов, у него сын Ивашко году; в. кр-н Еремка Агафонов сын Жугов, у него дети Федотко 16 лет, Васька 7 лет, Савка 2 лет; в. боб. Фомка Агафонов сын Жугов, у него дети Федотка в возрасте, Васька 5 лет; в. кр-н Захарка Степанов сын Сорвачев, у него сын Дейка, у Дейки сын Карпунка году; в. кр-н Осипка Гаврилов сын Сорвачев, у него брат Осташка 12 лет, у него ж сын Митька 3 лет; в. кр-н Максимка Антонов сын Зюгин, у него сын Петрушка, у Петрушки сын Афонька году; в. кр-н Савка Антонов сын Зюгин, у него дети Ивашка 8 лет, Костька 2 лет; д. пуст Кондрашки Харитонова сына Молотцова, шшел на Вятку тому 7 лет, а пашни у него не было.

Дер. Темниковская: в. кр-н Дорошка Самойлов сын Фролов, у него сын Лучка 2 лет; д. пуст Томилки Яковлева, шшел к Соли Камской тому 5 лет.

Слободка Шульгинская: в. кр-н Васька Дементьев сын Юрьев, у него дети Ларька 8 лет, Ивашка году; в. кр-н Матюшка Васильев сын Сюрвасев, у него племянник Левка в возрасте, у Матюшки сын Анофрейка 8 лет; в. боб. Артюшка Игнатьев сын Куратов, у него дети Никонка в возрасте, Сергушка 8 лет; в. кр-н Лаврушка Вавилин сын Старцов, у него брат Першка, бездетен, у Лаврушки сын Якушко 15 лет; д. пуст Никитки Григорьева сына Коданева, умре бездетен в давних летех, а пашни у него не было; в. кр-н Потапка Арефин, у него брат Силька бездетен, у Потапки дети Птерушка 10 лет, Костька году.

Дер. Наволок: в. кр-н Куземка Власов сын Юрьев, у него брат Тихонка в возрасте, у Куземки сын Ивашка 2 лет; в. кр-н Дейка Васильев сын Юрьев, у него дети Ивашка 10 лет, да Ивашка ж меньшей 6 лет, Андриюшка году.

Дер. Пезмог на реке на Вычегде: в. кр-н Обросимка Леонтьев, у него дети Кондрашка в возрасте, Стенька 8 лет, у него ж племянники Елфимка Иванов сын Юрьев в возрасте, Трифанко 10 лет; в. кр-н Якушко Марков сын Мишарин, у него сын Савка 3 лет; в. кр-н Тимошка Лазарев сын Собанев, бездетен, у него племянник Ивашка Павлов в возрасте, да Ивашка ж меньшей 6 лет; в. кр-н Якушко Давыдов сын Собанев, у него брат Викулка в возрасте, у Якушки сын Харитонка 15 лет; в. боб Карпушка Агафонов сын Гольшев, у него сын Кирюшка, у Кирюшки сын Ивашка году.

Дер. Кортовская: в. кр-н Сенька Артемьев сын Казаков, у него брат родной Ганка 5 лет, у Сеньки дети Терешка в возрасте, Васька 9 лет, Стенька году; в. кр-н Оська Павлов сын Коинов, у него сын Гришка 5 лет.

Дер. Кия: в. кр-н Алешка Евдокимов сын Казаков, у него дети Васька в возрасте, Никитка 5 лет, Антошка году; в. кр-н Данилка Семенов сын Казаков, бездетен, у него брат родной Ивашко 10 лет, у него ж во дворе приемьш Никитка Степанов в возрасте; д. пуст бобыльской Фильки Степанова, шшел кормитца к Соли Камской тому 3 год.

Дер. Наволок на старой реке на Вычегде: в. боб. Макарка Леонтьев сын Изьюров, у него дети Сенька в возрасте, Митька 10 лет.

Дер. Малга, Малжевская тож над Курьею: в. кр-н Викулка Васильев сын Нестеров, бездетен, у него брат родной Родька, у Родьки сын Сенька 9 лет; в. кр-н Стенька Назаров сын Нестеров, у него сын Антипка в возрасте; д. пуст бобыльской Мокейка Семенова, сшел кормитца к Соли Камской тому 7 год, а пашни у него не было; в. кр-н Поликарпка Елфимов сын Юртомов, у него дети Анашка в возрасте, Матюшка 3 лет; в.кр-н Юрка Елфимов сын Юртомов, у него сын Ивашка 10 лет; в. кр-н Филька Потапов, у него дети Стенька, у Стеньки сын Софонко году, у Фильки ж сын Куземка 5 лет; д. пуст бобыльской Лучки Акилова, сшел кормитца на Вятку тому 4 года; в. кр-н Павлик Потапов, у него сын Ларька 2 лет; в. кр-н Тренька Микифоров сын Антонов, у него брат родной Савка, у Треньки сын Афонька 15 лет, у Савки сын Мишка 4 лет; в. кр-н Савка Антонов, у него сын Филька 10 лет; в. кр-н Давыдка Антонов, бездетен, у него зять Ивашка Родионов, у Ивашки дети Мишка 3 лет, Ивашка году.

И всего погост Усть-сысола, а на погосте церковных причетников 4 двора, людей в них тож, у них детей в возрасте 3 человека, а меньши 15 лет и недорослей 5 человек, да к погосту 23 деревни, а на погосте и в деревнях 76 дворов крестьянских, людей в них тож, и них детей и братьи, и племянников, и внучат в возрасте 66 человек, а меньши 15 лет и недорослей 99 человек, да 15 дворов бобыльских, у них детей и братьи, и племянников, и внучат в возрасте 9 человек, а меньши 15 лет и недорослей 20 человек, да двор вдовей, а людей в них тож, да 4 человека бездворных бобылей, у них детей в малых летех 2 человека, деревня пуста, а в ней и в ыных деревнях 10 дворов пустых.

И перед прежними переписными книгами прибыло 6 дворов крестьянских да 13 дворов бобыльских, да двор вдовей.

А по скаске того погосту выборного целовальника Оброськи Леонтьева и всех крестьян те прибылые дворы и во всех дворах люди тое ж волости отделись поселились от семей.

11. ПЕРЕПИСНАЯ КНИГА ХЛЫНОВСКОГО УЕЗДА 1710 г. (ФРАГМЕНТ)

(РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 1098. Л. 955 об.–961 об.)

Писцовые и переписные книги являются ценнейшим источником для изучения историко-демографического и историко-географического развития Коми края в XVII – начале XVIII в. К сожалению, имеющиеся источники по Прилузью остаются практически неизданными. В небольшую публикацию М.А. Мацука и автора данной работы включены документы, характеризующие начальный этап заселения р. Летки [Жеребцов И.Л., Мацук М.А. Начало заселения верхней Летки (фрагменты дозорной, писцовых и переписной книг Сольвычегодского уезда I половины XVII в. // Крестьяне Европейского Севера России в дореволюционный период: экономика, демография, культура. Сук-

тывкар, 1996]. Публикуемый ниже фрагмент переписной книги Хлыновского уезда 1710 г. является своего рода продолжением этой публикации и содержит сведения о ряде новых коми селений, появившихся на р. Летке в конце XVII – начале XVIII в.

Передача текста осуществлена по существующим правилам издания источников. Выносные буквы вносятся в строку и смягчаются по современному правописанию. Сокращенные слова под титлами и без них раскрываются без специальной оговорки. В конце слов буква «ъ» опускается, буква «ь» ставится по правилам современной орфографии. Цифры, написанные словами, передаются арабскими цифрами. Утраченные буквы восстанавливаются в квадратных скобках. Явные описки писцов и допущенные ими пропуски восстанавливаются без примечаний и скобок. Слова или фразы, не ясные по смыслу и не подлежащие бесспорному исправлению, в соответствующих местах текста оставляются без изменений с оговоркой в примечании: «Так в тексте». Принятые сокращения: в. – во дворе; д. – двор; дер. – деревня; поч. – починок; кн. – книга; л. – лист; ф. – фонд.

(л. 955 об.) Лецкая слоботка.

А в слоботке погост, а на погосте церковь деревянная во имя Николая Чюдотворца. У той церкви в. поп Максим Конанов сын Гуцин 50 // (л. 956) лет, у него сын тое ж церкви в пономарях Степан 20 лет, у него жена Елисавет Фомина дочь 22 лет; в. дьячек Киприян Федоров сын Наумов 40 лет, у него жена Федосья Юрьева дочь 39 лет; в. вдова Зиновья Карпова дочь тое ж церкви дьячка Калининская жена Москвина 32 лет, у нее дочь Акилина 5 лет.

У погосту деревня Слутка.

В. Павел Яковлев сын Шюлепов 50 лет, у него жена Татья[на] Андреева дочь 48 лет, у него ж племянник Карп Хрисанфов сын Шюлепов 30 лет, у него жена Васса Выколова дочь 29 лет, у него ж матери вдова Ефросинья Иванова дочь 60 лет; // (л. 956 об.) в. Дорофей Андреев сын Осиповых 40 лет, у него жена Христина Федорова дочь 39 лет, у них сын Федор 20 лет, у него жена Марья Ермолаева дочь 19 лет, у него ж живет нищей Лука Устинов сын Патракеев 40 лет, у него жена Марина Петрова дочь 30 лет; в. Митрофан Третьяков сын Логинов 50 лет, у него жена Жила Иванова дочь 47 лет, у них сын Андрей 3 лет.

Деревня Березовка.

В. Аника Федоров сын Чернов 60 лет, у него жена Харитина Иванова дочь 53 лет, у них сын Семен 20 лет, у него жена Овдотья Сергеева дочь 19 лет, у них дочь Агрипина году, у него ж приемыш Елисавет Павлова дочь 7 лет; в. Алексей Естеев сын Чернов 50 лет, // (л. 957) у него жена Ирина Прокопьева дочь 49 лет, у них дети Федор 17 лет, дочь Дарья 4 лет, у Федора жена Фекла Анисимова дочь 20 лет, у них дочь Елисавет полугоду; в. Григорий Обросимов сын Сидоров 30 лет, у него жена Ульяна Дмитриева дочь 35

лет, у него дети Василей 5 недель, Афимья дву лет, у него ж мать вдова Ульяна Прокопьева дочь 52 лет; в. Лука Гурьев сын Сугизов 45 лет, у него жена Ирина Иванова дочь 30 лет, у них сын Гур[ий] 3 лет, у него ж брат родной Тихон 50 лет, у него жена Акилина Семенова дочь 40 лет, у них сын Кондратей полугоду; в. Алексей Михайлов сын Спириин 65 лет, у него жена Агрипина Устинова дочь 60 лет, у них сын Самоило 30 лет, // (л. 957 об.) у него жена Парасковья Григорьева дочь 25 лет, у них дочь Агафья 2 лет.

Д[еревня] Королевская.

В. Харитон Ортемьев сын Осипов 28 лет, у него жена Матрена Борисова дочь 29 лет, у них дочь Матрена 7 лет; в. Оврам Евдокимов сын Осипов 45 лет, у него жена Устина Федорова дочь 40 лет, у них сын Федор 15 лет, дочь Гликерья 3 лет, у него ж брат родной Микита Евдокимов Осипов 30 лет, у него жена Каптелина Алексева дочь 28 лет, у них дочери Наталья 6 лет, Марина полтора года, у него ж живет вдова нищая Пелагия Иевлева дочь Дмитреевская жена Осиповых 60 лет, у него сын Алексей 3 лет. //

(л. 958) Деревня Талицкая.

В. Феоктист Гурьев сын Пыжянов 40 лет, у него жена Авдотья Михайлова дочь 35 лет, у них сын Евлампий 4 лет, дочь Маремьяна полугоду, живет с ним ж брат ево родной Федор 30 лет, у него ж живет Фома Ефремов сын Кетов 50 лет; в. Андрей Прокофьев сын Зызганов 60 лет, у него дети Михайло 30 лет, дочь Соломия 20 лет слепа, у Михайла жена Овдотья Гаврилова дочь 20 лет, у него ж племянник Анисим Семенов сын Зызганов 29 лет, у него жена Татьяна Еремеева дочь 30 лет, у них сын Лаврентей 5 лет; в. вдова Ирина Фомина дочь Никитинская жена Жизганова 40 лет, у нее дочь Ирина 7 лет. //

(л. 958 об.) Деревня Черемховка.

В. Агей Максимов сын Рупцов 50 лет, у него брат двоюродной Алексей Федоров сын Рубцов 30 лет, у него жена Пелагея Сергеева дочь 29 лет, у них дочь Марина 10 недель; в. Ермолай Иванов сын Касалапов 40 лет, у него жена Анна Павлова дочь 40 лет, у него брат родной Михайло 30 лет, у него жена Авдотья Васильева дочь 28 лет; в. Ермолай Трофимов сын иванов 57 лет, у него жена Парасковья Афонасьева дочь 50 лет, у него сестра родная девка Лукерья 40 лет слепа; в. Сидор Дементьев сын Перминов 20 лет, у него жена Степанида Иванова дочь // (л. 959) 28 лет; в. Гурей Дементьев сын Плехов 60 лет, у него жена Дарья Вендиктова дочь 45 лет, у них сын Семен 7 лет, дочь Елена 5 лет.

Деревня Прокопьевка.

В. Крисанфей Михайлов сын Потапов 45 лет, у него жена Марфа Сергеева дочь 40 лет, у него ж племянник Григорей Сидоров сын Потапов 28 лет, у него жена Матрена Алексева дочь 25 лет; в. Петр Григорьев сын Потапов 68 лет, у него жена Февронья Калинина дочь 60 лет, сын Василий 25 лет, у него жена Авдотья Елисеева дочь 24 лет, у него ж брат родной Федор 50 лет, у него жена Марфа Силина дочь 40 лет; // (л. 959 об.) в. Лаврентей Сысоев

сын Коснырев 50 лет, у него жена Ирина Васильева дочь 49 лет, у них сын Иван 4 лет, у него ж дядя Семен Естифеев сын Коснырев 60 лет, у него жена Акилина Васильева дочь 59 лет; в. Иван Алексеев сын Ичеткин 40 лет, у него брат родной Мартьян 30 лет, у него жена Марья Микитина дочь 29 лет, у них дочь Дарья 2 лет, у него ж складник Самсон Борисов сын Дымов 60 лет да Василей Борисов сын Дымов 50 лет, у него жена Катерина Васильева дочь 52 лет; в. Петр Афонасьев сын Коснырев 70 лет, у него брат родной Михайло 40 лет, у Михайла жена Марина Исакова дочь 30 лет, у них сын Лазарь 7 лет, у него ж живут нищие вдова Анна Крисанфова дочь Кириловская жена Плехова 25 лет, у нее дочь Федосья 2 лет, Афонасей Матвеев // (л. 960) сын Лобанов 70 лет, у него жена Ирина Денисова дочь 40 лет; в. Леонтей Евсеев сын Корякин 25 лет, у него жена Елисавет Петрова дочь 23 лет, у него ж мать вдова Мавра Пиминова дочь 60 лет, у него ж брат родной Исак 23 лет, у него жена Оксинья Филипова дочь 20 лет, у него ж складник Кирило Григорьев сын Черной 35 лет, у них сын Фофон 2 лет, у него ж живут нищие вдова Поросковья Гурьева дочь Тимофеевская жена Осипова 40 лет, у нее дочь Овдотья 6 лет, вдова Дарья Макарова дочь Алексеевская жена Королькова 60 лет, вдова Варвара Гурьева дочь Федоровская жена Осипова 30 лет; в. Михайло Венедиктов сын Коснырев 60 лет, у него брат родной Киприян 40 лет, у него жена Анна Борисова дочь 50 лет, у них сын Александр 7 лет, в том же дворе складник Иван Проклов сын Потапов 50 лет, у него жена Авдотья Васильева дочь 49 // (л. 960 об.) лет, у них сын Леонтей 7 лет, у него ж брат родной Павел 40 лет, у него жена Епистимея Филипова дочь 37 лет, у них сын Прокопей году, Евтифей Иванов сын Патракеев 50 лет, у него жена Зиновья Федорова дочь 49 лет, да в той же избе живет нищая вдова Ефросинья Евланпиева дочь Федоровская жена Логинова 60 лет.

Всего в Лецкой слободке погост, а в нем церковные 3 двора, людей в них мужеска полу от 60 до 40 лет 1 человек, от 40 до 10 лет 2 человека, женска полу от 40 до 10 лет 3 человека, от 10 лет до младенцов 1 человек. // (л. 961) Деревень и починков 12*, крестьянских дворов 13, людей в них от 90 до 60 лет 2 человека, от 60 до 40 лет 19 человек, от 40 до 10 лет 28 человек, от 10 лет до младенцов 14 человек; женска полу от 60 до 40 лет 17 человек, от 40 до 10 лет 30 человек, от 10 до младенцов 14 человек. Нищетцких и бобыльских и вдовьих 11 дворов, в них людей [мужеска полу] от 90 до 60 лет 1 человек, // (л. 961 об.) от 60 до 40 лет 2 человека, от 40 до 10 лет 1 человек, от 10 до младенцов 1 человек; женска полу от 60 до 40 лет 4 человека, от 40 до 10 лет 6 человек, от 10 до младенцов 3 человека.

И всего в Лецкой слоботке церковничьих, крестьянских и бобыльских и нищетцких и вдовьих 27 дворов, людей в них мужеска полу 71 человек, женска полу 78 человек.

* Так в тексте.

**12. КНИГА ПЕРЕПИСНАЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЧЕРНОСОШНЫХ
КРЕСТЬЯН И КАНЦЕЛЯРСКИХ СЛУЖАЩИХ ИЖЕМСКОЙ
И УСТЬ-ЦЕЛЕМСКОЙ СЛОБОДОК ПУСТОЗЕРСКОГО УЕЗДА
АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ 1719–1724 гг.**

Публикатор – Т.Д. Вокуева (Москва)

Публикуется первая ревизская сказка по Ижемской и Усть-Целемской слободам Пустозерского уезда Архангельской губернии. Документ хранится в Российском архиве древних актов (РГАДА) в составе фонда «Ландратские и ревизские сказки» (Ф. 350. Оп. 2. Ч. 1. Д. 157), является подлинником и охватывает период с 1719 по 1724 годы.

В одном переплете «Книги переписной государственных черносошных и монастырских крестьян, канцелярских служителей» на лл. 1–389 содержатся сведения первой ревизии по следующим уездам: Пустозерскому, Мезенскому и Двинскому. Текст ревизской сказки Ижемской слободки располагается на лл. 12–20, Усть-Целемской слободки на лл. 20–23, пронумерован так, что л. 13 по нумерации XVIII в. совпадает с л. 12 современной нумерации. Листы переписи скреплены тремя скрепами. Две расположены на правом поле листа:

«...ка – пи – та – н – Гри – го – рей – Че – р – ны – ше – в...»

«...ка – пи – та – н – Ни – ки – фо – р – Ма – тру – ни – н...».

Третья скрепа внизу листа:

«...под – кано – це – ля – ри – ст – Але – ксай – Сте – па – нов...».

На обороте скреп нет.

Текст документа публикуется по «Правилам издания исторических документов» (М., 1990). Буквы, вышедшие из употребления заменяются современными, обозначающими тот же звук: ω – о, θ – ф и др. Выносные буквы включаются в строку без выделения и смягчаются по принципам современного правописания. В конце слов буква «Ъ» опускается. Буква «Ь» ставится по правилам современной орфографии. «і» в конце имени заменяется на «Й»: Григорей, Афонасей. Сокращение слов «дрвни» – «деревни» и «влсти» – «волости» сохранено по тексту, так же оставлены варианты написания имен: Ефим и Евфим, Мокий и Мокей и др. Описки писцов, неразобранные слова выделены курсивом и оговариваются в тексте.

Знаки препинания расставлены по правилам современной пунктуации. После слова «дети» проставлено двоеточие, при перечислении – запятая, в конце каждой семьи – точка. После имени через тире указан возраст человека.

Текст разделен на абзацы по номерам вероятных дворов предыдущей переписи, по годам поступления сведений, по итоговым записям.

Документ на листе заключен в таблицу из двух одинаковых столбцов, каждый из которых имеет по три графы: №, название населенного пункта, лета. В первой графе «№» по Ижемской слободке значится 16 номеров, по

Усть-Целемской всего шесть, видимо они соответствуют данным из предыдущей подворной переписи 1710 г. Во второй графе записаны следующие сведения: имя, отчество, фамилия главы семьи с указанием степени родства проживающих с ним лиц мужского пола. У вновь приписанных указано место прежнего проживания или «новокрещены из самоедцов». В третьей графе указан возраст «лета», даже у самых маленьких: 3 нед(ели), или 2 ½ (года).

а) Ижемская слободка

(РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Ч. 1. Д. 157. Л. 12–20)

По генеральному свидетельству 722 году крестьянских 75 дворов в них мужеска полу душ по скаске 719 году

№ 207. Аврам Исаков сын Канев – 43 (лет)*, у него братья родные: Никифор – 42, Тит – 38, Егор – 35, Тихон – 28, Тимофей – 23. У Аврама дети: Яков – 12, Аверкий – 2. У Никифора сын Алексей – 10, у Тита сын Никита – 5, у Егора сын Федосей – 1. Прокопей Васильев сын Дуркин – 48, у него дети: Андрей – 12, Иван – 1. Самсон Титов сын Истомин – 73, у него сын Василей – 28, (л. 12 об.) да племянники ево Осип Нестеров – 33, Федор Климентов – 33, у Осипа сын Данил – 9. Яков Григорьев сын Семяшкин – 43, у него дети: Федор – 11, Нестер – 4 ½. Никита Васильев сын Филипов – 33, у него дети: Яков – 2 ½, Осип – 2 мцов. Иван Никитин сын Беляев – 33, у него братья: Мартемьян – 32, Андрей – 28. Исак Алексеев сын Филиповых – 93, у него сын Филипп – 51, у него дети: Иван – 9, Панкрат – 1. Фока Анофриевых – 53, у него дети: Трофим – 15, Софрон – 2. Федор Карпов сын Сметанин меньшей – 53, у него дети: Кирилло – 20, Никифор – 13, Меркурей – 9. Федор Карпов сын Сметанин большей – 83, у него сын Сидор – 28. Федосей Карпов сын Сметанин – 68, у него дети: Аверкий – 33, Панфил – 15, у Аверкия сын Матвей – 1. Да племянник их родной Родион Фотиков сын Борщев – 33, у него сын Иван – 1. Михайло Тимофеев сын Колугин – 63. Василей Сергеев сын Кучкасов – 53, у него дети: Иван – 20, Яким – 11, Яков – 8, Иван – 1. (л. 13) Иван Григорьев сын Б [и] биков** – 63, у него дети: Лазарь – 48, Конан – 38, Андрей – 22. У Лазаря сын Ларион – 2, у Конана сын Василей – 2 ½. У него ж племянник Иван – 19. Яков Васильев сын Конев – 58, у него брат Тихон – 53, у Якова сын Ананья – 18.

№ 97. Кирил Иванов сын Семяшкин – 49, у него братья: Меркур – 48, Демонтей – 43, Никита – 38, Сысой – 28. У Кирила сын Прокопей – 8, у Меркура сын Лаврентей – 5. Федосей Федотов сын Анофриевых – 93, да племянники ево родные: Остафей – 43, Федот – 38. У Остафья дети: Дмитрий – 10, Федор – 7. Да племянники ж ево Федосеева родного умершаго брата дети: Сидор – 13,

* Здесь и далее цифра возле имени означает возраст.

** Ошибка писца. В следующей ревизии 1745 г. его дети указаны Бабиковыми.

Михайло – 10. Гаврило Лукин сын Родионов – 33, у него братья: Михей – 32, Иван – 23. У Гаврила дети: Денис – 2, Прокопей – 1. У Михея дети: Иван – 2 ½, Артемон – 1 ½. Иполит Климентов сын Хозяиновых – 78, у него сын Яков – 33, у него дети: Антипа – 9, Флор – 7, Тит – 2 ½, Василей – 1 ½. У него ж племянники родных Федотовы дети: (л. 13 об.) Калина – 43, Анфиноген – 38. У Калины сын Володимер – 12. Анкидин Кондратьев сын Артеевых – 73, у него брат родной Анфиноген – 62. У Анкидина дети: Андрей – 33, Андрей же – 2. У Анфиногена дети: Матвей – 28, Михайло – 18. Филип Никитин сын Канев – 28, у него сын Иван – 1 ½. Яков Федоров сын Рочев – 48, у него брат родной Кондратей – 38. У Якова сын Петр – 23, у Петра сын Кондратей – 1. У Кондратя сын Федот – 7. У него ж Якова зять Осип Семенов сын Дубинин – 33, у него дети: Трофим – 4, Михайло – 1. Еремей Федоров сын Рочев – 45, у него дети: Киприан – 17, Илья – 10, Матвей – 1 ½. Нестер Никифоров сын Филиппов – 78, у него сын Яким – 10. Аврам Наумов сын Филипповых – 93, у него сын Кирилло – 13. Харитон Амосов сын Истомина – 33, у него сын Иван – 9. Степан Терентьев сын Кучкасов – 53, у него брат родной Феоктист – 33. У Степана сын Иван – 1. (л. 14) Федор Никитин сын Вокуев – 33, у него дети: Трофим – 21, Евстафей – 18, Андрей – 11. У Трофима дети: Иван – 3 ½, Федот – 2, Петр – 2 ндл. Терентей Авдеев сын Вакуев – 43, у него дети: Трофим – 16, Иван – 11.

№ 98. Сава Малафиев сын Анофриевых – 78, у него сын Матвей – 33, у него ж племянник Карп Максимов – 23, у него сын Иван – 1. Матвей Миронов сын Родионовых – 63. Федор Арефанов – 43, у него дети: Степан – 4, Пантелеймон – 1. У Матвея сын Иван – 1. Сидор Артемьев сын Филипповых – 53, у него дети: Семен – 6, Степан – 1. Матвей Вокуев – 35, у него дети: Иван – 9, Семен – 2. Иван Иванов сын Хозяиновых – 53, у него брат родной Селиверст – 53. У Ивана дети Юрье – 28, Стефан – 25, Дорофей – 24, Лазарь – 23. У Селиверста дети: Степан – 13, Иван – 11. У них же зять Терентей Артемьев сын Рочев – 48, у него дети: Алексей – 9, Кондратей – 8. Василей Игнатьев сын Витизев – 23. (л. 14 об.) Андрей Калинин сын Хозяинов – 83, у него сын Филипп – 38, у него дети: Трофим – 13, Федот – 4, Василей – 2 ½. Кондратей Архипов сын Семяшкин – 43, у него дети: Андрей – 8, Иван – 2 ½, Захар – 1 ½, Федор – 1. Никифор Тимофеев сын Филипповых – 63, у него братья: Ефим – 48, Назар – 38. Фока Федоров – 38, у него сын Иван – 7. Евсей Емельянов сын Самодуров – 73, у него дети: Трофим – 28, Карп – 23, Агафон – 21. Федор Осипов сын Артеев – 53, у него дети: Иван – 23, Тимофей – 18, Герасим – 11, Артемей – 8, Максим – 1. У Ивана сын Андрей – 2, у Тимофея сын Андрей – ½. Федот Осипов сын Артеев – 55, у него дети: Антипа – 18, Петр – 16, Исак – 11, Гаврило – 11. У Антипы сын Иван – 1. У него ж племянник Борис Козмин – 12, у него ж брат от родных Семен – 48, у него сын Алексей – 4. Прокопей Герасимов сын Чюпров – 63, у него дети: Захар – 19, Иван – 10. У него ж Прокопья племянники: Иван – 38,

Нестер – 23, Евсейей – 18. Бажен Авдеев сын Вокуев – 63, у него брат родной Конан – 48. У Бажена дети: Андрей – 33, (л. 15) Иван – 23. У Андрея сын Иосиф – 2 ½. У Конана сын Артемей – 21, Алексей – 2. Дементей Иванов сын Дуркин – 43, у него дети: Остафей – 18, Иван – 1.

№ 99. Федор Иванов сын Дуркин – 43, у него сын Конан – 8. У него ж брат Сергей Иванов сын Дуркин же – 42. Герасим Васильев сын Беляев – 52. Александр Антонов сын Вакуев – 73, у него брат родной Дементей – 38. У Александра дети: Антипа – 10, Иван – 2 ½. У него ж брат родной Герасим – 48. Никита Антонов сын Вукуев же – 43. У Герасима дети: Евдоким – 13, Иван – 2. У Никиты дети: Алексей – 12, Егор – 2. Василей Конанов сын Кучеев – 53, у него дети: Василей – 18, Ларион – 2. Семен Аврамов сын Терентьев – 83, у него дети: Яков – 33, Иван – 31, Сава – 29. Да племянник ево Яков Артемьев – 33, у него сын Марко – 10. Тимофей Иванов сын Канев – 63, у него братья: Феон – 52, Петр – 33, Гаврил – 28. У Тимофея дети: Василей – 29, Софрон – 12. У Василья сын Иван – 1, у Феона сын Мокей – 6, у Петра сын Семен – 2, у Гаврила сын Яков – 2 ½. (л. 15 об.) Да братья же: Филипп – 35, Семен – 30. У Филипа дети: Козма – 5, у Семена сын Лаврентей – 12, Василей – 10, Кирилл – 1 ½. Да Петр – 73, у него сын Самсон – 18. Иван Лазарев сын Филиповых – 50, да брат же Панфил – 53, у него сын Харитон – 18. Антон Кастинтинов сын Канев – 83. Евдоким Григорьев сын Терентьев – 58, у него дети: Козма – 33, Григорей – 27, Афонасей – 9, Семен – 5. У Козмы сын Денис – 2 ½. Да племянник ево Евдокимов Егор Терентиев – 48, у него сын Анкидин – 1 ½. Петр Федоров сын Копытов – 73, у него брат Василей – 33. Никита Аксентиев сын Канев – 89, у него сын Петр – 53, Евфим – 43, Филипп – 23, Кирил – 18. Сергей Артемьев сын Филипов – 73, у него брат Гурей – 53, да племянники их родные: Ефрем – 43, Устин – 39, Иван – 33. У Сергея сын Егор – 18, у Устина сын Василей – 1. Максим Степанов сын Терентиев – 35, у него сын Иван – 2.

№ 100. Трофим Никифоров сын Пигасин – 28, у него брат Харитон – 21. Федор Еремеев сын Анофриевых – 102, (л. 16) у него сын Семен – 55. Да ево ж Семеновы племянники: Савин – 21, Борис – 18, Иван – 13. У Семена сын Леонтей – 2 ½, у Бориса сын Степан – ½. Гаврило Яковлев сын Анофриевых – 33. Евсей Конанов сын Чюпров – 38, у него брат Клементей – 36, да племянник их Федор Антонов сын Чюпров – 23. У Евсевья дети: Демитрей – 19, Данил – 15. У Климента дети: Артемей – 21, Семен – 15, Иван – 1 ½. У Дмитрея сын Яков – ½. Сидор Филипов сын Рочев – 77, у него дети: Иван – 38, Тит – 33, Василей – 31. У Ивана дети Яким – 21, Сидор – 2. У Тита дети: Терентей – 13, Сергей – 2, Алексей – 2. У Василья дети: Яков – 10, Петр – 2 ½, Федосей – 18. Тимофей Матвеев сын Кожевин – 73, у него дети: Максим – 38, Петр – 33, Григорей – 25. У Максима сын Петр – 2 ½. Иван Михайлов сын Филиповых – 73, племянники ево родные: Нефед – 43, Ипат – 33. У Ивана

сын Евтифей – 23, у него сын Сидор – 3 мцов. У Нефеда дети: Леонтей – 11, Фока – 7. У Ипата сын Федор – 2. Евфим Климентов сын Филиповых – 63, брат ево от родных Козма Савин сын (л. 16 об.) Пыскарев Филиповых – 53. У Евфима сын Савва – 15, Козмы сын Василей – 10, племянник его Козмин Максим – 9. Семен Артемьев сын Филипов – 43, у него братья: Фока – 38, Павел – 33. У Фоки сын Федор – 2. Иев Зогинов Борщев – 70. Семен Федотов сын Филиппов – 73, у него братья: Федор – 38, Трифан – 32. У Семена дети: Гаврил – 28, Иван – 21, Максим – 10. У Федора сын Алексей – 2 ½, Федор – 1, у Федора сын Панкрат – 2 ½, Евстафей – ½. Евсей Яковлев сын Рочев – 10, у него братья: Михайло – 2 ½, Яков – 1 ½.

№ 101. Трофим Артемьев сын Филиповых – 43, у него сын Григорей – 2 ½. Брат ево родной Максим – 33, свойственник их Харитон Иванов сын Палкин – 62, у него дети: Осип – 18, Никита – 2 ½. Степан Иванов сын Дуркин – 23, у него братья: Антипа – 20, Фока – 13. У Степана сын Гаврил – 1. Их же родственник Антипа Михеев – 43, у него сын Евстафей – 2 ½. Василей Амосов сын Истомин – 33, у него брат Карп – 15. Касьян Карпов сын Сметанин – 41, у него дети: Дмитрий – 18, Андрей – 10, Василей – 7, Федор – 1 ½. Брат ево Касьянов Иван Сметанин – 70, у него дети: Иван – 30, Тимофей – 25, Василей – 20. У Ивана дети: Яким – 2 ½, (л. 17) Иван – 2. Осип Трифанов сын Рочев – 67, у него брат Петр – 73, брат их от родных Василей Рочев же – 31. У Ивана сын Иван же – 6, у Осипа сын Иван – 6. У нех сродственник Ларион Логинов сын Чипсанов – 53, у него племянник Иван Козмин – 15. Умершаго священника Кирила Батманова дети: Иван – 43, Осип – 38, Федор – 37, Аврам – 33. У Ивана сын Гаврил – 23. У Осипа дети: Степан – 21. У Федора дети: Емельян – 8, Иван – 1. Яков Васильев сын Чула – 73, у него дети: Ярофей – 33, Ефтифей – 18, Богдан – 13. Кемогорец Федор Иванов сын Собакин – 75. Новокрещеной из сомоядцов Данил Иванов – 50. Итого 393 души.

По скаске 719 году причетнических

Священника Алексея Тарасова братья родныя: Иван – 63, Кирилл – 52, у него сын Трофим – 1. У него ж священника новокрещенной самоядин Василей Тимофеев сын Ортеев – 10. Итого 4 души.

По свидетельству 721 году в той же Ижемской слободке мужеска полу душ

№ 4. Михайло Ефимов сын Филипов – 9. Евтихей Иванов сын Дуркин – 10. Иван Трофимов сын Филипов – 3. (л. 17 об.) Иван Дмитриев сын Дуркин – 35. Григорей Агапитов сын Вокуев – 22, у него брат родной Иван – 20. Никита Климантов сын Истомин – 25, у него брат Иван – 14. Семен Миронов сын Родионов – 65. Денис Васильев сын Истомин – 6. Григорей Осипов сын Истомин – 6. Захар Еремеев сын Рочев – 7. Новокрещенныя из самоядцов. Андрей Филиппов сын Рочев – 60.

№ 12. Федосей Семенов – 40. Иван Андреев сын Артеев – 4. Роман Анфиногенов сын Артеев – 15. Фока Яковлев сын Анофреев – 4. Иван Филипов сын Канев – 3.

№ 5. Ефим Фокин сын Семяшкин – 3. Петр Обросимов сын Филипов – 27. Семен Степанов сын Филипов – 45. Архип Миронов сын Бабилов – 35, у него дети: Алексей – 7, Михайло – 3. Федор Андреев сын Филипов – 30, у него братья родные: Иван – 29, Мирон – 22. Иван Федоров – 6. У Ивана Андреева сын Савва – 3. Антон Никитин сын Вокуев – 5. Сава Андреев сын Терентиев – 30, у него брат родной Семен – 25. Федот Максимов сын Терентиев – 5. (л. 18) Яким Иванов сын Канев – 50, у него дети: Василей – 20, Остафей – 10. Максим Егоров сын Терентиев – 4 ½. Федор Никифоров сын Канев – 7. Иван Никитин сын Канев – 20. Ананья Иванов сын Вокуев – 18. Федор Устинов сын Филипов – 4. Иван Иванов сын Филипов же – 4. Алексей Сергеев сын Филипов – 18.

№ 6. Тимофей Петров сын Канев – 3. Борис Лазарев сын Филипов – 12. Иван Васильев сын Дуркин – 50, у него сын Конан – 4. Григорей Петров сын Копытов – 8, у него брат Герасим – 5. Петр Сергеев сын Копытин – 75. Иван Федоров сын Артеев – 4. Осип Евдокимов сын Терентиев – 27, у него брат родной Семен – 21. Петр Яковлев сын Канев – 15. Тимофей Иванов сын Бабилов – 12. Костянтин Семенов сын Терентиев – 25, у него брат Киприян – 23. Емельян Семенов сын Филипов – 6. Самсон Трифанов сын Филипов – 3. Федосей Васильев сын Рочев – 5. Осип Федотов сын Рочев – 25. Евдоким Михайлов сын Рочев – 20, у него брат родной Федор – 25. (л. 18 об.) Трофим Козмин сын Чепсанов – 9. Андрей Егоров сын Хозяинов – 7. Карп Павлов сын Артемьев – 5.

№ 7. Лука Никитин сын Семяшкин – 4, у него братья от родных Марко Меркурьев – 15, Михайло Кирилов – 3. Зотей Дементьев сын Семяшкин – 5. Иван Селиверстов сын Хозяинов – 10, у него брат родной Иван – 6. Иван Васильев сын Витязев – 5, у него брат родной Иван – 3. Федот Терентиев сын Авдеев – 16. Семен Конанов сын Авдеев – 10. Яков Герасимов сын Вокуев – 6. Петр Александров сын Вокуев – 8, у него брат Яким – 4. Иван Климанов сын Хозяинов – 75. Прокопей Васильев сын Кучеев – 8. Трифон Федоров сын Терентиев – 85, у него сын Федор – 35. У Федора дети: Тит – 15, Герасим – 8, Алексей – 5. Иван Кирилов сын Чюпров – 25, Семен Иванов сын Чюпров – 6. У него братья от родных Сава Титов – 3, Семен Васильев – 4. Степан Харитонов сын Истомин – 9. Григорей Феоктистов сын Терентиев – 3. Артемей Петров сын Кожевин – 4. Козма Михайлов сын Колугин – 8. (л. 19) Федор Федотов сын Чапсанов – 80. Емельян Нестеров сын Филипов – 15.

Новокрещенные из самоядцов. Антон Аврамов – 60, у него дети: Иван – 13, Потап – 5. Иван Осипов – 9. Итого 100 душ.

По генеральному свидетельству 722 году прописных.

№ 115. Семен Филипов сын Конев – 5.

№ 192. Тимофея Иванова сын Канева внук Алексей Васильев – 4.

№ 132. Степан Алексаев сын Терентиев – 56, у него сын Иван – 11, да племянник ево Григорей – 4, в число душ ево ж племянник Петр – 2.

Новокрещенья из самоедцов.

№ 135. Федор Васильев – 76.

№ 114. Сидора Артемьева сына Филипова Андрей Федоров – 61. Итого 8 душ.

Всего в Ыжемской (так в тексте, верно в Ижемской) слободке мужеска полу 505 душ.

Да по Его Императорского величества указу велено приписывать в число душ той же Ижемской слободки черносошных (л. 19 об.) Его Императорского величества бобыхов которые живут в Яренском уезде гостя Семена Иванова сына Панкратьева на соляном Сереговском заводе а подушные денги оные бобыли будут платить Пустоозерского острога и о том у них взяты скаски под смертным страхом аимянно в вышеписаной Ижемской слободке. Андрей Терентиев сын Истомин – 70, у него сын Афонасей – 20. Елисей Миронов сын Филипов – 39, у него племянник Петр Васильев – 5. Иван Иванов – 50, у него дети: Иван – 19, Семен – 15, Иван – 9. Ларион Антипин сын Латин – 30, у него сын Яким – 5, да брат Григорей – 22. Семен Ларионов сын Филипов – 55, у него дети: Алексей – 14, Иван – 13. Петр Антонов сын Ачков – 33. Сергей Федоров сын Репа – 60, у него дети: Гаврило – 13, Кирило – 8. Корнило Авдеев сын Харчев – 48, у него сын Иван – 13. Данило Иванов сын Пашихин – 36. (л. 20) Федор Семенов сын Лазарев – 42. Сергей Степанов сын Изминской – 17.

По присланной промемории из Яренска 724 июля 15 дня явшей из всходу Денис Артемьев сын Филипов – 00 (так в тексте). Итого 24 души.

И всего в Ыжемской слободке и с приписными 529 душ.

Во оною слободку приписано 5 душ значит под книгами ведомости. Ну.13.*

б) Устьцелемская слободка (так в тексте)

(РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Ч. 1. Д. 157. Л. 20–23)

По генеральному свидетельству 722 году крестьянских 25 дворов в тех дворах мужеска полу душ по скаске 719 году

№ 105. Сергей Васильев сын Булыгин – 45. Козма Лаврентьев сын Дуркин – 62, у него дети: Петр – 24, Антон – 13. У Петра дети: Савва – 3 ½. У него ж брат от родных Василей Филипов сын Дуркин – 64, у него сын Яков – 37, у него сын Степан – 3 ½. У него ж племянники родные Савины дети: Артемей – 27, Никифор – 17, Флор – 25. Устин Якимов сын Дуркин – 77, у него сын Стахей – 48,

* Два знака заключенных в точки похожие на слог «Ну», вероятно сокращенное слово «номер».

(л. 20 об.) У него дети: Семен – 23, Лаврентей – 17, Савва – 6, Федот – 3, Василей – 3. Дмитрий Галактионов сын Дуркин – 58, у него дети: Максим – 17, Андрей – 14, Козма – 10, Иван – 9, Максим – 7. Умершаго священника Фомы Остафьева внучата Фотиевы дети: Иван – 20, Федот – 9, Иван другой – 12. Осип Ананьин сын Кисляков – 64, у него сын Семен – 32. Кондратей Ефремов сын Чюпров – 49, у него дети: Макар – 22, Лука – 17. Прокопей Агафонов сын Комаров – 62, у него дети: Тимофей – 27, Леонтей – 11. У Тимофея сын Карп – 2 ½. Петр Романов сын Ермолин – 37, у него брат родной Антон – 34. У Петра дети: Устин – 13, Яков – 5. Полиект Антонов сын Кисляков – 54, у него дети: Ефим – 27, Иван – 18, Федосей – 12, Софрон – 7, у Евфима сын Григорей – 2 ½. Лаврентей Антонов сын Кисляков – 50, у него брат Филип – 40. Лаврентья дети: Сава – 15, Мефод – 7. У Филипа дети: Логин – 10, Дмитрий – 5, Иван – ½. Антона Чюпровы дети: (л. 21) Трофим – 32, Иван – 27, Василей – 17, Илья – 16, Афонасей – 15, Артемей – 12. У Трофима дети: Федор – 6, Ларийон – 1 ½. У Ивана дети: Тимофей – 7, Антон – 4, Трофим Терентьев сын Чипсанов – 35, у него братья родные Архип – 18, Иван – 15. Логин Фомин сын Чюпров – 52, у него брат родной Трофим – 48, у него сын Андрей – 20, у него сын Гаврило – 1 ½, Емельян Васильев сын Чюпров – 64, у него брат от родных родной Василей сын Чюпров – 24, у него брат родной Моисей – 12. У Емельяна сын Родион – 36, у него сын Петр – 4.

№ 106. Терентей Савин сын Носов – 78, у него дети: Петр – 47, Яков – 38. У Петра сын Иван – 15. У Якова дети Логин – 10, Иван – 1 ½, Сидор – 3 нед. У него ж Терентья брат родной Конан – 76, у него ж племянник родной Осип Терентьев сын Носов – 44. У Конана дети Афонасей – 36, Нестор – 34. У Осипа дети: Петр – 16, Авдей – 13, Иван – 5, Федор – 1 ½. Викул Сидоров сын Торопов – 68, у него дети: Обросим – 44, Федор – 22. (л. 21 об.) У Обросима дети: Дементей – 8, Петр – 4. У Федора сын Калистрат – 2 ½. Архип Иванов сын Торопов – 48. Афонасьевы дети Вокуевы: Мокей – 58, Пантелей – 48, Евфим – 40. У Мокея дети Григорей – 19, Иван – 18, Петр – 13. У Ефима сын Федор – 5. Павловы дети Тороповы: Федор – 64, Егор – 61, Григорей – 57. У Федора дети: Гаврило – 30, Карп – 29. У Гаврила сын Антон – 2, у Карпа сын Михайло – 1. У Егора сын Парфен – 14, у Григорья сын Трофим – 22. Полиект Иванов сын Самков – 75, у него дети: Иван – 58, Никифор – 48, Евсей – 44, Иван – 37. У большаго Ивана дети: Иван – 14, Федор – 7, Конан – 7. У Евсея дети: Иван – 8, Сергей – 5, Харитон – 10 нед. У Ивана дети: Фотий – 5, Петр – 1. Моисей Моисеев сын Поздеев – 44, у него брат родной Тимофей – 51, у него ж брат от родных Григорей Герасимов – 54, у него дети: Василей – 34, Софрон – 22. У них же родственник Лаврентей Степанов – 42, Прокопей Архипов сын Поздеев – 39, у него сын Ефим – 4. Авдей Михайлов сын Поздеев – 82, у него брат родной Трофим – 70, у него сын Игнатей – 19. Сава Савин сын Поздеев – 62, у него племянники родные Алексеевы дети: (л. 22) Антон – 52, Авдей – 44, у него же сродник Иван Михеев сын Поздеев же – 68. У Савы дети: Петр – 26, Фома – 5.

У Авдея дети: Федор – 20, Алексей – 7. У Ивана Михайлова сын Калина – 24, у Калины дети: Федор – 3, Федор же – ½. Иван Архипов сын Поздеев – 61, у него брат родной Михайло – 48. У Ивана дети: Федор – 26, Петр – 24, Дементей – 17, Иван – 2. У Михайла дети: Иван – 4, Петр – 3, Афонасей – 2. Иван Никифоров сын Тиронов – 58, у него дети: Иван – 18, Трофим – 14, Яков – 12. У него брат от родных Сава Максимов сын Тиронов* же – 57. Яким Иванов сын Тиронов – 62, у него сын Степан – 13. Мефод Иванов сын Осташев – 61, у него дети: Иван – 32, Козма – 15. У Ивана дети: Захар – 3, Козма – 2. У него брат от родных Михей Павлов – 65, у него дети: Перфирей – 48, Евфим – 22. У Перфирия дети: Сава – 13, Василей – 9. Гаврило Андреев сын Малошев – 98, у него дети: Климент – 58, Ермола – 38, Иван – 30. У Климента сын Степан – 11. У Ивана сын Григорей – ½. (л. 22 об.) У него же племянник Еремей Филипов – 54, у него дети: Панкрат – 15, Иван – 12. Степан Андреев сын Шишелов – 64, у него дети: Киприян – 35, Трифан – 30, Максим – 24, Козма – 20, Василей – 6. Ефрем Васильев сын Поздеев – 59, у него братья родные: Петр – 50, Никон – 41. У Ефрема дети Данило – 7, Степан – 1 ½. У Петра сын Иван – 6. Дементей Сидоров сын Осташев – 34, у него дети: Степан – 9, Егор – 5, Федор – 1.

Да при той же Устьцелемской слободке обретаецца приезжих людей: кевролец⁶ Сава Семенов сын Пастухов 20, с Пинеги из *Нюгчи* (так в тексте, верно «из Нюхчи») Филип Климантов сын Патракеевых – 25, мезенец *Устьважской* (так в тексте, верно «Устьвашской») влсти Емельян Филипов – 18, вашенин с Кебы Михайло Федоров – 20, мезенец с Русомы Матвей Афонасев – 12, с Мезени ж с Чючепалы Аврам Борисов – 13, пенежанин Петр Иванов – 30, с *Ужмы* (так в тексте, вероятно «с *Ижмы*») Гаврило Матвеев – 25, вощенин Кебской дрвни Максим Федоров – 25, Пучемской дрвни Гаврил Филипов – 18, мезенцы в *Белоощенской* (так в тексте, вероятно «Белоощельской») дрвни Иван Яковлев сын Мяндиных – 68, у него дети: Захар – 43, Евтихей – 33, у Захара сын Архип – 4. Итого 213 душ.

По свидетельству 721 году:

№ 9. Тимофей Галактионов сын Дуркин – 54. Михайло Федоров сын Бабенев – 20. (л. 23) Федосей Григорьев сын Герасимов – 15. Сава Артемьев сын Рочев – 35, у него сын Авраам – 4. Тимофей Никифоров сын Пашев – 49, у него сын Анофрей – 10, Сава Семенов сын Соколев – 22.

№ 26. Новокрещеныя из самоядцов: Логиновы дети Чюпровы: Мокей – 13, Федор – 4. Захар Гаврилов сын Торопов – 10. Итого 11 душ.

По генеральному свидетельству 722 году явшивися из бегов

№ 102. Козма Андреев сын Филипов – 40, у него сын Михайло – 6.

Новокрещено из самоядцов в число душ:

№ 95. Трофима Антонова сын Чюпрова Федор Тимофеев сын *Кожгвин* (возможно *отиска писца*, верно «*Кожевин*») – 20.

* «Таросов» – сверху исправлено светлыми чернилами на «Тиронов».

Яввшийся *извсходу* (так в тексте), с Мезени марта 30 дня 723 году: Федор Михеев сын Поздеев – 52, у него сын Фрол – 8. Итого 5 душ.

Всего в Устьцелемской слободке 229 душ.

Во оная слободку приписано 3 души значит под книгами ведомости .Ну. 21. (Запись сделана, видимо, позднее, другими чернилами и почерком).

13. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРИМЕЧАНИЯ К ГЕНЕРАЛЬНОМУ МЕЖЕВАНИЮ ОРЛОВСКОГО УЕЗДА ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ 1853 г. СЛУДСКАЯ ВОЛОСТЬ (ФРАГМЕНТ)

(РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 347)

(л. 286) ...Положение имеет село Слудское по обоим сторонам большой столбовой дороги, лежащей из города Слободского в город Лальск, и речки Еластихи. Во оном // (л. 287) селе церковь каменная во имя Николая Чудотворца с приделом архангела Михаила и при ней колокольня каменная ж, где бывають в те самые дни торги, на которые съезжаются близлежащих селений жители с разною деревянною рухледью. Деревня Черемуховская по обеим сторонам вышеписанной столбовой дороги и лога безымянного и в недалежном расстоянии от реки Моломы; выселок Мутницкий на суходоле и по обе стороны вышеписанной большой дороги; Талицкая по обеим сторонам большой дороги и речки Талицы; Королевская по обеим сторонам двух логов сухих и большой дороги; Березовская по обеим сторонам речки Большой Березовки, спрудной воды и большой дороги; выселок Гурьевский по обеим сторонам лога сухого и большой дороги; Слутской промежду речки Моломы и ключа Тупики; выселок Слизовской, Кулижской, Субаевской, починок Бушковской на суходолах и ровных местах.

(л. 288) ...Речка Молома в быное жаркое время шириною бывает в 30 сажень, глубиною от одного аршина и до полуторы сажени; в ней рыба щуки, окуни, язи, лещи, сороги, ...ерши и пискари. Речка Черемуховка против оной шириною бывает в 5 сажень, глубиною от одной // (л. 289) четверти и до двух аршин. В ней рыба щуки, окуни и сорога, которая ловится ближайших селений жителями для своего употребления. А прочие речки и ключи течение имеют малое, а потому и рыбы в них не бывает. На речке Мутнице стоит мукомольная мельница об одном амбаре и поставе, которая действие имеет в летнее и осеннее время, на коей вымалывается разного хлеба до 26 четвертей; на речке Большой Березовке об одном амбаре на двух поставках, коя действие имеет во все годовое время, на коей вымалывается хлеба до 40 четвертей, которые состоят во владении оной волости у крестьян. Жители водой довольствуются из вышеписанных речек, а на суходолах их вырытых колодезей, которая ко употреблению людям и скоту здорова. Земля грунт имеет сероглинистой с песком, на коей из посеянного хлеба лутше родится рожь, овес, пше-

ница, ячмень, из семян горох, лен и конопля. Сенные покосы // (л. 290) ...местами хороши... Лес растет строевой сосновой, еловой, пихтовой, осиновой, вышиною от 6 до 8 сажен и толщиной в отрубе от 4 и до 6 вершков; дровяной тех же родов да березовой, черемуховой, ивовой, таловой, рябиновой и ельховой, который для поташа неспособен. В нем звери: медведи, волки, зайцы, лисицы, куницы, олени, белки и горностаи; птицы: тетереви, рябчики, чижи, щеглы, синицы, зяблицы, овсянки, малиновки, пеночки, дрозды, скворцы, соловьи, кокушки, снigiри, в полях перепелки, жаворонки и голуби, при водах дикие утки и разных родов кулики. Крестьяне промысел имеют хлебопашеством и скотоводством, звероловлею, а некоторые нанимаются под извоз от городов Вятки и Орлова до Ношульской пристани с хлебом. Женщины сверх полевой работы упражняются в домашних рукоделиях, прядут лен, посконь и овечью шерсть, ткнут холсты и сермяжные сукна для своего употребления, а частью и на продажу. Зажитком средственны, а некоторые и неимущи...

(л. 291 об.) ...Слутской волости из деревни Слудской починок над речкой Федоровкой...

(л. 295) Положение имеют деревня Прокопьевская по обеим сторонам большой дороги, лежащей из города Слободского в город Лальск, и речки Прокопьевки; выселки Ивановской, Вавиловской, Лавринской, на суходолах, Ведевской на возвышенном месте, Прошкинской на суходоле, Куклинской на горе, Епишевской на большой дороге, лежащей из города Слободского в город Лальск, и речки Летки, которая в летнее время шириной бывает в 20 сажен, глубиною от полутора аршин и до полутора сажени, // (л. 296) в ней рыба щуки, окуни, язи, лещи, сорога, ...ерши и пискари, которая ловится ближайших селений жителями для своего употребления; речек Прокопьевки, нижней Потаповки и Большой Березовки и многих логов и ключей безымянных, которые течение имеют в самое летнее жаркое время весьма малое, в оных рыбы не бывает. Жители водою довольствуются из близлежащих речек, а большую часть из вырытых колодезей, которая для употребления людям и скоту здорова. Земля грунт имеет серопещаной... Лутше родится хлеб рожь, овес и прочие, семена средственны; сенные покосы на поемных местах хороши, на возвышенном месте средственны. Лес растет строевой сосновой, еловой, пихтовой, осиновой вышиною от 7 и до 9 сажен, толщиной в отрубе от 5 и до 8 вершков; дровяной тех же родов да рябиновой, черемуховой, ивовой, таловой, ельховой, который для поташа неспособен. В нем звери: медведи, волки, зайцы, лисицы, куницы, // (л. 297) олени, белки, горностаи; птицы: тетереви, рябчики, чижи, щеглы, синицы, зяблицы, овсянки, малиновки, пеночки, дрозды, скворцы, соловьи, кокушки, снigiри; в полях перепелки, жаворонки, голуби, при водах дикие утки, разных родов кулики. Крестьяне промысел имеют хлебопашеством и скотоводством, и звериною ловлею, некоторые нанимаются под извоз от городов Вятки и Орлова до Ношульской

пристани с хлебом. Женщины сверх полевой работы упражняются в домашних рукодельях, прядут лен и овечью шерсть, ткнут холсты и сермяжные сукна для своего употребления, частью и на продажу; зажитком средственны, а некоторые неимущи.

Положение имеет выселок Булатовской на ровном месте по обе стороны большой дороги, лежащей из города Слободского в город Лальск, и по обеим сторонам речки Булатовки, да по обеим сторонам вышеписанной речки...

(л. 298) ...Положение имеют выселок Зимний в четырех местах, в коих два на суходолах, третий ключа безымянного по обеим сторонам и четвертой ключа Молешора по течению онога на правой стороне...

(л. 299) ...Положение имеют деревня Заимская на суходоле и возвышенном месте...

14. «ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРИМЕЧАНИЯ К ГЕНЕРАЛЬНОМУ МЕЖЕВАНИЮ» 1784 ГОДА. КАЖИМСКИЕ ЗАВОДЫ (ФРАГМЕНТ)

(РГАДА. Ф. 1355. Он. 1. Д. 177)

«Нювчимский железной завод, владение санктпетербургских купцов и заводчиков Архипа и Гаврилы Михайловых детей Грибановых..., положение имеет по обе стороны речки Нювчемы против устья впадающего в оную речки Денгели, ис коих и составляется немалой обширности пруд. В том заводе церковь деревянная во имя святого страстотерпца Димитрия..., дом для приказщиков и приезжающих разных чинов людей». «...Домна для переплавки из руды чугуна кирпичная одна, в ней горн и труба из белого камня. И во время деланья чугуна выплавливается неравно, потому, есть ли в наличности... достаточно руды, ...то может выплавлять до шестидесяти тысяч пудов в год. И каждый пуд у онаго завода обходится штыковой на передел в железо и в разных литых... вещах, а равно для корабельного грузу боласт (балласт. – *Авт.*) от тридцати и до тридцати одной копейки, с коего платится в государственную казну по 4 с пуда каждый год...» «Молотовых фабрик по деланию из чугуна железа деревянных две. В них горнов кирпичных десять, вододействуемых молотов шесть, при действии которых выковывается из чугуна железо разных сортов неравномерно от девяти и до десяти тысяч пуд. Ценою оное обходится заводу от шестидесяти трех и до шестидесяти осьми копеек пуд. В продаже производится при заводе и при Архангельском порте от семидесяти пяти и до девяноста копеек, боласт от сорока пяти до пятидесяти и шестидесяти копеек каждый пуд, которое отправляют к означенному порту вешним временем водою от состоящей от заводу в 4 верстах... на реке Сысолы пристани барками». «На реке Нювчемке близ молотовых фабрик построена мукомольная мельница..., действие имеет не во весь год, а в некоторое онога время переработанною от фабрик водою, на которой смелится в год разно-

го для употребления хлеба четвертей тысяч до трех». «Работа производится разными мастеровыми, как собственными заводчиков Грибановых людьми, так и вольнонаемными... При действии домны, фабрик, при рубки и жжении угля, при добычи руд бывает человек до двухсот и более, коими... заводу всякие материалы заготовливаются добровольно. Ценами за сделания из чугуна железа платится работникам по шести копеек с половиною, от якорей по тридцати копеек с пуда, а за протчие работы от восьми и до двенадцати копеек в день каждому человеку». «В показанных речках ловится рыба: шуки, налимы, харьюсы, плотва, уклей, пискари, ерши... В них вода для употребления людям и скоту здорова...» «Лес растет строевой и дровяной... Находящиеся же при том заводе разные мастеровые люди довольствуются хлебом и съясными припасами из города Усть-Сысольска, а равно покупают и на заводе у хозяев из могозеев по сходной цене».

«Нючпанский железной завод с пятью рудными местами, владение заводчиков великоустюжских купцов Ивана Яковлева сына Курочкина и Олександра Федорова сына Юринского, ...положение свое имеет по обе стороны реки Нючпаса. В нем господской дом и для мастеровых людей построенные казармы деревянные. На означенной речке запружен пруд, при котором стоит кирпичная домна для переплавки из руд чугуна со одним горном, в коей выплавляется из руд чугуна в год до семидесяти тысяч пудов. В горне во время действия угля употребляются до тридцати тысяч четвертей. В нем вододействующая молотовая фабрика деревянная, в коей два горна, работают разных сортов железо, ...а действие бывает не во все годовое время, а только во время разлития полой воды апреля от 20-го по июль месяц». «Чугун обходится хозяевам от тридцати пети и до сорока копеек, железо от пятидесяти и до шестидесяти копеек пуд. Чугун переплавляется в железо весь, и оной отправляется к Кажемскому железному заводу, где по переделке в железо из онога отправляется принадлежащей к тому особо отмежеванной пристани, а от оной опускается в барках водною камуникацию ко Архангельскому порту. С чугуна платится казне по четыре копейки с пуда каждый год, с домны по сту рублей. Руда переплавливается против прочих мест рудных выгодней. А чугун переделывается в железо наемными мастеровыми, коим платится с пуда по шести копеек. А для добычи руды, съжения угля, рубки дров и возки оных... бывает из близлежащих селений иногда человек до ста, которым производится плата в день от десяти и до двенадцати копеек». «А дачи (владения. – *И.Ж.*) простираются по обе стороны реки Лопьи, речки Нючпас и двух безымянных ручьев, ...в них ловится рыба: шуки, окуни, харьюсы, плотва, налимы и ерши... Лес растет дровяной: еловой, сосновой, пихтовой, березовой и осиновой. В нем набегом бывают звери: зайцы, лисицы и белки; птицы: тетерева, рябки и протчих родов. Сено скашивается наемными людьми для имеющих в за-

воде хозяйских лошадей. Бывающие на заводе работники для пищи... съестные припасы покупают из хозяйского магазейна по сходственной цене».

«Кажимский железный завод, владение великоустюжских купцов и заводчиков Ивана Яковлева сына Курочкина и Олександра Федорова сына Юринского. ...Завод положение имеет по обе стороны реки Кажемы... и по обе стороны большой дороги, лежащей из города Великого Устюга в Кай город. В реке... вода для употребления людям и скоту здорова... Церковь деревянная во имя святого Димитрия... Дом господской для приезду разного звания людей и для приемщиков конторы. Деревянных несколько казарм для живущих в том заводе разных мастеровых людей и протчих работников. На означенной реке запружен пруд, две молотовые вододействующие фабрики по правую сторону, ...а по левую мукомольная мельница. А домны не имеется, ...чугун привозится из Нючпасского завода. В оных фабриках для разварки из чугуна в железо семь горнов, и вододействующих молотов семь, коими выковывается разных сортов железа в год до пятидесяти тысяч пуд и более. Во оные горны во время действия употребляется угля в девять тысяч и более коробов». «То железо обходится хозяевам на заводе по пятидесяти по пети и до шестидесяти копеек, а продается на месте для мастеровых устьысьольской округи разных волостей ценою по осьмидесяти копеек пуд, а протчие отпускаются воденою камуникациею ко архангельскому порту и продается от девяноста копеек и до одного рубля пуд. Пилная мелница о дву рамах распиливает в год лесу до тысячи дерев, и тесу бывает до четырех тысяч досок, которой употребляется для судового строения и для заводских надобностей. Мукомольная об одном постава, в ней смелится разного рода хлеба четвертей более ста. Действие имеют, кроме полой воды и повреждения во весь год. кузница о пяти горнов, на которой работают для заводных надобностей кузнечною и слесарною работу». «На означенном заводе находится разных... для переплавки из чугуна в железо и протчих работ человек до семидесяти, коим плата производится за выкованное железо... с каждого пуда по шести копеек с половиною. Для возки угля, дров и укрепления плотин и протчих работ из близлежащих селений бывает человек до двухсот и болие, коми производится плата в день по двенатцати копеек. И оные... мастера и приесжие работники съесными припасами и протчими потребными для них обувью, холстом и хлебом довольствуются их хозяйского магазейна, покупая по добровольным ценам. Собственных заводчиков людей не имеется, а находится приписных из разных волостей дватцать девять душ». «В той реке ловится рыба: шуки, лещи, харьюсы, язи, налимы, окуни, плотва, ерши... Лес растет дровяной: сосновой, еловой, березовой. В нем звери: зайцы, белки; птицы: рябки, тетерева. Сенные покосы скашиваются для хозяйского скота наемными людьми. Пристань для судового хода и на грузки железа, что на реке Сысоле... Оная пристань положение имеет по обе стороны реки Сысолы, Кажемы,

при которой для загрузки железа состоит два анбара, где и делаются суда, коих в год срабатывается от шести и до осьми барок, ...во оных как то боласт (балласт. – *И.Ж.*) и железо в разлития полой вешней воды отправляются водяной кумуникациею ко архангельскому порту».

ЛИТЕРАТУРА

Археология Республики Коми. М., 1997.

Атлас Республики Коми. М., 2001.

Афанасьев А.П. Топонимия Республики Коми. Сыктывкар, 1996.

Безносова Н.П. Всесоюзная перепись населения 1926 г. о численности и этническом составе населения Коми автономной области и численности коми-зырян в СССР // Вопросы социально-политической и социально-экономической истории Республики Коми XX века. Сыктывкар, 1996. С. 116–124.

Безносова Н.П. Перепись населения 1937 года в Коми АССР: история и документы // Социально-культурные и этнодемографические вопросы истории Коми. Сыктывкар, 1997. С. 86–102.

Безносова Н.П. Демографическая ситуация в Коми АССР в годы Великой Отечественной войны. Сыктывкар: Изд-во Коми НЦ УрО РАН, 2003. (Научные доклады / Коми НЦ УрО РАН. Вып. 460).

Безносова Н.П. Особенности демографического развития Коми АССР в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период // Европейский Север СССР в стратегии Второй мировой войны (на материалах Коми АССР). Доклады и сообщения научной конференции 27 апреля 2005 г. Сыктывкар, 2005. С. 38–44.

Безносова Н.П., Жеребцов И.Л. Источники для изучения демографических процессов в Коми АССР в годы Великой Отечественной войны // Межнациональные отношения как фактор стабильности в многонациональном регионе. Материалы науч.-практ. конф. Сыктывкар, 2003. С. 45–48.

Безносова Н.П., Жеребцов И.Л. Численность и расселение жителей Коми АССР в годы Великой Отечественной войны // Вклад репрессированных в освоение Европейского Севера России и Приуралья. Сыктывкар, 2004. С. 147–154.

Безносова Н.П., Жеребцов И.Л. Естественное движение населения Коми АССР в годы войны // Социально-экономические, демографические и исторические исследования в Республике Коми. Сыктывкар, 2004. С. 344–350.

Безносова Н.П., Жеребцов И.Л. Урбанизационные процессы в Коми в первой половине 40-х гг. XX в. // Коми АССР в годы Великой Отечественной войны. Материалы «круглого стола». Сыктывкар, 2004. С. 4–22.

Безносова Н.П., Жеребцов И.Л., Таскаев М.В. Миграционные процессы в Коми АССР в годы Великой Отечественной войны // Мы победу приближали как могли (Материалы науч. конф., посвященной Великой Отечественной войне (с акцентом на события 1943 г.), Москва, 18–19 апреля 2003 г. Смоленск, 2003. С. 91–95.

Беленкина Т.И. Население Коми края в конце XVIII – I половине XIX вв. // Социально-демографические аспекты истории северного крестьянства. Пермь; Сыктывкар, 1985. С. 3–15.

Бондаренко О.Е. Население Коми края в конце XIX в. // Коми крестьянство в эпоху феодализма и капитализма. Сыктывкар, 1983. С. 154–163.

Васкул И.О. Шиховской могильник раннего железного века (первые результаты исследований). Сыктывкар: Изд-во Коми НЦ УрО РАН, 2002. 50 с. (Научные доклады / Коми НЦ УрО РАН. Вып. 451).

Васкул И.О. О связях населения Европейского Северо-Востока с Прикамьем в первой половине I тыс. н.э. // Исторические истоки, опыт взаимодействия и толерантности народов Приуралья. Ижевск: Удмурт. ун-т, 2002. С. 96–97.

Вишнякова Д.В. Половозрастной аспект брачных отношений в Коми крае в XIX веке // Вестник Поморского университета. Архангельск, 2006. № 4. С. 15–19.

Воскобойникова Н.П. Писцовая и переписные книги Яренского уезда конца XVI–XVII вв. как исторический источник // Материалы по истории Европейского Севера СССР. Вологда, 1970. Вып. 1.

Воскобойникова Н.П. К истории поселений Яренского уезда в конце XVI – начале XVIII в. // Аграрная история Европейского Севера СССР. Вологда, 1970. С. 367–448.

Воскобойникова Н.П. Яренский уезд в 1678 г. // Вопросы истории хозяйства и населения России XVII в. М., 1974. С. 243–262.

Воскобойникова Н.П. Динамика населения Яренского уезда в XVIII в. // Традиции и новации в народной культуре коми. Сыктывкар, 1983. С. 96–106.

Воскобойникова Н.П. Динамика народонаселения Яренского уезда в XVIII в. // Традиции и новации в народной культуре коми. Сыктывкар, 1983. С. 96–106.

Воскобойникова Н.П. Источники, относящиеся к проведению первой ревизии в Яренском уезде // Изучение аграрной истории Европейского Севера СССР на современном этапе. Сыктывкар, 1989. С. 39–44.

Дмитриева Т., Жеребцов И. Освоение территории современной Республики Коми // Республика Коми. Энциклопедия. Сыктывкар, 1999. Т. 2.

Дробижев В.З. У истоков советской демографии. М., 1987.

Жеребцов И.Л. Внутренние миграции в Коми крае в конце XVI – I половине XVII вв. // Проблемы этногенеза народа коми. Сыктывкар, 1985.

Жеребцов И.Л. Иноязычный этнический компонент в составе населения Коми края в XVI–XVII вв. // Вопросы этнографии народа коми. Сыктывкар, 1985. С. 22–33.

Жеребцов И.Л. Проблемы движения населения Коми края феодального и капиталистического периодов в дореволюционной и советской историографии // Крестьянство Коми края (досоветский период). Сыктывкар, 1986. С. 119–135.

Жеребцов И.Л. Динамика населения Коми края в эпоху феодализма. Сыктывкар, 1987. (Научные доклады / Коми филиал АН СССР. Вып. 161).

Жеребцов И.Л. Миграции населения Коми края в период феодализма. Сыктывкар, 1989. (Научные доклады / Коми филиал АН СССР. Вып. 220).

Жеребцов И.Л. Коми компонент в составе населения нижней Вычегды и Немьюги во II половине XVI – начале XVIII вв. // Генезис и эволюция традиционной культуры коми. Сыктывкар, 1989. С. 8–15.

Жеребцов И.Л. Миграции и внутренне освоение земель Коми края в XVII в. // Изучение аграрной истории Европейского Севера СССР на современном этапе. Сыктывкар, 1989. С. 16–20.

Жеребцов И.Л. Присоединение Сибири к России и этническая территория коми // Материалы XI Коми республиканской молодежной научной конференции. Сыктывкар, 1990. С. 9–19.

Жеребцов И.Л. Численность населения Коми края по данным переписей 1916–1918 гг. // Крестьянство Европейского Севера России в XVII–XX вв.: проблемы изучения. Сыктывкар, 1993. С. 54–62.

Жеребцов И.Л. Где ты живешь. Сыктывкар, 1994, 2000.

Жеребцов И.Л. Основные этапы этнодемографического развития народа коми. Сыктывкар, 1995.

Жеребцов И.Л. Изменения климата и демографические процессы в Коми крае в XV–XVIII в. // Европейский Север: взаимодействие культур в древности и средневековье. Сыктывкар, 1995.

Жеребцов И.Л. Численность населения Коми края в XVIII в. // Крестьяне Европейского Севера России в дореволюционный период: экономика, демография, культура. Сыктывкар, 1996.

Жеребцов И.Л. Население Коми края во второй половине XVI – начале XVIII в. Екатеринбург, 1996.

Жеребцов И.Л. Этапы этнодемографического развития народа коми в XI – XX вв. // Финно-угроведение. 1996. № 1.

Жеребцов И.Л. Переселения жителей Коми (Зырянского) края на Каму во II пол. XVI – начале XVIII вв. // Коми-пермяки и финно-угорский мир. Кудымкар, 1997.

Жеребцов И.Л. Коми край в XVIII – середине XIX века: территория и население. Сыктывкар, 1998.

Жеребцов И.Л. На кочах вокруг Чукотки // Арт. 1998. № 3.

Жеребцов И.Л. Русские в Коми. Взгляд сквозь тысячелетие // Жизнь национальностей. 1998. № 1–2.

Жеребцов И.Л. Историко-демографическое развитие народа коми (зырян) за тысячу лет его существования // Урал в прошлом и настоящем. Мат-лы науч. конф. Екатеринбург, 1998. Ч. I.

Жеребцов И.Л. Формирование и развитие группы слудских коми в XVII – XIX веках (историко-демографический аспект) // Этнокультурное наследие Вятско-Камского региона: проблемы, поиски, решения. Киров, 1998.

Жеребцов И.Л. Коми народ в освоении Сибири и Дальнего Востока // Республика Коми. Энциклопедия. Сыктывкар, 1999. Т. 2.

Жеребцов И.Л. Историография историко-демографических исследований в Республике Коми // Историография Коми. Сыктывкар, 1999.

Жеребцов И.Л. Население Коми края в конце XV – начале XX века: численность, миграции, этнический состав. Сыктывкар, 2000.

Жеребцов И.Л. Тысячелетие народа коми: время, климат, человек // Природа. 2000. № 7.

Жеребцов И.Л. Тысячелетие народа коми: человек и климат // Арт. 2000. № 1.

Жеребцов И.Л. Населенные пункты Республики Коми: историко-демографический справочник. М., 2001.

Жеребцов И.Л. Коми – сподвижники Ермака Тимофеевича и Семена Дежнева // Невтон. М., 2001. № 1. С. 55–60.

Жеребцов И.Л. П.Г.Доронин и собирание материалов о народонаселении Коми-зырянского и Коми-пермяцкого края // Архивы Уральского отделения Российской академии наук. Сыктывкар, 2001. С. 70–73.

Жеребцов И.Л. Древнее коми население Котласского района // Двинская земля. Котлас, 2002. С. 67–72.

Жеребцов И.Л. Материалы Государственного архива Архангельской области о населенных пунктах Коми края 1877 г. // Архивы в XXI веке: проблемы и перспективы. Сыктывкар, 2002. С. 31–34.

Жеребцов И.Л. К вопросу о численности населения Яренска и Яренского уезда в XVIII – I трети XIX в. // От краеведения к науке. Сыктывкар, 2003. С. 98–101.

Жеребцов И.Л. Материалы о численности и занятиях крестьян Вычегодского края в 1826 году // Малый город: экология, образование, наука, культура. Архангельск, 2003. С. 301–304.

Жеребцов И.Л. Этнический состав населения Коми края первой половины XIX века глазами губернских властей // Материальная и духовная культура населения европейского Севера России в XIX–XX веках. Яренск, 2003. Ч. 1. С. 63–67.

Жеребцов И.Л. Краткий очерк истории формирования народа коми. Сыктывкар, 2004.

Жеребцов И.Л. «Погост на Усть-Сысолы реке» // Сыктывкар и сыктывкарцы. Сыктывкар, 2004. С. 6–43.

Жеребцов И.Л. Изменения климата и история финно-угорских народов в Европейской России // Формирование, историческое взаимодействие и культурные связи финно-угорских народов. Йошкар-Ола, 2004. С. 162–164.

Жеребцов И.Л. Заселение Коми края (краткий исторический очерк) // Антропология коми. М., 2005. С. 9–18.

Жеребцов И.Л. Изменения климата и демографическая история Европейского Севера // Российские и славянские исследования. Научный сборник. Минск: БГУ, 2010. Вып. V. С. 64–72.

Жеребцов И.Л. Малый ледниковый период в истории финно-угорских народов Европы // Финно-угорский мир. Саранск, 2010. № 1. С. 30–34

Жеребцов И.Л., Безносова Н.П., Вишнякова Д.В., Игнатова Н.М., Рожкин Е.Н., Шабаев Ю.П. Этнический фактор в демографическом развитии Республики Коми (середина XIX – начало XXI века). **Очерки истории народонаселения.** Сыктывкар, 2006.

Жеребцов И.Л., Жеребцов Л.Н. Численность населения Коми края в XVI–XVII вв. // Археолого-этнографические аспекты изучения Северного Приуралья. Сыктывкар, 1984. С. 64–76.

Жеребцов И.Л., Жеребцов Л.Н. Антропонимика как источник для изучения миграций и этнического состава населения Коми края. Сыктывкар, 1990. (Научные доклады / Коми НИЦ УрО АН СССР. Вып. 245).

Жеребцов И.Л., Кленов М.В. Население Европейского Северо-Востока в XI–XVII веках (опыт демографического моделирования) // Исторические истоки, опыт взаимодействия и толерантности народов Приуралья. Ижевск, 2002. С. 259–264.

Жеребцов И.Л., Колегов Б.Р. Эволюция сельских поселений Коми края с начала XVII до XIX в. // Традиции и современность в культуре сельского населения Коми АССР. Сыктывкар, 1986. С. 3–17.

Жеребцов И.Л., Королев К.С. Климатический фактор в истории коми. Сыктывкар, 2000.

Жеребцов И.Л., Рогачев М.Б. Этнодемографическая ситуация в Коми крае (конец XIX в. – 1980-е гг.). Сыктывкар, 1993. (Научные доклады / Коми НИЦ УрО РАН. Вып. 326).

Жеребцов И.Л., Рожкин Е.Н. Миграции и исторические предпосылки формирования многонационального населения Республики Коми (до начала XX века). Сыктывкар, 2001.

Жеребцов И.Л., Рожкин Е.Н. Этнодемографические процессы в Коми крае (XI – начало XX века). Сыктывкар, 2005.

Жеребцов И.Л., Рожкин Е.Н. Освоение территории Коми края и демографические процессы в XV – начале XX века // **История, современное состояние, перспективы развития языков и культур финно-угорских народов.** Сыктывкар, 2005. С. 479–481.

Жеребцов И.Л., Савельева Э.А., Сметанин А.Ф. История Республики Коми. Сыктывкар, 1996.

Жеребцов И.Л., Сметанин А.Ф. Коми край: очерки о десяти веках истории. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2003.

Жеребцов И.Л., Сметанин А.Ф., Рожкин Е.Н. Коми край в XV–XX веках: административно-территориальное деление и этнодемографические процессы. Сыктывкар, 2001.

Жеребцов И.Л., Столповский П.М. Рассказы для детей об истории Коми края. Сыктывкар, 2005.

Жеребцов И.Л., Фаузер В.В. Этнодемографические процессы в Коми в XX веке // *Congressus nonus internationalis fenno-ugristarum*. 7–13.8.2000 Tartu. Tartu, 2001. Pars VII: Dissertationes sectionum: Folkloristika & Ethnologia. S. 491–499.

Жеребцов И.Л., Фаузер В.В. Демографическое развитие Республики Коми // *Человек на Севере в XXI веке: горное дело, ТЭК, экология, народонаселение*. Сыктывкар, 2001. Ч. 1. С. 390–397.

Жеребцов И.Л., Фаузер В.В., Рожкин Е.Н., Вишнякова Д.В. Сельское население Коми в середине XIX – XX веке: расселение, состав, численность. Сыктывкар, 2005.

Жеребцов Л.Н. О времени появления коми на верхней Мезени // *Известия Коми филиала Всесоюзного географического общества*. Сыктывкар, 1955. Вып. 3. С. 78–85.

Жеребцов Л.Н. К вопросу о заселении Вашки // *Известия Коми филиала Всесоюзного географического общества*. Сыктывкар, 1959. Вып. 5. С. 169–175.

Жеребцов Л.Н. Формирование населения верхней Вычегды (XVI–XIX вв.) // *Всесоюзная конференция по финно-угроведению*. Сыктывкар, 1965. С. 143–146.

Жеребцов Л.Н., Лашук Л.П. Старая Вишера // *Историко-филологический сборник*. Сыктывкар, 1958. Вып. 4. С. 83–127.

Жеребцов Л.Н. Хозяйство, культура и быт удорских коми в XVIII – начале XX вв. М., 1972.

Жеребцов Л.Н. Расселение коми в XV–XIX вв. Сыктывкар, 1972.

Жеребцов Л.Н. Этнические и культурно-исторические связи коми с финноуграми и самодийцами. Сыктывкар, 1974. (Научные доклады / Коми филиал АН СССР. Вып. 14).

Жеребцов Л.Н. К вопросу о роли коми в открытии и заселении Сибири и Дальнего Востока // *Вопросы истории Коми АССР (XVII – начало XX в.)*. Сыктывкар, 1975. С. 3–16.

Жеребцов Л.Н. Формирование этнической территории коми (зырян). Сыктывкар, 1977. (Научные доклады / Коми филиал АН СССР. Вып. 31).

Жеребцов Л.Н. Расселение коми в XI–XIV вв. // *Аграрные отношения и история крестьянства Европейского Севера России (до 1917 года)*. Сыктывкар, 1981. С. 61–73.

Жеребцов Л.Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. М., 1982.

Жеребцов Л.Н. Обзор источников по расселению коми // Проблемы этногенетических исследований Европейского Северо-Востока. Пермь; Сыктывкар, 1982. С. 145–155.

Жеребцов Л.Н. Формирование этнографических групп коми (зырян) // Финно-угорский сборник. М., 1982. С. 96–111.

Жеребцов Л.Н. Этнокультурная специфика прилузских коми // Крестьянство Коми края (досоветский период). Сыктывкар, 1986. С. 97–107.

Жеребцов Л.Н. Когда и как Коми край вошел в состав Русского государства. Откуда и зачем они, фамилии? Коми народ – активный участник освоения и изучения Сибири. Нужен ли музей народного быта? // Известия Общества изучения Коми края. Сыктывкар, 2005. № 3 (6). С. 91–107.

Жеребцов Л.Н. Дороги этнографа. Сыктывкар, 2005.

Жеребцов Л.Н., Лашук Л.П. Этнографический уклад населения верхней Вычегды // Историко-филологический сборник. Сыктывкар, 1960. Вып. 5. С. 53–98.

Загайнова Г.В. Географические сдвиги в населении Коми АССР за 1959–1970 гг. // Географические исследования в Коми АССР. Л., 1978.

Загайнова Г.В. Роль миграций в формировании трудовых ресурсов Коми АССР // Социально-экономические проблемы воспроизводства населения и трудовых ресурсов. Сыктывкар, 1988.

Зырянский мир. Очерки о традиционной культуре коми народа. Сыктывкар, 2004.

Игнатова Н.М. Государственная политика спецпереселения: общие направления и коми региональные особенности // Политические репрессии в России. XX век. Сыктывкар, 2001. С. 63–64.

Игнатова Н.М. Системы управления спецпоселками и контроля за спецпереселенцами в 1930–50 гг. // Политические, экономические и социокультурные аспекты регионального управления на Европейском Севере. Сыктывкар, 2001. С. 192–196.

Игнатова Н.М. Начало осуществления политики спецпереселения в начале 1930-х гг. // Регион. науч.-практ. конф. молодых ученых и специалистов. Сб. материалов. Оренбург, 2002. С. 203–204.

Игнатова Н.М. Влияние освоения Севера репрессивными методами в 1930–1950-е гг. на развитие северных регионов во второй половине XX века (на материалах Республики Коми) // Северный регион: наука и социокультурная динамика. Сургут, 2002.

Игнатова Н.М. Спецпоселки и лагеря ГУЛАГа как фактор освоения территории в 1930–50-е гг. // Материальная и духовная культура народов Урала и Поволжья: История и современность. Глазов, 2002.

Иловыйский И.Б. Население государственной деревни Вологодской губернии во второй трети XIX в. // Социально-демографические аспекты истории северного крестьянства. Пермь; Сыктывкар, 1985. С. 16–29.

Историко-культурный атлас Республики Коми. М., 1997.

Историческая демография. Научный журнал. Москва; Сыктывкар, 2008–2014.

История Коми АССР. Сыктывкар, 1981.

История Коми с древнейших времен до конца XX века. Сыктывкар, 2004. Т. 1, 2.

История Коми с древнейших времен до современности. Сыктывкар, 2011. Т. 1, 2.

Коми-зыряне. Коми-пермяки. Происхождение и этническая характеристика // Народы Поволжья и Приуралья. М.: Наука, 2000. С. 18–40.

Конаков Н.Д., Котов О.В. Этноареальные группы коми. М., 1991.

Коренные этносы Севера европейской части России на пороге нового тысячелетия: история, современность, перспективы. Сыктывкар, 2000.

Королев К.С. Население средней Вычегды в древности и средневековье. Екатеринбург, 1997.

Королев К.С. Угдымский археологический комплекс на средней Вычегде (эпоха железа). Сыктывкар, 2002.

Королев К.С. Городище Новик на средней Вычегде: средневычегодский локальный вариант Перми Вычегодской. Сыктывкар, 2003. (Научные доклады / Коми НЦ УрО РАН. Вып. 459).

Котов О.В., Рогачев М.Б., Шабаетов Ю.П. Современные коми. Екатеринбург, 1996.

Красильникова Э.Д. Участие населения Коми края в освоении Сибири во второй половине XVI–XVII вв. // Вопросы истории Коми АССР (XVII – начало XX вв.) Сыктывкар, 1975. С. 17–36.

Лашук Л.П. Очерк этнической истории Печорского края. Сыктывкар, 1958.

Лашук Л.П. Формирование народности коми. М., 1972.

Мацук М.А. Динамика населения Яренского уезда в XVII в. // Проблемы этногенеза народа коми. Сыктывкар, 1985. С. 120–132.

Мацук М.А. Причины изменения социально-демографической ситуации в Яренском уезде в XVII в. // Социально-демографические аспекты истории северного крестьянства. Пермь; Сыктывкар, 1985. С. 41–50.

Мацук М.А. К вопросу о запусении поморских уездов в XVII в. (до 1680 г.) // Сельское расселение на Европейском Севере России. Вологда, 1993. С. 44–50.

Морозов Н.А. ГУЛАГ в Коми крае. Сыктывкар, 1997.

Мурыгин А.М. Археологические памятники ванвиздинской культуры бассейна Мезени. Екатеринбург, 2001.

Мурыгин А.М., Савельева Э.А. Поселение Тохта эпохи раннего средневековья в бассейне Нижней Вычегды. Сыктывкар, 2005 (Научные доклады / Коми НЦ УрО РАН. Вып. 476).

Народы Поволжья и Приуралья. Коми-зыряне. Коми-пермяки. Марийцы. Мордва. Удмурты. М.: Наука, 2000.

Население Республики Коми за 100 лет. Сыктывкар, 1998.

Обедков А.П. Образование городов как фактор русской колонизации Европейского Севера в дореволюционный период. Сыктывкар, 2005.

Подоплелов В.П. Средняя продолжительность жизни населения Коми АССР. Сыктывкар, 1969.

Подоплелов В.П. Проблемы воспроизводства населения, формирования трудовых ресурсов и их рационального использования. Сыктывкар, 1972. (Научные доклады / Коми филиал АН СССР; Вып.3).

Подоплелов В.П. Заселение Коми АССР. Сыктывкар, 1985. (Научные доклады / Коми филиал АН СССР; Вып. 133).

Подоплелов В.П., Таскаев А.И., Косенко И.К. Население Европейского Севера: смертность и средняя продолжительность жизни по данным переписи населения 1959–1970 гг. Сыктывкар, 1974.

Подоплелов В.П., Фаузер В.В., Жеребцов И.Л. Население Республики Коми на рубеже веков: исторический опыт и перспективы развития // XXI век: взаимодействие языков и культур (бесконфликтное существование). Сыктывкар, 1999. (Переиздание этой работы в сб.: Региональная демография. Сыктывкар, 2003. Вып. 1: Избранные статьи д.э.н., профессора В.П.Подоплелова. С. 72–79).

Подоплелов В.П., Фаузер В.В., Загайнова Г.В. Население Коми АССР. Сыктывкар, 1990. (Научные доклады / Коми НЦ УрО АН СССР. Вып. 231).

Покаяние: Мартиролог. Сыктывкар, 2001. Т. 4. Ч. 2.

Политов В.В. Промышленность Коми края в XVIII в. Сыктывкар, 2005.

Попов А.А., Сметанин А.Ф. Советская северная деревня в 60-е – первой половине 80-х гг. Сыктывкар, 1995.

Промышленные рабочие Коми АССР. М., 1971.

Рогачев М.Б. Этническая характеристика территории Коми АССР, 60–70-е гг. XX в. // Археолого-этнографические аспекты изучения Северного Приуралья. Сыктывкар, 1984. С. 3–18.

Рогачев М.Б. Коми городская мещанская семья в XIX в. // Вопросы этнографии народа коми. Сыктывкар, 1985. С. 123–139.

Рогачев М.Б. Спецпоселенцы в Коми АССР: национальный состав и межэтнические контакты (30–50-е гг.) // Из истории государственного строительства, национальных отношений и социально-экономического развития Коми АССР. Сыктывкар, 1993.

Рогачев М.Б. Репрессированные российские немцы в Коми АО–Коми АССР // Немцы в Коми: история, современность, перспективы. Сыктывкар, 2001. С. 26–31.

Рогачев М.Б. Лагерь Коми АССР в годы войны // Великая Отечественная война в документах и воспоминаниях: Материалы конференции. Сыктывкар, 2001. С. 165–172.

Рогачев М.Б. Столица Зырянского края. Сыктывкар, 2006.

Савельева Э.А. Пермь вычегодская. М., 1971.

Связь времен / Науч. ред. И.Л. Жеребцов. Сыктывкар, 2000.

Север Евразии: этносоциокультурные и социально-экономические процессы. Сыктывкар, 2005.

Северные регионы России: социально-экономические, демографические и этнические процессы. Сыктывкар, 2000.

Семенова Д.В. Основные тенденции демографического развития Яренского уезда по данным метрических книг первой половины XIX века // История, современное состояние, перспективы развития языков и культур финно-угорских народов. Сыктывкар, 2005. С. 477–479.

Сивоха И.Н. Селения в верховьях Печоры // Родники пармы. Сыктывкар, 2000. Вып. 5. С. 143–145.

Сквозников В.Я., Жеребцов И.Л., Фаузер В.В., Безносова Н.П. Население Республики Коми: прошлое, настоящее, будущее (о чем рассказывают переписи). Сыктывкар, 2001.

Таскаев М.В. Ыбъяс вылын – Ыб (На холмах – Ыб). История села Ыб. Сыктывкар, 2005.

Таскаев М.В., Жеребцов И.Л. Сказание о земле Сыктывдинской. Вьльгорт, 2006.

Терюков А.А. Комиын. 1897 воын перепись // Войвыв кодзув. 1977. № 6. С. 60–61.

Традиционная культура народа коми (этнографические очерки). Сыктывкар, 1994.

Туркин А.И. Топонимический словарь Коми АССР. Сыктывкар, 1986.

Фаузер В.В. Влияние миграций на численность и состав населения Республики Коми. Сыктывкар, 1992. (Научные доклады / Коми НЦ УрО РАН. Вып. 293).

Фаузер В.В. Проблемы формирования населения Республики Коми. М., 1993.

Фаузер В.В. Финно-угорские народы: история демографического развития. Сыктывкар, 2005.

Фаузер В.В., Жеребцов И.Л. Переписи населения // Республика Коми. Энциклопедия. Сыктывкар, 1999. Т. 2.

Фаузер В.В., Жеребцов И.Л. Демография сельского населения Коми края // Столетний вклад Российской академии наук в становление и развитие сельского хозяйства на Европейском Севере: перспективы использования фундаментальной науки. Сыктывкар, 2000.

Фаузер В.В., Жеребцов И.Л. Управление социально-демографическими и этническими процессами в национальном регионе (на примере Республики Коми XV–XX вв.) // Российский фонд фундаментальных исследований. Региональный конкурс «Урал–2001» в Республике Коми (отчеты 2001–2003 гг.). Сыктывкар, 2004. С. 361–383.

Фаузер В.В., Загайнова Г.В. Проблемы сельского расселения в Республике Коми // Проблемы региональной экономики. 1997. № 3–4. С. 57–64.

Фаузер В.В., Загайнова Г.В., Подоплелов В.П., Конакова О.И. Региональные проблемы воспроизводства и занятости населения. Сыктывкар, 1996.

Фаузер В.В., Парначев А.А. Сельское население северного региона: проблемы воспроизводства и занятости. Сыктывкар, 1998.

Фаузер В.В., Подоплелов В.П., Загайнова Г.В. Динамика, структура и особенности формирования населения Республики Коми. Сыктывкар, 1994.

Фаузер В.В., Рожкин Е.Н., Загайнова Г.В. Республика Коми в XX веке: демография, расселение, миграция. Сыктывкар, 2001.

Чупров В.И. Развитие нижнепечорских сел и деревень во второй половине XIX – начале XX века // Областные и районные центры России и их округа в историческом процессе: управление, экономика, культура. Яренск, 2005. С. 94–95.

Шабает Ю.П. Этнодемографическое развитие коми в контексте демографических процессов у финно-угорских народов Российской Федерации. Сыктывкар, 2005.

Этнодемографические и этнокультурные процессы на Крайнем Севере Евразии. Сыктывкар, 2004. Вып. 1.

Этнодемографические процессы на Севере Евразии. Сыктывкар, 2005. Вып. 2.

Этнодемографические процессы на Севере Евразии. М.; Сыктывкар, 2005. Вып. 3. Ч. 1, 2, 3.

Этнодемографические процессы на Севере Евразии. Сыктывкар, 2006. Вып. 3. Ч. 4.

Этнодемографические процессы на Севере Евразии. Сыктывкар, 2006. Вып. 4. Ч. 1.

Этнодемографические процессы на Севере Евразии. Сыктывкар, 2006, 2007. Вып. 4. Ч. 2.

ОГЛАВЛЕНИЕ

О чем и почему написана эта книга (<i>Жеребцов И.Л., Фаузер В.В.</i>)	3
Очерк 1. Человек заселяет Север (<i>Жеребцов И.Л.</i>)	
Колумбы каменного века	7
От предгорий Урала – на запад	10
Гости званые и незваные	18
Очерк 2. «Полунощная страна» (<i>Жеребцов И.Л.</i>)	
Рождение древних коми	21
К Железным вратам	22
«Пожелали веровать и креститься»	27
Век невзгод и опасностей	31
Первая перепись	36
На Печору и в Югру	42
Очерк 3. Эпоха великих переселений (<i>Жеребцов И.Л.</i>)	
«Копить слободку»	47
Почин новым селениям	50
«Вычегоцкие луки писати...»	53
Рождение Сыктывкара	58
«Зело великий мороз»	60
«По государеву цареву указу...»	62
«Хлебная скудость»	65
Очерк 4. Осваивая новые земли (<i>Жеребцов И.Л., Вишнякова Д.В., Фаузер В.В.</i>)	
«...народ, называемый зыряне»	71
Правдивы ли сказки?	80
«Чикаго» на Сысоле и нефтяные ключи на Ухте	85
Жить стало легче	88
«Неженатый мужчина – что щепка на реке»	90
«...улучшать здоровье и уменьшать смертность»	94
«Быть по сему»	102
Очерк 5. От Балтики до просторов «Сибирской украины» (<i>Жеребцов И.Л.</i>)	
«Встречь солнцу»	110
«Государева златокипящая вотчина»	115
«Под высокую государеву руку»	120
В кочах вокруг Чукотки	126
«Костяная казна»	128
Первопроходцы Русской Америки	129
«...отпущен по пашпорту»	132
«В хлебородные места»	136
Коми – строители Санкт-Петербурга	141

Очерк 6. Время больших перемен (*Жеребцов И.Л., Безносова Н.П., Игнатова Н.М., Рожкин Е.Н., Фаузер В.В.*)

XX век начинается	143
В бурные двадцатые	149
Острова «архипелага ГУЛАГ»	153
«Второе крепостное право»	158
«Не пропустить ни одного человека!»	160
В годы войны	174

Очерк 7. От переписи к переписи. (Население Коми республики во второй половине XX – начале XXI в.) (*Жеребцов И.Л., Безносова Н.П., Рожкин Е.Н., Фаузер В.В.*)

Даешь нефть, газ и лес!	183
Неперспективные деревни	197
Исход с Севера	201

С точки зрения будущего (*Жеребцов И.Л., Фаузер В.В.*) 206

Документы 208

Литература 283

ISBN 978-5-906394-14-9

Научное издание

И.Л. Жеребцов, Н.П. Безносова, Д.В. Вишнякова,
Н.М. Игнатова, Е.Н. Рожкин, В.В. Фаузер, Ю.П. Шабает

**ОТ ПЕРВОБЫТНЫХ СТОЯНОК – К ГОРОДАМ.
ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ЗАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ КОМИ
С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО КОНЦА XX ВЕКА**

Печатается по решению
Северной секции Научного совета РАН
по исторической демографии и исторической географии

Оригинал-макет – Н.К. Забоева

Компьютерный набор. Формат 60 x 90 ¹/₁₆.
Усл. печ. л. 18,5. Уч.-изд. л. 19,85. Тираж 500 экз. Заказ № 50.

Редакционно-издательский отдел Института языка, литературы
и истории Коми НЦ УрО Российской АН.
167982, ГСП-2, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26.